ISSN 2713-2951

Социолингвистика
Sociolingvistika

http:// sociolinguistics.ru № 1 (13) 2023

Институт языкознания РАН
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

ISSN 2713-2951

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

№ 1 (13)

2023

Основан в 2020 г.

Выходит четыре раза в год

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
научный журнал
№ 1 (13) 2023
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Главные редакторы
В.М. Алпатов (академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)
А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Ответственные редакторы номера
В.Ю. Михальченко (д.ф.н., Институт языкознания РАН)
М.В. Орешкина (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Заместитель главных редакторов
Т.И. Ретинская (д.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Ответственный секретарь
С.В. Кириленко (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

Б.М. Атаев	д. филол. н., проф., Махачкала, Россия
Л. Болд	акад. Монгольской академии наук, д. ф. н., проф., Улан-Батор, Монголия
Т.Г. Боргоякова	д. филол. н., проф., Абакан, Россия
Н.Б. Вахтин	член-корреспондент РАН, д. филол. н., проф., Санкт-Петербург, Россия
М. Вингендер	д. филол. н., проф. Гиссен, Германия
Е.В. Головко	член-корреспондент РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Л. Гренобль	д. филол. н., проф., Чикаго, США
Г.А. Дырхеева	д. филол. н., проф., Улан-Удэ, Россия
К.Ю. Замятин	к. филол. н., Москва, Россия
Н.И. Иванова	д. филол. н., Якутск, Россия
О.А. Казакевич	к. филол. н, Москва, Россия
М.Я. Каплунова	к. филол. н., Москва, Россия
А.А. Кибрик	д. филол. н., Москва, Россия
Ли Юймин	д. филол. н., проф., Пекин, КНР
В.Ю. Михальченко	д. филол. н., проф., Москва, Россия
Дж.Н. Мустафина	д. филол. н., проф., Набережные Челны, Россия
М.Р. Овхадов	д. филол. н., проф., Чеченская Республика, Россия
Т. Поншон	д. филол. н., проф., Шампань-Арденн, Франция
М. Тамин	проф., Шампань-Арденн, Франция
Э.А. Салихова	д. филол. н., проф., Республика Башкортостан, Россия
Юкиясу Араи	проф., Саппоро, Япония
Э.В. Хилханова	д. филол. н., доцент, Москва, Россия
Ван Хьеп Нгуен	доктор философии, Ханой, Вьетнам
Чжао Жунхуэй	д. филол. н., проф., Шанхай, КНР
Чжао Шицзюй	д. филол. н., проф., Ухань, КНР

© Институт языкознания Российской академии наук, 2023
© Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2023

ISSN 2713-2951

SOCIOLINGVISTIKA

No. 1 (13)

2023

Established in 2020

Published four times a year

SOCIOLINGVISTIKA
Scientific Journal
No. 1 (13) 2023
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Editors-in-Chief
Vladimir M. Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Executive editor of the issue
Vida Yu. Mikhalchenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Maria V. Oreshkina (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Tatjana I. Retinskaya (Orel State University)

Executive Secretary
Svetlana V. Kirilenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

B.M. Ataev	DSc in Philology, Professor, Makhachkala, Russia
L. Bold	Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia
T.G. Borgoyakova	DSc in Philology, Professor, Abakan, Russia
N.B. Vakhtin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg, Russia
M. Wingender	DSc in Philology, Professor, Giessen, Germany
E.V. Golovko	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, St. Petersburg, Russia
L. Grenoble	DSc in Philology, Professor, Chicago, USA
G.A. Dyrkheeva	DSc in Philology, Professor, Ulan-Ude, Russia
K.Yu. Zamyatin	PhD in Philology, Moscow, Russia
N.I. Ivanova	DSc in Philology, Yakutsk, Russia
O.A. Kazakevich	PhD in Philology, Moscow, Russia
M.Ya. Kaplunova	PhD in Philology, Moscow, Russia
A.A. Kibrik	DSc in Philology, Moscow, Russia
Li Yuming	DSc in Philology, Professor, Beijing, China
V.Yu. Mikhalchenko	DSc in Philology, Professor, Moscow, Russia
Dzh.N. Mustafina	DSc in Philology, Professor, Naberezhnye Chelny, Russia
M.R. Ovkhadov	DSc in Philology, Professor, Chechen Republic, Russia
T. Ponchon	DSc in Philology, Professor, Champagne-Ardenne, France
M. Tamin	Professor, Champagne-Ardenne, France
E.A. Salikhova	DSc in Philology, Professor, Republic of Bashkortostan, Russia
Arai Yukiyasu	Professor, Sapporo, Japan
E.V. Khilkhanova	DSc in Philology, Associate Professor, Moscow, Russia
Van Hiep Nguyen	PhD in Philosophy, Hanoi, Vietnam
Zhao Ronghui	DSc in Philology, Professor, Shanghai, China
Zhao Shijiu	DSc in Philology, Professor, Wuhan, China

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2023
© Orel State University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции..... 9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Алпатов В.М. Международная роль русского языка 15
Михальченко В.Ю. Социальные и языковые параметры сферы коммуникации 23

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Горячева М.А. Динамика владения русским языком в Российской Федерации по данным переписей населения 1989–2020 годов 30
Маслова В.А., Камышева С.Ю. Современная языковая ситуация в Республике Беларусь: особенности и проблемы 49
Каплунова М.Я. Русский язык в современном Китае 60
Менг К., Протасова Е. Двуязычие у молодого поколения российских немцев в Германии . . 72
Дырхеева Г.А., Цыбенова Ч.С., Цэрэнчимэд Саранцацрал. Русский язык как иностранный в образовательном пространстве Монголии: компетенции, лояльность, установки 89

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Колесник Н.Г. Письменные функциональные стили русского языка: основные различительные признаки 111
Бахвалова Т.В. Лингвистический ландшафт народных говоров Орловщины как результат своеобразия ее социально-исторического развития 128
Дамбуев И.А. Нормализация топонимов с варьированием безударных *а/о* 143
Барандеев А.В. Московская топонимическая школа: библиография исследований 158

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Баско Н.В. Эволюция русской фразеологической метафоры в процессе социокультурных изменений 194

ДИСКУССИИ

Дорофеев Ю.В. Вариантность русского языка как необходимое условие его развития 209

ЗАМЕТКИ ДИСКУССИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА ПО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Восемнадцатое заседание Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике: об основных подходах Российской Федерации к реализации глобального плана действий по проведению международного десятилетия языков коренных народов (Москва, Институт языкознания РАН, 26 мая 2022 г.) (***Айбазова З.К.***) 224

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

Язык межнационального общения (***Орешкина М.В.)*** 231
Плюрицентрические языки (***Протасова Е., Еленесвкая М.Н.***) 236

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия: Надеина Т.М. Социолингвистика: Хрестоматия. М.: Норма, 2023 (***Колесник Н.Г***). 240

Требования и рекомендации к оформлению статей ……246

CONTENTS

Editorial preface. 9

THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUOISTICS

Alpatov V.M. The international role of the Russian language 15
Mikhalchenko V.Yu. Social and language parameters of the sphere of communication. Sociolinguistics 23

LANGUAGE SITUATION

Goryacheva M.A. Dynamics of Russian language proficiency in the Russian Federation based on data of the 1989–2020 population censuses 30
Maslova V.A., Kamysheva S.Yu. Current language situation in the Republic of Belarus: specificity and problems 49
Kaplunova M.Ya. The Russian language in modern China 60
Meng K., Protasova E. Bilinguality in the young generation of Russian Germans in Germany 72
Dyrkheeva G.A., Tsybenova Ch.S., Cerenchimed S. Russian as a foreign language in the educational area of Mongolia: competencies, loyalty, attitudes 89

LANGUAGES OF RUSSIA

Kolesnik N.G. Written functional styles of the Russian language: the main distinguishing Features 111
Bakhvalova T.V. Linguistic landscape of folk dialects of the Orel region as a result of its socio-historical evolution 128
Dambuev I.A. Standardization of toponyms with variation of unstressed *a/o* 143
Barandeev A.V. Moscow toponymic school: research bibliography 158

LANGUAGE AND CULTURE

Basko N.V. Evolution of the Russian phraseological metaphor in the process of socio-cultural changes. 194

DISCUSSIONS

Dorofeev Yu.V. Variation of the Russian language as a necessary condition for its development. . .209

NOTES OF THE ANALYTICAL DISCUSSION CLUB ON LANGUAGE POLICY

Eighteenth meeting of the Discussion and analytical club on language policy “The principal approaches of the Russian Federation to the implementation of the Global action plan for the International decade of indigenous languages” (Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, May 26, 2022) (***Aibazova Z.K.***). 224

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

Language of interethnic communication ***(Oreshkina M.V.)***. 231
Pluricentric languages (***Protasova E., Elenevskaya M.N.***) 236

CRITICS AND REVIEWS

Review on the book «T.M. Nadeina. Sociolinguistic textbook. Study guide». Moscow: Norma, 2023 (***Kolesnik N.G.).*** 240

Style sheet 246

ОТ РЕДАКЦИИ
EDITORIAL PREFACE

Уважаемые читатели!

Первый номер журнала «Социолингвистика» 2023 г. посвящен русскому языку в мире и выходит в год, объявленный Содружеством Независиммых Государств Годом русского языка как языка межнационального общения.

Такое решение, предложенное и одобренное на совместном заседании Совета по культурному сотрудничеству стран СНГ и Правления Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ, направлено на развитие сотрудничества в гуманитарной сфере. Год русского языка как языка межнационального общения будет способствовать духовному и культурному взаимообогащению стран – участниц Содружества. Президент Российской Федерации В.В. Путин назвал русский язык объединяющей силой. По его мнению, именно русский язык скрепляет единое цивилизационное пространство на территории СНГ.

На протяжении веков исторически русскому языку принадлежала особая роль в единении народов России, в связи с чем русский язык является одной из главных основ российской цивилизации, языком государствообразующей нации, важным средством межнационального общения народов России, стран СНГ и других стран ближнего и дальнего зарубежья.

Русский язык выполняет роль государственного языка Российской Федерации, является средством межнационального общения многочисленных народов России, что записано во многих конституциях и законах о языках республик РФ. Русский язык выполняет функцию официального языка Содружества Независимых Государств в соответствии с Модельным законом «О языках» 2004 г., принятым Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ. В мировом пространстве он является языком межгосударственного и международного общения, входит в Клуб мировых языков, а в Организации Объединенных Наций в соответствии с Уставом этой организации русский язык является одним из шести официальных и рабочих языков ООН, как и во многих других крупных международных организациях: ЮНЕСКО, МАГАТЭ, ВОЗ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС, ОБСЕ, СДА, ИСО, ЕЭП, ГУАМ, МФОКК и КП и др. Это далеко не все социальные функции, которые выполняет русский язык в Российской Федерации и в мире.

Материалы этого номера отражают актуальные проблемы русского языка в мире. Публикуемые в этом номере статьи, конечно, не могут представить полной картины функционирования русского языка в современном мире, положения русского языка в ближнем и дальнем зарубежье, в Российской Федерации, но нам хотелось бы, говоря о распространении и функционировании русского языка на планете, показать особую роль русского языка в современном мире, его состояние и перспективы.

Авторы статей уделяют внимание и произошедшим в 90-е годы XX в. изменениям геополитической ситуации в мире, приведшим к сокращению функционирования русского языка на постсоветском пространстве, к потере позиций русского языка в качестве одного из мировых языков, кроме того, на утрате русским языком позиций в мире сказались и процессы глобализации.

Современные исследования дают и оптимистические прогнозы. Русский язык как язык международного общения в современном мире постепенно приобретает все большее международное значение. Русский язык занимает восьмое место в мире по численности говорящих на нем, а по его роли и значению в мировой науке, в получении образования, информации, в социальном и профессиональном взаимодействии русский язык занимает пятое место среди 12 ведущих языков мира; он уступает лишь английскому, испанскому, китайскому и французскому языкам. Об этом свидетельствуют данные исследования Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина («Индекс положения русского языка в мире» за 2021 г.). По данным исследования W3Techs, в марте 2013 г. русский язык вышел на второе место по использованию в Интернете.

Предлагаемый вниманию читателя номер начинается со статьи главного редактора журнала академика РАН В.М. Алпатова, в которой автор описывает международную роль русского языка, функции русского языка за пределами его основной территории: функция мирового языка, функция регионального культурного языка, функция контактного языка и функция языка диаспоры. Далеко не все языки обладают всеми перечисленными функциями, но русский язык, как показывает автор, в прошлом выполнял и до определенной степени выполняет и сейчас все эти функции.

В теоретической статье В.Ю. Михальченко анализируется актуальная, малоизученная проблема – соотношение междисциплинарного раздела гуманитарной науки с другими социальными науками, рассматриваются социальные и языковые параметры сферы коммуникации. Автор делает вывод, что важную роль в прогрессе социальной лингвистики может сыграть исследование социолектов.

Особое внимание в номере уделено исследованию языковых ситуаций с русским языком как на территории Российской Федерации, так и в зарубежных странах. В статье М.В. Горячевой представлена полная картина демографической мощности русского языка в Российской Федерации на основе статистических данных четырех переписей населения: 1989, 2002, 2010 и 2020 годов. Проводится сопоставление языковых блоков переписей и выявляется их специфика, анализируется динамика численности населения страны, при этом главное внимание уделяется динамике численности русских за сорок лет по следующим параметрам: этнос (русские и все другие этносы), родной язык, второй язык, владение русским языком (в том числе появившийся с 2020 г. параметр «использование русского языка в повседневной жизни»), «владение русским языком как родным»; в статье делаются выводы о произошедших за сорок лет изменениях.

В статье В.А. Масловой и С.Ю. Камышевой рассматриваются современная языковая ситуация в Республике Беларусь, различные аспекты функционирования русского языка в Республике Беларусь, обозначаются противоречия и проблемы, которые существуют в современной республике, делается попытка наметить пути их устранения. Для оценки позиции и роли русского языка в Республике Беларусь авторы используют статистические данные, полученные по методике, предложенной коллективом ученых Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (УС-Индекс). В результате анализа собранных данных авторы пришли к выводу, что Республика Беларусь является уникальным государством среди постсоветских стран, в котором русский язык доминирует во всех сферах коммуникации.

Распространение русского языка в мире является важнейшей стратегической задачей внешней языковой политики Российской Федерации, реализация которой неизбежно сталкивается с определенными трудностями в разных странах. В статье М.Я. Каплуновой анализируется функционирование русского языка в КНР за последнее десятилетие. Оценивается ситуация с русским языком с точки зрения его роли в современном Китае, где русский язык обладает статусом языка национального меньшинства и трансграничным языком, сохраняет свои позиции языка международного общения. Автор приходит к выводу, что в контексте современной внешней политики Российской Федерации роль русского языка в Китае усиливается. При этом наиболее перспективными для русского языка являются его позиции в качестве языка международного общения, как языка, асоциирующегося с Российской Федерацией – страной-партнером Китайской Народной Республики.

Статья Катарины Менг и Екатерины Протасовой написана по следам лонгитюдного проекта, посвященного языковой интеграции российских немцев, вернувшихся в Германию. В течение 30 лет авторы следили за тем, как складываются языковые практики в семьях

российских немцев, переехавших в Германию в начале 1990-х годов, обращая особое внимание на воспитание детей и становление их билингвизма. Обычным для таких семей становилось двуязычное (транслингвальное) общение. Авторы приходят к выводу, что на сегодняшний день немецкий язык доминирует, но русский не потерян благодаря правильной установке родителей.

Статья Г.А. Дырхеевой, Ч.С. Цыбеновой и Цэрэнчимэд Саранцацрал посвящена вопросам функционирования русского языка как иностранного в образовательном пространстве Монголии. На основе результатов социолингвистического исследования, проведенного с 2021 по 2023 гг., рассматривается уровень языковой компетенции во владении русским языком молодых монголов, их отношение к изучению и преподаванию его в школе, а также установки относительно монгольского, русского, английского и китайского языков. Исследование показало, что важную роль в образовательном процессе играет старшее поколение, которое поддерживает изучение русского языка своими детьми. Выявлено, что русский язык по популярности и престижности пока занимает второе место после английского языка. Основным мотивом изучения русского языка является его использование как языка получения образования и информации. Согласно результатам, несмотря на сокращение сфер использования русского языка, ухудшение качества преподавания на русском языке, в настоящее время наблюдается положительная динамика.

Раздел «Языки народов России» посвящен различным аспектам функционирования и бытования русского языка в России – одного из важнейших вопросов отечественной социолингвистики. В статье Н.Г. Колесник рассматриваются особенности функциональных стилей в современном русском языке, формирование различительных признаков письменных стилей русского языка в зависимости от целей и условий общения, характерных для тех или иных коммуникативных сфер. С усложнением организации сфер общения происходит стилистическая дифференциация, результатом которой является формирование системы функциональных стилей.

В статье Т.В. Бахваловой показана роль социально-исторических факторов, повлиявших на развитие и современное состояние говоров орловского края – одних из центральных говоров южного наречия, сыгравших важную роль в формировании русского литературного языка. Особое внимание уделено фактам и явлениям, возникшим в орловских говорах под влиянием социальных факторов. Материалом статьи послужили данные, содержащиеся в трудах лингвистов, в текстах художественных произведений писателей-орловцев, в живых народных говорах.

Проблемам современной отечественной топонимии посвящены статьи И.А Дамбуева и А.В. Барандеева. В статье И.А Дамбуева исследуются способы нормализации вариативных написаний российских топонимов с безударными гласными *а/о*. В качестве материала исследования использованы более полусотни топонимов, результаты нормализации которых отражены в Государственном каталоге географических названий за последние пять лет. Нормализация топонимов с варьированием безударных *а/о* осуществляется как в соответствии с правилами орфографии, так и с традициями употребления данных топонимов. Статья А.В. Барандеева кратко рассказывает о формировании Московской топонимической школы (МТШ) и широко представляет Библиографию созданных в период с 2-й половины XX в. по настоящее время важнейших работ представителей Московской топонимической школы, а также работ топонимического содержания ученых разных специальностей. Прежде всего, в Библиографии отражены труды основоположников отечественной топонимики, активных членов Топонимической комиссии Московского филиала Русского географического общества СССР (теперь Московского городского отделения Русского географического общества).

Проблемы языка и культуры, сохранения культуры, народных традиций, особенностей картины мира, заключенной в языке, всегда волновали читателей. В рубрике «Язык и культура» представлена статья Н.В. Баско, посвященная эволюции русской фразеологической метафоры в процессе социокультурных изменений. Автор рассматривает связь языковых изменений с изменениями в обществе на примере конкретной группы фразеологических оборотов русского языка, имеющих в своей структуре «кулинарный» компонент. Меняющиеся социокультурные условия формировали новый социальный контекст, новую социальную среду, на базе которых в русском языке возникали фразеологические неологизмы, отражающие динамику развития русского языкового сообщества. Фразеологизмы данной группы широко используются в повседневной жизни, в обиходно-бытовом общении россиян.

На страницах журнала предлагается для дискуссии проблема вариантности русского языка как необходимого условия его развития. В статье Ю.В. Дорофеева рассматриваются особенности функционирования русского языка в современном мире в русле теории вариантности. Исследование материалов по вариативности русского языка позволяет определить, что на нынешнем этапе для него характерны не только территориальный и социальный типы варьирования, но и региональный и национальный. При этом сопоставление вариантов русского языка указывает на то, что у них сохраняется общее ядро – инвариант, позволяющее идентифицировать их именно как варианты, а не отдельные языки.

По традиции в номере публикуется репортаж о заседании Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике в Институте языкознания РАН на тему

«Об основных подходах Российской Федерации к реализации Глобального плана действий по проведению Международного десятилетия языков коренных народов».

Рубрика «Словарь социолингвиста» посвящена описанию и характеристике двух важных понятий социолиннвистики: язык межнационального общения и плюрицентрические языки.

В настоящем номере публикуется рецензия Н.Г. Колесник на книгу «Социолингвистика. Хрестоматия: Учебное пособие». Составитель Т.М. Надеина (М.: Норма, 2023. 488 с.), которая поможет читателю познакомиться с наиболее значимыми работами в области социолингвистики, главным образом отечественных и зарубежных ученых, опубликованных в разное время, с 20-х гг. XX века по настоящее время.

Редколлегия журнала выражает надежду на то, что материалы журнала «Социолингвистика» будут способствовать решению актуальных вопросов функционирования русского языка в современном мире, помогут в выработке внешней и внутренней языковой политики с учетом современной социолингвистической и геополитической ситуации, а также обмену положительным опытом в решении непростых национально-языковых вопросов в России, странах СНГ и в других странах ближнего и дальнего зарубежья.

Мы надеемся, что представленные в этом номере журнала результаты научных трудов будут интересными и полезными для читателей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-15-22

МЕЖДУНАРОДНАЯ РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Владимир М. Алпатов
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

Языки вне основной территории имеют четыре функции: мировых языков, региональных языков, контактных языков и языков диаспоры. Русский язык имеет все эти функции. Мировая роль русского языка была бесспорна в советское время, он был основным соперником английского языка, однако после поражения Советского Союза в холодной войне международная роль русского языка сократилась. Региональная роль русского языка остается в отделившихся частях бывшего СССР, но она также уменьшается. При этом возросли повседневные контакты на русском языке людей разных национальностей (торговля, курорты и др.). Кроме того, русский язык стал языком меньшинств в новых государствах на территории бывшего Советского Союза.

Ключевые слова: *функции языка, мировой язык, региональный язык, контактный язык, язык диаспоры, русский язык*

THE INTERNATIONAL ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Vladimir M. Alpatov
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Languages have four functions outside their basic territory. These functions are the function of the world languages, the function of the regional language, the function of the contact language and the function of the diaspora language. The Russian language has all these function. The world role of Russian was indisputable in the Soviet time; it was the main competitor of English. However, the international role of Russian diminished after the defeat of the Soviet Union in the cold war. The role of the regional languages remains in the territory of separate parts of the former USSR but it is reducing too. However, everyday contacts of people of different nationalities (commerce, health resorts, etc.) on Russian are increased. Besides Russian has become the language of minorities in the new states on the territory of the former Soviet Union.

Keywords: *language functions, world language, regional language, contact language, diaspora language, the Russian language*

Функции языка за пределами его основной территории могут быть сведены к четырем: функция мирового языка, функция регионального культурного языка, функция контактного языка и функция языка диаспоры. Далеко не все языки обладают всеми перечисленными функциями, но русский язык в прошлом выполнял и в некоторой степени и сейчас выполняет все эти функции.

Функция мирового языка

Такой язык имеет международное значение для всех государств мира или, по крайней мере, для их большинства. Он является официальным языком международных организаций, тексты на нем имеют международную известность, международный престиж языка устойчиво высок. Очевидные примеры – английский язык и в некоторой степени французский язык.

В недавнем прошлом эта функция русского языка была неоспорима. Особенно она была значима в эпоху «холодной войны», когда шла борьба двух моделей жизнеустройства, связанных, прежде всего, с английским и русским языками. Мировая роль русского языка в то время имела, в первую очередь, три слагаемых, которые можно условно назвать «языком Ленина», «языком Гагарина» и «языком Достоевского». Как мне говорили японские лингвисты, в Японии в 1960-е годы среди студентов-естественников считалось нужным осваивать русский язык. Пользовалась престижем и русская литература, которую в мире читали и в переводах, и в оригинале. Разумеется, интерес к русскому языку мог быть связан и со стремлением знать язык противника.

После победы США и их союзников в 1989–1991 гг. в «холодной войне» ситуация резко изменилась. Мировая роль английского языка еще более усилилась, а соответствующая роль русского языка снизилась. Главную причину снижения, о которой у нас не всегда любят говорить, четко указали в 2005 г. на конференции Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы в Вероне (Италия): «Россия больше не воплощает великую утопию. Теперь она стала такой же страной, как и все другие» [Глобус, 2006].

Говоря о «языке Ленина», я имею в виду не только язык, на котором выражены коммунистические идеи, но язык любых философских, политических, социальных идей, любых способов объяснения мира и планов его переустройства. В мире были известны (в Азии даже, пожалуй, больше, чем в Европе и тем более в Америке) и М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, Л.Н. Толстой (не только как писатель, но и как мыслитель). Несмотря ни на что, в мире и сейчас есть и коммунисты, и троцкисты, а в Японии заметны толстовцы. Даже работа И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» известна и сейчас и обсуждается в Японии, Индии и других странах. В целом влияние русских мыслителей было сильнее для левых, чем

для правых. Сейчас я не могу назвать ни одного столь популярного современного русского мыслителя. А.Д. Сахаров воспринимается исключительно как политический деятель, а А.И. Солженицына принимали как политика и отвергали как мыслителя.

Российская наука, безусловно, до некоторой степени сохраняет международное значение и сейчас, но все же и ее роль понизилась. Пример освоения космоса общеизвестен, но вот гуманитарная наука советского периода, которая в самой России нередко сейчас рассматривается исключительно как наука, которая «была наглухо изолирована от остального мира и под присмотром партийного аппарата вынуждена была вращаться в кругу давно устаревших идей» [Илизаров, 2003: 186]. Но на Западе и сейчас уважаемы имена Л.С. Выготского, В.Я. Проппа, М.М. Бахтина, В.Б. Шкловского и др. Изучают и советскую лингвистику, в том числе марксистскую (Е.Д. Поливанов, Н.Ф. Яковлев, Л.П. Якубинский и даже Т.П. Ломтев). А среди наших современных лингвистов российские ученые в основном если и известны за рубежом, то как специалисты по частным областям, главным образом по языкам России или бывшего СССР: русисты, тюркологи, кавказоведы и др., но не как теоретики.

Что касается литературы, то, конечно, русская классика остается значимой. Вот «список произведений русской литературы, вышедшей в различных издательствах Японии в 90-е годы» [Герасимова, 2004: 234–235]: из литературы XIX в. дважды издавался А.С. Пушкин (в том числе «Евгений Онегин» в виде подстрочника), дважды Н.В. Гоголь и один раз А.П. Чехов (оба как драматурги) и книга забытого у нас писателя С.В. Максимова. Ни Л.Н. Толстой, ни Ф.М. Достоевский не издавались ни разу. Позже, правда, кое-что выходило, а новый перевод «Братьев Карамазовых» даже попал в списки бестселлеров, но в издании текст был сокращен и добавлено было изложение суворинской версии о казни Алеши. В фильме начала XXI в., где действие происходит в конце 1950-х годов, такой диалог: «– Я был на войне, а ты нет. – Зато ты не читал русскую литературу». То есть русская литература – такое же воспоминание о прошлом, как мировая война. Литература XX в. издается несколько больше (играет роль, например, тот факт, что среди известных русских писателей последнего полувека сразу двое – Аркадий Стругацкий и Борис Акунин – профессиональные японисты, и их (Стругацкого, естественно, вместе с братом) там довольно часто издавали). И много издавался Солженицын.

Но в целом в Японии отвыкли и воевать, и читать литературу бывшей великой державы, в том числе и в оригинале. Для кого-то, разумеется, и сейчас русская литература интересна сама по себе, вне связи с итогами «холодной войны», но общая ситуация сказывается во многих странах.

Академик В.Н. Топоров писал в 1989 г.: «Настоящее время – тот рубеж, после которого (и тут не надо быть пророком) взаимное знакомство двух культур, роль литературных связей, появление новых форм культурных контактов и взаимопроникновение – взаимообогащение этих культур будет возрастать очень быстро» [Топоров, 1989: 49]. И даже: «Вероятно, с точки зрения XXI века все, что достигнуто пока, будет отнесено к предыстории русско-японских культурных связей или к самому начальному периоду их истории [Топоров, 1989: 51]. Ученому казалось, что главное препятствие – коммунистическая идеология, а без нее все само собой наладится. Но случилось обратное, и пока быстрое взаимообогащение не происходит, это относится и к сфере языка.

Русский язык остается языком многих международных организаций, включая ООН. Он может быть и языком общения между носителями самых разных языков. Пишут, например, что на саммите НАТО в 2008 г. канцлер ФРГ А. Меркель и государственный секретарь США К. Райс «стояли отдельно от мужчин и громко разговаривали между собой по-русски – на этом языке они обе говорят свободно» [Зыгарь, 2021: 188].

Однако такая ситуация – наследие прошлого, обе собеседницы учили русский язык в советское время. Языковые привычки очень инерционны, но смена поколений прекращает такие ситуации, если они не будут подпитываться извне. Конечно, есть непредсказуемые факторы, например знаменитый писатель может появиться где угодно. Но очевидно, что у «такой же страны, как все другие», шансов на мировую роль своего языка меньше, чем у сверхдержавы.

Функция регионального культурного языка

Такой язык выполняет те же функции, что мировой, но в ограниченном масштабе. Например, португальский язык никогда не был мировым, но в бывших португальских колониях в Африке его культурная роль сохраняется. Чаще всего региональный культурный язык – либо язык бывших колонизаторов, либо ранее господствовавший язык распавшегося многонационального государства: постсоветская ситуация или ситуация после распада Австро-Венгрии. Культурная роль такого языка может сохраняться долго. По крайней мере, в конце 1990-х годов в Венгрии среди иностранных языков по значению на первом месте оставался немецкий язык, хотя эта страна вне немецкоязычной зоны с 1918 г. На втором месте был русский язык и лишь на третьем месте английский. В предельном случае региональный язык, особенно если он одновременно и мировой, может вытеснить из сфер общения национальный язык, так произошло с английским языком в Ирландии.

Русский язык исполнял данную функцию наряду с функцией мирового языка и до революции, и в советское время, и сейчас. Как бы ни относились к нему в прибалтийских странах, общение, например, между соседствующими латышами и эстонцами во многих случаях происходит на русском языке; разумеется, с ним конкурирует английский, но пока среднее и старшее поколение там обычно русский язык знает лучше. Знание русского языка было распространено и в ряде стран Азии и Африки, где немало выпускников советских вузов, где в отличие от Европы, США и Канады и сейчас преобладает положительное отношение к русскому языку, который там играл и отчасти играет сейчас роль «окна в мир». Престижность русского языка, однако, резко падает там, где господствует стремление поскорее вписаться в Европу, освоить европейскую систему ценностей. Это особенно заметно в прибалтийских государствах и странах бывшего Варшавского договора, а в связи с государственной политикой усилилось в последние годы и на Украине. Однако в большинстве украинских земель, кроме западных областей, господствует двуязычие и до украинского одноязычия далеко. Несколько лет назад я наблюдал в Киеве такую ситуацию: таксист и пассажир-киевлянин вели оживленный диалог, при этом шофер говорил по-украински, а пассажир по-русски. Никаких трудностей в общении ни у кого не было.

Однако Украина и еще в большей степени Белоруссия, где пока языковая ситуация похожа на ирландскую с русским языком на месте английского, – особые случаи. А, например, Туркмения, где и в советское время уровень владения русским языком был невысок, по-видимому, окончательно вышла из зоны распространения русского языка. В целом везде, кроме Белоруссии (где ситуация может резко измениться в случае победы противников А.Г. Лукашенко), с разной скоростью идет процесс вытеснения русского языка в данной функции.

В последнее время процесс глобализации не только уменьшает количество мировых языков, но и сглаживает различия между мировыми и региональными культурными языками. Предлагается в обеих функциях использовать английский язык. Этому противостоят не только политические, но и психологические факторы. Люди, привыкшие к какому-либо определенному языку, обычно нелегко его меняют. По данным Левада-центра, относящимся к 2010 г., о свободном владении английским языком заявляли 9 % россиян [Новая газета]. И это не только в России. К чемпионату мира по футболу 2018 г. у нас подготовили довольно много переводчиков с английского, но выяснилось, что гости из Японии или латиноамериканских стран, как правило, не владели английским языком, а переводчики с японского или испанского подготовлены не были.

Функция контактного языка

Ситуации, когда носители разных языков должны вступать друг с другом в общение, очень многообразны: торговля, трудовые миграции, сфера отдыха и т.д. Все это не культурные, а бытовые сферы. Способы общения могут быть разные: использование мирового или регионального языка культуры (обычно более престижного, чем материнские языки собеседников), выработка особого контактного языка (пиджина), общение на разных, но взаимопонятных языках (см. выше пример с киевским такси). Однако может использоваться и материнский язык одного из собеседников, которым бывает и «язык такой же страны, как все другие». В советское время роль русского языка в данной функции была невелика: приграничное общение сдерживал пограничный режим, а за границу советские граждане выезжали сравнительно редко, а если выезжали, то чаще с переводчиками. Теперь эти контакты резко возросли при сокращении культурных функций. Например, при неразвитости курортов в России распространился отдых в Турции, Греции и других странах. Но, как уже говорилось, процент владеющих даже английским языком россиян невелик, и в этих странах появился новый вид бизнеса: отели с русскоговорящим персоналом. С другой стороны, в России русским языком на бытовом уровне приходится овладевать гастарбайтерам.

То есть международная роль русского языка как языка великой державы сменяется его международной ролью, свойственной языкам стран, «таких же, как и все другие».

Функция языка диаспоры

Хотя культурные функции русского языка сужаются, но общее количество граждан, владеющих русским языком, в ряде стран увеличивается. Растет эмиграция из России и некоторых других частей бывшего СССР. Эмигранты, разумеется, сохраняют владение русским языком (хотя некоторые из них готовы его забыть), но независимо от отношения к нему они далеко не всегда передают его детям. Другая часть русскоязычного населения – люди, сменившие государство пребывания из-за изменения границ. Их чувства еще тридцать лет назад выразил живший в Харькове ныне покойный русский поэт Б. Чичибабин: «Я родины не покидал, за что ее лишен?». Для многих встала проблема выбора между сохранением места жительства и сохранением привычной, в том числе языковой среды. Политика власти (кроме Белоруссии) сводится в основном к вытеснению русского языка из культурных сфер при сохранении только в бытовом общении русского меньшинства. Различия между политикой разных государств если и разнятся, то в связи с отношением к русскому языку титульной нации: на одном полюсе Киргизия, где национальная элита нередко знает русский язык лучше киргизского, на другом полюсе – Прибалтика и Туркмения. Сами русские, как правило,

существенной политической роли не играют. А принудительно учить язык тяжело, особенно если он раньше казался менее престижным, чем русский язык. Ситуация сложная и требует более подробного рассмотрения.

Мировое русскоязычное культурное пространство сужается и держится больше на традициях и инерции прошлого, чем на новых успехах. В то же время расширяются позиции русского языка как контактного и языка диаспоры. Но если Россия хочет сохранять мировые позиции своего языка, она должна предъявлять миру то, что никто другой предъявить не может. У нас были и Достоевский, и первый космический корабль. И важно, чтобы это находило продолжение.

О рассматриваемых здесь проблемах также см. мою статью [Алпатов, 2011].

Литература

Алпатов В.М. (2011) Роль русского языка в современном мире: Состояние и перспективы // VI Междунар. науч. конференция «Язык, культура, общество». Москва, 22–25 сентября 2011 г. Пленарные заседания. С. 9–14.

Герасимова М.П. (2004) Современные литературные связи в Японии // Россия и Япония: Соседи в новом тысячелетию М.: АИРО-XXI.

Глобус. (2006) Бюллетень международной информации ИТАР-ТАСС. М. №5.

Зыгарь М.В. (2021) Вся кремлевская рать: Краткая история современной России. М.: Интеллектуальная литература.

Илизаров Б.С. (2003) К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году // Новая и новейшая история. № 5..

Новая газета (2010). 28.06.

Топоров В.Н. (1989) Россия и Япония на встречных путях // Народы Азии и Африки. № 5.

Reference

Alpatov, V.M. (2011) Rol' russkogo jazyka v sovremennom mire : Sostojanie i perspektivy [The role of the Russian language in the modern world : The state and perspectives] // VI Mezhdunar. Nauch. konferencija «Jazyk, kul'tura, obshhestvo». M. 22–25 September 2011. Plenarnye zasedanija. P. 9–14. (In Russ.)

Gerasimova, M.P. (2004) Sovremennye literaturnye svjazi v Japonii [The present-day literature interactions in Japan] // Rossija i Japonija: sosedi v novom tysjacheletiju M.: AIRO-XXI.

Globus (2006) Bjulleten' mezhdunarodnoj informacii ITAR-TASS [Bulletin of international information ITAR-TASS]. M. (In Russ.)

Zygar, M.V. (2021) Vsja kremlevskaja rat': Kratkaja istorija sovremennoj Rossii. [The whole Kremlin army. Brief history of modern Russia] M.: Intellektual'naja literature. (In Russ.)

Ilizarov, B.S. (2003) K istorii diskussii po voprosam jazykoznanija v 1950 godu [On the history of the discussion on linguistic questions in 1950] // Novaja i novejshaja istorija. No. 5. (In Russ.)

Novaja gazeta (2010). 28.06. (In Russ.)

Toporov, V.N. (1989) Rossija i Japonija na vstrechnyh putjah // Narody Azii i Afriki. No. 5. (In Russ.)

Алпатов Владимир Михайлович – академик РАН, доктор филологических наук, профессор, руководитель сектора Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: v-alpatov@iling-ran.ru

Для цитирования: *Алпатов В.М.* Международная роль русского языка [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 15–22. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-15-22

For citation: *Alpatov, V.M.* The international role of the Russian language [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 15–22. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-15-22

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-23-29

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ СФЕРЫ КОММУНИКАЦИИ

Вида Ю. Михальченко
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

В статье анализируется актуальная, малоизученная проблема – соотношение междисциплинарного раздела гуманитарной науки с другими социальными науками. Автор подчеркивает, что здесь наряду с разделением труда между научными дисциплинами, приводящего к тому, что социальное устройство общества исследуется преимущественно социологами, политологами или же этнологами при трактовке данных переписей населения, результатом чего фактически является научная классификация сфер общения. У социальной лингвистики стоит задача, используя достижения смежных наук, найти свой аспект, а именно – языковые параметры сферы общения. Автор считает, что каждая сфера коммуникации обладает собственной языковой оболочкой – функциональными стилями или их трансформациями. Это дифференцированные или маркированные сферы общения. Другая группа сфер коммуникации представлена аморфными сферами, не обладающими собственными стилями или «подстилями» и отличающаяся лишь некоторыми языковыми особенностями: профессионализмы, социально актуализированная лексика и др. Автор делает вывод о необходимости исследовать социолекты. Это может сыграть важную роль в прогрессе социальной лингвистики, так как их изучение показывает механизмы варьирования языка в зависимости от сферы общения и ее микросоциальных общностей.

***Ключевые слова**: сферы коммуникации, социальные функции, функциональный стиль, языковая оболочка, профессионализмы, социальное давление, социолект, языковая биография страны, социальная дифференциация*

SOCIAL AND LANGUAGE PARAMETERS OF THE SPHERE OF COMMUNICATION

Vida Yu. Mikhalchenko
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article analyzes an urgent and little-studied problem – the relationship between the interdisciplinary section of the humanitarian science and other social sciences. The author emphasizes that there is a differentiation between scientific disciplines, which leads to the fact that the social structure of society is studied mainly by sociologists, political scientists or ethnologists when interpreting population census data, which actually results in a scientific classification of communication spheres. Social linguistics has a task, using the achievements of related sciences, to find its own aspect, namely, the language parameters of the sphere of communication. The author believes that each sphere of communication has its own linguistic area – functional styles or their transformations. These are differentiated or marked as spheres of communication. Another group of communication spheres is represented by amorphous spheres that do not have their own styles or "sub-styles" and differ only in some linguistic features (professionalisms, socially updated vocabulary, etc.). The author concludes that it is necessary to study sociolects. This can play an important role in the progress of social linguistics, since their study reveals the mechanisms of language variation depending on the sphere of communication and its microsocial communities.

Keywords: *spheres of communication, social functions, functional style, linguistic areas, professionalisms, social pressure, sociolect, linguistic biography of the country, social differentiation*

Социолингвистика как одна из относительно новых, молодых междисциплинарных разделов лингвистики серьезно нуждается в уточнении ее соотношения с другими дисциплинами. Конечно, учитывая ее междисциплинарный характер, социолингвистика должна при необходимости использовать данные разных отраслей знания о социуме (социология, этнология, психолингвистика и др.). Однако не менее актуальна проблема отграничения ее специфики от разных отраслей гуманитарной науки. Иначе говоря, социолингвистике нельзя становиться социологизированной, анализирующей только социальные параметры языков или превращаться в этнолингвистику, доминантой которой является анализ этнических параметров языка. Социолингвистическое исследование предполагает рациональное сочетание социальных и языковых показателей и их роли в жизни всего социума и отдельных языковых сообществ (языковых общностей). Решая свои научные задачи, социолингвистика имеет возможность использовать данные, обобщения и выводы указанных научных дисциплин в своих обобщениях и выводах. Однако без придания этим выводам и обобщениям лингвистического параметра они не становятся социолингвистическими. Наоборот, исследования поворачиваются то одной, то другой несоциолингвистической стороной. Например, слишком высокая социологизация исследования, содержащая только социальные параметры, преувеличивающая их значение для прогресса в языке, может привести к упрощенческой, вульгарной социолингвистике. Это наблюдается в некоторых отечественных научных трудах по социолингвистике раннего периода, когда превалировали социальные параметры языка без их сочетания с языковыми параметрами. Это отсутствие связи с языковыми параметрами сферы общения (сферы коммуникации) наиболее отчетливо проявилось в работе Ю.Д. Дешериева, которая фактически является четвертым томом многотомного труда, посвященного исследованию языков народов СССР. Автором было уделено много внимания развитию разных отраслей народного хозяйства республик и установлена прямая связь между ними и развитием языка, причем о механизмах этого влияния автор не пишет ничего. Совершенно очевидно, что некоторая вульгаризация социолингвистического описания была в основном вызвана неразработанностью социолингвистических проблем в тот ранний период развития междисциплинарной науки [Дешериев, 1976].

Видимо, необходимо уделять больше внимания языковой стороне социальных функций языка. В центре социолингвистических исследований должна находиться не социалема, а социолингвема [Словарь, 2066: 198]. Конечно, это труднодостижимая задача для

макросоциолингвистики, ее решение бывает обычно успешным только в микросоциолингвистике при описании конкретных этнических языков или же языка отдельных языковых общностей. Широкая же теоретическая постановка проблемы соотношения языка и общества требует более широкого взгляда на эти взаимосвязанные явления. Об этом мне уже приходилось писать ранее [Михальченко, 2022]. Строго говоря, классификацией сфер общения при правильном разделении научного труда должна заниматься статистика, трактуя переписи населения, социологи, этнографы. Социолингвисты, принимая их выводы, уточняют классификацию, вводя свои, языковые, параметры и исследуя роль языка в функционировании сферы коммуникации. Были выделены две группы сфер общения: 1) дифференцированные сферы коммуникации, обладающие определенными языковыми параметрами в виде функциональных стилей (сфера науки, деловая сфера, массовая коммуникация, художественный стиль и разговорный стиль) [Шмелёв, 1977]; 2) аморфные сферы общения, не обладающие отдельными функциональными разновидностями.

Дифференцированные сферы коммуникации

В том, что функциональные стили являются языковой оболочкой сферы коммуникации, были уверены многие ученые раннего периода становления социальной лингвистики (В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский, Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко и др.). С другой стороны, функциональный стиль прямо обусловлен социальной функцией, так как функциональные черты языка формируются в прямой зависимости от цели коммуникации. Сфер общения выделяется много, максимум – 40. Однако даже русский язык не выработал столько функциональных стилей для разных сфер общения. В нем имеются конвергентные функциональные стили, фактически объединяющие несколько сфер языка. У этого стиля несколько дивергентных разновидностей, которые являются языковой оболочкой родственных, производных из него сфер общения. Это следующие трансформации научного стиля: язык высшего образования, язык школьного образования, научно-популярный подстиль. Эти функциональные разновидности различаются типом связи с конвергентным стилем, уровнем сложности изложения, а также объемами терминологии. Кроме того, они служат языковой оболочкой родственных научной сфере сфер общения.

Другая модель связи функциональных стилей со сферой общения – массовая коммуникация с конвергентным стилем – публицистикой [Трескова, 1976]. Дивергентные разновидности этого стиля пока не сформировались: устные варианты – радио и телевидение, а письменный – печать. Эти функциональные дивергентные образования в разных языках развиваются с различной интенсивностью. В.В. Виноградов писал об этом: «…Проблема

развития и нормализации литературного языка связывается с вопросами о его “стилях” как функциональных разновидностях, закрепленных за теми или иными общественными сферами его употребления» [Виноградов, 1955]. Говоря о прогрессе в нормализации, совершенствовании литературного языка, ученый подчеркивает значение влияния общества на язык.

Следует отметить, что существует особая модель связи функциональных стилей со сферой общения. Это национальная культура, которая формировалась одновременно с местным этническим языком, и поэтому этот язык может лучше всего ее отразить. Неслучайно этнические языки чаще всего применяются в сферах этнической культуры: национальная печать, радио, телевидение, театр. Язык же другого народа для отражения этой культуры требует применения безэквивалентной лексики: дополнительных языковых средств, отражающих этническую специфику.

Интересен вопрос о социальных параметрах дифференцированных сфер общения. Репертуар языковых сообществ (языковых общностей), включенных в эти сферы, отражает часть социальной структуры общества и представлен большим разнообразием. Так, сфера науки и ее производные сферы (подсферы) состоят из таких социальных групп, как творческое сообщество ученых исследователей, вузовских преподавателей, студентов, учителей, учеников и других социальных групп, включенных в сферу науки и ее подсферы.

Аморфные сферы коммуникации

Аморфная группа сфер коммуникации представлена сферами общения с ограниченной степенью языковой маркированости. Сферы общения не обладают собственными функциональными стилями или же их трансформациями. В сферах этого типа наблюдаются лишь определенные особенности речи: 1) профессионализмы; 2) социально актуализированная лексика, которая от лексики литературного языка обычно по значению не отличается. Основное отличие – это частота использования в той или иной сфере общения. Научный анализ социально актуализированной лексики был проведен на материале языковой жизни трудового коллектива строителей – русских старожилов Литовской ССР [Трифоновас, 1978]. Конечно, таких сфер коммуникации много, и наука нуждается в их исследовании.

Исследование особенностей языка разных аморфных сфер общения очень важно для социолингвистики и ее дальнейшего развития. Изучая варьирование языка в разных социальных общностях, их социально актуализированную лексику, выясняя общие закономерности варьирования языка в зависимости от характера труда языковой общности, мы через посредство языка можем много узнать о языковой жизни всего общества и о закономерностях его развития в социуме и в отдельных языковых сообществах. Именно

поэтому мы считаем, что исследование ярких, закрепленных за определенной социальной группой языковых образований, таких как молодежный жаргон, язык специалистов IT, является интересным для социолингвистических исследований. Однако понятно, что такие исследования следует распространять на другие языковые общности аморфных сфер общения и перейти к изучению социолектов, т.е. социальных диалектов.

Социолект, или социальный диалект, социальный жаргон, социальный вариант языка, – это «разновидность языка, характеризующаяся ее использованием в пределах определенной социальной группы – сословной, профессиональной, возрастной» [Словарь, 2006: 205–206]. Термин употребляется как общее наименование для разнообразных языковых образований, основанных на социальном обособлении людей, например молодежный жаргон, жаргон наркоманов и др. В эту группу входят профессиональные жаргоны и различные групповые жаргоны. Выделение этих групп жаргонов, формирование их лексических и фразеологических особенностей выполняет разные социальные функции: отграничение от остальной массы людей (молодежный жаргон), функция табу (арго, жаргон наркоманов) и т.д. Необходимо отметить, что большинство социальных групп не формируют собственные жаргоны и отличаются только лексикой (профессионализмы, социально актуализированная лексика) и фразеологизмами. Необходимо учитывать, что их исследование способно дать интереснейшие результаты о социальных параметрах варьирования языка, взаимодействия языков, социальные факторы, влияющие на формирование языка сферы общения. В социальном аспекте аморфные сферы общения включают все социальные общности, действующие вне дифференцированных сфер общения. Их очень много, и они мало чем отличаются друг от друга. Однако следует отметить, что, признавая языковую выразительность социальных жаргонов, мы все же считаем, что не менее важно изучать языковую жизнь всех остальных социолектов.

Такой подход помог бы избежать вульгарной социологизации науки, способствовал бы созданию как общей картины соотношения языка и общества, так и ее детализации. Наука о социолектах могла бы стать очень важным разделом социолингвистики, роль которой в дальнейшем развитии социальной лингвистики могла бы стать такой же фундаментально важной, как исследование территориальных диалектов для диалектологии и шире – всего языкознания.

Литература

Виноградов В.В. (1955) О понятии «стиля языка»: (Применительно к истории русского литературного языка) // Известия АН СССР; Отделение литературы и языка. Т. 14. Вып. 4. С. 305–320.

Дешериев Ю.Д. (1976) Развитие общественных функций литературных языков. М.: Наука.

Михальченко В.Ю. (2022) Классификация сфер общения и языковая реформа // Мир науки, культуры, образования. № 2 (93). С. 354–357.

Словарь социолингвистических терминов (2006). М. С. 312.

Шмелёв Д.Н. (1977) Русский язык в его функциональных разновидностях: К постановке проблемы. М.: Наука. С. 168.

Трескова С.И. (1976) Функционирование языка массовой коммуникации в условиях многоязычной аудитории: Социолингвистический аспект. Автореф. дис. … канд. филол. наук. М.

Трифоновас Я.С. (1978) Функционирование и взаимодействие русского и литовского языков в Литовской ССР: (На материале конкретного социолингвистического исследования). Автореф. дис. … канд. филол. наук. М.

References

Vinogradov, V.V. (1955) O ponyatii “stilya yazyka” (primenitel'no k istorii russkogo literaturnogo yazyka) [On the concept of “language style”: (In relation to the history of the Russian literary language)]. M.: Izvestiya AN SSSR. Volume 14. Issue 4. Pp. 305–320. (In Russ.)

Desheriyev, Yu.D. (1976) Razvitiye obshchestvennykh funktsiy literaturnykh yazykov [Development of social functions of literary languages]. M. 431 p. (In Russ.)

Mikhalchenko, V.Yu. (2022) Klassifikatsiya sfer obshcheniya i yazykovaya reforma [Classification of spheres of communication and language reform]. // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. No. 2 (93). Pp. 354–357. (In Russ.)

Slovar’ sotsiolingvisticheskikh terminov (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms] / Ed. by V.Yu. Mikhalchenko. M., 2006. 312 p. (In Russ.)

Shmelev, D.N. (1977) Russkiy yazyk v yego funktsional'nykh raznovidnostyakh : K postanovke problem [Russian language in its functional varieties : Problem definition]. M.: Nauka. Pp. 168. (In Russ.)

Treskova, S.I. (1976) Funktsionirovaniye yazyka massovoy kommunikatsii v usloviyakh mnogoyazychnoy auditorii: Sotsiolingvisticheskiy aspect [Functioning of the language of mass communication in a multilingual audience: a sociolinguistic aspect]. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M.. 23 p. (In Russ.)

Trifonovas, Ya.S. (1978) Funktsionirovaniye i vzaimodeystviye russkogo i litovskogo yazykov v Litovskoy SSR : (Na materiale konkretnogo sotsiolingvisticheskogo issledovaniya) [Functioning and interaction of the Russian and Lithuanian languages in the Lithuanian SSR (based on a specific sociolinguistic study)]. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M. 20 p. (In Russ.)

Примечание

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества № 21-512-12002 НИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

Михальченко Вида Юозовна — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: vida-mi@mail.ru

Для цитирования: *Михальченко В.Ю.* Социальные и языковые параметры сферы коммуникации [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 23–29. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-23-29

For citation: *Mikhalchenko, V.Yu.* Social and language parameters of the sphere of communication [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 23–29. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-23-29

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

LANGUAGE SITUATION

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-30-48

ДИНАМИКА ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 1989–2020 ГОДОВ

Мария А. Горячева
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

Статья посвящена изучению демографической мощности русского языка в Российской Федерации на основе статистических данных четырех переписей населения: 1989, 2002, 2010 и 2020 годов. Проводится сопоставление языковых блоков переписей и выявляется их специфика, анализируется динамика численности населения страны в контексте поставленных задач, при этом главное внимание уделяется динамике численности русских за сорок лет. Применительно к русскому языку анализируется динамика следующих параметров: этнос (русские и все другие этносы), родной язык, второй язык, владение русским языком (в том числе появившийся с 2020 г. параметр «использование русского языка в повседневной жизни»), «владение русским языком как родным». Кроме того, насколько позволяют возможности переписей, дается приблизительная оценка числа монолингвов и билингвов. Все субъекты РФ группируются по признаку процента русскоязычных. Дополнительно подключается параметр «городское/сельское население». На основе данных последней переписи детализируется группа «не указавшие национальную принадлежность»: варианты ответов «Предпочитаю не отвечать», «Затрудняюсь ответить», «Не имею национальной принадлежности», «Нет сведений». Изучается структура объединения «русскоязычные россияне» (русские, все другие этносы, не указавшие этническую принадлежность) и делаются выводы о произошедших за сорок лет изменениях. Статья снабжена наглядным материалом: таблицами и диаграммой.

***Ключевые слова**: языковая ситуация в Российской Федерации, русский язык, язык межнационального общения, монолингвы, билингвизм, диахроническая социолингвистика, переписи населения, СССР*

DYNAMICS OF RUSSIAN LANGUAGE PROFICIENCY IN THE RUSSIAN FEDERATION BASED ON DATA OF THE 1989–2020 POPULATION CENSUSES

Maria A. Goryacheva
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article is devoted to the study of the demographic power of the Russian language in the Russian Federation based on the statistical data of four population censuses: 1989, 2002, 2010 and 2020. The language blocks of the censuses are compared and their specificity is revealed. The author

analyzes dynamics of the country's population in the context of the tasks set, with the main attention being paid to the dynamics of the number of Russians over forty years. With regard to the Russian language, the dynamics of the following parameters is analyzed: ethnicity, native language, second language, knowledge of the Russian language (including the parameter "use of the Russian language in everyday life", which appeared since 2020), "proficiency in Russian as a native language". Also, as far as the possibilities of the census allow, a rough estimate is made of the number of monolinguals and bilinguals. All subjects of the Russian Federation are grouped according to the percentage of Russian speakers. Additionally, the "urban / rural population" parameter is connected. Based on the data of the last census, the group "who did not indicate their nationality" is detailed: the answer options are "I prefer not to answer", "I find it difficult to answer", "I have no nationality", "No information". The structure of the association "Russian-speaking Russians" (Russians, all other ethnic groups that did not indicate their ethnicity) is studied and conclusions are drawn about the changes that have occurred over forty years. The paper is provided with visual material: tables and a diagram.

Keywords: *language situation in the Russian Federation, Russian language, language of interethnic communication, monolinguals, bilingualism, diachronic sociolinguistics, population censuses, USSR*

Идея этой статьи возникла давно, и замечательно, что в год, объявленный годом русского языка как языка межнационального общения, имеется возможность воспользоваться результатами новой переписи. Решение объявить 2023 г. Годом русского языка как языка межнационального общения было принято еще в 2020 г. Советом глав государств Содружества Независимых Государств [Решение Совета…, 2020]. В статье рассматривается динамика владения русским языком в стране за последние сорок лет, а также выполнение языком функции языка межнационального общения.

Материалом исследования послужили результаты Переписи населения 2020 г. (ВПН) [Перепись, 2020], данные прошлой переписи 2010 г. [Перепись, 2010], а также переписей 1989 г. [Перепись, 1989] и 2002 г. [Перепись, 2002]; дополнительно привлекался ряд статистических и нестатистических сведений из других источников, прежде всего работ социолингвистов.

Отличия новой переписи от предыдущих

Прежде всего, следует отметить, что впервые в отечественной переписной практике был применен комбинированный метод ее проведения: респонденты могли самостоятельно заполнить переписные листы на себя и членов своего домохозяйства в электронной форме на «Едином портале государственных и муниципальных услуг» или же быть опрошенными переписчиками, которые заполняли электронные переписные листы на планшетах, а также, по желанию опрашиваемого, в их бумажном варианте. С одной стороны, такая практика имеет свои плюсы: 1) люди отвечают на вопросы в удобное для них время; 2) не подвергаются

опасности заражения вирусными заболеваниями от переписчика; 3) главное – имеют время в комфортной обстановке поразмыслить над ответами; 4) государство экономит как финансовый, так и человеческий ресурс на обучении и оплате труда переписчиков. С другой стороны, у автора, да и, вероятно, у большинства исследователей различных специальностей имеется глубокая убежденность, что на вопросы переписи опрашиваемый должен отвечать лично. «Члены домохозяйства» могут ответить на вопросы, в частности, языкового блока и на вопрос о национальной принадлежности, исходя из своих представлений и знаний о члене (членах) своей семьи, которые могут не совпадать с его мнением о себе. Особенно это понижает пользу от дополнительного социолингвистического блока вопросов, который сам по себе, безусловно, обладает огромной ценностью. Было бы полезно в следующей переписи оставить только личное заполнение анкет.

Прежде чем обратиться к структуре языкового блока, скажем несколько слов о вопросе про национальную принадлежность (вопрос 14 переписного листа формы Л). Вопрос так и сформулирован: «Ваша национальная принадлежность» с припиской «По самоопределению в соответствии со ст. 26 Конституции РФ». Размещенное справа от него уточнение «со слов других лиц» позволяет хотя бы немного оценить уровень возможных погрешностей в ответах. Языковой блок такой возможности не предоставляет.

Расширились варианты ответов в случае, если опрашиваемый не указывал свою национальную принадлежность: в отличие от Переписи 2010 г., где проставлялась метка «отказ от ответа» и в поле записывалось слово «нет», в новой переписи появились варианты «Предпочитаю не отвечать», «Затрудняюсь ответить», «Не имею национальной принадлежности», «Нет сведений» (для отсутствующих во время переписи, если их национальная принадлежность неизвестна) [Методические пояснения, 2020]. Как и раньше, национальную принадлежность детей до 14 лет называли родители, а недееспособных граждан – их законные представители. Не углубляясь в анализ вопроса о национальности, скажем только, что сформированный Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН «Список национальностей» насчитывает 145 групп – столько же, сколько было в списке для прошлой переписи.

Структура языкового блока

В 2020 г. языковой блок (Лист 1) составляли три вопроса: вопрос 10 – «Владеете ли Вы русским языком?» (предполагались два варианта ответа – «да» или «нет») с дополнительным вопросом 10.1 «Используете ли Вы его в повседневной жизни?»; вопрос 11 – «Какими иными языками Вы владеете?» (с тремя возможными вариантами ответов и выведенным отдельно

вариантом «жестовый язык глухих») с дополнительным вопросом напротив каждого языка «Какие из них Вы используете в повседневной жизни?»; вопрос 12 – «Ваш родной язык» с одним вариантом ответа; для опрашиваемого, владеющего четырьмя и более языками (кроме русского и языка жестов), указывались любые три из них по его выбору. Лица, временно находившиеся на территории Российской Федерации на дату переписи, но постоянно проживавшие за рубежом, были переписаны по краткой программе, и им этих вопросов не задавали, т. е. как и в прошлые переписные кампании, эти вопросы задавались постоянному населению. Чрезвычайно радует появление социолингвистического вопроса об использовании языков в повседневной жизни, которого мы так долго ждали. Этот вопрос и ответ на него не только расширяет возможности изучения языковой ситуации, но и показывает серьезный настрой государства в области языковой политики. Если следующая перепись тоже будет его включать, то это даст возможность в будущем провести анализ изучения сферы повседневного общения в динамике.

Динамика численности населения РФ

Для наглядности представим данные в таблице 1, где за 100 % взят показатель 1989 г.

Таблица 1

Динамика численности населения Российской Федерации в 1989–2020 гг.

Год	Все население	Все население к 1989 г. (%)
1989	147 021 869	100,0
2002	145 166 731	98,7
2010	142 856 536	98,4
2020	147 182 123	103,0

Итак, таблица показывает, что численность населения Российской Федерации в промежуток между двумя последними переписями не только прекратила сокращаться, но и выросла на 4 325 587 человек или на 2,9 %. Она даже несколько обогнала по численности РСФСР на момент последней советской переписи. Даже если вынести за скобки около 2,3 млн. крымчан, ставших в 2014 г. россиянами, то все равно тенденция к росту населения прослеживалась [Таблицы с итогами…]. Правда, следует отметить, что в следующие два года, как указано на сайте Росстата, численность населения вновь начала падать (составив на 1 января 2022 года 145 557 576 чел.), что объясняется избыточной смертностью из-за пандемии и сокращением рождаемости из-за повышения уровня тревожности в обществе, в том числе из-за связанных с вакцинацией опасений. Если посмотреть и на такой показатель, как естественная

убыль населения, т.е. превышение числа умерших над числом родившихся, то мы также увидим, что не все так оптимистично, как выглядит на первый взгляд. Коэффициент рождаемости значительно ниже необходимого для воспроизводства населения – 2,1. Но углубленное изучение этого вопроса не входит в задачи данной статьи, отметим только, что излишний оптимизм пока совсем не уместен. Мы ожидаем в ближайшие годы привлечения внимания к этой теме и активных поисков решения проблемы всем арсеналом способов.

Структура населения РФ: русские, все другие этносы, не указавшие этническую принадлежность и не имеющие этнической принадлежности

Поскольку предметом исследования является русский язык, то, безусловно, необходимо прежде всего посмотреть, как обстоит дело с численностью русских по последним четырем переписям населения. Согласно Конституции (Ст. 68 п. 1), «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». Эта же формулировка «государствообразующий народ» входит теперь и в ряд других законов, что совершенно логично. В качестве примера можно привести Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «О государственном языке Российской Федерации», пункт 1 статьи 1 в точности повторяет приведенную в Конституции формулировку [Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»].

В качестве рабочего инструмента население страны было разделено на три большие группы: «русские», «все другие этносы», «не указавшие национальную принадлежность» [Закон о государственном языке, 2005].

Взглянем на динамику численности государствообразующего народа и его удельного веса в общей структуре населения (на основе данных четырех переписей).

Таблица 2

Структура населения РФ: 1989–2020 гг.

Год	Русские	Русские (% от всех)	Все другие этносы	Все другие этносы (% от всех)	Не указ. Националь-ность	Не указ. национальность (% от всех)
1989	119 865 946	81,5	27 140 410	18,46	15 513	0,01
2002	115 889 107	79,83	27 816 873	19,16	1 460 751	1,01
2010	111 016 896	77,71	26 210 211	18,35	5 629 429	3,94
2020	105 579 179	71,73	25 008 185	16,99	16 594 759	11,27

Итак, в таблице население РФ разделено на три части: русские; все другие этносы; не указавшие национальность. Процент от всех обозначает процентное соотношение от всего населения страны.

Русские. Русские являются самым многочисленным народом не только в стране, но и в Европе. Именно русские – главные носители русского языка как родного, во всем многообразии его диалектов и говоров, и именно через них в основном осуществляется межпоколенная передача языка. Обратимся к данным переписей. За эти тридцать лет удельный вес русских в населении страны сократился на 14 286 767 человек или на 9,79 % (по отношению к 1989 г.). Сокращение на стыке эпох, вероятнее всего, объясняется естественной убылью русских, которую не смогла перекрыть волна миграции русских из бывших республик СССР. Сравнение численности русских в СССР и в Российской Федерации приводится Горячевой М.А. в статье [Горячева, 2022: 53–55]. За последние десять лет их стало меньше на 5 437 717 человек, т.е. их удельный вес сократился на 5,98 % (по отношению к 2010 г.). Показатель, отражающий число русских в 2020 г. по отношению к числу русских в 1989 г., сократился на 12 %, причем с переписи 2010 г. до переписи 2020 г. – на 4,9 %.

При этом за промежуток между двумя последними переписями прибавилось почти полтора миллиона (1 492 078) русских Крыма [Таблицы с итогами…].

Коэффициент рождаемости у русских – число детей на 1000 женщин, составил в 2020 г. 1442 ребенка. Среди всех народов РФ русские находятся на предпоследнем месте по этому показателю, уступив лишь евреям: у тех на тысячу женщин рождается 1282 ребенка (ВПН-2020. Том 5. Таблица 14). Кстати, этот пример очень характерен и наглядно показывает важность проживания в сельской местности для увеличения рождаемости: в селах живут лишь 39 % евреев.

Все другие этносы. Посмотрим на графу «Все другие этносы», т.е. все, кроме русских и не указавших национальность. За эти тридцать лет их удельный вес в населении страны сократился на 1,47 % (для сравнения: удельный вес русских за тридцать лет сократился на 9,8 %).

По отношению к параметру «все другие этносы»: их за тридцать лет с 1989 г. стало меньше на 2 132 225 человек, или на неполные 8 %. По сравнению с годом проведения прошлой переписи их число уменьшилось на 1 202 026 человек, или на 4,6 % (от 2010 г.). Но здесь надо отметить, что более миллиона назвали себя «россиянами» в разных вариациях, как следует из таблицы 2 тома 5 ВПН (Состав группы населения «указавшие другие ответы о национальной принадлежности»). Они тоже входят в группу «Все другие этносы». К сожалению, информации о владении языками в этой таблице не предусмотрено. Заметим, что

один миллион из уменьшившихся этносов составили украинцы (их численность в РФ за десять лет сократилась на 54 % – с 1 927 988 до 884 007 человек, а с 1989 г., когда их в РСФСР было 4 362 872 – на 80 %); почти 600 тысяч – татары, которых стало меньше на 11 %; 368 тысяч – чуваши, которых стало меньше на 25,7 %. Это частично уравновесилось увеличением численности ряда этносов. Так, тувинцев стало больше на 10,24 %. Впрочем, более подробный анализ статистики по этносам выходит за рамки данной статьи и требует отдельного вдумчивого изучения в парадигме «этнос–регион».

Не указавшие национальность. В соответствии со ст. 26, п. 1 Конституции, «каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности» [Конституция РФ]. В 2020 г. национальную принадлежность указали 130 587 364 человек, что составляет 88,73 % населения. Таким образом, процент не указавших национальную принадлежность вырос с 0,01 % в 1989 г. до 11,27 % в 2020 г., при этом с 2010 по 2020 гг. число таких граждан возросло на 7,3 %. Подавляющее большинство этих россиян проживает в городах – 92,6 %. Итак, мы впервые наблюдаем настолько массовый отказ отвечать на вопрос о национальности. При этом в целом владение языком в 2020 г. указали 135 125 671 или 91,8 % населения (ВПН-2020. Том 5. Таблица 4). Это на 3 % больше, чем указавших национальную принадлежность. Ниже мы вернемся к этой категории населения и посмотрим, в каких регионах они находятся и владеют ли русским языком. В.А. Тишков когда-то писал о переписи 2002 г.: «Если бы перепись была способна учитывать двойную национальную принадлежность, не было бы такого большого количества не указавших национальность – почти 1,5 миллиона человек» [Тишков, 2010]. В последней переписи для ответа на вопрос о национальной принадлежности выделено одно поле. Но при этом, «если человек указывал не одну национальную принадлежность, в ответ вносилась каждая через любой разделитель (множественный ответ)» [Методические пояснения, 2020]. Это означает, что теоретическая возможность записать две национальности имелась. На это указывает и ряд самоназваний, представленных в таблице тома 5 «Варианты ответов населения Российской Федерации на вопрос “Ваша национальная принадлежность”». Так, помимо уточняющих дефисных самоназваний, например, «алтайцы-тубалары», имеются самоназвания, объединяющие наименования двух этносов, например «армяно-татары». Их немного, и большую часть из них составляют варианты с одним компонентом «русские» или «русско-»: так назвались около 5000 представителей разных этносов. Чаще всего этот компонент стоял первым. Встречались и экзотические сочетания, например, «татарчувабелорусы». В целом число выбравших двойное наименование совсем невелико и несравнимо с числом не указавших национальную принадлежность. Как поступали

далее с этими вариантами ответов, нам неизвестно, но в любом случае их количество никак не могло повлиять на результаты. Тем не менее тенденция наводит на размышления и требует пристального внимания в дальнейшем. Выскажем еще одно соображение. Мы можем принять как гипотезу, что национальность не писали родители детям от смешанных браков, чтобы они могли сами определиться, когда вырастут. Результаты переписи позволяют узнать число домохозяйств, состоящих из представителей разных национальностей (ВПН-2020. Том 5. Таблица 13). Из 38,5 млн. российских домохозяйств одну национальную принадлежность указали в 31,5 млн., а разную – в 2,7 млн., или в около 7 %, домохозяйств. Еще в 11 % домохозяйств национальная принадлежность одного или нескольких его членов не указана, что в целом соответствует проценту не указавших национальность.

Если в 2020 г. опрашиваемый не указывал свою национальную принадлежность, то он заполнял ответ одним из вариантов на выбор: «Предпочитаю не отвечать», «Затрудняюсь ответить», «Не имею национальной принадлежности», «Нет сведений» (для отсутствующих во время переписи, если их национальная принадлежность неизвестна). Сравнивать распределение ответивших по этим категориям в переписи 2020 г. с данными предыдущих переписей не представляется возможным, поскольку такая детализация была введена впервые. В отчетной таблице 1 тома 5 ВПН имеются графы «Нет национальной принадлежности» (542 201), «Лица, в переписных листах которых национальная принадлежность не указана» (16 594 759), и из них «Отказавшиеся отвечать на вопрос о национальной принадлежности» (7 004 052, или 42 %, не указавших национальную принадлежность). Что мы можем предположить относительно этой группы россиян? Для начала посмотрим на «географию» данного ответа. Почти 18 % не указавших национальную принадлежность проживают в г. Москве, 6,4 % – в Московской области, 5,3 % – в Санкт-Петербурге. Меньше всего таких россиян в Чукотском Автономном округе – всего 446 человек. Интересно, что число не указавших национальную принадлежность было получено составителями переписных таблиц вычитанием показателя «Указавшие национальную принадлежность» из показателя «Все население». То есть помимо «указавших» и «не указавших» национальную принадлежность есть выделенные в отчетной таблице отдельной строкой полмиллиона россиян, выбравших вариант «Не имею национальной принадлежности».

Не имеющие национальной принадлежности. Такой вариант ответа прибавился в последней переписи. Его выбрали 542 201 россиян. Поскольку из них 425 864, или 78,5 %, указали владение русским языком и, в свою очередь, 421 177 из них используют его в повседневной жизни, то можно сделать предположение, что большинство давших такой ответ были бы русскими, если бы не выбрали ответ «стать т.н. «гражданами мира»». Еще обращает

на себя внимание тот факт, что многие из них проживают в Москве (105 285), Санкт-Петербурге (100 500), Московской области (32 000), Свердловской области (13 602), Челябинской области (10 400), Новосибирской области (9 954), Ленинградской области (около 9 000), что вполне ожидаемо.

Русскоязычные в структуре населения в 1989–2020 гг.

Теперь, наконец, обратим особое внимание на группу, проанализировать состав и динамику численности которой и является главной целью нашей статьи, – русскоязычных россиян. При этом для дальнейших наблюдений и рассуждений мы будем опираться на данные предыдущей части статьи.

Посмотрим, как от переписи к переписи изменялось количество знающих русский язык (мы используем сокращение «рус.-яз.» – «русскоязычные».

Таблица 3

Динамика владения русским языком населением РФ

Год	Все население	Рус.-яз.	Рус.-яз. (% от всех)	Рус.-яз. (% от 1989)
1989	147 021 869	143 732 573	97,76	100%
2002	145 166 731	142 573 285	98,21	99,19%
2010	142 856 536	136 019 395	95,21	94,63%
2020	147 182 123	128 375 188	87,22	89,32%

Число русскоязычных россиян в 1989 г. подсчитано путем суммирования указавших язык родным и вторым языками. При этом число монолингвов с русским языком составляло 128 057 667 человек, т.е. 87,1 % населения. Соответственно 12,9 % россиян, помимо русского языка, владели языком еще какого-либо народа СССР (обращаем внимание, что именно народа СССР, как следует из названия графы; при этом в переписном листе было выделено место лишь для одного ответа о втором языке). Русским языком как родным владели 7 495 454 представителей других национальностей, как вторым – 16 405 826 россиян. Начиная с переписи 2010 г. появился вопрос о владении языками: «Владение языком означает умение говорить, читать и писать или только говорить на данном языке» [Методологические пояснения, 2010].

Таблица показывает, что, во-первых, число владеющих русским языком россиян сократилось за тридцать лет почти на 11 %; во-вторых, удельный вес русскоязычных россиян уменьшился за последние тридцать лет на 10,6 %, а за десять лет между двумя последними переписями – на 8 %.

Попробуем разобраться, что стоит за этими цифрами. Для этого нужно соотнести, где это возможно, такие параметры, как «этнос», «владение русским языком» (в том числе

появившийся с 2020 г. параметр «использование русского языка в повседневной жизни»), «владение русским языком как родным», а также такой важный параметр, как «субъект Федерации».

Таблица 4

Структура русскоязычных россиян в динамике

Годы переписи	Рус.-яз. (% от всего населения)	Рус.-яз. русские (% от рус.-яз.)	Рус.-яз. из не указавших национальность (% от рус.-яз.)	Рус.-яз. все другие этносы (% от рус.-яз.)
1989	97,76	83,36	н/д	16,63
2002	98,21	81,08	0,34	18,58
2010	95,21	81,46	1,08	17,45
2020	87,22	81,60	4,63	13,77

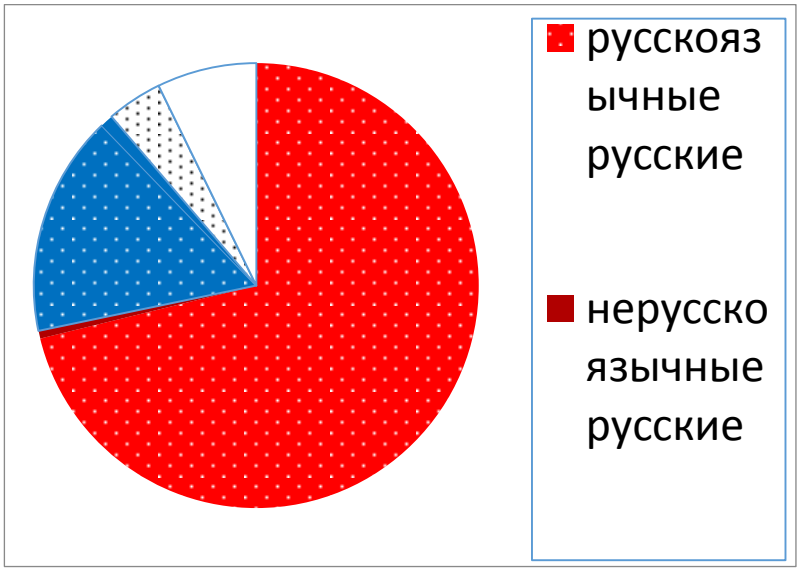
В касающихся языков отчетных таблицах переписи 1989 г. к строчке «Другие национальности» имеется примечание: «Включая лиц, национальность которых в переписном листе не указана» [Население СССР, 1990: 40]. Поэтому мы поставили «н/д» – нет данных. Но показатель там минимальный и ни на что не влияет: «других национальностей» вместе с не указавшими национальность в 1989 г. было чуть более ста тысяч.

Итак, таблица показывает, что, во-первых, удельный вес русскоязычных россиян снизился в структуре населения за тридцать лет на 10 %, причем за последние десять лет – на 8 %. Во-вторых, при этом доля русских в структуре русскоязычных оставалась неизменной, лишь понизившись на 2 % между последней советской и первой российской переписями. В-третьих, мы видим, что доля всех других этносов в составе русскоязычных снизилась с 16,6 до 13,7 %. То есть, по данным переписи наблюдается незначительное сужение функции русского языка как языка межнационального общения в стране: ведь именно этот параметр определяет данную функцию. И наконец, привлекает внимание увеличение процента русскоязычных, не указавших национальность.

Процент русских, владеющих своим языком, за сорок лет практически не изменился и составил 99 %. Однако если в 1989 г. это составляло почти 100 % русских (99,95 %), то в промежуток с 2010 до 2020 гг. процент снизился с 99,81 % до 99,22 %.

Структура категории «русскоязычные» в структуре всего населения РФ в 2020 г. для большей наглядности отображена в диаграмме.

Диаграмма 1. Владение и невладение русским языком среди русских, всех других этносов и не указавших национальную принадлежность в структуре населения РФ

Использование русского языка в повседневной жизни: 2020 г.

В повседневной жизни русский язык используют 132 317 159 человек или 89,9 % всего населения страны. Внутри этого множества соотношение выделенных нами трех групп следующее: 79 % – это русские, 16,5 % – это все другие этносы, и 4,5 % – не указавшие национальность. Если же подсчитать по этому признаку удельный вес внутри каждой группы, то мы получим следующую картину: из русских 99 % используют русский язык в повседневной жизни, из всех других этносов – 87,4 %, а из не указавших национальную принадлежность – 35,6 %. Получается, что 64 % *не указавших национальную принадлежность не владеют русским языком* и 65 % не используют его в повседневной жизни. На основе этих и приведенных выше подсчетов можно предположить, что по крайней мере две трети не указавших национальную принадлежность не являются русскими и могли бы быть отнесены к группе «все другие этносы», если бы все-таки решили указать национальную принадлежность.

Динамика населения по родному языку

Привлечем теперь параметр «родной язык» и с его помощью попытаемся хотя бы немного прояснить ситуацию. Безусловно, полную картину на основании данных переписей составить несколько проблематично, и в немалой степени из-за нарушенной в 2002 г. преемственности языкового блока. Тогда по экономическим причинам на языковой блок было выделено всего два вопроса, и составители по ряду соображений были вынуждены отказаться от вопроса о родном языке, нарушив таким образом преемственность. Основной причиной этого была двойственность понимания термина «родной язык»: многими опрашиваемыми он

понимался как этнический язык, вне зависимости от того, владели они им или нет. В.А. Тишков, вступая в полемику с НИЦ по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, сотрудники которого «в большей степени разделяют позиции моих оппонентов, чем мои собственные представления о родном языке, языковых правах и политике» [Тишков, 2019: 20], писал: «Родной язык – это совсем не обязательно язык той или иной национальности. Родной язык – это основной язык знания и общения (как по Ожегову)... И моя позиция, кстати, совпадающая с ныне принятой научной точкой зрения, такова: у человека может быть два родных языка» [Там же: 21]. Вообще, каждая перепись имеет заложенные в ней «подводные камни». Так, по мнению, например, В.М. Беликова, число считающих язык родным, по переписи 1989 г., во многих случаях оказалось завышенным, причем в ущерб русскому языку [Беликов, 1997: 12–43]. Говоря о переписи 2002 г., следует отметить, что, к сожалению, что заложенная в переписные листы информация о родном языке опрашиваемого (метка в первом прямоугольнике дополнительного поля) до исследователей не дошла. Результаты данных переписи оказались не отображенными ни в бумажном, ни в электронном вариантах публикаций переписи: у их составителей не было уверенности, что должным инструкциям последовали большинство переписчиков всех субъектов РФ. Динамика соотношения числа россиян, назвавших родным языком русский язык, все другие языки и не ответивших на вопрос о родном языке, показаны в таблице 5.

Таблица 5.

Динамика структуры указавших родной язык

Указавшие родной язык	**Год переписи**			
	1989	**2002**	**2010**	**2020**
Русский язык	127 306 577	н/д	118 581 514	111 546 569
Русский язык (%)	87	н/д	83	76
Все другие языки	19 283 822	н/д	15 185 866	18 997 022
Все другие языки (%)	13	н/д	11	13
Русские с родным русским	119 811 123	н/д	110 705 949	103 489 177
Все другие этносы с родным русским	7 495 454	н/д	7 875 565	8 057 392

Параметр «все другие языки» получен вычитанием из группы «указавшие родной язык» групп «указавшие русский язык» и «не указавшие родной язык».

Итак, по сравнению с 1989 г. число указавших русский язык родным сократилось на 11 %, что на 1 % больше, чем сократилось число указавших владение русским языком. Процент

русских с родным русским языком составлял около 100 %, который снизился между двумя последними переписями до 98 %.

Таблица переписей «Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку» позволяет сделать некоторые уточняющие подсчеты. Число всех других национальностей, считающих русский язык родным, составляло в 1989 г. 7 495 454 человек, или 27 % всех других национальностей. В дальнейшем этот процент начал расти: в 2010 г. он уже составлял 30 %, в 2020 г. – 32,2 %. Число русских, не назвавших русский язык родным, в 1989 г. было минимальным: 54 823 человек. Можно сказать, что и по переписи 1989 г., и по переписи 2010 г. процент русских с родным русским языком составил фактически 100 %. В последней же переписи русский язык родным указали 98 % русских. В 2010 г. на вопрос о родном языке ответили 110 796 098 русских, и 110 705 949 из них назвали родным русский язык. Следовательно, если из 118 581 514 представителей всех национальностей, назвавших русский язык родным, вычесть число русских с родным своим языком, то мы получим число всех других этносов, которые назвали русский язык родным – 7 875 565 человек. То есть в 2010 г. почти 8 млн. из 26 млн. всех других этносов (или треть) считали русский язык родным. Посмотрим на показатели 2020 г. Итак, русский родным назвали 111 546 569 человек, из них – 103 489 177 русских и, соответственно, 8 057 392 представителей всех других этносов. Следовательно, в 2020 г. из 25 млн. представителей всех других этносов та же самая неполная треть считает родным русский язык. Заметим, что число считающих родным русский язык в этой группе постепенно растет: в 1989 г. их было 27,6 %, в 2010 г. – 30 %, в 2020 г. – 32,2 %.

Мы снова отмечаем, что 16 638 532 россиян не указали в 2020 г. родной язык. За десять лет их процент вырос с 3 до 11 %, т.е. на 8 %. Не указавших национальную принадлежность было приблизительно столько же – 16 594 759. А вот вопрос о владении языками вызывал более спокойную реакцию: владение языком в 2020 г. указали на 3 % больше опрашиваемых, чем указавших национальную принадлежность. Характерно, что если обратить внимание на параметр «городское/сельское население», то мы увидим, что 93,8 % не ответивших на вопрос о родном языке проживают в городах. При этом из 130 543 591 указавших родной язык 72 % проживают в городах, что примерно соответствует общей пропорции городского и сельского населения в современной России – 74,8 % россиян являются горожанами. Как показывает таблица, за последние 10 лет число не указавших родной язык выросло в 3,5 раза. То есть тенденция прослеживается и по этому параметру.

Динамика монолингвов и билингвов с русским языком

Как отмечалось выше, в 1989 г. число монолингвов составляло 87,1 % населения. Русским языком как родным владели 7 495 454 представителей других национальностей, как вторым – 16 405 826 россиян. Число монолингвов с русским языком среди русских составляло 119 119 326 человек, или 99,4 % русских. Билингвов среди русских в 1989 г. было 726 450 человек. Общее количество билингвов привести невозможно, поскольку нет статистических данных о билингвах среди нерусских с русским языком в качестве родного. В 1989 г. значения монолингвов и билингвов приведены только для языков народов СССР (без учета владения иностранными языками).

К сожалению, в данных последних трех переписей не указывается количество монолингвов. Можно дать оценку, проведя следующие вычисления. Возьмем число ответов о владении языками и вычтем из него количество лиц, указавших владение языком. Получим верхнюю планку оценки числа билингвов; разумеется, их реальное количество будет меньше, но незначительно (так как количество лиц, владеющих тремя и более языками, значительно меньше числа билингвов). Проведя эти вычисления, мы получили следующие данные (см. таблицу 6). Данные по английскому и немецкому языкам приведены для понимания масштаба билингвизма с иностранными языками в переписях 2002, 2010 и 2020 гг.

Таблица 6

Приблизительное число монолингвов и билингвов в динамике

Все национальности	**Год переписи**			
	1989	**2002**	**2010**	**2020**
Билингвы	18 964 202	33 304 196	29 054 362	21 555 565
%	12,9	23,2	21,0	16,0
Монолингвы	128 057 667	110 441 991	109 258 173	113 570 106
%	87,1	76,8	79,0	84,0
Владеющие английским яз.	н/д	6 955 315	7 574 303	5 066 515
Владеющие немецким яз.	н/д	2 895 147	2 069 949	1 063 037
Русские				
Билингвы	746 620	нет возм-ти	10 210 455	6 538 782
%	0,62	нет возм-ти	9,21	6,24
Монолингвы	119 119 326	нет возм-ти	100 669 728	98 218 180
%	99,38	нет возм-ти	90,79	93,76
Владеющие английским яз.	н/д	нет возм-ти	6 532 176	4 214 996
Владеющие немецким яз.	н/д	2 313 484	1 720 616	887 076

Таблица составлена на основе данных переписи 2002 г. (Том 4. Таблица 4), переписи 2010 г. (Том 4. Таблицы 5, 6) и переписи 2020 г. (Том 5. Таблица 4).

Подробной информации по владению русским населением другими языками в переписи 2002 г. не представлено: в отличие от других переписей, в этой переписи не указано владение русскими английским языком (хотя немецкий язык указан), а также не указана численность владевших малочисленными языками.

Заключение

Итак, наше исследование, основанное на материалах четырех переписей населения, выявило следующую картину. Отметим сразу, что картина эта достаточно обобщенная, а чтобы детально разобраться во всех особенностях темы, необходимы дальнейшие исследования, которые будут обобщены и отражены в монографическом труде и/или научных статьях.

Численность населения РФ за сорок лет практически не изменилась. Удельный вес русских в составе всего населения страны сократился почти на 10 %, удельный вес всех других этносов сократился на 1,47 %, а удельный вес не указавших национальную принадлежность вырос на 11 %. При этом на основании анализа ряда лингводемографических параметров можно высказать предположение, что две трети всех не указавших национальную принадлежность в случае конкретного ответа на этот вопрос вошли бы в группу «все другие этносы», а одна треть оказалась бы русскими. В группу «все другие этносы» входят также более миллиона назвавших себя «россиянами», что, во-первых, может быть вариантом ухода от ответа о национальной принадлежности, во-вторых, частично может быть следствием обычной невнимательности (возможно, в процессе самостоятельного заполнения опросного листа вопрос о национальной принадлежности был спутан с вопросом о гражданстве); с другой стороны, такая ситуация может наглядно показывать, что для достаточно большого числа наших сограждан гражданская самоидентификация начинает превалировать над национальной. Следует в дальнейшем обратить внимание на динамику этого ответа. Основное сокращение численности группы «все другие этносы» произошло за счет сокращения с 1989 г. на 80 % числа украинцев, численность которых только за последние десять лет уменьшилась на миллион человек.

Полмиллиона россиян выбрали вариант «не имею национальной принадлежности»; косвенные признаки свидетельствуют, что, вероятно, три четверти из них – бывшие русские, а теперь так называемые «граждане мира».

Удельный вес русскоязычных россиян уменьшился за последние тридцать лет на 10,6 %, а за десять лет между двумя последними переписями – на 8 %. Доля русских в структуре

русскоязычных оставалась почти неизменной, доля всех других этносов в составе русскоязычных снизилась с 16,6 до 13,7 %, что может указывать на некоторое сужение у русского языка функции языка межнационального общения в РФ; доля процента русскоязычных, не указавших национальность, увеличилась до 4,6 %.

В повседневной жизни русский язык используют 89,9 % всего населения страны: из русских 99 % используют русский язык в повседневной жизни, из всех других этносов – 87,4 %, а из не указавших национальную принадлежность – 35,6 %.

Число указавших русский язык родным по сравнению с 1989 г. сократилось на 11 %, что на 1 % больше, чем сократилось число указавших владение русским языком. При этом число представителей всех других национальностей, считающих русский язык родным, немного подросло и составило 32 % этой группы.

Число монолингвов среди русских растет, достигнув, по приблизительной оценке, 93,76 %.

По нашему мнению, притормозить сокращение русских можно, только замедлив их отток в города. Позволим себе сослаться на исследование, выполненное совместно антропологами и генетиками по ряду грантов РФФИ и обобщенное в монографическом труде 2007 г. «Русский генофонд на Русской равнине» [Балановская, Балановский, 2007]. Авторы пишут: «Городам всегда свойственно суженное воспроизводство, и никакие дотации не смогут изменить это свойство» [Там же: 312]. Чтобы замедлить процесс урбанизации, следует прекратить «оптимизировать» дошкольные и школьные учреждения, фельдшерско-акушерские пункты на селе, сокращать маршруты общественного транспорта и автолавок, но продолжать развивать сельскую ипотеку и принимать другие меры, но самое главное – начать создавать реальные рабочие места в сельской местности, а также параллельно снизить налог для мелкого и среднего сельского бизнеса и т. д.

Ближайшее десятилетие, безусловно, будет временем серьезных геополитических трансформаций. Не исключено, что помимо новых регионов, число русскоязычных может в определенной степени повыситься и за счет потенциальной мощности русского языка. Это произойдет в случае потока обратной миграции русских из ряда стран, прежде всего стран Европы. Но надеяться только на это, безусловно, было бы неправильно. Следует сделать все возможное, чтобы притормозить депопуляцию русского этноса внутри страны: только совокупность тщательно продуманных и последовательно реализованных мер позволит приостановить сужение демографической мощности русского языка.

Литература

Балановская Е.В., Балановский О.П. (2007) Русский генофонд на Русской равнине. М.: Луч. 416 с.

Беликов В.И. (1997) Надежность советских этнолингвистических данных // Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 12–44.

Вопросы о национальности и языке Всероссийской переписи населения 2010 года (На Всероссийском совещании статистиков 12 февраля 2009 года, д.о. «Покровское» Одинцовского района. Режим доступа: http://valerytishkov.ru .

Всероссийская перепись населения 2002 года [Электронное издание на компакт-диске].

Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 1.; Т. 4. [Эл. издание]. Всероссийская перепись населения 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul# Том 5 «Национальный состав и владение языками».

Горячева М.А. (2022) Динамика выпуска периодики на русском и республиканских государственных языках народов РФ (1970–2021) [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 45–70. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-45-70. Режим доступа: http://sociolinguistics.ru/wp-content/uploads/2023/01/__Sociolinguistics_4122022-45-70_Goryacheva.pdf. Дата обращения: 09.04.2023.

Итоги переписи населения 2014 года в Крымском федеральном округе https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/prez_surinov(1).pdf

Конституция Российской Федерации (с поправками от 01.07.2020 (2020). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767edb4d4d2ea1def6e9f/. Дата обращения: 09.04.2023.

Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989. (1990) М.: Финансы и статистика.

Орешкина М.В. (2016) Русский язык – государственный язык Российской Федерации // Язык и общество : Социолингвистическая энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 388–411.

Письменные языки мира : Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энциклопедия (2000). Кн. 1. М: Academia. 656 с.

Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государствот 18 декабря 2020 года об объявлении в Содружестве Независимых Государств 2022 года Годом народного творчества и культурного наследия, 2023 года – Годом русского языка как языка межнационального общения (2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cis.minsk.by/reestrv2/doc/6369#text. Дата обращения: 07.04.2023.

Таблицы с итогами Федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе». Разд. IV. Табл. 4, 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm Дата обращения: 27.11.2022.

Тишков В.А. (2019) Тезис о родном языке // Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах /Под ред. Е.И. Филипповой и С.В. Соколовского. М.: Горячая линия – Телеком. 260 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://valerytishkov.ru/engine/documents/document2672.pdf.

Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/

Федеральный закон от 01.06.2005 N 53-ФЗ (ред. от 28.02.2023) «О государственном языке Российской Федерации» (2005) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/22277adf3d159e8c071d2a73161373398e4b13b3/.

References

Balanovskaya, E.V., Balanovsky, O.P (2007) Russkij genofond na Russkoj ravnine [Russian gene pool on the Russian Plain]. M.: Luch. 416 p. (In Russ.)

Belikov, V.I. (1997) Nadezhnost' sovetskih jetnolingvisticheskih dannyh [Reliability of Soviet ethnolinguistic data] // Malye jazyki Evrazii: sociolingvisticheskij aspect [Minor languages of Eurasia: sociolinguistic aspect]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. Pp. 12–44. (In Russ.)

Voprosy o nacional'nosti i jazyke Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda (Na Vserossijskom soveshhanii statistikov 12 fevralja 2009 goda, d.o. «Pokrovskoe» [Questions about nationality and language of the All-Russian population census of 2010 (At the All-Russian meeting of statisticians on February 12, 2009, the settlement "Pokrovskoye" of the Odintsovo district.] Odincovskogo rajona. Rezhim dostupa: http://valerytishkov.ru. (In Russ.)

Vserossijskaja perepis' naselenija 2002 goda [All-Russian Population Census 2002] [Jelektronnoe izdanie na kompakt-diske]. (In Russ.)

Vserossijskaja perepis' naselenija 2010 goda [All-Russian Population Census 2010] T. 1.; T. 4. [Jel. izdanie]. Vserossijskaja perepis' naselenija 2020 goda [All-Russian Population Census 2020] [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul# Tom 5 «Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami».(In Russ.)

Gorjacheva, M.A. (2022) Dinamika vypuska periodiki na russkom i respublikanskih gosudarstvennyh jazykah narodov RF (1970–2021) [Dynamics of periodicals production in Russian and republican state languages of peoples of the Russian Federation (1970–2021)] [Jelektronnyj resurs]. Sociolingvistika. 2022. No. 4 (12). Pp. 45–70. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-45-70. Rezhim dostupa: http://sociolinguistics.ru/wp-content/uploads/2023/01/Sociolinguistics_ 4122022-45-70_Goryacheva.pdf. Data obrashhenija: 09.04.2023.

Itogi perepisi naselenija 2014 goda v Krymskom federal'nom okruge [Results of the 2014 population census in the Crimean Federal District]. (In Russ.) https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/prez_surinov(1).pdf.

Konstitucija Rossijskoj Federacii (s popravkami ot 01.07.2020 (2020) [Constitution of the Russian Federation (as amended on 07/01/2020)]. (In Russ.) Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767edb4d4d2ea1def6e9f/. Data obrashhenija: 09.04.2023.

Naselenie SSSR po dannym Vsesojuznoj perepisi naselenija 1989 (1990) [The population of the USSR according to the data of the All-Union population census of 1989]. M.: Finansy i statistika. (In Russ.)

Oreshkina, M.V. (2016) Russkij jazyk – gosudarstvennyj jazyk Rossijskoj Federacii // Jazyk i obshhestvo. Sociolingvisticheskaja jenciklopedija [Language and society. Sociolinguistic Encyclopedia]. M.: Azbukovnik. 872 p. Pp. 388–411. (In Russ.)

Pis'mennye jazyki mira. Jazyki Rossijskoj Federacii. Sociolingvisticheskaja jenciklopedija. (2000) [Written languages of the world. Languages of the Russian Federation. Sociolinguistic Encyclopedia.] Kn. 1. M: Academia. 656 p. (In Russ.)

Reshenie Soveta glav gosudarstv Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstvot 18 dekabrja 2020 goda ob ob#javlenii v Sodruzhestve Nezavisimyh Gosudarstv 2022 goda Godom narodnogo tvorchestva i kul'turnogo nasledija, 2023 goda – Godom russkogo jazyka kak jazyka mezhnacional'nogo obshhenija (2020) [Decision of the Council of Heads of State of the Commonwealth of Independent States dated December 18, 2020 on declaring 2022 as the Year of Folk Art and Cultural Heritage in the Commonwealth of Independent States, 2023 as the Year of the Russian Language as the Language of Interethnic Communication (2020)] [Jelektronnyj resurs]. (In Russ.) Rezhim dostupa: https://cis.minsk.by/reestrv2/doc/6369#text. Access date: 07.04.2023.

Tablicy s itogami Federal'nogo statisticheskogo nabljudenija «Perepis' naselenija v Krymskom federal'nom okruge» [Tables with the results of the Federal Statistical Observation "Population

Census in the Crimean Federal District".]. Razdel IV, Tabl. 4 i 6. [Jelektronnyj resurs]. (In Russ.) Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo_/perepiskrim/tab-krim.htm Access date: 27.11.2022.

Tishkov, V.A. Tezis o rodnom jazyke // Smert' jazyka — smert' naroda? Jazykovye situacii i jazykovye prava v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah [Language situations and language rights in Russia and neighboring states] /pod red. E.I. Filippovoj i S.V. Sokolovskogo. M.: Gorjachaja linija – Telekom, 2019. 260 p. [Jelektronnyj resurs]. (In Russ.) Rezhim dostupa: http://valerytishkov.ru/engine/ documents/document2672.pdf.

Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki (Rosstat) [Federal State Statistics Service (Rosstat)]. Oficial'nyj sajt. [Jelektronnyj resurs]. (In Russ.) Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/

Federal'nyj zakon ot 01.06.2005 N 53-FZ (red. ot 28.02.2023) "O gosudarstvennom jazyke Rossijskoj Federacii" [Federal Law No. 53-FZ of June 1, 2005 (as amended on February 28, 2023) ["On the State Language of the Russian Federation"] (In Russ.) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ 22277adf3d159e8c071d2a73161373398e4b13b3/

Горячева Мария Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям.

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: masha22275@list.ru

Для цитирования: *Горячева М.А.* Динамика владения русским языком в Российской Федерации по данным переписей населения 1989–2020 годов [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 30–48. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-30-48

For citation: *Goryacheva, M.A.* Dynamics of Russian language proficiency in the Russian Federation based on data of the 1989–2020 population censuses [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 30–48. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-30-48

УДК 81’272 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-49-59

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Валентина А. Маслова
Витебский государственный университет,
Республика Беларусь
Светлана Ю. Камышева
Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина,
Российская Федерация

В статье рассматриваются различные аспекты существования и функционирования русского языка в Республике Беларусь, обозначаются противоречия и проблемы, которые существуют в современной республике, делается попытка наметить пути их устранения. Чтобы оценить позиции русского языка в Республике Беларусь, нужны статистические данные, которые были получены нами по методике, предложенной коллективом ученых Института русского языка им. А.С. Пушкина (УС-Индекс). Именно по этой модели мы провели исследование по белорусскому региону. В результате анализа собранных данных мы пришли к выводу, что Республика Беларусь является уникальным государством среди постсоветских стран, в котором русский язык доминирует во всех сферах жизни народа – от функционирования в государственной сфере до образования, науки и культуры, хотя Республика Беларусь – многонациональная страна, в которой около 70 % составляют белорусы, 13 % русские, остальные 17 % – поляки, украинцы, евреи и др. При этом белорусский язык, являясь родным языком титульной нации, из важнейшего средства общения превращается в символ национальной самоидентификации, о чем написала Н.Б. Мечковская более 20 лет назад. Русский язык в Республике Беларусь является одновременно социальной, духовной и культурной ценностью. Отсюда интерес к нему и забота о нем государства. Хотя язык является саморазвивающейся системой, он в определенной мере поддается государственному регулированию.

***Ключевые слова**: Республика Беларусь, языковая ситуация, функционирование русского языка, проблемы и противоречия*

CURRENT LANGUAGE SITUATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS: SPECIFICITY AND PROBLEMS

Valentina A. Maslova
Vitebsk State University named after P. Masherov,
Republic of Belarus
Svetlana Yu. Kamysheva
Pushkin State Russian Language Institute,
Russian Federation

The article examines various aspects of the existence and functioning of the Russian language in the Republic of Belarus, identifies contradictions and problems that exist in the modern republic, and attempts to outline ways to eliminate them. To assess the position of the Russian language in the Republic of Belarus, we need statistical data that were obtained by us according to the methodology proposed by the team of scientists of the Pushkin Institute (US-Index). It was based on this model that

we conducted a study on the Belarusian region.As a result of the analysis of the collected data, we came to the conclusion that the Republic of Belarus is a unique state among post-Soviet countries, in which the Russian language dominates in all spheres of life and activity of the people – from functioning in the public sphere to education, science and culture, although the Republic of Belarus is a multinational country, in which about 70 % are Belarusians, 13 % are Russians, the remaining 17 % are Poles, Ukrainians, Jews, etc. At the same time, the Belarusian language, being the native language of the titular nation, turns from the most important means of communication into a symbol of national identity, as N.B. Mechkovskaya wrote about more than 20 years ago. The Russian language in the Republic of Belarus is both a social, spiritual and cultural value. Hence, there is an interest in it and the concern of the state for it. Although the language is a self-developing system, it is to a certain extent amenable to state regulation.

Keywords: *The Republic of Belarus, language situation, functioning of the Russian language, problems and contradictions*

Введение

Язык имеет социальную природу: он рождается и функционирует, изменяясь на протяжении столетий, только в обществе. Он зависит от общества, но одновременно влияет на него. Отсюда значительная роль социолингвистики, изучающей комплекс проблем, обусловленных социальной природой языка, его тесной связью с обществом, потому что языковое бытие является зеркалом бытия социального. Современный мир быстро меняется, и язык меняется вместе с ним, причем не всегда в лучшую сторону. В результате таких изменений формируется новое коммуникативное пространство, в котором уже почти не остается места для традиционных форм общения (межличностное общение собеседников, письма-размышления в бумажном варианте и др.). В результате современная молодежь уже не умеет жить без гаджетов, которые, ускорив поиск информации, привели к целому ряду не только коммуникативных, но с социопсихологических проблем. Возникает особая и тревожная языковая ситуация, которая должна исследоваться современной социолингвистикой.

Республика Беларусь (РБ) – многонациональная страна, в которой законодательство учитывает реально сложившуюся в стране языковую ситуацию. В РБ около 70 % составляют белорусы, 13 % русские, остальные 17 % – поляки, украинцы, евреи и др. Оплотом русского языка является город, где лишь в последние годы белорусская творческая часть общества (художники, актеры и т.д.) приняла белорусский язык в качестве средства общения. Сельские жители, которых менее 30 %, чаще используют в общении белорусский язык. В Витебске, крупнейшем городе Белоруссии, проживает около 360 тыс. жителей, из них 78 % русских и 16 % белорусов, однако более половины от общего числа населения этого города около половины назвали родным оба языка – и русский, и белорусский.

Чтобы оценить позиции русского языка в странах бывшего СССР и отдельных регионах, нужны статистические данные, полученные по единой схеме опроса, наподобие той,

которую разработали специалисты из Института русского языка им. А.С. Пушкина [УС-Индекс, 2022]. Эта огромная и важная по значимости работа позволяет достаточно объективно по самым разным параметрам оценить роль русского языка для каждой страны. Именно по этой модели мы провели исследование по белорусскому региону.

Цель данного исследования – выявить особенности функционирования русского языка в Республике Беларусь, показать противоречия и наметить пути их преодоления.

Методика

Методологическую базу исследования составили труды зарубежных и отечественных философов, культурологов, социолингвистов по теоретическим аспектам; в работе применялись общенаучные методы обобщения и систематизации, сравнения, описательный метод, методы анализа и синтеза, а также частнонаучные лингвистические методы, среди которых приемы интерпретации, классификации, а также анкетирование и статистические приемы обработки анкет.

Результаты и обсуждение

Статья состоит из двух частей, в каждой из которых поднимается важная проблема. 1. Характеристика языковой ситуации в РБ. Функционирование русского языка в стране. 2. Проблемы и противоречия, пути их решения.

1. Характеристика языковой ситуации в РБ. Функционирование русского языка в стране

Язык – важнейшая видоспецифическая характеристика человека, без него невозможно миропонимание и понимание человеком самого себя: «Язык – это святая сила, расширяющая узкий мир человека до Вселенной» (Ч. Айтматов). Х. Гадамер сказал: «Язык – это среда, в которой объединяются “Я” и мир». Язык не просто средство общения, но и величайшая ценность народа, он живет внутри нас, это наш «дом бытия» (М. Хайдеггер), он хранитель Божественной воли и Истины, поэтому любой язык является одновременно социальной, духовной и культурной ценностью. Отсюда интерес к нему и забота о нем государства. Хотя язык является саморазвивающейся системой, он в определенной мере поддается государственному регулированию.

Русский язык является главной ценностью не только России, но Белоруссии и всего славянского мира, поскольку это единственный из славянских языков мировой язык, язык международного общения. Русский язык – один из шести официальных языков ООН и ряда

других международных организаций. Вот некоторые цифры: на континенте Европа 312 млн. человек говорили на славянских языках, а из них – 140 млн. говорили по-русски. Почти полностью русскоговорящими были Литва, Латвия и Эстония, 28 % русскоговорящих было в Польше, 23 % – в Болгарии и т.д. Теперь ситуация нестабильна: по официальным данным, 72 млн. русскоговорящих из 140 потеряно.

Согласно нашим данным, собранным на основе методики, представленной в «Индексе устойчивости русского языка в странах постсоветского пространства», русский язык в РБ анализировался по следующим параметрам: 1) функционирование русского языка в государственно-общественной сфере; 2) русский язык в сфере образования; 3) роль русского языка в национальной науке; 4) русский язык в медиапространстве РБ; 5) русский язык в учреждениях культуры: библиотеках, музеях, театрах.

1. О функционировании русского языка в государственно-общественной сфере Республики Беларусь мы можем судить по юридическому статусу русского языка в стране, закрепленному в Конституции, а также его роли в государственной коммуникации – наличие официальных сайтов органов государственной власти на русском языке и т.д.

В РБ русский язык является одним из государственных языков (вместе с белорусским). Русский язык в стране знают все, независимо от национальности (насчитывается около 140 национальностей). Статус русского языка закреплен в Конституции (статья 17), он употребляется в качестве официального в государственных и муниципальных органах. Русскоязычные версии/страницы имеются на официальных сайтах большей части высших органов государственной власти, представлены также русскоязычные версии страниц порталов государственных услуг.

2. Русский язык в сфере образования – это количество обучающихся на русском языке школьников; количество учителей русского языка в общей численности педагогов школ; количество учащихся среднего профессионального образования; количество студентов вузов с русским языком обучения.

Если в общем количество учеников/школ на русском языке в постсоветских странах за последние 30 лет сократилось вдвое по сравнению с 1990/1991 уч. годом, то в РБ их стало больше на 11,7 %. По данным Министерства образования, доля детей, обучающихся на русском языке, увеличивается ежегодно на 2–3 % и составляет более 83 %. Доля обучающихся на белорусском языке, соответственно, снизилась.

По данным таблицы «Численность учащихся в учреждениях среднего специального образования по языку обучения» (стр. 25) буклета «Образование в Республике Беларусь», составленного Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь, количество

обучающихся на русском языке постепенно уменьшилось (с 99,4 тыс. чел. в 2016/17 уч. году до 91,3 тыс. чел.). Однако это объясняется уменьшением общего количества учащихся (117, 8 тыс. в 2016/17 уч. году до 110,4 тыс. чел.)

Доля учителей русского языка (6635) в общей численности школьных педагогов (111 400) в РБ составляет 6 %; в училищах, техникумах, колледжах приблизительно 400 человек учителей; вне академического сектора (в частных, субботних и воскресных школах, центрах дополнительного образования, на языковых курсах и т.п.) примерно 150 учителей.

Республика Беларусь занимает первое место среди стран постсоветского пространства по числу студентов вузов, обучающихся на русском языке. Мы наблюдаем увеличение доли обучающихся на русском языке в учреждениях высшего образования Белоруссии за 30 лет на 1,1 % (98,5 % – в 1990–1991 гг., 99,6 % – в 2019–2022 гг.). В вузах более 90 % обучаются на русском языке [Система образования, 2022: 62].

Таким образом, в РБ позиции русского языка как языка образования традиционно сильны. В целом на основании статистических данных Белоруссия относится к числу стран с высокой долей обучающихся на русском языке (90–100 %).

3. Почти по всем параметрам, выделенным при составлении УС-Индекса, Республика Беларусь относится к странам, в национальной науке которых русский язык является ведущим языком научных публикаций, причем даже в публикациях, индексируемых в международных базах данных. По параметру «Русский язык в научной коммуникации» Республика Беларусь занимает первое место среди других стран постсоветского пространства – 11,11 (итоговый показатель).

4. По параметру присутствия русского языка в медиапространстве Республика Беларусь относится к странам с высокой долей русскоязычных СМИ (81 %). Это обусловлено целым рядом причин, важнейшие среди них – высокий статус русского языка и количество русскоговорящего населения.

Более подробные сведения. По состоянию на 1 мая 2022 года в Беларуси на русском языке издавались 700 газет и 822 журнала (зарегистрированные русскоязычные СМИ). Более двух третей из них являются частными. Среди них печатные версии газет и журналов; радио- и телеканалы; информационные агентства; интернет-издания; мессенджеры для обмена новостями.

Согласно статистическим данным, на 1 июня 2022 г. в стране зарегистрировано 1561 печатное средство массовой информации (699 газет, 822 журнала, 31 бюллетень, 7 каталогов, 2 альманаха), из них 426 государственных и 1135 негосударственных; 7 информационных агентств (2 государственных, 5 негосударственных); 37 сетевых изданий (30 государственных,

7 негосударственных); 206 телерадиовещательных СМИ, из них 127 государственных (84 радиопрограмм и 43 телепрограммы) и 79 негосударственных (26 радиопрограмм и 53 телепрограммы) [Число печатных изданий…]. Кроме того, на территории Республики Беларусь распространяется более 230 иностранных телепрограмм (в кабельных сетях) и более 4 тыс. зарубежных печатных СМИ. По состоянию на 21 июня 2022 г. выдано 1737 разрешений на распространение печатных СМИ [Число печатных изданий…].

5. Русский язык является ведущим в библиотечных фондах, музеях, клубах [Общая характеристика…]. Так, общее количество книг в Национальной библиотеке Беларуси – 10,4 млн экз., подавляющее большинство книг на русском языке. Во всех музеях есть возможность прочесть музейные аннотации и тексты на русском языке. Во многих музеях есть экспозиции, посвященные русской истории и культуре, известным деятелям, а также истории и культуре периодов общего развития народов – вхождения белорусских земель в состав Российской империи.

На начало 2023 г в РБ работают 18 театров, из них 14 – на русском языке. Театры и студии, имеющие в названии слово «русский», отсутствуют, но репертуар многих театров и студий идет на русском языке. Есть русский репертуар в театре оперы и балета: «Князь Игорь», «Анна Каренина» и др.

Итак, русский язык, согласно данным УС-Индекса, в РБ наиболее устойчив (14,29), страна лидирует с отрывом от Киргизской Республики (6,67) более чем в 2 раза. Замыкает тройку лидеров Республика Казахстан (6,25). При этом самым «ровным» по параметрам индекса является профиль Белоруссии [УС-Индекс, 2022].

Все как будто бы идеально в РБ для русского языка, но взгляд изнутри позволяет увидеть и некоторые проблемы. Государство старается урегулировать отношения между русским и белорусским языками. Ю.Б. Коряков пишет о «парадоксальной языковой политике государства» [Коряков, 2002], которая заключается в том, что, с одной стороны, оно недостаточно поддерживает белорусский язык, например, редко использует его в административном аппарате, а с другой, – финансирует культуру на белорусском языке. Президент А.Г. Лукашенко говорит: «Право каждого – выбирать. Мы на референдуме определились, что у нас два государственных языка – русский и белорусский. Русский язык для Белоруссии не чужой». Думается, что возрождение и поддержка белорусского языка, который более нуждается в защите, не вступает в противоречие с популярностью русского языка. И здесь у РБ – свой путь: защищая интересы белорусского языка, в стране учитывают языковую ситуацию и желание абсолютного большинства населения.

По данным общереспубликанского исследования, проведенного в июне 2013 г. Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси, самым объединяющим народ фактором в РБ считается гражданство (91,3 %), т.е. принадлежность человека к конкретному государству. Значимость культуры, традиций отметили 86 % респондентов. Далее идут происхождение (84,3 %), патриотизм (81,1 %), общая история (85,8 %), религия (78 %), менталитет (78,2 %), язык (76,8 %). Как видим, язык не является определяющим фактором для самоидентификации с белорусами. Следовательно, этнический язык белорусами считается индивидуальной ценностью, а государственная идентичность названа более важной, чем этническая.

Парадоксов в Белоруссии много. Так, по последней переписи, белорусов в стране 83,75 %, но в качестве родного назвали белорусский язык лишь более 37 %. Ввели понятие домашний язык. Не помогло. Цифры сходные: в качестве домашнего языка в РБ 70 % используют русский язык, а белорусский 27 %. Здесь большое поле деятельности для националистически настроенной части населения. Остальным нужно сохранять бдительность, чтобы не пойти по украинскому варианту.

2. Проблемы и противоречия, пути их решения

В Белоруссии выявлен ряд специфических черт функционирования русского языка. Это его разбавление «трасянкой» [Тан Юй, 2019], т.е. местными диалектами. Функционирование русского языка в Белоруссии идет по сходным с российскими моделям, но есть и исключения, о которых Г. Гачев писал: «Каждый народ одарен особым талантом видеть мир и сотворять вещи таким образом, который не свойственен народу-соседу» [Гачев, 1999: 17]. Даже столь близкие между собой языки, как русский и белорусский имеют различный космологос (в понимании Г. Гачева), т.е. почти все слова имеют свою специфику в оценке или коннотации названных вещей и явлений, вызывают специфические для каждого народа ассоциации. Примером могут служить данные ассоциативного эксперимента, согласно которым все *веселое* русские связывают с *журчащим ручейком*, а белорусы с *вясёлкой* (радугой), на слово *добрый* у русских идет ассоциация *друг*, у белорусов – *мать* и т.д. При сравнении языков получается, что отношение к миру в белорусском языке менее эмоциональное: например, русское слово *ладонь*. Белорусский вариант – *далонь* – ассоциативно связано со словами *доля, долина, даль*. В русском ладонь – *лад, ладно*.

Русский язык в течение веков вбирал в себя самобытные черты русской языковой личности, формируя русский национальный характер [Маслова, 2007]. Очень показательны в этом плане этностереотипы, которые имеют корни в ментальности, когда поведение другого

народа меряется «на свой аршин»: *восточное гостеприимство, русский размах, немецкая аккуратность, американский прагматизм, выцыганить;* стереотипы-импликатуры – *Я не русский, но выпить люблю* и под.

Еще пример. И в России, и в Белоруссии мы не можем ответить на многие вопросы по поводу функционирования загадочной частицы/приставки *не-*: *невозможный, невероятный* – высшая степень совершенства, хотя по логике здравого смысла должно быть наоборот, ибо присутствует отрицание. Фразы: *Он не мог не прийти; мог не прийти; мог прийти* – несут разные, но не прямо противоположные смыслы. *Чай долго не остывает* и *чай долго остывает* – это одинаковые по смыслу предложения, хотя в одном из них функционирует отрицательная частица.

В РБ с русским языком соперничает английский язык, т.к. в обыденном сознании людей успешность связывается со знанием английского языка. Повышенное внимание к английскому языку ведет не только к засорению, а к взлому русского культурного кода. Уже появились работы об этом: М. Кронгауз «Русский язык на грани срыва», И. Левонтина «Русский со словарем» и др.

Чем *паритет* лучше *равенства*? *Имидж* лучше *образа, облика*? Сейчас распространилось слово *Хаб* – «узел сети» (транспортной, торговой, газовой и др). Это слово неблагозвучно для русского уха. Взлом культурного кода происходит в результате того, что переформатируются наши ценности. Например, выражение *черная пятница* – в рекламе – это хороший день скидок и удачных покупок, но *черный* в русской лингвокультуре – цвет скорби, горя и т.д.; *успешный человек – успех* у русских и белорусов никогда не был основополагающей ценностью (происходит от праславянского вполне нейтрального *спеть* – «становиться спелым»); *карьера* – всегда считалось постыдным признаваться в стремлении «сделать карьеру». Слово *амбиции* стало оцениваться положительно, хотя в русской лингвокультуре оно связано с завышенной самооценкой, т.е. близко по значению к слову *гордыня*, а в русской культуре всегда ценилось противоположное качество – *смирение*. При анализе подобных языковых фактов нужно учитывать не только контекст системы языка, но и языковую ситуацию, формирующуюся каждый раз заново. Об этом писал еще Л. Витгенштейн, создавая свою теорию языковой игры. Обилие подобных слов ведет к попытке переформатировать наше сознание, изменить наши ценности, потому что наше миропонимание находится в плену у нашей языковой картины мира: мы видим только то, что есть в нашем языке. Нам следует помнить слова И.С.Тургенева: «Русский язык так богат и *гибок*, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас». Кстати, все приведенные примеры, кроме слова *успех* имеют иноязычное

происхождение, чаще английское. Сохранение чистоты и духовной энергии русского языка – это важнейшая проблема всего русского мира.

Есть вопросы и по отношению к алфавитам. Известно еще из Библии, что буква собирает воедино все звуковые варианты, т.е. охраняет звук от размывания. Отсюда важность алфавита. Поэтому смена кириллицы для славянских языков (и не только для них) грозит в конечном результате изменением мировидения и миропонимания. При этом нужно еще учитывать, что алфавит создавался святыми.

Мы понимаем, что мир меняется, вместе с ним меняется и язык: не только появляются новые слова, но меняется даже грамматика, которая более консервативна, чем другие ярусы языка: появился новый союз *в смысле* в значении *то есть*; в русском языке, вместо четырех прошедших времен осталась одна форма, из шести склонений – три. А в лексике таких изменений огромное количество: *уединиться* – не просто остаться одному, а отделиться – *уединиться с любимым человеком; выбор* постепенно становится одной из важных ценностей русской культуры и т.д. Разрушают лингвокультурный код и жаргонизмы – *наехать, отмазать* и др. Эти «уголовные» словечки внедряют в наше сознание миропонимание антиобщественной группы людей. И этим жаргон опасен.

Хотя русский язык меняется, он сохраняет свою нормативную основу. Система литературных норм, разработанная еще М.В. Ломоносовым в «Русской грамматике» (1755), определила дальнейшую судьбу русского языка в целом.

Есть также проблема, которую легче представить через следующее четверостишие:

Русская речь, в твоем ситцевом поле
Все незабудки и все васильки
Века двадцатого – плачут от боли.
Вытопчем поле – умрем от тоски. (*Надежда Кондакова*)

Вывод весьма серьезный: нужно воспитывать чувство благодарности к взрастившему нас языку и культуре, через который мы, белорусы, получили хорошее образование и приобщились не только к русской, но и мировой культуре, к цивилизационным ценностям.

Вывод

В результате анализа собранных данных мы пришли к выводу, что Республика Беларусь является уникальным государством среди постсоветских стран, в котором русский язык доминирует во всех сферах жизни деятельности народа – от функционирования в государственной сфере до образования, науки и культуры.

При этом, белорусский язык, являясь родным языком титульной нации, из важнейшего средства общения превращается в символ национальной самоидентификации, о чем писала Н.Б. Мечковская более 20 лет назад [Мечковская, 2000].

Литература

Гачев Г.Д. (1999) Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК. 368 с.

Индекс положения русского языка в мире: Индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс) (2022). Вып. 2 / Сост. А. Л. Арефьев, А. Р. Голубь, С. Ю. Камышева, И. А. Маев, А. И. Ольховская, М. А. Осадчий, М. Н. Русецкая, А. С. Хехтель; под ред. М. А. Осадчего. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 60 с.

Коряков Ю.Б. (2002) Языковая ситуация в Белоруссии: Типология языковых ситуаций // Вопросы языкознания. № 2. С. 122–128.

Маслова В.А. (2011) Русский характер сквозь призму языка и текста: Лингвокультурологический анализ. Saarbrucken: LAP LAMBERT AcademicPublishing. 123 с.

Мечковская Н.Б. (2000) Социальная лингвистика : Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс. 207 с.

Общая характеристика отрасли культуры. Режим доступа: https://president.gov.by/ru/belarus/social/culturehttps://president.gov.by/ru/belarus/social/culture. Дата обращения: 29.04.2023.

Система образования Республики Беларусь в цифрах (2022) /В.В. Соломонова, А.В. Шнитко и др. Минск: Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь. 62 с.

Тан Юй. (2019) Русский язык в Белоруссии: Проблемы и перспективы // Молодой ученый. Режим доступа: https://moluch.ru/archive/269/61799/. Дата обращения: 16.10.2022.

Число печатных изданий: База статистических данных // Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/kult//. Дата обращения: 29.04.2023

References

Gachev, G.D. (1999) Nacional'nye obrazy mira. Evraziya – kosmos kochevnika, zemledel'ca I gorca [National images of the world. Eurasia – the space of a nomad, farmer and highlander]. M.: Institut DI-DIK. 368 p. (In Russ.)

Koryakov, Yu.B. (2002) Yazykovaya situaciya v Belorussii: tipologiya yazykovyh situacij [Language situation in Belarus: typology of language situation] // Voprosy yazykoznaniya. No. 2. Pp. 122–128. (In Russ.)

Maslova, V.A. (2011) Russkij harakter skvoz' prizmu yazyka I teksta. Lingvokul'turologicheskij analiz. [Russian character through the prism of language and text. Linguoculturological analysis]. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing.123 p. (In Russ.)

Mechkovskaya, N.B. (2000) Social'naya lingvistika : Posobie dlya studentov gumanit. vuzov i uchashchihsya liceev [Social linguistics : A manual for students is humanitarian. universities and students of lyceums]. M.: Aspekt Press. 207 p. (In Russ.)

Obshchaya harakteristika otrasli kultury [General characteristics of the cultural sector]. Available at: https://president.gov.by/ru/belarus/social/culturehttps://president.gov.by/ru/belarus/social/culture.Access date:29.04.2023.(In Russ.)

Position of the Russian language in the World : Global Competitiveness Index (GK-Index), Sustainability Index in the post-Soviet countries (US-Index) (2022). Iss. 2 / Comp. A. L. Arefiev, A. R. Golub, S. Yu. Kamysheva, I. A. Maev, A. I. Olkhovskaya, M. A. Osadchy, M. N. Rusetskaya, A. S. Hechtel; ed. by M. A. Osadchy. Moscow, 60 p. (In Russ.)

Sistema obrazovaniya Respubliki Belarus' v cifrah (2022) [Education system of the Republic of Belarus in figures] / V.V. Solomonova, A.V. Shnitko i dr. Minsk: Glavnyj informacionno-analiticheskij centr Ministerstva obrazovaniya Respubliki Belarus'. 62 p. (In Russ.)

TanYuj (2019) Russkij yazyk v Belorussii: Problemy i perspektivy [Russian language in Belarus: problems and prospects] // Molodoj uchenyj. Available at: https://moluch.ru/archive/269/61799/. Access date: 16.10.2022. (In Russ.)

Chislo pechatny izdanij : Baza statisticheskih dannyh) [Number of Print Editions (Statistical Database)] Available at:https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/kult/. Access date: 29.04.2023. (In Russ.)

Маслова Валентина Авраамовна − доктор филологических наук, профессор, профессор Витебского государственного университета им. П. Машерова.
Адрес: 210015, Республика Беларусь, г. Витебск, Московский проспект, д. 33.
Эл. адрес: mvavit@tut.by

Камышева Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, руководитель Центра языковой политики и международного образования Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина.
Адрес: 117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.
Эл. адрес: sykamysheva@pushkin.institute

Для цитирования*: Маслова В.А., Камышева С.Ю.* Современная языковая ситуация в Республике Беларусь: Особенности и проблемы [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 49–59. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-49-59

For citation: *Maslova, V.A., Kamysheva, S.Yu.* Current language situation in the Republic of Belarus: Specificity and problems [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 49–59 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-49-59

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-60-71

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Мария Я. Каплунова
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

Распространение русского языка и расширение сфер его функционирования в мире является важнейшей стратегической задачей внешней языковой политики Российской Федерации. Вместе с тем реализация данной задачи неизбежно сталкивается с определенными трудностями, вызванными, прежде всего, доминированием английского языка во всех сферах международной коммуникации. Тем не менее в Китае, с которым у России сохраняются дружественные отношения, русский язык, который помимо прочего обладает статусом языка национального меньшинства и трансграничным языком, сохраняет свои позиции языка международного общения. В статье анализируется функционирование русского языка в КНР за последнее десятилетие. Оценивается ситуация с русским языком с точки зрения его роли в современном Китае. Автор приходит к выводу, что в контексте современной внешней политики Российской Федерации роль русского языка в Китае усиливается. При этом значительное влияние на распространение русского языка в китайской системе образования за последнее десятилетие сыграла инициатива «Один пояс, один путь». Вместе с тем, как показывают результаты исследований китайских социолингвистов, в настоящее время отмечается тенденция к утрате функций русского языка как языка национальных меньшинств. Таким образом, наиболее перспективными для русского языка являются его позиции в качестве языка международного общения как языка, ассоциирующегося с Российской Федерацией – страной-партнером Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: *Китай, Один пояс и один путь, русский язык, трансграничный язык, язык международного общения, языковая ситуация*

THE RUSSIAN LANGUAGE IN MODERN CHINA

Maria Ya. Kaplunova
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The spread of the Russian language and of the spheres of its functioning in the world is the most important strategic task of the foreign language policy of the Russian Federation. At the same time, the implementation of this task inevitably faces certain difficulties caused, first of all, by the dominance of English in all spheres of international communication. Nevertheless, in China, with which Russia maintains friendly relations, the Russian language with the status of a national minority language and a cross-border language, retains its position as the language of international communication. The article analyzes the functioning of the Russian language in China over the last decade. The situation with the Russian language is assessed from the point of view of its role in modern China. The author comes to the conclusion that in the context of the modern foreign policy of the Russian Federation, the role of the Russian language in China is increasing. The One Belt One Road initiative has played a significant role in the spread of the Russian language in the Chinese education system over the past decade. At the same time, as the results of studies by Chinese sociolinguists show, there is currently a trend towards the loss of the functions of Russian as the language of national minority in China. Thus, the most promising for the Russian language is its

position as a foreign language, as a language personified with the Russian Federation – a partner country of the People's Republic of China.

Keywords: *China, One Belt One Road, Russian, cross-border language, language of international communication, language situation*

Введение

Русский язык – один из языков международного общения, мировой статус которых определяется степенью функциональной представленности в различных коммуникативных сферах. Поддержание этого статуса определяет ключевые направления внешней языковой политики соответствующих стран, которая неизбежно сталкивается с вызовами современности. Согласно исследованиям Института русского языка им. А.С. Пушкина, в 2021 г. русский язык занял пятое место в мире по индексу глобальной конкурентоспособности (включая такие параметры, как число носителей, функционирование в качестве официального или рабочего языка международных организаций, число публикаций в ведущих международных научных базах данных, функционирование в СМИ, численность пользователей и количество ресурсов сети Интернет), уступив место английскому, испанскому, китайскому и французскому [Индекс, 2022: 13]. В то же время анализ функционирования русского языка в системе образования стран СНГ в рамках определения индекса устойчивости русского языка в странах постсоветского пространства за последние 30 лет в большинстве случаев выявил отрицательную динамику [Там же: 29].

Позиции русского языка в мире в настоящее время во многом определяются внешнеполитической обстановкой, и в этой ситуации значимую роль играют российско-китайские отношения стратегического партнерства, которые являются одним из важнейших приоритетов внешней политики Российской Федерации. В связи с этим особый интерес представляет анализ функционирования русского языка в современном Китае с различных позиций: языка национального меньшинства, трансграничного языка и языка международного общения (иностранного языка).

Русский язык как язык национального меньшинства

Согласно современной национальной политике Китайской Народной Республики, общее количество этносов Китая составляет 56, из которых 55 (все, кроме ханьского этноса, составляющего 91,11 % населения КНР) относятся к национальным меньшинствам (少数民族), а их языки, соответственно, к языкам национальных меньшинств. Русские также входят в этот

список, в соответствии с последней переписью населения КНР от 2020 г., достигнув численности 16 136 человек[1].

В настоящее время китайские русские проживают в основном в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) в городах Кульджа (Инин), Чугучак (Тачэн) и Урумчи, а также на севере провинции Хэйлунцзян и в городском уезде Аргунь-Юци Автономного района Внутренняя Монголия. За всю историю существования на территории Китая начиная с периода монгольских завоеваний в XIII в., когда пленные русские оказались на территории основанной монголами династии юань, русские прошли «через непростой процесс этнических изменений и признания как одного из национальных меньшинств» [Рябова, 2016: 138]. При этом большая часть данного этноса является потомками детей смешанных браков между ханьцами и русскими, родившихся в период с 1860-х годов по 1953 г. До 1938 г. русские китайцы были в основном расселены по обе стороны восточной границы между Китаем и Россией, например в городе Эргун Внутренней Монголии. Этнические русские в Синьцзяне в основном мигрировали с российской стороны восточного участка российско-китайской границы между 1932 и 1938 гг. [Тан Гэ, 2015: 92]. Неоднородность этноса стала причиной того, что за ним изначально закрепилось название «хуньсюэжэнь» (混血人), буквально «люди смешанной крови», являвшееся также и его самоназванием.

Признание за русскими статуса национального меньшинства в Китае началось в XX в. с политикой «натурализации» (гуйхуа 归化), проводившейся на территории Синьцзяна с 1928 г., согласно которой русские, добровольно присоединившиеся к китайской нации, уравнивались в правах с ханьцами. В результате в 1935 г. русские в статусе «гуйхуажэнь» (归化人) получили признание в качестве одного из этносов Синьцзяна [Рябова, 2016: 137]. Последовавший в 1946 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О распространении действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской Империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Маньчжурии», на подданных бывшей Российской Империи, а также на лиц, утративших советское гражданство, проживающих в провинции Синьцзян и в городах Шанхае и Тяньцзине» привел к восстановлению советского гражданства частью русских, проживавших на данных территориях. Наконец, официальное закрепление за русскими статуса национального меньшинства Китая уже в качестве «русского этноса» (俄罗斯族) в списке из 38 этносов происходит уже с приходом правительства Нового Китая в 1953 г. в результате пересмотра национальной политики и отказа от «унизительного характера названия

[1] Перепись населения КНР 2020 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.stats.gov.cn/search/s?qt=人口普查

гуйхуа в отношении русского этноса» [Хуан Гуансюэ, 1995: 148]. Однако и здесь последовавшие исторические события 60-х годов XX в. вносят свои коррективы: с резким ухудшением российско-китайских отношений на фоне культурной революции на русских, отличающихся внешними данными и культурной самобытностью, обрушиваются гонения и обвинения в шпионаже и принадлежности к советским ревизионистам. Подобные обстоятельства негативно сказываются на идентичности русских в Китае, в результате чего число русских в переписи населения КНР 1964 г. составило 1640 человек, тогда как в предшествующей переписи, 1954 г., их насчитывалось 22 650 человек [Чжунго миньцзу…, 2004].

С 1980-х годов, с началом реализации национальной политики Коммунистической партией Китая в условиях открытия Китая внешнему миру и нормализации отношений между Китаем и Россией возродилось и национальное самосознание китайских русских, а также их национальная культура. В результате со второй половины 1985 г. до Четвертой Национальной переписи в Китае 1990 г. часть этнических русских изменили свою этническую принадлежность с ханьской на русскую, составив, согласно переписи, 13 500 человек [Там же].

В настоящее время китайские русские, проживающие компактно на территории Синьцзяна и Внутренней Монголии сохраняют свои национально-культурные особенности, проявляющиеся в образе жизни, пище, одежде, народных промыслах, литературе, искусстве и религии. Наиболее сконцентрирована русская этническая группа в городе уездного уровня Эргун Внутренней Монголии, составляя значительную часть от общего числа русских в Китае. При этом наиболее примечательным населенным пунктом данного субъекта КНР является образованный в 2011 г. в результате реорганизации русского этнического поселка Шивэй русский этнический поселок Эньхэ (центр Эньхэ-Русской национальной волости), ежегодно привлекающий значительное число туристов русско-китайской этнической самобытностью[2].

С точки зрения функционирования русского языка среди представителей данного этноса отмечается, что большинство китайских русских – билингвы, владеющие китайским и русским языками как минимум на уровне восприятия на слух. При этом под влиянием китайской языковой среды русские в Китае сейчас редко используют русский язык [Тан Гэ, 2015: 94].

[2] По сообщению китайского информационного агентства China News, число туристов, приехавших в поселок Эньхэ только в 2017 г. составило около 500 000 человек. URL: http://www.chinanews.com.cn/cul/2017/08-13/8303714.shtml

Русский язык как трансграничный язык

В китайской социолингвистике широко применяется термин «трансграничный язык» (跨境语言). Из 55 официально признанных в настоящее время в КНР национальных меньшинств 30 относятся к «трансграничным» (跨境民族). Соответственно, термин «трансграничный язык» используется в отношении языков, употребляемых этими этносами. При этом данный термин является семантическим заимствованием английского варианта “cross-border language”. Как отмечают китайские социолингвисты, несмотря на то, что исследование транснациональных языков в Китае имело место еще в 1980-х годах, изучение данного явления практически не оказывалось в центре внимания китайской социолингвистики вплоть до XXI в., на который пришелся подъем в развитии исследований в данном направлении с акцентом на функциональную сторону трансграничных языков [Чжан Цзюнь, 2018: 42]. В 1993 г. под редакцией профессора Дай Цинся вышел сборник трудов «Исследование трансграничных языков» (《跨境语言研究》), в большинстве которых было представлено описание, а также анализ сходств и различий онтологии трансграничных языков в Китае и за рубежом [Исследование трансграничных языков, 1993]. Как отмечает профессор Чжао Шицзюй, «трансграничные языки – это не только уникальные языковые богатые культурные и ценные исторические ресурсы, но также и важные политические ресурсы, особые ресурсы безопасности и необходимые экономические ресурсы» [Чжао Шицзюй, 2016]. При этом почти все трансграничные языки Китая распределены по маршрутам китайской инициативы «Пояса и пути» (一带一路), выдвинутой Си Цзиньпином в 2013 г.[3], и большая часть из них являются государственными языками или официальными языками стран, относящихся к «Поясу и пути».

Поскольку некоторые народности КНР владеют двумя и более языками, число трансграничных языков превышает число трансграничных народностей [Дай Цинся, 2015: 3]. Этнические русские, проживающие на территории Китая, также входят в число трансграничных этносов. В результате русский язык, который, с одной стороны, входит в официальный список языков национальных меньшинств Китайской Народной Республики, одновременно является и трансграничным языком. Таким образом, трансграничный язык является естественным каналом для строительства «Пояса и пути» [Чжан Цзюнь, 2018:50].

Тем не менее, как показывают исследования китайских социолингвистов, функции и витальность русского языка в Китае в определенной степени сократились из-за незначительного числа русского населения и ограниченной сферы использования русского

[3] Совокупность экономических проектов, включая транспортные, логистические, торговые и др., в рамках международного партнерства между Китаем и Россией, странами Европы, Центральной, Южной, Передней и Юго-Восточной Азии, Африки, а также рядом стран Океании, Северной и Южной Америки.

языка [Там же: 47]. Описывая ситуацию с русским языком во Внутренней Монголии, Бай Пин и Чжао Шумэй отметили тенденцию к ослаблению языковых функций, упрощению языковой структуры и постепенной утрате витальности [Бай Пин, 2011; Чжао Шумэй, 2016]. Исследование функционирования русского языка в городском уезде Тачэн СУАР Чэнь Жунцюаня и Го Фэнлань показало, что почти все местные русские перешли на китайский язык, а некоторые из них также используют казахский и уйгурский языки [Чэнь Жунцюань, Го Фэнлань, 2015].

Русский язык как язык международного общения

В истории российско-китайских отношений русский язык традиционно играл значимую роль, что также отразилось на его функционировании в сфере образования Китая. При этом «бум» в обучении русскому языку в Китае пришелся на период с момента основания КНР в 1949 г. в условиях взаимодействия стран социалистического лагеря до периода «культурной революции» в 60-х годах XX в. В октябре 1949 г. в Пекине было открыто Специальное учебное заведение по изучению русского языка, подведомственное Бюро переводов при ЦК КПК и впоследствии переименованное в Пекинский институт русского языка – нынешний Пекинский университет иностранных языков; в декабре того же года в Шанхае было создано Шанхайское специальное учебное заведение по изучению русского языка – нынешний Шанхайский университет иностранных языков [Лю Лиминь, 2011:13].

В настоящее время на уровне высшего образования обучение по специальности «русский язык» доступно в вузах Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, провинций Хэбэй, Шаньси, Ляонин, Гирин, Хэйлунцзян, Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой, Хубэй, Ганьсу, Гуандун, Гуйчжоу, Хайнань, Фуцзянь, Чунцин, Сычуань, Цзянси, Шаньси, Синьцзян-Уйгурского, Нинся-Хуэйского и Гуанси-Чжуанского автономных районов, автономного района Внутренняя Монголия. По данным китайского информационного портала по высшему образованию в КНР (大学生必备网), в 2023 г. специальность «русский язык» преподается в 176 вузах, в число которых входят такие ведущие вузы Китая, как Пекинский университет, Китайский народный университет, Пекинский педагогический университет, Столичный педагогический университет, Пекинский университет иностранных языков, Пекинский университет языка и культуры, Университет международного бизнеса и экономики, Университет Китайской

академии общественных наук, Шанхайский университет иностранных языков и т.д. [4] Университеты активно поддерживают отношения с российскими вузами-партнерами.

На уровне среднего образования русский язык преподается во многих школах северо-востока Китая (средние школы в Харбине, районах городского подчинения г. Харбина Хулань, Шаунчэн и Сунбэй, Харбинская экспериментальная школа и др.), в Пекине (средняя школа района Чаоян), Шанхае (средняя школа при Шанхайском университете иностранных языков), в провинциях Шаньдун, Хэнань, Хубэй, Цзянсу и др. В 2018 г. по инициативе средней школы № 6 г. Харбина была создана Ассоциация довузовских образовательных учреждений России и Китая, в которую вошли 18 российских и 12 китайских школ, что способствует осуществлению международного взаимодействия в организации совместных мероприятий, включая культурные и спортивные обмены.

Упомянутая выше выдвинутая в 2013 г. инициатива «Одного пояса, одного пути», впоследствии ставшая важнейшим международным проектом экономического сотрудничества, способствовала интересу Китая к повышению уровня владения трансграничными языками вовлеченных в данный проект стран. Постепенная реализация проекта стимулировала российско-китайское сотрудничество и интерес к повышению уровня владения русским языком среди китайского населения. При этом особую роль в распространении русского языка играют приграничные территории Китая. Обучение русскоязычных кадров в колледжах и университетах на китайско-российской границе является необходимым условием развития «Одного пояса, одного пути» [Цюй Цзин, 2018: 44]. Например, Или-Казахский автономный округ СУАР, расположенный вдоль северо-западной границы КНР, является узлом взаимодействия Китая с Казахстаном, Россией, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменистаном.

Тем не менее, несмотря на трансграничный характер международного взаимодействия, ввиду низкого уровня витальности русского языка в Китае в качестве языка национального меньшинства и трансграничного языка, его функционирование в рамках международного экономического сотрудничества осуществляется в качестве языка международного общения или иностранного языка. При этом подготовка китайских специалистов, владеющих русским языком, сталкивается с рядом вызовов. В частности, одним из вызовов в подобной ситуации становится потребность не просто в китайских специалистах, владеющих русским языком на должном уровне, но и разбирающихся в определенных прикладных специальностях (что

[4] Информационный портал по вопросам высшего образования в КНР - 大学生必备网. Список университетов с набором на специальность «русский язык» в 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: 哪些大学有俄语专业-开设俄语专业的大学名单一览表_大学生必备网 (dxsbb.com)

обусловлено самим характером Инициативы, включающей строительство мостов, высокоскоростных железных дорог и др., а также активным российско-китайским сотрудничеством в сфере машиностроения и энергетики), будь то инженерное дело, экономика или сфера IT. «На протяжении многих лет зачисление на российские специальности в основном предназначалось для студентов гуманитарных специальностей, а содержание курса также было сосредоточено на базовой русской грамматике и словарном запасе» [Гулимижэ Абдужэхим, 2020:5]. Проблема эта вызвана в том числе и отсутствием разнопрофильных преподавателей русского языка и устаревшей методикой преподавания русского языка: «Традиционные методы обучения уже не могут удовлетворить потребности общества в русскоязычных многопрофильных специалистах, общество нуждается в профессионалах с сильными коммуникативными навыками. Поэтому нам необходимо изменить преподавание с учителя, ориентированного на ученика, и скорректировать метод обучения на основе анализа потребностей учащихся и общества» [Там же]. Активно обсуждается проблема предоставления студентам возможности практиковать русский язык в реальной среде. В числе предлагаемых специальностей, способствующих привлечению большего числа студентов, выделяются «деловой русский язык для приграничной торговли», «теория и практика в области российского туризма», «теория и методика онлайн-коммуникации на русском языке» и т.п.

Китайские исследователи также отмечают важность применения интернет-технологий для преодоления проблем, вызванных недостатками традиционных методик преподавания русского языка: «Использование сетевой платформы для проведения различных мероприятий по изучению русского языка может зарезервировать профессиональные таланты для страны на макроуровне, улучшить качество преподавания в колледжах и университетах на мезоуровне и создать возможности трудоустройства для студентов на микроуровне. Массовые открытые онлайн-курсы (МООК) – важная форма онлайн-обучения. МООК и другие онлайн-мероприятия могут значительно улучшить относительно слабые образовательные ресурсы в Синьцзяне» [Гулимижэ Абдужэхим, 2020: 5].

При этом преодоление проблем в отношении практического применения русского языка уже активно осуществляется за счет совместных программ обучения. Так, международное сотрудничество России и Китая в сфере образования осуществляется по схеме 3+1, 2+1+1, 2+2 образовательных модулей, которые позволяют студентам совершенствовать языковые навыки и расширять свой кругозор в области русистики. Наиболее примечательным результатом российско-китайского сотрудничества в сфере образования стало создание в 2017 г. совместного учебного заведения между Народным правительством г. Шэньчжэня и

Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова (МГУ-ППИ) [Kaplunova, 2021: 50].

Таким образом, активное сотрудничество между Россией и Китаем в различных сферах, включая экономическую, промышленную сферы, сферы цифровых технологий, туризма, образования и др., в условиях снижения антиковидных ограничений в 2023 г. открывает широкие перспективы для усиления позиций русского языка в Китае как языка международного общения. При этом определяющим становится функционирование русского языка в системе китайского образования, позволяющего заложить фундамент для подготовки высококлассных специалистов, владеющих русским языком, а также практическими навыками в сопутствующей специальности.

Заключение

Сопоставив функционирование русского языка как языка национального меньшинства КНР, трансграничного языка и в то же время языка международного общения (иностранного языка), мы пришли к выводу, что статус языка национального меньшинства и статус трансграничного языка на данный момент не обеспечивают полноценного функционирования русского языка во всех сферах коммуникации в Китае. При этом наиболее перспективными для русского языка являются позиции его в качестве иностранного, как языка, ассоциирующегося с Российской Федерацией – страной-партнером Китайской Народной Республики. Стратегия «Один пояс, один путь» привнесла новые возможности в развитие мировой экономики и культуры, а также выдвинула более высокие требования и вызовы для осуществления обменов между странами, в которых язык, будучи важнейшим средством коммуникации, играет ведущую роль.

Кроме того, в контексте современной внешней политики Российской Федерации и активного российско-китайского взаимодействия на международной арене значимость русского языка в Китае повышается. Тем не менее в комментариях интернет-пользователей к новостным заметкам об усилении роли русского языка в современном Китае отмечается высокий процент тех, кто полагает, что в силу позиции английского языка как основного языка международного общения и его относительной простоты в изучении по сравнению с русским у последнего мало шансов на обретение подобных позиций[5]. Такого рода стереотипы не в последнюю очередь вызваны устоявшимися недостатками и устаревшими методами в системе преподавания русского языка как иностранного в Китае и требуют преодоления. Вместе с тем,

[5] См., например [Электронный ресурс]. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1748200590843241040&wfr=spider&for=pc

также следует обратить внимание на проблему недостаточного функционирования русского языка как языка национального меньшинства и трансграничного языка, что определенным образом сказывается на роли русского языка в современном Китае.

Литература

Бай Пин (2011) Нэй Мэнгу Ээргуна элосыюй яньцзю [Исследования русского языка в Эргуне, Внутренняя Монголия]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ.

Гулимижэ Абдужэхим (2020) «И Дай и Лу» чанъи ся Или дицюй эюй инъюн синжэнь цай пэйян моши [Модель подготовки российских междисциплинарных талантов в Илийском районе в рамках инициативы «Один пояс, один путь»] // И Дай и Лу чанъи. № 4.

Дай Цинся (2015) Юйянь шиюн яньцзю цзай шэхуэй юйяньсюэ яньцзю чжун дэ дивэй [Статус исследования функционального развития языка в социолингвистике] // The Journal of Chinese Sociolinguistics. № 2.

Индекс положения русского языка в мире: Индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс) (2022). / Сост. А. Л. Арефьев, А. Р. Голубь, С. Ю. Камышева, И. А. Маев, А. И. Ольховская, М. А. Осадчий, М. Н. Русецкая, А. С. Хехтель; под ред. М. А. Осадчего. Вып. 2. М.: Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина. 60 с.

Куацзинъюйянь яньцзю [Исследование трансграничных языков] (1993) / Под. ред. Дай Цинся. Пекин: Чжунъян миньцзу чубаньшэ.

Лю Лиминь (2011) Русский язык в Китае : 1949–2009. Шанхай: Шанхайское изд-во иностранных языков. 106 с.

Рябова М.С. (2016) Процесс признания русской этнической группы как одного из национальных меньшинств Китая // Вестник Томского гос. ун-та. № 406. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-priznaniya-russkoy-etnicheskoy-gruppy-kak-odnogo-iz-natsionalnyh-menshinstv-kitaya (дата обращения: 15.05.2023).

Тан Гэ (2015) Чжунго элосыцзу дэ цзуцюньжэньтун цзици бяньцянь [Русская этническая идентичность и ее изменения в Китае]//Journal of Yangbian University (Social Science), Vol. 48. No. 1. DOI:10.16154/j.cnki.cn22-1025/c.2015.01.012

Хуан Гуансюэ (1995) Чжунго дэ миньцзу жэньбиэ [Китайская этническая идентичность]. Пекин: Миньцзу чубаньшэб. 148 с.

Цюй Цзин (2018) «И Дай и Лу» бэйцзин ся чжунъэ бяньцзин гаосяо эюй чжуань'е жэньцай пэйян лу цзинъянь цзю [Исследование траектории подготовки специалистов по русскому языку в колледжах и вузах на границе Китая и России в условиях «Пояса и пути»] // New West. № 2.

Чэнь Жунцюань, Го Фэнлань (2015) Доюй хуаньцзинся Синьцзян Тачэнъ элосыцзу юйянь шиюн сяньчжуан гэань дяоча яньцзю [Анализ текущей ситуации с использованием русского языка в Тачэне, Синьцзян, в многоязычной среде] // Хэбэй Шифань дасюэ сюэбао. № 5.

Чжан Цзюнь (2018) Чжунго куацзинъюйянь шэнхо гонэй яньцзю цзуншу [Резюме отечественных исследований трансграничной языковой жизни в Китае] // Юйянь чжаньдюэ яньцзю. № 4 (16). С. 42–52. DOI:10.19689/j.cnki.cnl0-1361/h.20180404

Чжао Шицзюй (2016) Куацзинъюйянь дэ цзыюань цзячжи [Ресурсная ценность трансграничного языка] // Юйянь чжэнцэ юй гуйхуа яньцзю. № 3.

Чжао Шумэй (2016) Нэй Мэнгу дицюй элосыцзу миньцзу юйянь шэнтай дэ лиши яньбянь цзи сяньчжуан [Историческая эволюция и современное состояние экологии русского этнического языка во Внутренней Монголии] // Гуй Чжоу Минь Цзу Янь Цзю. № 8.

Чжунго миньцзу тунцзи няньцзянь (2004) [Статистический ежегодник национальностей Китая 2004]. Пекин: Чжунго чубаньшэ. 697 с.

Kaplunova Maria (2021). Russian Language Functioning in the Education System of the PRC. 45–52. DOI:10.15405/epsbs.2021.09.6.

References

Bai, Ping (2011) Nei Menggu Eerguna eluosiyu yanjiu [Studies on the Russian Language in Erguna, Inner Mongolia]. Beijing. (In Chin.)

Dai, Qingxia (2015) Yuyan shiyong yanjiu zai shehui yuyanxue yanjiu zhong de diwei [Status of Research into the Functional Development of Language in Sociolinguistics] // The Journal of Chinese Sociolinguistics. No. 2. (In Chin.)

Gulimire, Abdurehim (2011) "Yi dai yi lu" changyi xia Yili de diqu eyu yingyong xing rencai peiyang moshi [Training Russian Mode of Russian Talents in Yili under the Background of the "Belt and Road"Initiative] // Yi dai yi lu changyi. No. 4. (In Chin.)

Position of the Russian language in the World: Global Competitiveness Index (GK-Index), Sustainability Index in the post-Soviet countries (US-Index) (2022) / Comp. A. L. Arefiev, A. R. Golub, S. Yu. Kamysheva, I. A. Maev, A. I. Olkhovskaya, M. A. Osadchy, M. N. Rusetskaya, A. S. Hechtel; ed. by M. A. Osadchy. Iss. 2. M. 60 p. (In Russ.)

Kuajinyuyan yanjiu [Cross-border Language Studies] (1993) / Dai Qingxia (Ed.). Beijing. (In Chin.)

Ryabova, M.S. (2016) The process of Recognizing the Russian Ethnic Group as One of the Ethnic Minorities of China // Bulletin of the Tomsk State University. No. 406. [online] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-priznaniya-russkoy-etnicheskoy-gruppy-kak-odnogo-iz-natsionalnyh-menshinstv-kitaya (Access date: 05/15/2023) (In Russ.)

Liu, Limin (2011) Xinzhongguo eyu jiaoyu 60 nian [60 Years of Russian Language Education in New China]. Shanghai. 106 p. (In Chin.)

Tang, Ge (2015) Zhongguo eluosizu de zuqunrentong jiqi bianqian [The Ethnic Identity and Its Changes of the Russian Ethnic Group in China] // Journal of Yangbian University (Social Science). Vol. 48. No. 1. DOI:10.16154/j.cnki.cn22-1025/c.2015.01.012 (In Chin.)

Huang, Guangxue (1995) Zhongguo de mingzu renbie [Chinese Ethnic Identity]. Beijing. 148 p. (In Chin.)

Qu, Jing (2018) "Yi dai yi lu" beijingxia zhonge bianjing gaoxiao eyu zhuanye rencai peiyang lujing yanjiu [Research on the Training Path of Russian Majors in Colleges and Universities on the Sino-Russian Border under the Background of the Belt and Road Initiative] // New West. No.4. (In Chin.)

Chen, Rongquan, Guo, Fenglan (2015) Duoyu huanjing xia Xinjiang Tacheng eluosizu yuyan shiyong xianzhuang gean diaocha yanjiu [A Case Study on the Current Situation of Russian Language Use in Tacheng, Xinjiang in a Multilingual Environment] // Journal of Hebei Normal University. No. 5. (In Chin.)

Zhang, Jun (2018) Zhongguo kuajingyuyan shenghuo guonei yanjiu zongshu [Review of Domestic Research on Cross-border Language Life in China], Yuyan zhanlüe yanjiu, No 4(16). Pp. 42–52. DOI:10.19689/j.cnki.cnl0-1361/h.20180404

Zhao, Shijiu (2016) Kuajingyuyan de ziyuan jiazhi [The Resource Value of Cross-border Language] // Yuyan zhengce yu guihua yanjiu. No.3.

Zhao, Shumei (2016) Nei Menggu diqu eluosizu minzu yuyan shengtai de lishi yanbian ji xianzhuang [Historical Evolution and Current Situation of the Russian Ethnic Language Ecology in Inner Mongolia] // Guizhou minzu yanjiu. No. 8.

Zhongguo minzu tongji nianjian (2004) [Statistical Yearbook of Nationalities of China]. Beijing. 697 p. (In Chin.)

Kaplunova, Maria (2021) Russian Language Functioning in The Education System Of The PRC. Pp. 45–52. DOI:10.15405/epsbs.2021.09.6.

Примечание

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)»

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multicultural Russia as an example”

Каплунова Мария Яковлевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: maria.kaplunova@iling-ran.ru

Для цитирования: *Каплунова М.Я.* Русский язык в современном Китае [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 60–71. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-60-71

For citation: *Kaplunova, M.Ya.* The Russian language in modern China [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 60–71. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-60-71

УДК 81’272 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-72-88

ДВУЯЗЫЧИЕ У МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГЕРМАНИИ

Катарина Менг
Германия
Екатерина Протасова
Финляндия

Настоящая статья написана по следам лонгитюдного проекта, посвященного языковой интеграции российских немцев, вернувшихся в Германию. В течение 30 лет авторы следили за тем, как складываются языковые практики в семьях российских немцев, переехавших в Германию в начале 1990-х годов, обращая особое внимание на воспитание детей и становление их билингвизма. Обычным для таких семей становилось двуязычное (транслингвальное) общение. Биографическое интервью каждого из участников – молодых людей, выросших на глазах исследователей, – языки были обследованы по определенной схеме, включающей анализ базовых языковых квалификаций. Целью было обследовать реально наличествующие и используемые компетенции, а не недостатки речи. Как немецкий, так и русский языки оставались языками общения в семье и имели разное значение на протяжении тридцати лет интеграции вне зависимости от того, насколько развит каждый из языков в определенный момент времени(плеоназм). Сегодня немецкий язык доминирует, но русский не потерян. Все участники проекта всегда настаивали на том, что дети должны прежде всего изучать немецкий язык, но при этом не забывать и русский. Такая установка передалась детям.

Ключевые слова: *русско-немецкое двуязычие, российские немцы, семейная языковая политика, транслингвальные речевые практики, анализ дискурса*

BILINGUALITY IN THE YOUNG GENERATION OF RUSSIAN GERMANS IN GERMANY

Katharina Meng
Germany
Ekaterina Protasova
Finland

This article is written in the aftermath of a longitudinal project dedicated to the linguistic integration of Russian German repatriates in Germany. For 30 years, the authors have followed the development of language practices in the families of Russian Germans who moved to Germany in the early 1990s, paying special attention to the upbringing of children and the development of their bilingualism. Bilingual (translingual) communication became common for such families. Biographical interviews of all participants who grew up under researchers’ eyes were set for two languages, including a structural analysis of basic linguistic qualifications. The goal was to find out the real skills that were available and applied, not errors. Both German and Russian remained communicative means in the family and had different meanings during over thirty integration years, regardless of the level at which each language was developed at a particular point in time. Today, German dominates, but Russian is not lost. All project participants always underlined that children should first learn German without abandoning Russian. They passed this attitude on to their children.

Keywords: *Russian-German bilingualism, Russian Germans, family language policy, translingual speech practices, discourse analysis*

Введение

С незапамятных времен иностранцы обосновывались на Руси и в России по разным причинам и с разными целями, в том числе и те, кто говорил по-немецки. Во второй половине XVIII в. императрица Екатерина II пригласила колонистов для заселения своих новых земель на юге России, и эта политика была продолжена ее потомками в других регионах страны. В течение XIX в. немцы продолжали переселяться в Россию из Германии и других европейских стран, причем к началу XX в. их численность достигла примерно двух миллионов человек.

Во время Первой мировой войны российские немцы стали подозреваться в связях с Германией и подвергались репрессиям. Полтора десятилетия после окончания Гражданской войны развивались немецкие автономии, а затем образование, печать и отправление религиозных служб на немецком языке были постепенно запрещены, что прямо сказалось на уровне владения языком у разных поколений. В 1941 г., после нападения фашистов на СССР, все немцы, независимо от своей национальности или отношения к нацистской Германии, были объявлены врагами. Сотни тысяч российских немцев были вынуждены покинуть свои дома и были отправлены в лагеря на территории России и Казахстана. Многие из них умерли от голода, болезней и жестокого обращения. После войны немцы были вынуждены жить «под комендатурой», им запрещалось свободно передвигаться и говорить на своем родном языке. Около 330 тысяч немцев были переселены с оккупированных земель в Германию. Сейчас численность российских немцев оценивается в несколько сотен тысяч человек, они живут в разных регионах и имеют свои культурные и общественные организации [Ауман, Чеботарева, 2011, Герман, 2011; сборники Саратовского университета «Язык и культура российских немцев»; Щеглова, 2022, Eimermacher, Volpert, 2005].

Массовая репатриация была организована германским правительством в конце 1980-х годов и включала бесплатный перелет и помощь в адаптации в новой стране. Вхождение в новую жизнь у российских немцев – поздних переселенцев (Spätaussiedler) – в Германии было долгим и сложным процессом. Пострадавшие из-за своей национальности лица стремились стать своими в новой стране. Многие из них столкнулись с языковыми, социальными и экономическими проблемами, поскольку прибыли в Германию без достаточных знаний языка, что затруднило их социальную и профессиональную интеграцию [Meng, Protassova, 2016]. Для них были организованы курсы, но многим хотелось как можно быстрее войти в трудовую жизнь, чтобы обеспечивать себя материально и общаться на работе по-немецки. Вновь прибывшие столкнулись и с различиями в культуре и обычаях России и Германии, что делало иммигрантов в глазах местного общества «русскими» и привело к формированию самообозначения «русаки» [Meng, Protassova, 2013]. Большинство, особенно в следующем

поколении, училось адаптироваться к новым бытовым и социальным условиям и перенимать образцы поведения, принятые в окружении, что видно, в частности, на примере обследованных нами семей.

На протяжении проживания в России выработались особые диалекты российских немцев, основанные на различных вариантах немецкого языка, привезенных когда-то с собой, а кроме того, на влиянии контакта с другими языками. В Германии российские немцы часто отказывались от своих диалектов в пользу стандартного немецкого, но, тем не мение, все еще остаются некоторые сообщества, поддерживающие свои диалекты. Существуют академические исследования и инициативы по документированию и сохранению диалектов, поскольку они являются важной частью истории немецкого языка [ср.: prowiki.ids-mannheim.de//bin/view/Russlanddeutsch; Berend, 2014; Labuda, 2009].

Для многих репатриантов было важно сохранить свою национальную идентичность, включая язык, культуру и традиции. В Германии существует ряд организаций, которые помогают репатриантам сохранять свою культуру и связь с родиной. Эти организации предоставляют возможность участвовать в мероприятиях, которые способствуют сохранению и продвижению культурного наследия. Сегодня многие вернувшиеся успешно интегрировались в германское общество и внесли свой вклад в экономику, культуру и общественную жизнь страны, стали профессионалами в различных областях, от медицины и науки до бизнеса и спорта.

Постановка вопроса

Благополучие детей – основная задача при формировании будущего общества. Сюда включаются проблемы здоровья, безопасности, материальной обеспеченности, образования и социализации, а также позитивное принятие своего происхождения, в частности сохранение связей с семьями, в которых дети родились, впитывание чувства любви к близким, осознание ценности доверительных взаимоотношений и опоры на родных [UNICEF Report, 2007]. Структурная интеграция детей и молодежи в значительной степени осуществляется в государственных образовательных учреждениях (школах, колледжах и т.д.). То, как это удается, в значительной степени зависит от условий, создаваемых в этих организациях.

Мы представим итоги проекта, организованного Лейбниц-Институтом немецкого языка (Мангейм, Германия) [Менг, Протасова, 2002]. В центре внимания были маленькие дети, привезенные в Германию или родившиеся вскоре после переезда родителей. Мы наблюдали за их социальным и лингвистическим развитием в семье, в детском саду, школе. Нам было важно узнать, как складывается их образовательный путь и профессиональная карьера [Менг,

Протасова, 2015, 2021]. Как правило, дети с самого начала были вовлечены в общение с бабушкой и дедушкой, которые в той или иной степени сохраняли знание немецкого, а также в русскоязычное общение с родителями.

Проект оказался уникальным по нескольким причинам. Во-первых, такое длительное исследование с одними и теми же участниками редко удается осуществить. Во-вторых, исторические условия, сложившиеся в тот момент, неповторимы. В-третьих, доверительные отношения с людьми разных поколений из семей, принадлежащих к разным слоям общества, позволили анализировать их мнения, письменные и устные тексты, разговоры, проводить тестирование и, наконец, увидеть, как развиваются двуязычные дети в сложившихся обстоятельствах. Постоянно общаясь с коллегами, исследовавшими русско-немецкое двуязычие в Германии иными способами, мы могли перепроверить свои результаты, основные из которых мы предлагаем вниманию читателей журнала.

Вторичная социализация

Первичная социализация детей происходит в семье, и ее мы описывали ранее [Менг, Протасова, 2011; Meng 2001]. Мы обнаружили, что смешение кода (транслингвальность) [Conteh, 2018; García, Wei, 2014] присуще внутрисемейному общению изначально, и такие тактики не вызывают сомнений у участников коммуникации. Установка на быстрое овладение немецким языком в условиях языкового окружения присуща почти всем участникам и воспринимается ими как самоочевидная, и вставки из немецкого языка в русскую речь – естественный путь овладения им. Русский язык дети не должны забывать, но специально стараться сохранять его не нужно, потому что дома все говорят по-русски, и дети выучат его без особых усилий. Мы впервые заметили такое отношение, когда анализировали языковые практики взрослых членов семьи по отношению к своим детям после прибытия в Германию. Детский сад и школа рассматривались как важнейшие места обучения детей немецкому языку. (Забегая вперед, отметим, что когда, спустя примерно лет десять, в семьях родились вторые, третьи и четвертые дети, обстановка в стране была иной. Интересно, что средний возраст рождения первых детей был типичен для среды, из которой семьи уехали, а остальных – характерен для принимающего общества. Со вторыми детьми, в зависимости от желания и установок семьи, либо не говорили по-русски вообще, либо, наоборот, отправляли их в русские кружки и школы выходного дня, чтобы усилить русскоязычный культурный компонент и добиться качественного овладения ими русским языком.).

О том, что детские сады в тот период не ставили перед собой образовательных задач, а школы не занимались социальной работой, что существовали разные типы детских садов и

школ, семьи узнали намного позже, иногда слишком поздно для того, чтобы скорректировать судьбу собственного ребенка. На всех уровнях системы образования многоязычное и межкультурное образование и воспитание играли подчиненную роль [Hoffmann, Ekinci-Kocks, 2011], и лишь в последнее время ситуация начинает меняться. Стоит заметить, что на протяжении истории человечества роль родителей в воспитании и образовании молодого поколения неоднократно менялась. В настоящее время в Германии ситуация такова, что формирование отношений между детьми, родителями, школой и обществом является ключевым вопросом, особенно в отношении детей, находящихся в неблагоприятном социальном положении [Denessen et al., 2001; Бурд, 2011]. В целом можно сказать так: если у ребенка были проблемы в развитии, то семья и педагоги, как правило, не искали и не находили вместе решения проблем. Это можно расценить отчасти как деревенское восприятие действительности, при котором и хорошее, и плохое оказываются неотчуждаемыми составляющими бытия, данностью, против которой бессмысленно бороться. У этой установки есть и положительная сторона: очень ровное и спокойное отношение к людям с особенностями развития, при котором помощь сама собой разумеется и все члены большой семьи участвуют в необходимом уходе.

Общее переосмысление роли детских садов в Федеративной Республике Германии началось только после первого исследования PISA и его шокирующих выводов о недостаточной успеваемости детей из социально неблагополучных семей и/или семей иммигрантов. Начиная с 1990-х годов на международном, а затем и на национальном уровне были реализованы исследовательские проекты по роли детских садов в становлении двуязычия и сделаны первые выводы о назревших изменениях в образовательной политике, хотя форсированное обучение языку уже не было конкретно предметом обсуждения [Tietze, 1998; Niklas et al., 2011]. Утверждалось, что сотрудничество со сверстниками и близкими по возрасту детьми, старшими и младшими, обеспечиваемое пребыванием в дошкольном учреждении, – это обязательное условие для развития способности к взаимодействию и формирования компетентностей у подрастающего поколения. Без обеспечения хорошего старта для детей-иммигрантов невозможен учет как культурной неоднородности современных обществ, так и всего спектра потребностей детей и взрослых.

Уже в новом тысячелетии были предприняты обширные и новаторские исследовательские инициативы по документированию моно- и билингвального развития детей иммигрантов и экспатов [Ehlich et al., 2005; Ehlich et al., 2008] и по обучению немецкому языку как второму языку в детском саду. В силу многоаспектности изучаемого явления трудно выявить все взаимодействующие факторы, влияющие на достижение поставленных целей

[Baumert et al,. 2001; Hoffmann et al., 2017; Taylor et al., 2017; Timpe-Laughlin, 2016; Wright et al., 2015].

В зависимости от возраста, в котором дети, участвовавшие в нашем исследовании, приехали в Германию, они посещали два типа начальных классов: подготовительные классы и обычные классы. В подготовительных классах совместно обучались только дети из ненемецкоговорящих семей, а в обычных классах – дети как из семей коренных немцев, так и из семей иммигрантов. Мы ничего не можем сказать о внутренней организации обучения в этих классах и их различиях. Основываясь только на свидетельствах детей и реакции семей на это, мы видим, что подготовительные классы затрудняли для некоторых детей вхождение в немецкое общество. Двое наших детей однажды остались на второй год в начальной школе. Само по себе повторение учебного года – нормальное явление в германской системе образования, но этого не произошло с детьми, которые сразу же пошли в обычный класс, возможно, отчасти потому, что они учились в школах полного дня. Те из детей, кто приехал в Германию в раннем детстве, начали ходить в детский сад в возрасте не позднее четырех лет. К моменту поступления в школу они более или менее свободно и хорошо понимали окружающую речь и говорили по-немецки в быту, поэтому их сразу же приняли в обычные классы. Этот факт подтверждает данные о том, что чем раньше ребенок погружается во второй язык, тем меньше разрыв по показателям овладения речью между ним и монолингвальными сверстниками.

Распределение детей уже в младшем возрасте по разным типам школ, существующих в Германии, усиливает тенденции социальной сегрегации. Учителя принимают это расслоение и/или считают себя неспособными разрушить его без структурной реформы начального образования. Немногие родители стремились сделать свой собственный выбор для своего ребенка. Так, семья Зеннвальд прилагала большие усилия, но тщетно, чтобы изменить рекомендации школы для Эриха не потому, что считала мальчика особенно одаренным, а потому, что хотела, чтобы он дольше учился. В одном случае нам удалось убедить родителей сделать выбор в пользу школы с более высокими требованиями к обучению. В семье Шуман мать по собственным соображениям пыталась получить для младшего сына рекомендацию в реальное училище или даже гимназию и боролась с предвзятым мнением учителей. На самом деле следовало бы перестроить всю систему, чтобы дать детям шанс на получение оптимального образования, опирающегося на индивидуальные потребности каждого ребенка [Allmendinger, 2012]. Такие школы общего профиля существуют в некоторых землях Германии, и они действительно демонстрируют более высокие результаты среди детей-иммигрантов.

Все обследованные дети, а позже и молодые взрослые, в результате прошли достаточно долгий путь до получения профессионального образования, что тоже не исключение по сравнению с остальными гражданами их возраста. В настоящий момент они трудоустроены, хотя и не все в таких сферах и на таких специальностях, которые кажутся нам соответствующими их человеческому и интеллектуальному потенциалу. Важно отметить, что они продолжают учиться и самосовершенствоваться, так что еще могут позитивно удивить нас своими достижениями. У некоторых уже появились дети, которые необязательно будут говорить по-русски, хотя передача части культурного наследия, в которую входит и язык, стоит на повестке дня. Одна из участниц (КМ) рассуждает о том, какие языки важно знать: «Английский – очень, конечно. Русский, я тоже считаю, нужен, потому что, как я из русской семьи, мне это очень важно, что я тоже хочу, чтоб мои дети по-русски разговаривали, например, я бы их отдала в русскую школу, потому что мои родители это пропустили тогда, если они бы это сделали, может, я бы щас тоже уже лучше читала бы по-русски, так что я хочу это, как дальше, продолжать своим детям. И, конечно, ну как, если посмотреть на сегодняшнюю ситуацию как в мире, конечно, как арабский язык, китайский язык, вот, например, очень важно. Вот такое вот». Участник ЭЗ тоже хочет, чтобы его дети знали русский язык, но пока не понимает, как это организовать: «Это я еще не знаю, но моя мама будет там говорить по-русски или я не знаю, какая подружка мне будет».

Анализ дискурса как средство выявления языковых компетенций

Очень часто работы и исследованния по русскому языку зарубежья делают акцент на недостаточно сформированных компетентностях и речевых ошибках. Для нас же было важно в первую очередь сосредоточиться на том, какими компетенциями участники проекта овладели, что они понимают и что могут сказать сами, насколько свободно участвуют в диалоге, хорошо ли читают и пишут, что знают и помнят из русской культуры. В теории функциональной прагматики такие частичные компетенции называются языковыми квалификациями. Кроме того, мы обращали внимание на самооценку речевых способностей молодых людей четверть века спустя после переезда в Германию. На заключительном этапе проекта было обследовано 16 человек.

При анализе дискурса мы всегда исходили из того, что все языковые квалификации играют определенную роль в общении между партнерами. Они позволяют им передавать знания, координировать действия и выражать чувства на соответствующих языках. Люди могут это делать, потому что каждый из них прошел в речевом онтогенезе через индивидуальное присвоение социально выработанных языковых форм взаимодействия на соответствующем(-их)

языке(-ах). Уровень развития языковых навыков в определенный момент времени может быть реконструирован, если проанализировать, как участники общения формулируют высказывания на данном языке применительно к определенной ситуации общения и как они реагируют на высказывания своих собеседников. Особенности такого рода диалога показаны, например, в работах К. Менг, Е. Протасовой [Менг, Протасова, 2020; Meng, Protassova, 2022].

Тип речевого взаимодействия, которое рассматривается в настоящем исследовании, представляет собой прежде всего биографическое интервью. Участники нашего проекта знают, что их высказывания анализируются, и соглашаются на это. Быть участником лонгитюдного исследования непросто, но они привыкли к тому, что их речь пристально изучается, и знакомятся с итогами нашей работы. Можно предположить, что имеющиеся данные близки к тому, что можно было бы собрать, если бы общение стало полностью спонтанным.

Интервьюер заинтересован в получении от интервьюируемого сведений, прежде всего о языковой биографии, и дает ему возможность подробно высказаться на выбранную интервьюером тему. Некоторые реплики достаточно обширны и подробны, среди них не просто вопросно-ответные единства, но и, например, объяснения, нарративы, описания. Осознавая, насколько важны для нас самоотчеты, интервьюируемый старается размышлять о своей жизни под тем углом зрения, который интересен собеседнику. Необходимость вербализации сведений в ходе интервью может привести к переосмыслению и перегруппировке отдельных фрагментов собственной судьбы, к переоценке отдельных эпизодов жизни, своей роли и роли окружающих обстоятельств и других людей, к встраиванию самопонимания в отдельные события, отслеживая реакцию интервьюера на затронутые темы [Rehbein, 1982: 52, 58–63]. Ниже приводится фрагмент беседы с успешно освоившей русский язык девушкой:

КМ: *В Россию мы летали, два года назад, да, теперь уже? До бабушки, папины родители там еще живут, у них*.

ЕП: *И как это было, когда тебе там кругом все говорили по-русски?*

КМ: *Поначалу, как, вставляла немецкие слова, но под конец я вообще уже по-русски только говорила. Было очень сложно, когда я сюда вернулась, потому что мне, как, не хватало немецких слов уже, я только по-русски разговаривала.*

ЕП: *Но с тех пор ты очень четко разделяешь языки, вот как мы видели, ты когда говоришь по-русски, ты только по-русски. Или это не всегда так?*

КМ: *Ну, я бы не сказала. Не всегда, да. Вставляю какие-то там Bindewörter* [союзы] *– я даже не знаю, че это по-русски.* […] *Aber, trotzdem, вот такие вот слова. Вот если речь, как, начинает тормозить, то я всегда че-то вставляю, немецкое какое-то слово.*

ЕП: *Как ты думаешь, что было бы в твоей жизни, если бы твоя семья не переехала в Германию?*

КМ: *Я была бы очень толстая. Потому что я люблю кушать, и в России очень вкусная еда, так что я бы очень бы толстая была бы. Когда мы вот в Россию летали, я очень поправилась была, потому что у них там вообще исключительно майонез, я хочу сказать, и белый хлеб, да.*

А это фрагмент разговора с плохо говорящим по-русски молодым человеком:

ЕП: *С английским у тебя нет проблем?*

ЭЗ: *Не вот эти проблемы как с по-русски.*

ЕП: *По-английски ты можешь все что угодно сказать?*

ЭЗ: *Не все, но это это... Das ist leichter* [Это легче]. *Это ни ни ни/ Я не знаю, как говорить ш ш ш schwierig* [трудно].

ЕП: *Что тебе интересно в жизни?*

ЭЗ: *Poh* [ну так]. *Моя работа, моя фамилия, други* [т.е. семья и друзья].

Для дискурсивного анализа мы всегда отбираем отрывки из интервью, которые считаем характерными для конкретного участника. Мы начинаем с введения интервьюером соответствующей фазы интервью и следим за реакцией интервьюируемых и их взаимодействием с интервьюером в этом отношении. Мы останавливаем анализ, когда интервьюируемые явно переходят к новой фазе интервью. При анализе каждого этапа мы изучаем, какие элементы знаний интервьюер запрашивает у интервьюируемого, понимает ли интервьюируемый требование, как он на него реагирует, с какими проблемами он может столкнуться при понимании и при ответе, как это сделать самостоятельно или в сотрудничестве с интервьюером и в какой степени он, наконец, может передать запрошенные элементы знаний. При работе над этими заданиями опрашиваемый должен использовать различные языковые квалификации, связанные с немецким и русским языками. Опираясь на работу Конрада Элиха [Ehlich, 2005; см. также: Ehlich et al., 2008], мы различаем следующие базовые языковые квалификации:

A: рецептивная и продуктивная фонетическая квалификация (человек способен адекватно дифференцировать и порождать звуки и супрасегментные просодические структуры);

B: прагматическая квалификация I (человек распознает цели действий других людей, соответствующим образом реагирует, использует язык для достижения собственных целей);

C: семантическая квалификация (человек способен соотносить языковые выражения и элементы действительности и воображаемого мира на уровне рецепции и продукции, а также комбинировать их);

D: морфосинтаксическая квалификация (у человека развита способность понимать и производить сложные языковые формы и словосочетания, а также соединять друг с другом предложения);

E: дискурсивная квалификация (человек овладел формальными способами речевого сотрудничества);

F: прагматическая квалификация II (умение распознавать встраивание отсылок к действию в разные социальные области действительности и целенаправленно использовать соответствующие средства коммуникативного воздействия на эти области действительности);

G: квалификация в сфере грамотности (узнавание и воспроизведение знаков, преобразование устных языковых продуктов в письменные и наоборот; развитие графики, навыков чтения, орфографии и письменной текстуальности, развитие и расширение языкового сознания).

Результаты

Долгосрочные последствия двойной языковой и культурной связи заметны в том типе двуязычия, которое мы наблюдаем сегодня у этих молодых взрослых. Если бы семьи не переехали в Германию, языковая ситуация оказалась бы для них иной [Meng, 2017; Meng, Protassova, 2017]. Немецкий стал их доминирующим языком на третьем десятилетии жизни. На немецком языке им подвластны все регистры общения и самовыражения, в том числе те, которые позволяют реализовывать высшие профессиональные квалификации. На русском языке они справляются только с повседневными делами и лишь немного с выражением более абстрактных понятий. Надо сказать, что эти различия в степени освоения языков отражаются достаточно объективно в самооценках участников проекта. Все они довольны своими способностями в немецком языке, считают, что без труда справляются с лингвистическими требованиями, предъявляемыми к коммуникации на работе и в быту. Однако при этом подразумеваются почти только устные формы взаимодействия.

Как бы нам ни хотелось видеть всех активно читающими и пишущими, печатная продукция и письмо не занимают значительного места в жизни большинства людей после того, как они оканчивают школу и получают специальное образование. Тем не менее и в этой области можно поставить определенные цели:

КМ: *Например, я стремлюсь к этому, ну чтоб я могла бы читать, ну, как по-немецки, очень, как, хорошо, плавно прям чтоб. Поэтому я, например, щас вступила в такую, как сеть, как, Facebook, только по-русски, называется Одноклассники. Вот я этим пользуюсь, я, например, поставила вот прям русский язык, там мог бы выбрать английский или немецкий, но я поставила русский язык, значит, все, что я там делала, все на русском написано. И я там и читаю анекдоты, например, и там тоже какие-то там, не знаю, вещи пишут, я вот это вот читаю по-русски. Ну, если я для себя сама читаю, мне это, конечно, легче, и я как медленно читаю там, по слогам, некоторые буквы я не знаю, но если ты там прочитаешь слово, ты как поймешь это, и эту букву как вставишь.*

ЭЗ: *Мне надо lesen lesen lesen читать или mit с гугл... с гугл übersetzen* [переводить].

Обычно повседневные практики не требуют значительных умений в сфере грамотности, и люди справляются с такими задачами без проблем. Дискурсивный анализ общения с нашими молодыми людьми демонстрирует, что почти все участники имеют настолько развитые устные навыки владения немецким языком, что их можно охарактеризовать как очень хорошие или хорошие. Точнее, они обладают базовыми немецкоязычными фонетическими, прагматическими, семантическими, морфологическими, синтаксическими и дискурсивными навыками для взаимодействия с другими людьми в избранной ими профессиональной сфере и в личном плане. Различия в навыках устного немецкого языка проявляются, прежде всего, в понимании и разработке сложных разговорных сообщений, связанных с ситуациями, которые, помимо прочего, требуют дифференцированного словарного запаса и развернутых синтаксических структур. Все молодые люди общаются чаще всего исключительно на немецком языке, но если они находятся дома у родителей, им приходится понимать также то, что говорится по-русски. В то же время даже в ходе чисто русскоязычного общения каждый участник постепенно приспосабливался к собеседнику, начиная лучше понимать и более развернуто реагировать на его реплики. Создается впечатление, что каждый способен разбудить в себе «спящий» русский язык и стать более успешным носителем языка.

Обсуждение и заключение

Все участники общения многоязычны. Компетенция на немецком языке стала наиболее хорошо сформированной и это наиболее часто используемый язык. Он в основном используется в молодых семьях и в кругу их друзей. Сложным, индивидуально и социально важным критерием языкового развития является усвоение языковых умений, выходящих за рамки простых навыков письма и чтения, что включает в себя понимание и формирование сложных текстовых высказываний в устной и письменной форме. Например, сюда входит

реализация прагматических шаблонов (утверждение/обоснование, отчет, рассказ, изложение, сравнение, объяснение, оценка и т.д.) с помощью дифференцированного набора слов, разветвленного синтаксиса и различных способов организации текста. В области письменной речи сюда входит способность быстро воспринимать и обрабатывать повседневные тексты, а также контролировать и корректировать собственное понимание прочитанного, составлять и критически редактировать собственные тексты. Такого уровня достигли не все участники проекта. Из международных и внутригерманских сравнительных исследований уровня развития навыков чтения известно, что значительная часть молодых немцев, не являющихся иммигрантами, также не приобрела достаточной квалификации в области академического владения родным языком, необходимого для обучения на протяжении всей жизни и активного участия в процессах социального проектирования.

Семьи российских немцев так устроены, что русский язык и через 30 лет после репатриации продолжает использоваться в их жизни в самых разных пропорциях и формах, прежде всего в общении с родителями, бабушками и дедушками, причем внутрисемейные отношения остаются по-прежнему близкими и уважительными. Смешение и чередование языков символизирует этот особый тип коммуникации. Поэтому участники проекта хотят, чтобы соответствующие языковые навыки передавались их детям, если не через них самих, то через их родителей, бабушек и дедушек. Цели, которые участники ставят перед собой в отношении совершенствования своего владения русским языком и его применения, редко выходят за рамки внутрисемейной символической функции: они редко видят пользу в академическом знании языка. Даже если кто-то может применить его в профессиональной, трудовой деятельности, то для по-настоящему активного продвижения собственной компетенции в этой сфере нужно приложить вначале значительные усилия по его всестороннему развитию, а результат не вполне очевиден, т.к. сама собой грамотность, как это произошло с умением понимать устную речь, не появилась. Некоторые не хотят демонстрировать свои умения, чтобы не привлекать к себе особого внимания. Только одна участница изучала русский язык в школе, она же сравнительно легко читает и немного пишет по-русски. Даже большинство родителей молодых людей поздно осознают, что они являются свидетелями постепенной потери русскости у своих детей. В конце концов, уровень владения русским языком и разговорные навыки почти для всех участников все еще можно охарактеризовать как имеющие потенциал развития при создании соответствующих условий, что мы видели на примере тех, кто ездил в места, откуда родители родом, к друзьям и родственникам. Нет ни одного участника, который бы вообще не владел русским языком и/или высказывался бы против использования русского языка в семье.

Другими иностранными языками владеют в разной мере: некоторые полноценно овладели английским и работают на нем, другие еще и французским, немного польским от коллег и друзей, а один участник говорит на бытовом уровне с турками на турецком языке. Есть и иные констелляции языков.

Мы предполагаем, что наши выводы характеризуют именно это конкретное поколение. Мы не можем экстраполировать полученные результаты на тех, кто приехал до 1980-х годов, потому что мы не прослеживали их развитие на протяжении всего периода адаптации, а по тем данным, которые у нас есть на начало 1990-х годов, русский язык уже не был языком общения ни в семье, ни в обществе. Возможно, это связано и с тем, что у предыдущих поколений и сохранность немецкого языка на территории Российской империи была выше (они успели поучиться в немецких школах, жили более компактно, заключали браки в своей среде и пр.). Описанный опыт непереносим и на тех детей переселенцев, кто родился уже в Германии спустя годы после репатриации родителей: условия в семье для усвоения ими немецкого и русского языков и характер их немецко-русского двуязычия сильно отличаются от описанных нами. Судя по тем записям, которые у нас есть, в некоторых семьях русский язык в этом поколении может быть либо очень хорошо развитым, либо полностью отсутствовать, а для овладения немецким языком благодаря уверенности в себе родителей и старших братьев и сестер складываются, безусловно, гораздо более благоприятные условия.

Идентификация с родителями, бабушками и дедушками, а также желание сохранить определенные черты семейного менталитета, вероятно, являются основной причиной того, что участники проекта, хотя и относят себя к немцам, хотят быть немцами особого типа: с русской составляющей, людьми жизнерадостными, темпераментными, гостеприимными, открытыми для общения с другими людьми. Они испытывают определенный скептицизм в отношении этнических категорий и готовы дружить через этнические границы. Оглядываясь на свою жизнь, молодые люди идентифицируют Германию как свою родную страну и благодарны за предоставленные им возможности. Ни один из прослеженных нами путей становления личности не привел к маргинализации и отстранению от общества.

Литература

Ауман В.А., Чеботарева В.Г. (ред.) (2011) Российские немцы: XXI век. М.: Центр немецкой культуры. 509 с.

Бурд М.А. (2011) Психолого-педагогические основы взаимодействия детского сада и семьи в процессе воспитания и обучения русскому языку детей-билингвов дошкольного возраста (на примере Германии).. Дис. … канд. педагогических наук. М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина. 248 с.

Герман А.А. (ред.) (2011) Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков. М.: МСНК-пресс. 576 с.

Менг К., Протасова Е. (2002) Языковая интеграция российских немцев в Германии // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. № 6. С. 29–40.

Менг К., Протасова Е. (2011) Интеракционная грамматика раннего билингвизма // Путь в язык: Одноязычие и двуязычие / Отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянских культур. С. 221–234.

Менг К., Протасова Е. (2015) Трансформация культурно-языкового самосознания российских немцев в Германии // Этнографическое обозрение. № 6. С. 13–25.

Менг К., Протасова Е. (2020) Когда не хватает слов : Тактики поддержания разговора у русско-немецких билингвов // Коммуникативные исследования. № 2. С. 283–299.

Менг К., Протасова Е. (2021) Как говорят по-русски в Германии? // Человек и язык в коммуникативном пространстве. № 12. С. 242–248.

Щеглова Т.К. (ред.) (2022) Немцы России : История, этнография, культура и язык. Барнаул: АГУ. 504 с.

Allmendinger, J. (2012) Schulaufgaben. Wie wir das Bildungssystem verändern müssen, um unseren Kindern gerecht zu werden. München: Pantheon. 304 p.

Baumert, J. et al. (Hg.) (2001) PISA 2000 : Basiskompetenzen von Schülerinnen und Schülern im internationalen Vergleich. Opladen: Leske & Budrich.

Berend, N. (2014) Im Spannungsfeld zwischen Herkunftssprache, Dialekt und Standardsprache : Migration und Remigration am Beispiel russlanddeutscher und russischsprachiger Zuwanderer aus der ehemaligen Sowjetunion // Deutsche Sprache. V. 42. No. 3. Pp. 218–237.

Conteh, J. (2018) Translanguaging // ELT journal. V. 72. No. 4. Pp. 445–447.

Denessen, E., Driessen, G., Smit, F., Sleegers, P. (2001) Culture differences in education: Implications for parental involvement and educational policies / F. Smit, van der K. Wolf, P. Sleegers (Eds.) // A Bridge to the Future : Collaboration between parents, schools and communities. Nijmegen: University Nijmegen. Pp. 55–65.

Ehlich, K. (Hg.) (2005) Anforderungen an Verfahren der regelmäßigen Sprachstandsfeststellung als Grundlage für die frühe und individuelle Förderung von Kindern mit und ohne Migrationshintergrund. Bonn: BMBF. 378 p.

Ehlich, K., Bredel, U., Reich, H.H. (Hg.) (2008) Referenzrahmen zur altersspezifischen Sprachaneignung. Bonn: BMBF. 134 p.

Eimermacher, K., Volpert, A. (Hg.) (2005) Verführungen der Gewalt. Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg. München: Fink. 1394 p.

García, O., Wei, L. (2014) Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 165 p.

Hoffmann, L. (2017) Mehrsprachige Schule in Deutschland / K.Witzlack-Makarevich, N. Wulff (Hg.) // Handbuch des Russischen in Deutschland. Migration – Mehrsprachigkeit – Spracherwerb. Berlin: Frank & Timme. Pp. 673–685.

Hoffmann, L., Ekinci-Kocks, Y. (Hg.) (2011) Sprachdidaktik in mehrsprachigen Lerngruppen. Vermittlungspraxis in Deutsch als Zweitsprache. Hohengehren: Schneider. 344 p.

Hoffmann, L. et al. (Hg.) (2017) Deutsch als Zweitsprache : Ein Handbuch für die Lehrerausbildung. Berlin: Schmidt. 542 p.

Labuda, O. (2009) Russlanddeutsche Sprachvarietäten des Mittleren Ural : Morphosyntaktische Phänomene. Mannheim: IDS. 300 p.

Meng, K. (2001) Russlanddeutsche Sprachbiografien : Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien. Tübingen: Narr. 549 p.

Meng, K. (2017) Russlanddeutsche Sprachentwicklungen im „Zeitalter der Extreme“ : Familien- und generationsbezogene Sprachbiografien / K. Witzlack-Makarevich, N. Wulff (Hg.) // Handbuch

des Russischen in Deutschland. Migration – Mehrsprachigkeit – Spracherwerb. Berlin: Frank & Timme. Pp. 115–135.

Meng, K., Protassova, E. (2013) *Deutsche* or *rusaki*? Transformations of the cultural self-conceptions after (r)emigration / I. Du Bois, N. Baumgarten (Eds.) // Multilingual Identities: New Global Perspectives. Frankfurt/Main: Lang. Pp. 67–84.

Meng K., Protassova E. (2016) Deutsch und Russisch : Herkunftssprachen in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien. Mannheim : IDS. ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/index/index/docId/4615. 62 p.

Meng, K., Protassova, E. (2017) Young Russian-German adults 20 years after their repatriation to Germany / L. Isurin, C.M. Riehl (Eds.) // Integration, identity and language maintenance in young immigrants. Russian Germans or German Russians. Amsterdam: Benjamins. Pp. 159–196.

Meng, K., Protassova, E. (2022) Geboren in Kasachstan, herangewachsen in Deutschland. Langzeitstudie zur Integration und deutsch-russischen Zweisprachigkeit junger Russlanddeutscher. Mannheim: IDS. 362 p.

Niklas, F. et al. (2011) Die Bedeutung des Migrationshintergrunds, des Kindergartenbesuchs sowie der Zusammensetzung der Kindergartengruppe für sprachliche Leistungen von Vorschulkindern // Zeitschrift für Pädagogische Psychologie. V. 2. No. 2. Pp. 115–130.

Taylor, S.K., Despagne, C., Faez, F. (2017) Teaching English as an international language pedagogy / J.I. Liontas (Ed.) // The TESOL Encyclopedia of English language teaching: Teaching speaking and pronunciation in TESOL. Hoboken: Wiley. DOI:10.1002/9781118784235.eelt0660

Timpe-Laughlin, V. (2016) Learning and development of second and foreign language pragmatics as a higher-order language skill : A brief overview of relevant theories // ETS Research Report Series. DOI:10.1002/ets2.12124

Tietze, W. (Hg.) (1998) Wie gut sind unsere Kindergärten? Eine Untersuchung zur pädagogischen Qualität in deutschen Kindergärten. Neuwied: Luchterhand. 413 p.

UNICEF Report (2007) Child poverty in perspective : An overview of child well-being in rich countries : A comprehensive assessment of the lives and well-being of children and adolescents in the economically advanced nations. Florence: UNICEF. 52 p.

Wrigh,t W.E., Boun, S., García, O. (Eds.) (2015) The Handbook of Bilingual and Multilingual Education. Malden: Wiley. 686 p.

References

Auman, V.A., Chebotareva, V.G. (Ed.) (2011) Rossijskie nemcy: XXI vek [Russian Germans. 21st century]. M.: Centr nemeckoj kul'tury. 509 p. (In Russ.)

Burd, M.A. (2011) Psihologo-pedagogicheskie osnovy vzaimodejstvija detskogo sada i sem'i v processe vospitanija i obuchenija russkomu jazyku detej-bilingvov doshkol'nogo vozrasta (na primere Germanii). Dis. …kand. pedagogicheskikh nauk [Psychological and pedagogical foundations of the preschool and family interaction in the process of Russian language education and teaching with bilingual children of preschool age (the case of Germany)]. M.: GIRJa im. A. S. Pushkina. 248 p. (In Russ.)

German, A.A. (Ed.) (2011) Grazhdanskaja identichnost't i vnutrennij mir rossijskih nemcev v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i v istoricheskoj pamjati potomkov [Citizen identity and the inside world of the Russian Germans in the time of the Great Fatherland war and in the historical memory of their descendants]. M.: MSNK-press. 576 p. (In Russ.)

Meng, K., Protassova, E. (2002) Jazykovaja integracija rossijskih nemcev v Germanii [Linguistic integration of the Russian Germans in Germany] // Izvestija RAN. Serija lit-ry i jazyka. No. 6, Pp. 29–40. (In Russ.)

Meng, K., Protassova, E. (2011) Interakcionnaja grammatika rannego bilingvizma [Interactional grammar of early bilingualism] // Put' v jazyk: Odnojazychie i dvujazychie / Ed. by S.N. Cejtlin, M.B. Eliseeva. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur. Pp. 221–234. (In Russ.)

Meng, K., Protassova, E. (2015) Transformacija kul'turno-jazykovogo samosoznanija rossijskih nemcev v Germanii [Transformation of the cultural and linguistic self-consciousness of the Russian Germans in Germany] // Etnograficheskoe obozrenie. No. 6. Pp. 13–25. (In Russ.)

Meng, K., Protassova, E. (2020) Kogda ne hvataet slov : Taktiki podderzhanija razgovora u russko-nemeckih bilingvov [Running out of words: tactics for maintaining conversation among Russian-German bilinguals] // Kommunikativnye issledovanija. No. 2. Pp. 283–299.

Meng, K., Protassova, E. (2021) Kak govorjat po-russki v Germanii? [How they speak Russian in Germany] // Chelovek i jazyk v kommunikativnom proctranctve. No. 12. Pp. 242–248.

Shcheglova, T.K. (Ed.) (2022) Nemcy Rossii : Istorija, etnografija, kul'tura i jazyk [Germans of Russia: history, ethnography, culture and language]. Barnaul: AGU. 504 p.

Allmendinger, J. (2012) Schulaufgaben : Wie wir das Bildungssystem verändern müssen, um unseren Kindern gerecht zu werden. München: Pantheon. 304 p.

Baumert, J. et al. (Hg.) (2001) PISA 2000 : Basiskompetenzen von Schülerinnen und Schülern im internationalen Vergleich. Opladen: Leske & Budrich.

Berend, N. (2014) Im Spannungsfeld zwischen Herkunftssprache, Dialekt und Standardsprache: Migration und Remigration am Beispiel russlanddeutscher und russischsprachiger Zuwanderer aus der ehemaligen Sowjetunion // Deutsche Sprache. Vol. 42. No. 3. Pp. 218–237.

Conteh, J. (2018) Translanguaging // ELT Journal. Vol. 72. No. 4. Pp. 445–447.

Denessen, E., Driessen, G., Smit, F., Sleegers, P. (2001) Culture differences in education: Implications for parental involvement and educational policies / F. Smit, van der K. Wolf, P. Sleegers (Eds.) // A Bridge to the Future: Collaboration between parents, schools and communities. Nijmegen: University Nijmegen. Pp. 55–65.

Ehlich, K. (Hg.) (2005) Anforderungen an Verfahren der regelmäßigen Sprachstandsfeststellung als Grundlage für die frühe und individuelle Förderung von Kindern mit und ohne Migrationshintergrund. Bonn: BMBF. 378 S.

Ehlich, K., Bredel, U., Reich, H.H. (Hg.) (2008) Referenzrahmen zur altersspezifischen Sprachaneignung. Bonn: BMBF. 134 p.

Eimermacher, K., Volpert, A. (Hg.) (2005) Verführungen der Gewalt. Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg. München: Fink. 1394 p.

García, O., Wei, L. (2014) Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 165 p.

Hoffmann, L. (2017) Mehrsprachige Schule in Deutschland / K.Witzlack-Makarevich, N. Wulff (Hg.) // Handbuch des Russischen in Deutschland. Migration – Mehrsprachigkeit – Spracherwerb. Berlin: Frank & Timme, Pp. 673–685.

Hoffmann, L., Ekinci-Kocks, Y. (Hg.) (2011) Sprachdidaktik in mehrsprachigen Lerngruppen. Vermittlungspraxis in Deutsch als Zweitsprache. Hohengehren: Schneider. 344 S.

Hoffmann, L. et al. (Hg.) (2017) Deutsch als Zweitsprache : Ein Handbuch für die Lehrerausbildung. Berlin: Schmidt. 542 p.

Labuda, O. (2009) Russlanddeutsche Sprachvarietäten des Mittleren Ural : Morphosyntaktische Phänomene. Mannheim: IDS. 300 p.

Meng, K. (2001) Russlanddeutsche Sprachbiografien : Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien. Tübingen: Narr. 549 p.

Meng, K. (2017) Russlanddeutsche Sprachentwicklungen im „Zeitalter der Extreme" : Familien- und generationsbezogene Sprachbiografien / K. Witzlack-Makarevich, N. Wulff (Hg.) // Handbuch des Russischen in Deutschland. Migration – Mehrsprachigkeit – Spracherwerb. Berlin: Frank & Timme. Pp. 115–135.

Meng, K., Protassova, E. (2013) *Deutsche* or *rusaki*? Transformations of the cultural self-conceptions after (r)emigration / I. Du Bois, N. Baumgarten (Eds.) // Multilingual Identities: New Global Perspectives. Frankfurt/Main: Lang. Pp. 67–84.

Meng, K., Protassova, E. (2016) Deutsch und Russisch : Herkunftssprachen in russlanddeutschen Aussiedlerfamilien. Mannheim : IDS. ids-pub.bsz-bw.de/frontdoor/index/index/docId/4615. 62 p.

Meng, K., Protassova, E. (2017) Young Russian-German adults 20 years after their repatriation to Germany / L. Isurin, C.M. Riehl (Eds.) // Integration, identity and language maintenance in young immigrants. Russian Germans or German Russians. Amsterdam: Benjamins. Pp. 159–196.

Meng, K., Protassova, E. (2022) Geboren in Kasachstan, herangewachsen in Deutschland. Langzeitstudie zur Integration und deutsch-russischen Zweisprachigkeit junger Russlanddeutscher. Mannheim: IDS. 362 p.

Niklas, F. et al. (2011) Die Bedeutung des Migrationshintergrunds, des Kindergartenbesuchs sowie der Zusammensetzung der Kindergartengruppe für sprachliche Leistungen von Vorschulkindern // Zeitschrift für Pädagogische Psychologie. Vol. 2. No. 2. Pp. 115–130.

Taylor, S.K., Despagne, C., Faez, F. (2017) Teaching English as an international language pedagogy / J.I. Liontas (Ed.) // The TESOL Encyclopedia of English language teaching: Teaching speaking and pronunciation in TESOL. Hoboken: Wiley. DOI:10.1002/9781118784235.eelt0660

Timpe-Laughlin, V. (2016) Learning and development of second and foreign language pragmatics as a higher-order language skill : A brief overview of relevant theories // ETS Research Report Series. DOI:10.1002/ets2.12124

Tietze, W. (Hg.) (1998) Wie gut sind unsere Kindergärten? Eine Untersuchung zur pädagogischen Qualität in deutschen Kindergärten. Neuwied: Luchterhand. 413 p.

UNICEF Report (2007) Child poverty in perspective : An overview of child well-being in rich countries : A comprehensive assessment of the lives and well-being of children and adolescents in the economically advanced nations. Florence: UNICEF. 52 p.

Wright, W.E., Boun, S., García, O. (Eds.) (2015) The Handbook of Bilingual and Multilingual Education. Malden: Wiley. 686 p.

Катарина Менг — доктор филологических наук, профессор.
Адрес: 15848 Германия, Фридланд, Вугельмюле, Фридлен, 5
Эл. адрес: kathmeng@online.de

Екатерина Протасова — доктор педагогических наук, доцент.
Адрес: 00660, Финляндия, Хельсинки, Леполанти, 91 А 3.
Эл. адрес: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Для цитирования: *Менг К., Протасова Е.* Двуязычие у молодого поколения российских немцев в Германии [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. No. 1 (13). С. 72–88. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-72-88

For citation: *Meng, K., Protasova, E.* Bilinguality in the young generation of Russian Germans in Germany [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 72–88. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-72-88

УДК 811.161.1 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-89-110

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОНГОЛИИ: КОМПЕТЕНЦИИ, ЛОЯЛЬНОСТЬ, УСТАНОВКИ

Галина А. Дырхеева
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация
Чечек С. Цыбенова
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация
Цэрэнчимэд Саранцацрал
Монгольский государственный университет, Монголия

Статья посвящена вопросам функционирования русского языка как иностранного в языковом пространстве Монголии. На основе результатов социолингвистического исследования, проведенного в 2021–2023 гг., рассматривается уровень языковой компетенции во владении русским языком молодых монголов, их отношение к изучению и преподаванию его в школе, а также установки относительно монгольского, русского, английского и китайского языков. Анализ показал, что респонденты лучше владеют пассивными формами русского языка («чтение» и «письмо»), чем активными («понимаю» и «говорю»). Выявлено, что высокие показатели по пассивным формам у учащихся тесно связаны с учебной деятельностью. Поэтому основными ситуациями, когда учащиеся постоянно используют русский язык, являются школа и чтение учебной литературы. Исследование показало, что важную роль в образовательном процессе играет старшее поколение, которое поддерживает изучение русского языка своими детьми. Выявлено, что русский язык по популярности и престижности пока занимает второе после английского языка место. Основным мотивом изучения русского языка является его использование как языка получения образования и информации. Анализ скрытых языковых установок выявил, что отношение к русскому языку у монгольских учащихся в целом позитивное. Субъективный фактор заинтересованности и симпатии к русскоязычному пространству способствует его дальнейшему сохранению и функционированию в монгольском обществе. Согласно результатам, несмотря на сокращение сфер использования русского языка и ухудшение качества преподавания на русском языке, в целом в настоящее время наблюдается положительная динамика.

Ключевые слова: *языковая ситуация, языковая политика, русский язык за рубежом, сфера образования, российско-монгольские двусторонние отношения, Монголия*

RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE EDUCATIONAL AREA OF MONGOLIA: COMPETENCIES, LOYALTY, ATTITUDES

Galina A. Dyrkheeva
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Chechek S. Tsybenova
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Cerenchimed Sarantsatsral
National University of Mongolia, Mongolia

The article is devoted to functioning of the Russian as a foreign language in linguistic area of Mongolia. It presents the results of a sociolinguistic study conducted from 2021 to 2023. Level of linguistic competence in the Russian language of young Mongols, their attitude to learning and teaching it at school, as well as attitudes regarding Mongolian, Russian, English and Chinese languages are considered on basis of these results. The analysis showed that respondents were better proficient in passive forms of the Russian language ("reading" and "writing") than active ("understanding" and "speaking"). It is revealed that high rates of passive forms were closely related to educational activities. Therefore, main situations when students constantly use the Russian language are school and reading educational literature. The study showed that the older generation played an important role in the educational process and they supported the study of the Russian language by their children. It is revealed that the Russian language still occupies the second place after English in terms of popularity and prestige. The main motive for learning Russian is its use as a language of education and information. Analysis of hidden language attitudes reveals that attitude to the Russian language among Mongolian students is generally positive. The subjective factor of interest and sympathy for the Russian-speaking space contributes to its further preservation and functioning in Mongolian society. Despite reduction of using spheres and deterioration of its teaching, the Russian language is currently in a positive trend.

Keywords: *language situation, language policy, Russian language abroad, education sphere, Russian-Mongolian bilateral relations, Mongolia*

Введение

Вопросы функционирования и развития русского языка за рубежом являются важнейшей частью российской языковой политики. Основные направления внешней языковой политики РФ, в частности роль русского языка, цели и задачи его функционирования за рубежом, официально утверждены и прописаны в различных документах нормативно-правового характера: «Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом» (утверждена в 2015 г.) [Концепция государственной поддержки..., 2015], «Концепция "Русская школа за рубежом"» (утверждена в 2015 г.) [Концепция «Русская школа..., 2014], «Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом» (утверждена 2014 г.) [Концепция продвижения российского .., 2014] и др. В указанных документах русский язык определяется как один из ключевых факторов, продвигающих интересы России за рубежом. Согласно «Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом», русский язык рассматривается «…в качестве одного из основных инструментов продвижения и реализации стратегических внешнеполитических интересов Российской Федерации. Его распространение за рубежом способствует формированию положительного отношения к Российской Федерации в мировом сообществе, укреплению и расширению российского присутствия на международной арене» [Концепция государственной поддержки ..., 2015]. В «Концепции "Русская школа за рубежом"» прописано: «Поддержка и продвижение за рубежом общего

образования на русском языке является важным фактором гуманитарного и политического влияния Российской Федерации в мировом сообществе, служит укреплению позиций русского языка и распространению российской культуры в мире» [Концепция «Русская школа..., 2014].

Вместе с тем положение и статус русского языка, динамика его распространения в различных регионах мира сегодня неодинаковы. Гетерогенный характер функционирования русского языка за рубежом обусловлен многими факторами: географическими, культурно-историческими, социально-экономическими, политическими и др. Научные исследования в области национально-языковой политики относительно русского языка в странах ближнего зарубежья показывают, что по характеру языковой политики государства можно дифференцировать на две категории: проводящие «монолингвистическую» или «ассимиляционную» стратегию, в которых используется только один язык официального делопроизводства (Украина, Молдова, Латвия, Эстония, Армения, Азербайджан, Грузия, Туркменистан), и с «билингвистической» или «полилингвистической» стратегией (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан) [Плотников, 2018: 63–64]. Отмечается, что во многих странах постсоветского пространства (страны Балтии, Украина, Туркмения, Грузия) наблюдается тенденция к построению мононациональных государств, поэтому «…в долгосрочной перспективе возможно снижение роли русского языка как наднационального средства общения жителей стран, ранее входивших в Советский Союз» [Арутюнова, 2012: 174]. Учитывая статистические данные, ученые также прогнозируют, что по степени распространенности (общему числу владеющих им как родным, вторым или иностранным) русский язык к 2030 г. может «выпасть» из первой десятки мировых языков [Арефьев, 2015: 11]. Таким образом, исследование роли, статуса, присутствия русского языка за рубежом является одной из приоритетных задач современной российской науки.

В этом плане комплексный социолингвистический анализ состояния и перспектив развития русского языка в Монголии в наши дни не проводился. В настоящее время в условиях новых геополитических стратегий, направленных на всестороннее усиление взаимного сотрудничества России со странами азиатско-тихоокеанского региона, в частности с Монголией, подобные научные исследования приобретают особую актуальность.

В контексте задач исследования состояния и перспектив развития русского языка за рубежом научным коллективом Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (РФ, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ) в сотрудничестве с монгольскими коллегами из Монгольского государственного университета (Монголия, г.Улан-Батор) с 2020 по 2023 гг. реализуется международный проект «Русский язык в образовательном пространстве Монголии: современное состояние и перспективы развития», получивший грантовую

поддержку Российского фонда фундаментальных исследований (Российского центра научных исследований) и Министерства образования, культуры, науки и спорта Монголии. Основной целью проекта является анализ функционирования русского языка как иностранного в сфере образования Монголии. Исходя из цели исследования, были поставлены следующие задачи: 1) исследование изменения статуса, престижа, сфер и характера функционирования русского языка в Монголии; 2) сравнительный анализ положения русского языка в образовательной системе современной Монголии и в Монголии конца 1980-х – начала 1990-х годов; 3) прогнозирование перспектив и характера развития межъязыковых (монгольский–русский) отношений в Монголии, основывающийся на учете внешних (наличие, объем и характер государственной и институциональной поддержки, политический и ресурсный потенциал с точки зрения государства – как России, так и Монголии, демографическая мощь) и внутренних (оценка русского языка молодым населением Монголии с точки зрения его экономического и политического потенциала и языкового престижа) факторов. Результаты и материалы исследования важны для прогноза дальнейшего развития русского языка в Монголии, сравнительного анализа национально-языковых отношений в различных регионах мира, необходимы для исследования влияния субъективных факторов на динамику изменения языковой ситуации.

В рамках настоящей статьи представлены результаты проведенного в 2021–23 гг. социолингвистического исследования по изучению специфики функционирования русского языка среди монгольских школьников и студентов. Целью работы является анализ их языковой компетенции в области русского языка, сфер его использования учащимися, эффективности его преподавания в школе, языковых ценностных ориентаций, установок и мотиваций по изучению русского, монгольского, английского и китайского языков и владению этими языками.

Материал исследования и общие социолингвистические сведения

Основным материалом исследования являются результаты социолингвистического анкетирования, проведенного в ходе удаленного опроса в 2021 г. и полевой работы в Монголии в 2022–23 гг. Анкетирование было проведено среди школьников и студентов различных образовательных учреждений. В таблице 2 представлены образовательные объекты обследования. Анкеты распространялись очным и заочным методом. В очном формате опрос был проведен в апреле 2022 г. и марте 2023 г., заочном – с января по май 2021 г. с помощью платформы Google Forms. В итоге очно заполнена 551 анкета, заочно – 209 анкет. Согласно выборке исследования, собрано всего 760 анкет. Из них: 400 – учащиеся старших классов,

360 – студенты. Обработка анкет была проведена с помощью отечественной программы «ДА-система».

Основные половозрастные параметры и некоторые социальные характеристики респондентов представлены в таблице 1:

Таблица 1

Основные демографические и социальные характеристики респондентов (%)

Респон-денты	Пол		Возраст, лет					Место рождения		Длительность проживания в городе					
	Муж.	Жен.	до 16	17–18	19–20	21–22	23 и старше	Город	Село	С рождения	Менее 1 года	1–3 года	4–5 лет	Более 5 лет	Более 10 лет
Школьники	40,1	57,9	31,8	68,9	–	–	–	46,6	53,4	59,6	5,3	4,5	2,5	3,8	22,3
Студенты	37,4	62,6	0,3	25,2	52,1	18,3	4,2	39,6	60,4	32,4	21,9	18,3	9,4	6,4	10,8

Результаты показывают, что для большинства детей родным является монгольский язык (табл. 2). При этом в некоторых учебных заведениях, в частности в средней общеобразовательной школе, которая функционирует на базе филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (РЭУ), есть учащиеся с родным русским языком. Их доля составляет 2,9 %. Родным указали русский язык и 5,6 % студентов Улан-Баторского филиала Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. Отметим, что данные образовательные учреждения работают по российским стандартам, языком обучения в них является русский язык. Поэтому в данных учреждениях есть учащиеся-билингвы с родным или вторым русским языком.

Таблица 2

Общие социолингвистические сведения по обследованному массиву (%)

Образовательные учреждения	Всего опрошено		Признали родным			Родной язык					
						Отца			Матери		
	Чел.	%	Монг.	Рус.	Др. язык	Монг.	Рус.	Др. язык	Монг.	Рус.	Др. язык
Школа при Улан-Баторском филиале РЭУ	68	8,95	94,1	2,9	2,9	94,1	1,5	4,4	94,1	1,5	4,4
Школа № 23 г.Улан-Батор	95	12,50	95,8	–	4,2	96,8	1,1	2,1	100,0	–	–
Школы г. Эрдэнэт	99	13,03	100,0	–	–	98,9	–	–	98,9	–	1,0
Школа с. Зуун Мод	138	18,16	99,7	–	0,7	99,3	–	0,7	100,0	–	–
Монгольский гос. университет	179	23,55	99,4	–	0,6	97,7	0,5	1,7	99,4	–	0,5
Монгольский гос. университет (русисты)	20	2,63	95,0	–	5,0	95,0	–	5,0	95,0	–	5,0

Монгольский гос. университет науки и технологий	50	6,58	98,0	–	2,0	100,0	–	–	100,0	–	–
Монгольский университет образования	29	3,82	100,0	–	–	96,5	–	–	96,5	–	–
Университетт медицинских наук	46	6,05	95,6	–	4,4	91,3	–	6,5	95,6	–	4,4
Улан-Баторский филиал РЭУ	36	4,74	94,4	5,6	–	100,0	–	–	100,0	–	–
Всего:	760	100,0	97,9	0,5	1,6	97,5	0,4	1,7	98,7	0,1	1,1

Из «других языков» родным для некоторых учащихся является казахский и корейский языки. Согласно статистическим данным число казахов в Монголии достигает 120 999 чел. [2020 Population and Housing Census... , 2021: 52] и они представляют собой вторую по численности этническую группу. Более компактно они проживают на территории Баян-Улэгэйского и Ховдского аймаков (районов) в западной части Монголии. Русский язык среди казахского населения, проживающего на территории Монголии, функционирует достаточно активно. Этому способствует географическая близость районов проживания этнических казахов с территорией Казахстана. Знание русского языка для казахской молодежи открывает возможности получения образования, перспективы карьерного роста при миграции в Казахстан. Поэтому многие казахи Монголии в своем роде являются трилингвами, владеющими казахским, монгольским и русским языками. Мотивация владения русским языком среди казахской молодежи высокая.

Корейский язык, корейская культура сегодня очень популярны в Монголии. Кроме образовательной и трудовой миграции населения, многие монголы выбирают Республику Корею для постоянного проживания. В настоящее время достаточно частыми становятся монголо-корейские межэтнические браки. Исследователи отмечают, что брачная миграция в Корею стала активна после 2010-х годов [Актамов, Григорьева, 2021: 372]. Поэтому среди респондентов есть дети, родители которых являются носителями корейского языка.

Согласно результатам, языком общения до школы для абсолютного большинства учащихся является монгольский язык (96,8 %). Лишь 1,6 % респондентов указали языком общения до школы русский язык и столько же респондентов указали другой язык (1,6 %). Анализ по объектам исследования показывает, что русский язык знали с детства и общались на нем в основном учащиеся школы при Улан-Баторском филиале Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (10,3 %), студенты Монгольского государственного университета (5,6 %) и Улан-Баторского филиала Российского экономического университета

имени Г.В. Плеханова (8,3 %). Специфику данных учебных заведений мы указывали выше. По всему массиву доля респондентов, знающих русский язык с детства, составляет 10,1 %.

Большинство респондентов, как показывают результаты, сталкиваются с русским языком только в школе или высшем учебном заведении (63,0 %). Детей, изучивших русский язык в процессе общения со сверстниками, знакомыми и друзьями не так много (1,2 %). Достаточно высоки показатели параметра «Другие причины» – 13,7 %. Здесь респонденты указали такие причины: *выучил, смотря мультфильмы; с младшим братом; от мамы; от папы; с бабушкой; в семье; учил в 7–9 классах; в России; изучал на курсах языковой подготовки; от учителя*. Примечательно, что некоторые изучали русский язык в Центрах русского языка и указали имена своих учителей – *Туяа багш*. Вместе с тем среди респондентов достаточно много ответов – *русский язык не изучал.* 12,0 % респондентов не ответили на данный вопрос.

Языковая компетенция учащихся

Важным показателем владения тем или иным языком является уровень языковой компетенции. Данное понятие в социолингвистике не имеет однозначной трактовки. Считается, что оно тесно связано с понятием «владение языком» [Галимьянова, 2007: 49]. В российской социолингвистике в самом широком смысле его чаще рассматривают как владение языком своей национальности, русским и другими языками, а также их использование в различных ситуациях [Функционирование языков..., 2008: 86]. В «Словаре социолингвистических терминов» указывается, что в узком понимании это собственно лингвистический уровень владения языком, подразумевающий знание и владение грамматической и словарной сторонами языка [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 260]. Как показывает опыт проведения социолингвистических исследований, языковая компетенция представляет собой качественную характеристику, отражает потенциальную картину владения различными формами языка, позволяет выявить, в какой степени и на каком уровне языковое сообщество владеет языком.

В таблице 3 представлены результаты, отражающие степень владения и уровень владения русским языком всеми учащимися.

Таблица 3

Степень владения русским языком учащимися (%)

	Уровень владения					
Степень владения русским языком	**Очень хорошо**	**Хорошо**	**Удовлетворительно**	**Плохо**	**Не владею**	**Нет ответа**
Понимаю	7,5	10,39	24,61	33,55	22,24	1,71
Говорю	4,47	7,5	20,53	42,11	23,55	1,84
Читаю	10,0	18,82	28,29	23,29	17,76	1,84
Пишу	6,71	13,42	25,92	30,26	21,84	1,84

Как видим, русским языком практически не владеет пятая часть опрошенных, достаточно высоки показатели отрицательных оценок («удовлетворительно» и «плохо»). Что касается степени владения, то респонденты лучше владеют письменными формами («чтение» и «письмо»), чем устными («понимаю» и «говорю»). Такое положение часто возникает в ситуации недостаточности речевой практики, в условиях искусственного билингвизма, в данном случае учебного. Неконтактный характер коммуникативного источника, недостаточная мотивация владения русским языком являются основными причинами удовлетворительного и плохого владения русским языком большей части монгольских учащихся.

В таблице 4 отражены результаты по степени владения русским языком школьниками и студентами.

Таблица 4

Степень владения русским языком школьниками и студентами (%)

	Уровень владения					
Степень владения рус. языком	**Очень хорошо**	**Хорошо**	**Удовлетвлетворительно**	**Плохо**	**Не владею**	**Нет ответа**
Понимаю	9,5/5,3	11,5/9,1	24,1/25,2	28,1/39,6	24,1/20,2	2,7/0,5
Говорю	6,0/2,7	8,0/6,9	20,8/20,2	36,3/48,5	26,1/20,8	2,7/0,8
Читаю	12,3/7,5	21,3/16,1	24,1/32,9	19,5/27,4	20,1/15,2	2,7/0,8
Пишу	8,3/4,9	15,8/10,8	23,6/28,5	25,6/35,5	24,1/19,4	2,8/08

Разбивка уровня владения и степени владения русским языком по школьникам и студентам показывает, что положительные оценки («очень хорошо» и «хорошо») в целом выше у школьников. Более высокие положительные оценки школьников могут быть связаны с фактором времени, т.е. это дети, которые относительно недавно изучали русский язык как обязательный предмет с 7 по 9 классы или изучают как факультатив с 10 по 12 классы. Отметим, что Министерство образования, науки и культуры Монголии русский язык как обязательный в средних классах начало вводить с 2006–2007 учебного года, а как факультатив с 2016–2017 учебного года.

Результаты по респондентам-студентам показывают, что среди них не владеющих в разной степени русским языком относительно не много по сравнению с тем же показателем у школьников. У студентов оценок «удовлетворительно» и «плохо» по всем формам степени владения русским языком также больше, чем у школьников. Однако по уровню положительных оценок их показатели, как было указано ранее, уступают показателям школьников. Здесь, кроме фактора времени, следует отметить отсутствие преемственности преподавания русского языка в образовательных учреждениях Монголии. Зачастую, изучив русский язык в средних классах в школе, большинство учащихся не выбирают русский язык для дальнейшего изучения. Принцип выбора языка изучения практикуется и в высших учебных заведениях Монголии. Вместе с тем, согласно средним показателям, студенты лучше, чем школьники, понимают русский язык, говорят, читают и пишут на русском языке. Полагаем, что на это могут влиять возрастные особенности студентов как более взрослых людей, их установки, связанные с большей ответственностью, необходимостью поиска большей информации и применения языка в учебной деятельности.

Более высокие показатели по пассивным формам («читаю» и «пишу») у учащихся тесно связаны с учебной деятельностью. Результаты по различным ситуациям использования русского языка также подтверждают, что основными ситуациями, когда учащиеся постоянно используют русский язык, являются школа (14,6 %) и чтение учебной литературы (12,2 %). Следует отметить и использование ими русского языка в интернет-сети. В силу характера своей деятельности и образа жизни, они иногда обращаются к русскоязычным источникам (22,1 %). Русский язык как язык информации может иногда использоваться и при чтении художественной литературы, газет и журналов, на нем могут смотреть телевизионные передачи, спектакли, слушать радио, делать личные записи. С друзьями и знакомыми из России постоянно разговаривают на русском языке только 11,3 % респондентов, в общественных местах его редко используют: лишь 23,6 % (табл. 5).

Таблица 5

Ситуации использования русского языка учащимися (%)

Ситуация использования рус. языка	Постоянно	Иногда	Редко	Не использую
В школе	14,6	13,6	19,6	50,5
Дома	1,3	7,6	19,5	70,0
С родителями	1,5	6,8	17,2	72,9
С братьями, сестрами	1,7	6,3	13,8	76,5
С бабушкой, дедушкой	1,9	5,7	16,1	74,6
С друзьями, знакомыми из России	11,3	12,2	18,0	56,2
С родственниками	1,3	5,0	13,7	78,0

В общественных местах (рынок, транспорт, магазин и др.)	2,0	7,2	23,6	65,5
В учреждениях культуры	1,7	7,4	23,0	66,2
При чтении худож. литературы	7,8	16,5	24,2	50,4
При чтении учебной литературы	12,2	17,8	21,2	47,5
При чтении газет и журналов	5,3	16,2	24,2	52,2
В интернет-сети	6,7	22,1	28,3	41,5
Слушаю радио	3,8	9,1	18,6	66,6
Смотрю ТВ	4,9	21,3	26,3	46,2
Смотрю спектакли	4,7	12,1	20,1	61,5
Когда пишу письма, частные записки	3,3	9,1	19,1	67,0

Результаты показывают также, что русский язык практически не используется в семейной коммуникации (дома: с родителями, с братьями и сестрами, с бабушкой и дедушкой, с родственниками). Тем не менее следует отметить, что в семейном кругу редкая коммуникация на русском языке возможна с родителями (17,2 %) и с бабушкой, дедушкой (16,1 %). Тогда как с сестрой, братом его используют лишь 13,8 % респондентов, а с другими родственниками – 13,7 %.

Относительно данной ситуации укажем, что так называемый «фактор бабушки» или «бабушкин язык» часто отмечается учеными, изучающими факторы языковой витальности. Например, говоря о языке потомков сето, переселившихся во времена столыпинских реформ в Сибирь, Т.Б. Агранат пишет: «У сето в настоящий момент лучше всех сохраняют язык те, кого воспитывали бабушки. Часто бывает так, что младшие сиблинги, уже не заставшие бабушек, языка не знают, в то время как старшие – хорошо владеют языком. В таких случаях родители общаются со старшими детьми на сето, а младшие не могут поддержать разговор, хотя понимают и отвечают по-русски; в местах компактного проживания пассивно владеют сето практически все. Сами же родители в свое время получили язык от своих бабушек, но почему-то не могут передать его детям. Даже довольно пожилые информанты, прекрасно владеющие языком, вспоминают, как говорила бабушка и никогда – как говорили родители» [Агранат, 2021: 14].

Известно, что социализация старшего поколения монголов проходила в условиях, когда русский язык был единственным иностранным языком в Монголии, который в обязательном порядке изучали во всех школах и вузах страны. По русскому языку сдавали государственные выпускные экзамены по окончании школы и вуза, а также конкурсные испытания при поступлении в вуз и аспирантуру. Поэтому в нашем случае старшее поколение носителей монгольского языка сегодня представляет собой ту социальную базу, которая в той или иной мере поддерживает изучение русского языка своими детьми и внуками и играет важную роль в его сохранении и распространении. Как показывают результаты настоящего исследования,

многие бабушки, дедушки и родители еще не полностью забыли русский язык и до сих пор владеют им на том или ином уровне лучше и активнее, чем современная монгольская молодежь.

Эффективность преподавания русского языка в школе

Присутствие русского языка в образовательном пространстве Монголии, в частности в школьном образовании, является важным стратегическим фактором, влияющим на его дальнейшее функционирование в монгольском обществе. В основе успешности /не успешности изучения того или иного иностранного языка, как правило, лежат психологические и поведенческие установки, мотивы, побуждающие изучать или не изучать его. К примеру, говоря о статусе русского языка в современном Азербайджане, А.А. Гаджиев справедливо отмечает, что «в развитии иноязычного образования важную роль играют собственно мотивационные факторы: политические и экономические связи между государствами, а также толерантность общества, открытость к инонациональным культурам, а в случае с русскоязычным образованием также искренность отношения к России и русскому народу» [Гаджиев, 2017: 31]. Поэтому в рамках исследования нами сделана попытка выявить отношение монгольских учащихся к урокам/занятиям по русскому языку, установить основные причины положительного или отрицательного отношения к его преподаванию и понять эффективность /не эффективность русскоязычного образования в образовательной системе Монголии в целом.

Результаты исследования, полученные на ряд открытых вопросов, показывают, что 47,1 % респондентов затрудняются ответить на вопрос *«Как Вы относитесь к урокам русского языка?»*. Положительное отношение к урокам русского языка указали 39,2 % респондентов. Не указавших ответ на данный вопрос больше (10,3 %), чем выбравших ответ «отрицательно» (3,4 %). При этом многие респонденты написали свои ответы в виде комментариев, что не относятся отрицательно к урокам русского языка, т.к. «элементарно» не изучают/не изучали русский язык в школе. Примерно так же респонденты ответили и на следующий вопрос: *«Если Вы изучаете русский язык, удовлетворены ли Вы процессом обучения и уровнем преподавания?»*. Ответ «затрудняюсь ответить» выбрали 38,8 % респондентов, частично удовлетворены преподаванием 22,4 %, удовлетворены – 15,7 %. Доля не ответивших респондентов на данный вопрос составила 14,2 %, не удовлетворенных процессом преподавания – 9,0 %.

Положительное и отрицательное отношение и причины такого отношения к занятиям/урокам по русскому языку отражены в таблице 6, где показаны результаты исследования.

Таблица 6

Причины положительного и отрицательного отношения к урокам русского языка у учащихся (%)

Положительное отношение		Отрицательное отношение	
Пригодится в дальнейшем	37,2	Не пригодится в жизни	6,1
Нравится учитель	7,9	Не нравится учитель	3,3
Интересная программа, темы, учебники	10,0	Неинтересная программа, темы, скучные учебники	8,6
На уроке хорошая атмосфера	9,1	Высокие требования, сложная программа	5,0
Затрудняюсь ответить	24,0	Большой объем домашних заданий	3,8
Другие причины	10,1	Затрудняюсь ответить	34,1
Нет ответа	18,4	Другие причины	12,4
		Нет ответа	33,0

Результаты таковы: то, что русский язык пригодится в дальнейшем, отметили чуть более трети респондентов (37,2 %), а то, что он не пригодится в дальнейшем – 6,1 %. Основная доля ответов по обеим колонкам приходится на такие варианты, как «затрудняюсь ответить», «нет ответа» и «другие причины». Неявное уклонение от ответов, отсутствие ответов наблюдается по всему блоку вопросов, направленных на выявление отношения к урокам русского языка и причин желания или нежелания изучать его.

Фактор отсутствия ответов на вопросы социологи объясняют недостаточной осведомленностью респондентов в предмете обсуждения, недоброжелательными установками в отношении интервьюера или определенных вопросов, внешними обстоятельствами, теми или иными характеристиками респондентов (возраст, семейное положение, доход и т.д.), качеством методики и проведения опроса [цит. по: Брыкова, 2010: 276]. В нашем случае это может быть связано с психологическими особенностями учащихся, которые в силу своего возраста пока еще не способны обозначить четкую позицию относительно данных вопросов. Анализ ответов на рассматриваемые вопросы позволяет выделить две группы респондентов: одни считают, что достаточно компетентны во владении русским языком и пропускают данные вопросы (не отвечают на них), другие, наоборот, не изучали /не изучают его и поэтому не имеют представления о данной проблеме, а, следовательно, оставляют эти вопросы без ответов вообще или выбирают указанные варианты. Отметим, что подобная картина наблюдается не только в данном конкретном исследовании. Например, среди детей-респондентов неявное

уклонение от ответов достаточно часто наблюдается нами и в социолингвистических исследованиях по другим языкам, в частности по бурятскому.

Наводящие вопросы о причинах нежелания знать русский язык показывают, что, в первую очередь, на нем не с кем общаться (24,5 %). Далее в порядке убывания располагаются такие ответы: *«испытываю трудности в изучении языков»* – 23,8 %, *«он мне не интересен»* – 22,0 %, *«считаю, что он мне не пригодится в жизни»* – 16,7 %, *«считаю, что у него мало перспектив, его изучение непрестижно»* – 5,7 %. Не ответили на данный вопрос 23,4 % респондентов. Большинство указавших свой вариант ответа (18,7 %) отметили, что не относятся отрицательно к изучению русского языка и хотели бы изучать его. Данная позиция в какой-то степени подтверждается ответами на следующий вопрос: *«Если Вы не знаете или плохо знаете русский язык, то хотели бы его изучать?»*. Больше половины респондентов хотели бы изучать русский язык (54,2 %); не испытывают потребности к занятиям по русскому языку – 15,7 %. Затруднились ответить на данный вопрос – 24,7 % респондентов.

Согласно результатам опроса, основными случаями, когда респонденты жалеют о том, что не знают русский язык, являются отсутствие возможности чтения литературы, газет и журналов (38,2 %), а также просмотра ТВ и прослушивания радио (36,6 %). Данные ответы еще раз подтверждают, что для большинства респондентов русский язык – это, прежде всего, язык получения информации, инструментальный язык, необходимый для получения данных, сведений, знаний, и используется он только в определенных ситуациях. Результаты также показывают, что около трети респондентов жалели о незнании русского языка в общественных местах (на улице, в транспорте, в магазине) (29,9 %) и при посещении учреждений культуры (музеи, театры), на массовых мероприятиях (29,3 %). 24,7 % респондентов указали свой вариант ответа. Среди них наиболее популярными являются ответы о том, что респонденты еще не выезжали за пределы Монголии, не бывали в России. Поэтому с ситуацией незнания или плохого знания русского языка как средства устной коммуникации респонденты сталкивались часто только в русскоязычной среде, находясь в России. Подобная ситуация возникала при общении с друзьями у 15,3 % респондентов. Основным языком в семьях у респондентов является монгольский язык, поэтому в кругу семьи (6,6 %) и родственников (6,7 %) такие случаи (случаи сожаления о незнании русского языка) у респондентов встречались редко.

Об особенностях системы образования Монголии и месте русского языка в ее структуре мы писали в предыдущей нашей публикации [Дырхеева и др., 2020]. Отметим, что во всех монгольских средних общеобразовательных учреждениях он преподается как второй иностранный язык в качестве обязательного предмета с 7 по 9 классы. На дальнейшей ступени

(с 10 по 12 классы) его изучают как факультативную дисциплину. Для того чтобы сформировать группу по изучению русского языка, необходимо набрать 15 учащихся. В условиях низкой мотивации к изучению русского языка такие классы иногда набрать затруднительно. В ходе полевой работы некоторые учителя-русисты отмечали недостаточную разработку (недоработку) методики преподавания русского языка как иностранного, а также сложность учебников современного периода по сравнению с советскими учебниками. Многие наглядные пособия, аудио- и видеоматериалы учителя готовят самостоятельно. Учителя средней школы отметили и низкую мотивацию большинства учащихся. В высшей школе русский язык изучают по выбору. Например, студенты 1–2 курсов Монгольского государственного университета могут выбрать любой иностранный язык, который изучается в течение одного семестра в объеме 3 кредитов (96 часов). На русский язык набирается примерно по 5 групп с численностью около 30 студентов. Русский язык преподают во многих вузах (сельскохозяйственный, технический, военный, университет образования, университет искусства), но с меньшим количеством часов, и студенты не всегда его выбирают. Исследование показывает, что интерес к изучению русского языка восстанавливается. Однако в масштабе изучения английского языка объем часов на преподавание русского языка недостаточен, количество обучающихся небольшое.

Языковые установки, ориентации и мотивации

Субъективные установки респондентов, их ориентации и мотивации по отношению к монгольскому, русскому, английскому и китайскому языкам выявлялись на основе ряда открытых и закрытых вопросов. Так, степень значимости изучения указанных языков выяснялась вопросом *«Насколько важно для Вас изучение следующих языков?»* (табл. 7).

Таблица 7

Степень значимости изучения языка (%)

Язык	Очень важно	Важно	Необязательно	Затрудняюсь ответить
Монгольский	84,7	11,2	1,6	1,2
Русский	17,8	44,5	20,8	14,6
Английский	74,2	23,6	1,1	0,4
Китайский	18,7	41,1	21,6	14,6
Другой язык	15,3	22,9	8,7	20,7

Как видим, по степени значимости русский язык занимает позицию после английского и китайского языков. Здесь в ответах на вариант «другой язык» многие указали корейский и японский языки. Среди европейских языков респондентами были названы также немецкий и французский языки.

В следующей таблице представлены варианты ответов на вопрос *«Как Вы думаете, почему Вы изучаете или хотели бы изучать следующие языки?»* (табл. 8).

Таблица 8

Мотивация изучения монгольского, русского, английского и китайского языков (%)

Мотивация изучения языка	Монгольский	Русский	Английский	Китайский
Это Ваш родной язык	97,5	0,3	1,5	0,3
Его преподают в школе	61,6	53,0	74,3	7,5
Это язык культуры мирового значения	8,2	21,7	90,7	31,3
Без его знания нельзя считать себя образованным человеком	42,0	23,4	83,0	17,6
Изучаете, чтобы жить, учиться в другой стране	7,2	30,8	83,5	21,1
Изучаете для общего развития и кругозора	23,3	34,1	81,4	22,1
Он пригодится в общении с друзьями, знакомыми из других стран	13,7	32,9	76,6	18,2
Он знакомит с культурой и религией, для путешествий	13,3	39,3	79,3	29,1
Его необходимо знать, чтобы поступить в ВУЗ	39,2	24,0	80,9	11,3
Его заставляют изучать родители	11,2	14,7	33,0	6,1
Это пригодится в дальнейшей работе	42,2	35,8	84,5	31,7

Результаты по данному вопросу показывают, что практически по всем предложенным позициям лидирует английский язык, кроме параметра *«Это Ваш родной язык»*. Основным мотивом изучения русского языка, по мнению респондентов, является то, что его преподают в школе (53,0 %). Если не учитывать показатели по английскому языку, то по многим параметрам русский язык превосходит китайский. Как показано в таблице 8, его изучают, чтобы быть образованным, жить, учиться в другой стране, для общего кругозора, для общения с друзьями, для знакомства с культурой, религией и путешествий, необходим в будущем. Следует отметить ответы, что русский язык изучают, потому что заставляют родители (14,7 %). Русский язык стоит третьим после английского и монгольского по параметру *«Его необходимо знать, чтобы поступить в ВУЗ»* (24,0 %). Таким образом, полученные результаты свидетельствуют еще раз, что русский язык – это язык получения образования и поиска информации. В образовательном процессе на русском языке важная роль принадлежит родителям.

Исследование косвенных установок респондентов выявлялось и другими вопросами. Результаты на вопрос *«Оцените по указанным ниже параметрам речь людей, говорящих на разных языках»* отражены в таблице 9.

Таблица 9

Оценка речи людей, говорящих на разных языках (%)

Оценка говорящего	По Вашему мнению, говорящий			
	по-монгольски	по-русски	по-английски	по-китайски
Более умный	42,2	16,8	42,1	18,2
Более успешный	15,3	16,5	66,6	18,0
Более образованный	19,1	26,7	62,5	23,0
Более добрый	40,5	18,6	20,8	5,8
Более богатый	17,1	14,5	40,9	18,2
Более дружелюбный	34,7	24,5	30,8	7,9
Более прогрессивный	10,5	14,9	56,3	22,0
Более агрессивный	18,3	28,3	14,2	13,9
Модно одетый	16,2	24,9	38,3	10,9
Ленивый	21,3	8,2	8,7	7,2

Согласно результатам, более успешным, образованным, прогрессивным, богатым и модно одетым, по мнению респондентов, является человек, говорящий по-английски. Человека, говорящего по-монгольски, респонденты оценили, как самого умного, самого доброго, самого дружелюбного и ленивого. В целом автостереотипы респондентов-монголов о самих себе являются положительными. Человек, говорящий по-китайски, оказался прежде всего, образованным, прогрессивным, богатым, умным и успешным. Стоит отметить, что относительно китайцев подтверждается общепринятый многими народами гетеростереотип об их работоспособности: по параметру «ленивый» в данном столбце наблюдается самое маленькое значение.

Результаты по русскому языку по степени убывания показателей выглядят следующим образом: более агрессивный, более образованный, модно одетый, более дружелюбный, более добрый, более умный, более успешный, более прогрессивный, более богатый и ленивый. Интересно отметить, что речь человека, говорящего по-русски, оказалась самой агрессивной (28,3 %) по сравнению с речью людей, говорящих на монгольском, английском и китайском языках. Агрессивность или брутальность речи на русском языке для иностранцев обсуждают и в открытых источниках. Подобную характеристику связывают, прежде всего, с фонетикой русского языка. Так, выделяя особенности различных звуков, наблюдатели пишут, что «Иностранцам кажется, что русские в разговоре друг с другом постоянно недовольны чем-то и даже между собой ругаются. Хотя мы в этот момент можем обсуждать, скажем, меню в ресторане. <…> Одна из причин кажущейся брутальности русской речи – ее интересная фонетика. Например, наличие пугающей большинство европейцев и азиатов раскатистой *Р*. В то время, как у тех же китайцев такого звука в языке вовсе почти нет (заменяют *Л*), а у французов *Р* – картавая. Потому русский язык для иностранцев – РРРЫкающий такой на слух. Грозными кажутся иностранцам и наличие в русском великого множества свистящих,

шипящих, вроде Ч, Ц, Щ, Ш, а также отсутствующего в большинстве западноевропейских языков мощного гласного Ы» [Почему русский язык…, 2022]. Достоверность наблюдений авторов-пользователей может вызывать сомнение и требует, в свою очередь, научного подтверждения. Тем не менее полученные нами результаты показывают, что речь человека, говорящего по-русски, воспринимается монгольскими респондентами-учащимися как более жесткая и суровая.

Интересными в плане изучения косвенных языковых установок являются и результаты ответов на вопрос: *«Какими словами Вы бы охарактеризовали следующие языки?»* (табл. 10).

Таблица 10

Характерные признаки исследуемых языков (%)

Характерные признаки языка	Монгольский	Русский	Английский	Китайский
Сложный	10,0	45,3	17,0	55,5
Родной	91,8	2,9	2,0	0,5
Богатый	57,8	28,8	33,0	20,1
Древний	38,0	28,9	14,2	32,6
Красивый	57,4	26,0	38,3	8,2
Непонятный	4,0	28,7	10,5	59,9
Чужой	2,1	38,6	34,0	56,6
Интересный	21,5	34,0	59,0	18,3
Необходимый	32,4	22,0	74,1	14,3
Престижный	16,5	24,6	72,1	26,7

По мнению респондентов, самым сложным, самым непонятным и самым чужим оказался китайский язык. Английский язык – самый интересный, самый необходимый и самый престижный. Данные по монгольскому языку показали, что он родной, самый богатый, самый древний и самый красивый. Русский язык занял позицию между английским и китайским языками. Следует отметить, что для респондентов он роднее, чем английский и китайский. Из предложенных признаков самый высокий показатель по русскому языку у параметра «сложный». Таким образом, русский язык для монгольских респондентов-учащихся, в первую очередь, сложный (45,3 %), чужой (38,6 %), но интересный (34,0 %).

Изучение гетеростереотипов респондентов относительно русского народа демонстрируют следующую картину: русским присущи такие качества и черты характера, как трудолюбие (61,5 %), простота (47,5 %), гостеприимство (47,0 %), добродушие (45,9 %), терпимость (39,5 %), скромность (21,8 %), хитрость (21,7 %), доверчивость (12,5 %), сострадание (11,8 %), лень (7,1 %). Из собственных ответов респондентов (6,2 %) наиболее популярны такие ответы, которые характеризуют русских людей как: дружелюбные, ответственные, прогрессивные, выдающие себя за старшего. Определенный интерес для научного анализа представляют также ответы респондентов на вопрос о знании пословиц и

поговорок, отражающих черты национального характера русских[6]. Данные ответы можно условно подразделить на четыре группы. К первой можно отнести выражения аутентичные русской культуре (*Золотые руки*; *Семь раз отмерь, один раз отрежь*; *Терпение и труд все перетрут*; *Один за всех и все за одного*; *Бить баклуши* и др.); ко второй относятся поговорки аутентичные монгольской культуре (*Саахалт айлын санаа нэг* ‘У соседей помыслы едины’, *Хэлтэй бол хөлтэй* ‘Язык до Киева доведет’, *Гар нь ажилладаг толгой нь тэжээдэг* ‘Руки работают, а голова кормит’); в третью группу можно отнести поговорки и выражения, передающие положительные образы (*Орос Монгол хоер эртнээс ахан дүүс байсан* ‘Россия и Монголия издревле являются старшим и младшим братьями’; *Монголын эртнээс нөхөрлөж, дайтаж явсан анд* ‘Давний друг и военный союзник Монголии’; *Орос ах нар мандтугай!* ‘Пусть русские братья процветают!’; *Без русского языка не одолеешь самого опасного врага*; *День Победы*; *порщ, пленчик* (*зд.* ‘борщ’, ‘блинчик’); *Цэнхэр нүдтэй хүүхэлдэй* ‘Куколка с голубыми глазами’); четвертую группу представляют выражения, передающие негативные образы и образы, связанные с идеологией социализма *(Водка*; *Пожалуйста, потените* (*зд.* ‘выпейте’) *100 граммов*; *“Масса трудящихся за нас. В этом наша сила. В этом источник непобедимости всемирного коммунизма” В.И. Ленин*; *Сур, сур, сур бас дахин сур* ‘Учиться, учиться, учиться и еще раз учиться’)

Заключение

В целом, оценивая функционирование русского языка в образовательных учреждениях Монголии, отметим, что системный подход к его преподаванию оптимальным образом пока еще не выстроен. Необходимо указать на ряд характерных проблем преподавания русского языка в сфере образования: сложная учебно-дидактическая литература, которая не учитывает стартовые возможности монгольских учащихся; нехватка педагогических кадров и ухудшение их профессиональных качеств. Кроме того, между ступенями образования недостаточно учитывается принцип преемственности, в обучении нет направленности на формирование навыков активной коммуникации, у учащихся развивается только пассивное владение языком. Как средство устной коммуникации, русский язык могут использовать только около трети учащихся. Определенным образом это связано с недостаточным погружением в языковую среду, малодоступностью для многих учащихся выездов в страну изучаемого языка. Таким образом, присутствие русского языка в образовательной системе не является стопроцентной гарантией его стабильности в монгольском обществе в дальнейшем.

[6] Далее в приведенных примерах сохранена орфография респондентов.

Историческая роль русского языка в становлении и развитии самобытной монгольской культуры, национальной системы образования и науки, в целом всей социально-экономической и общественной жизни Монголии очевидна. Русский язык был важным фактором интеграционных процессов начала XVIII–XIX вв. Сегодня в Монголии формируется многоязычная образовательная среда. В диалоге языков русский язык по популярности и престижности пока занимает второе после английского языка место. В условиях языковой конкуренции существует вероятность его вытеснения другими важными иностранными языками азиатско-тихоокеанского региона (китайский, корейский, японский). Анализ косвенных установок монгольской молодежи показывает, что русский язык по некоторым параметрам уступает и китайскому языку. Вместе с тем в системе ценностных ориентаций русский язык оценивается как более родной, близкий и понятный. Русский язык по-прежнему выполняет важную инструментальную функцию: он является языком получения образования и информации. Это обстоятельство говорит о том, что для некоторой части монгольской молодежи русский язык является одним из основных средств восприятия окружающей действительности и формирования концептуальной картины мира через призму русскоязычного мировидения.

Анализ факторов, влияющих на функционирование русского языка в Монголии, показывает, что в области культурно-просветительской и образовательной деятельности необходима совместная работа как с монгольской, так и с российской стороны. В этом плане масштабную работу ведет Русский дом и находящиеся в его ведении Центры русского языка. На наш взгляд, формат Центров русского языка является наиболее удобным и подходящим для создания и расширения языковой среды на русском языке, формирования положительного образа России, повышения престижа и популяризации русского языка в современном монгольском обществе. Инициатива открытия Центров часто принадлежит монгольской стороне, что говорит об улучшении ситуации в данном вопросе. Поэтому политические решения и административные ресурсы – это основные рычаги, способствущие продвижению и распространению русского языка за рубежом.

Литература

Агранат Т.Б. (2021) Особенности (не)передачи языка у сибирских сето // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). Вып. 3 (33). С. 9–18. DOI:10.23951/2307-6119-2021-3-9-18.

Актамов И.Г, Григорьева Ю.Г. (2021) Монгольская трудовая миграция в Республику Корея в новейший исторический период : Вынужденная мобильность и социальное событие // Научный диалог. № 7. С. 359–380. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-359-380.

Арефьев А.Л. (2015) Русский язык в мире : Прошлое, настоящее,будущее // Слово.ру: Балтийский акцент. № 4. С.7–21.

Арутюнова М.А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и в государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. № 1. С. 155–178.

Брыкова Т.Ю. (2010) Неявное уклонение респондента от прямого ответа в анкетном опросе : Методические аспекты // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. № 5. С. 276–279.

Гаджиев А.А. (2017) Образование на русском языке в Азербайджанской Республике : Реалии и преспективы развития // Этнодиалоги. № 1 (52). С. 28–43.

Галимьянова В.Р. (2007) Языковая ситуация как социолингвистическая проблема. Нефтекамск: РИО НФ БашГУ. 116 с.

Дырхеева Г.А., Цыбенова Ч.С., Цэрэнчимэд Саранцацрал, Дашдондог Энхбат (2021) Русский язык в системе образования Монголии : Состояние, динамика, проблемы [Электронный ресурс] // Социолингвистика. №1 (5). С. 31–48. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-31-48

Концепция «Русская школа за рубежом» (2015) Сайт Президента России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/news/50643 Дата обращения: 05.03.2023.

Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом (2015) Сайт Президента России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/news/50644 Дата обращения: 05.03.2023.

Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом (утв. МИД России 27.03.2014) (2014) Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-prodvizhenija-rossiiskogo-obrazovanija-na-baze-predstavitelstv-rossotrudnichestva-za/ Дата обращения: 05.03.2023.

Плотников Д.С. (2018) Языковая политика как инструмент конструирования идентичности : (На примере Молдовы, Украины и Латвии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. № 1 (794). С. 60–81.

Почему русский язык звучит для иностранцев столь брутально? (2022) [Электронный ресурс] // Авторский научно-просветительский канал «Этнобаза». Режим доступа: https://dzen.ru/a/YwSruXw1SmhyzPFR Дата обращения: 24.04.2023.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / Под ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.

Функционирование языков в многонациональном государстве : Россия и Вьетнам (2008) / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Советский писатель. 451 с.

2020 Population and Housing Census of Mongolia. (2021) Ulaanbaatar : National Statistics Office of Mongolia. 298 p.

References

Agranat, T.B. (2021) Osobennosti (ne)peredachi yazyka u sibirskih seto [Features of (non)language transmission in Siberian Seto] // Tomskij zhurnal lingvisticheskih i antropologicheskih issledovanij [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]. Iss. 3 (33). Pp. 9–18. DOI:10.23951/2307-6119-2021-3-9-18. (In Russ.)

Aktamov, I.G, Grigor'eva, Yu.G. (2021) Mongol'skaya trudovaya migraciya v Respubliku Koreya v novejshij istoricheskij period : Vynuzhdennaya mobil'nost' i social'noe sobytie [Mongolian labor migration to the Republic of Korea in the recent historical period: forced mobility and social event] // Nauchnyj dialog. No. 7. Pp. 359–380. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-359-380. (In Russ.)

Arefev, A.L. (2015) Russkij yazyk v mire : Proshloe, nastoyashchee,budushchee [Russian language in the world: past, present, future] // Slovo.ru: Baltijskij accent. No. 4. Pp.7–21. (In Russ.)

Arutyunova, M.A. Yazykovaya politika i status russkogo yazyka v SSSR i v gosudarstvah postsovetskogo prostranstva [Language policy and status of the Russian language in the USSR and in the post-Soviet states] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Bulletin of the Moscow University. Series 25. International relations and world politics]. No. 1. Pp. 155–178. (In Russ.)

Brykova, T.Yu. (2010) Neyavnoe uklonenie respondenta ot pryamogo otveta v anketnom oprose : Metodicheskie aspekty [Implicit evasion of the respondent from a direct answer in a questionnaire survey: methodological aspects] // Aktual'nye problemy estestvennyh i gumanitarnyh nauk [Actual problems of natural sciences and humanities]. No. 5. Pp. 276–279. (In Russ.)

Dyrheeva, G.A., Cybenova, Ch.S., Cerenchimed, S., Dashdondog, E.. (2021) Russkij yazyk v sisteme obrazovaniya Mongolii : Sostoyanie, dinamika, problem [Russian language in the education system of Mongolia : Status, dynamics, problems] [online] // Sociolingvistika. No. 1 (5). Pp. 31–48. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-31-48. (In Russ.)

Funkcionirovanie yazykov v mnogonacional'nom gosudarstve: Rossiya i V'etnam (2008) [Functioning of languages in a multinational State : Russia and Vietnam] / Otv. red. V.Yu. Mihal'chenko [Ed. V.Yu. Mikhalchenko]. M.: Sovetskij pisatel'.451 p. (In Russ.)

Gadzhiev, A.A. (2017) Obrazovanie na russkom yazyke v Azerbajdzhanskoj Respublike : Realii i prespektivy razvitiya [Education in Russian in the Republic of Azerbaijan: realities and prospects of development] // Etnodialogi. No..1 (52). 196 p. Pp. 28–43. (In Russ.)

Galim'yanova, V.R. (2007) Yazykovaya situaciya kak sociolingvisticheskaya problema [The language situation as a sociolinguistic problem]. Neftekamsk: RIO NF BashGU. 116 p. (In Russ.)

Koncepcija «Russkaja shkola za rubezhom» [The concept of «Russian School Abroad»] (2015) Sajt Prezidenta Rossii. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/news/50643 Access data: 05.03.2023. (In Russ.)

Koncepcija gosudarstvennoj podderzhki i prodvizhenija russkogo jazyka za rubezhom [The concept of state support and promotion of the Russian language abroad] (2015) Sajt Prezidenta Rossii. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/news/50644 Access data: 05.03.2023. (In Russ.)

Koncepcija prodvizhenija rossijskogo obrazovanija na baze predstavitel'stv Rossotrudnichestva za rubezhom [The concept of promoting Russian education on the basis of Rossotrudnichestvo representative offices abroad] (utv. MID Rossii 27.03.2014) (2014) Zakony, kodeksy i normativno-pravovye akty v Rossijskoj Federacii. Available at: https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-prodvizhenija-rossiiskogo-obrazovanija-na-baze-predstavitelstv-rossotrudnichestva-za/. Access data: 05.03.2023. (In Russ.)

Plotnikov, D.S. (2018) Yazykovaya politika kak instrument konstruirovaniya identichnosti : (Na primere Moldovy, Ukrainy i Latvii) [Language policy as a tool for constructing identity (on the example of Moldova, Ukraine and Latvia)] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. No. 1 (794). Pp. 60–81. (In Russ.)

Pochemu russkij yazyk zvuchit dlya inostrancev stol' brutal'no? (2022) [Why does the Russian language sound so brutal for foreigners?] [online] // Avtorskij nauchno-prosvetitel'skij kanal «Etnobaza» [Author's scientific and educational channel "Ethnobase"]. Available at: https://dzen.ru/a/YwSruXw1SmhyzPFR Access date: 24.04.2023. (In Russ.)

2020 Population and Housing Census of Mongolia. (2021) Ulaanbaatar: National Statistics Office of Mongolia. 298 p. (In Eng.)

Slovar' sociolingvisticheskih terminov (2006) [Dictionary of Sociolinguistic terms] / Pod red. V.Yu. Mihal'chenko [Ed. by V.Yu. Mikhalchenko]. M.: Institut yazykoznaniya RAN. 312 p. (In Russ.)

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РЦНИ) и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-512-44005 «Русский язык в образовательном пространстве Монголии: современное состояние и перспективы развития»

The reported study was funded by RFBR (RCSI) and MECSS, project number 20-512-44005 «Russian in the educational area of Mongolia: current state and prospects of development»

Дырхеева Галина Александровна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела языкознания, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
Адрес: 670045 Россия, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.
Эл. адрес: an5dag1@mail.ru

Цыбенова Чечек Сергеевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
Адрес: 670045 Россия, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.
Эл. адрес: tschechek@mail.ru

Цэрэнчимэд Саранцацрал – доктор филологических наук, профессор, кафедра европеистики факультета гуманитарных и естественных наук, Монгольский государственный университет.
Адрес: Монголия, Улан-Батор, ул. Бага тойруу, д. 1.
Эл. адрес: ts.sarantsatsral@gmail.com

Для цитирования: *Дырхеева Г.А., Цыбенова Ч.С., Цэрэнчимэд Саранцацрал*. Русский язык как иностранный в образовательном пространстве монголии: компетенции, лояльность, установки [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. No. 1 (13). С. 89–110. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-89-110

For citation: *Dyrkheeva, G.A., Tsybenova, Ch.S., Cerenchimed, S.* Russian as a foreign language in the educational area of Mongolia : Competencies, loyalty, attitudes [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 89–110. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-89-110

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

LANGUAGES OF RUSSIA

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-111-127

ПИСЬМЕННЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Наталия Г. Колесник
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

В статье рассматриваются некоторые особенности функциональных стилей в современном русском языке, формирование различительных признаков письменных стилей в зависимости от целей и условий общения, характерных для тех или иных коммуникативных сфер. С усложнением организации сфер общения происходит стилистическая дифференциация, результатом которой является формирование системы функциональных стилей. На оформление корпуса различительных признаков стилей непосредственно воздействуют предписывающие правила отбора языковых элементов, регулирующие использование языка, и способы организации текста. Функциональный стиль художественной литературы и публицистический стиль характеризуются рядом признаков, позволяющих противопоставить их другим письменным стилям, при этом наиболее специфическими свойствами обладает стиль художественной литературы. Особые цели общения в коммуникативной сфере литературы обусловливают и особые правила использования языка. Важную роль в качестве стилеобразующего фактора играет эстетическая функция языка; особенности проявляются в тематике в сфере литературы (художественный вымысел), в двойственной роли языка (средство общения и материал искусства слова).

Ключевые слова: *стиль, функциональный стиль, система стилей, сфера общения, цели общения, признаки стиля, стиль художественной литературы*

WRITTEN FUNCTIONAL STYLES OF THE RUSSIAN LANGUAGE: THE MAIN DISTINGUISHING FEATURES

Natalya G. Kolesnik
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article discusses some features of functional styles in modern Russian and the formation of distinctive features of written styles depending on the goals and conditions of communication characteristic of certain communicative spheres. With the complication of the organization of spheres of communication, stylistic differentiation occurs, the result of which is a system of functional styles that has developed to the present moment and continues its development. Functional varieties of the language are opposed to each other in a number of ways. The design of the corpus of distinctive features of styles is directly affected by prescriptive rules for the selection of language elements regulating the use of language in texts, and ways of organizing the text. The functional style of fiction

and journalistic style are characterized by a number of features that allow them to be contrasted with other written styles, while the style of fiction has the most specific properties. The special goals of communication in the communicative sphere of literature determine the special rules of its use. An important role as a style-forming factor is played by the aesthetic function of language, the peculiarity of the general theme in the field of literature (fiction), the dual role of language (a means of communication and the material of the art of words).

***Keywords**: style, functional style, style system, sphere of communication, communication goals, signs of style, style of fiction*

Функциональный стиль определяется как «Общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора, и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [Виноградов, 1955: 73; Словарь, 2006].

Отметим, что известные затруднения при исследовании функциональных стилей связаны с неразличением ряда понятий, по отношению к которым также используется термин «стиль» и его производные – прежде всего в различных филологических дисциплинах (междисциплинарная омонимия), например следующие значения термина «стиль»:

«стиль 1» – в лингвистике, в социолингвистике используется для обозначения функционально обусловленных разновидностей языка (*функциональный стиль языка, стиль публицистики, функционально-стилистические варианты*);

«стиль 2» – термин традиционной нормативной стилистики, исследующей шкалу вариативных возможностей языка (*высокий стиль, низкий стиль*);

«стиль 3» – термин стилистики, используемый для обозначения лексических единиц, в значении которых присутствуют различные коннотации для выражения эмоциональных, оценочных оттенков значения (*стилистически окрашенные слова, стилистические коннотации*);

«стиль 4» – термин литературоведения, используется при описании художественных особенностей отдельного произведения или совокупности произведений писателя (*стилистические особенности поэмы «Возмездие»*, *стиль писателя, стилистика романа*);

«стиль 5» – термин культурологии и литературоведения, используется для обозначения общих закономерностей литературы и иных видов искусства какой-либо эпохи, литературного направления (*стиль эпохи Просвещения, стиль литературы барокко, стилистика «натуральной школы»*).

Причины возникновения функциональных стилей

Функциональные стили относятся к кодифицированным формам существования языка, в силу чего к наиболее общим, основным факторам, обусловившим возможность и необходимость их появления, относится наличие письменности и литературного языка. Однако непосредственным условием возникновения стилей является регулярное использование литературного языка в определенных сферах общения. Формирование разнообразных сфер и подсфер общения происходит вместе с развитием общества, с усложнением его социальной и деятельностной структуры, возникновением новых устойчивых видов деятельности. Каждой из коммуникативных сфер присущи особые цели и условия общения, непосредственно сказывающиеся на языке, который обслуживает соответствующий вид деятельности [Кожина, 1968]. Именно в сферах общения, характеризующихся относительно сходными коммуникативными потребностями, начинает производиться отбор и закрепление определенных языковых элементов, формируется однотипное структурное оформление текстов, вырабатываются правила использования языковых единиц, предписанные в данной сфере, что в результате приводит к появлению особых, функционально обусловленных образований – функциональных стилей. Совокупность языковых элементов и правил использования языка, закрепленных за стилем, является конечным результатом процесса формирования функционально обусловленного языкового варианта.

Возникновение стилей и функциональная дифференциация

Функциональные стили начали складываться еще в древнерусский период, и их становление заняло достаточно продолжительное время. Первым функциональным стилем, возникшим в древнерусском языке, является *официально-деловой стиль*, в истории формирования которого впервые наглядно проявили себя экстралингвистические факторы, определяющие образование функционально обусловленных разновидностей языка. Необходимые условия для возникновения данного стиля – это существование государства и связанные с этим потребности управления. Основным назначением стиля является обслуживание правовых отношений внутри государства (межличностные, между отдельными гражданами и организациями, между организациями) и на межгосударственном уровне. Так, первые исторически зафиксированные правовые документы известны с X в., появились они после принятия письменности. К ним относятся тексты договоров 907, 911, 944 и 971 годов русских с греками. Несколькими десятилетиями позже, в XI в., появляется первый свод законов Киевской Руси – Русская правда Ярослава Мудрого. Уже в этих текстах начали закрепляться элементы, характерные для данного стиля: терминологичность, стремление к

точности формулировок, строгая регламентация структуры текстов и др. Например, в «Русской правде» уже использовались термины *голова* ‘убитый’, *головник* ‘убийца’, *послух* ‘свидетель’, *вира* ‘штраф’, *грамота*. Начали использоваться стандартные формулы: *челом бью*; начальная формула как обязательный реквизит грамот: *Се азъ…* ‘вот я… ‘ («Се азъ князь великий Всеволод дал есмь святому Георгию…», 1130 г.); в конце документа (грамоты) также использовались обязательные формулы, в которых указывалось, кто был свидетелем (*послухом*) сделки, кто скреплял грамоту своей подписью: «А даную <грамоту> *писал человек мой* Игнат Мосеев», и т.п.

Важность обращения к ранней истории официально-делового стиля определяется не только тем, что это было время начала становления первого функционально-обусловленного образования в языке, но и тем, что именно в пределах данного стиля начали складываться общие закономерности, характеризующие иные функциональные разновидности. Заметим, что если сами устаревшие слова, обороты могли заменяться другими элементами а композиция текстов со временем претерпевала известные изменения (например, устаревшие *челобитная, табель о рангах, Преображенский приказ, быть в опале, учинить расправу)*, то общий принцип обязательности содержательной и формальной организации текстов и закрепления используемых языковых элементов, проявившийся на самом раннем этапе формирования официально-делового стиля (и в дальнейшем его подстилей), распространился и на другие письменные стили и сохраняется в настоящее время. И данное обстоятельство является важным для понимания особенностей формирования системы функциональных стилей.

С течением времени, с возникновением коммуникативных потребностей в активно развивающихся сферах общения началось формирование таких письменных стилей, как *публицистический стиль, стиль художественной литературы*. Кроме письменных функциональных стилей, с развитием литературного языка и появлением достаточно обширного, социально значимого слоя населения, владеющего литературной формой языка и использующего его в повседневной деятельности, сложилась такая функциональная разновидность, как *устный (обиходно-разговорный, разговорный) литературный стиль*.

Отметим, что книжно-письменные стили реализуются преимущественно в письменной форме, что и отражается в их названии, однако во всех стилях и подстилях некоторые жанры могут быть представлены в устной форме, например в функциональном стиле науки: *выступление на симпозиуме, устный доклад, лекция, обсуждение научной работы*; в юридическом подстиле официально-делового стиля: *речь адвоката, заключительное слово судьи;* в дипломатическом подстиле: *выступления на пресс-конференции, международные переговоры, переговоры «на ногах»*; в стиле художественной литературы: *устный рассказ* и т.п.

(с другой стороны, к устному, обиходно-разговорному стилю иногда относят его бытовую эпистолярную разновидность). Тем не менее, в соответствии с преимущественной формой применения языка функциональные стили в системе стилей разделяются на письменные стили и устный стиль.

Функционально-стилистическая дифференциация

В результате длительного функционирования языка в различных сферах общения в рамках каждого письменного стиля начинаются процессы функциональной дифференциации, вызванные появлением новых сфер и подсфер общения, обслуживающих вновь появляющиеся виды деятельности. Таким образом, происходит обособление и оформление функциональных разновидностей стилей – подстилей. Например, развитие и усложнение сферы правовой деятельности приводит к выделению таких подстилей официально-делового стиля, как *дипломатический подстиль* (*дипломатический язык*), *документальный (юридический) подстиль*, *обиходно-деловой (канцелярский*) *подстиль*. В научном стиле обособились *собственно научный подстиль* и *научно-педагогический подстиль* – в силу различий коммуникативных задач в тех сферах общения, где используются эти разновидности. Особым коммуникативным целям соответствует также *научно-популярный подстиль* (особенность текстов которого состоит в том, что они предназначены для лиц, не обладающих профессиональными знаниями в той или иной области науки) и *научно-справочный подстиль* (словари, справочники, каталоги, энциклопедии).

В стиле *художественной литературы* в настоящее время существуют подстили, выделение которых обусловлено особенностями функционирования языка в разных подсферах литературной деятельности. Подстили в художественной литературе соответствуют родам литературы: *эпос, проза, драматургия, поэзия*. (Отметим, что такое разделение художественной литературы на роды сложилось уже в новое время, к XVII–XVIII столетию, с формированием литературы нового, европейского типа со структурой, отличной от древнерусской литературы.) При этом правила использования языка в эпических, драматических, поэтических, прозаических произведениях имеют вполне определенные отличия, обусловленные несходством художественных задач.

Одновременно с оформлением стилей и подстилей в последних возникают и развиваются *жанры*, в которых, собственно, и реализуются стили.

Изменения, обусловленные дифференциацией функционально-стилистических образований под влиянием различных экстралингвистических факторов и усложнением коммуникативных задач, продолжаются и в настоящее время. Так, с развитием

предпринимательской деятельности (с 1990-х годов) в юридическом подстиле официально-делового стиля выделился и стал активно развиваться *предпринимательский подстиль***.**

Использование языка в религиозной области (*религиозно-проповеднический стиль, культовый язык*), находившееся ранее вне рамок основных интересов функциональной лингвистики, в настоящее время привлекает большее внимание [Мишланов, 2010].

Наиболее интенсивно изменяется *публицистический стиль*, в котором видоизменяются или выделяются новые подсферы общения и новые подстили и жанры. Развивается и преобразуется подстиль *рекламы* (ранее, в советский период, занимавший очень ограниченное место); в блогосфере, в социальных сетях активно формируется подстиль *интернет-общения,* одной из специфических черт которого является выработка особой, новой формы языка, совмещающей в себе черты как письменной, так и устной форм. Причиной такой инновации является совместимость целей общения, присущих нерегламентированным сферам устного общения (дружеское, бытовое, неформальное профессиональное общение), с коммуникативными целями письменного регламентируемого общения, что стало возможным благодаря особым условиям общения в интернете [Колесник, 2014].

Публицистический стиль первоначально сформировался как преимущественно письменный, однако впоследствии (особенно в последние десятилетия) с развитием технических, электронных средств массовой информации устные жанры стали занимать все более значимое место, например, кроме традиционных жанров ораторского искусства, к устным относятся жанры, применяющиеся в таких сферах, как радиообщение, телеобщение (различные информационные, общественно-политические, развлекательные программы и проч.). В целом же публицистический стиль отличает большое разнообразие подстилей, жанров и их вариантов. Все эти изменения в определенной мере привели к известному обособлению данного стиля в системе письменных стилей.

Надо сказать, что между разными стилями и подстилями далеко не всегда существуют четкие границы, например *лекция* как жанр может относиться как к собственно научному, так и научно-педагогическому подстилям. Знаменитая речь Ф.М. Достоевского, произнесенная им в 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности, посвященная открытию памятника А.С. Пушкину, является не только публицистическим произведением, но и значимым фактом литературы. Нет четкой границы между научным и публицистическим стилями в сфере литературной критики. Объясняется это тем, что критика примыкает к такой области науки, как литературоведение, поскольку исследует различные художественные аспекты языка произведений литературы. Но одновременно с этим в критических статьях в

разной степени может присутствовать публицистичность – это объясняется той ролью, которую играет литература в общественной жизни, в культуре.

Тем не менее понимание такого языкового феномена, как функциональный стиль, основано именно на закрепленности совокупности признаков за каждым из функциональных образований, входящих в систему функциональных стилей.

Система функциональных стилей

В настоящее время в лингвистике присутствуют разные взгляды на совокупность стилей, представленных в современном русском языке. Так, в «Словаре социолингвистических терминов» перечислены следующие стили: обиходно-литературный, газетно-публицистический, официально-деловой, научный [Словарь, 2006: 241]. Однако различия во взглядах на состав функциональных стилей в языке не отменяют самого факта существования набора разных функциональных образований, связанных системными отношениями.

В результате длительных процессов становления, преобразования стилей, их функциональной дифференциации в современном русском языке сформировалась разноуровневая, иерархически организованная система функционально обусловленных форм существования стилей. Отметим при этом, что если представление об отношениях между различными частями системы основывается на знании и истолковании свойств, входящих в нее стилистических разновидностей, то, с другой стороны, и понимание многих особенностей последних (например специфики функционального стиля художественной литературы) во многом зависит от понимания отношений между частями системы.

На первом уровне данной системы существует оппозиция *письменные стили /устный стиль*, противопоставление которых, в первую очередь, основано на преимущественном использовании письменной и устной формы языка (от чего зависят и другие существенные особенности стилей: выбор лексических и фразеологических единиц, синтаксис, построение текста). На следующем уровне выделяются оппозиционные отношения между различными письменными стилями, образующими особую подсистему в общей системе стилей. *Подстили,* сформировавшиеся в результате функционально-стилистической дифференциации, составляют еще один уровень системы.

Заметим, что если функциональные стили и подстили существуют в нашем представлении как языковые образования, характеризующиеся набором признаков и более или менее строгими правилами использования языка, то реализуются они в жанрах – во вполне конкретных текстах, т.е. жанры представляют собой текстуально оформленные функциональные разновидности, закрепленные за тем или иным подстилем. Таким образом,

жанры можно рассматривать как один из уровней системы функциональных стилей, возникший в ответ на проявленные коммуникативные потребности, а также как форму реализации стиля (подстиля) в тексте, в конкретном коммуникативном акте. Выбор жанра в первую очередь обусловлен насущными коммуникативными задачами в определенной ситуации общения и при этом не противоречит общим целям и условиям общения в данной сфере. Жанры, существующие в пределах каждого подстиля, противопоставляются по ряду признаков; например, различаются жанры собственно научного подстиля (*монография, статья, автореферат*) и научно-педагогического подстиля (*учебник, учебное пособие, задачник*). При этом жанры, относящиеся к одному и тому же подстилю, объединяются по определенным общим сходным признакам.

Признаки функциональных стилей

Понимание феномена «функциональный стиль» непосредственным образом связано с вопросом различительных признаков как важнейших стилеобразующих факторов.

Среди признаков, определяющих тип того или иного стиля, можно выделить признаки как общего характера, так и более частные. К наиболее общим отличительным признакам относится общая *тематика* текстов, в которых реализуется тот или иной стиль. Так, официально-деловой стиль характеризуется тематикой, связанной с правовой деятельностью во всех ее видах и формах в области законотворчества и в правоприменении; в научном стиле тематика текстов отражает деятельность в сфере науки и образования; общественно-политическая тематика присуща публицистическому стилю. В функциональном стиле литературы общая тематика – это художественный *вымысел* как результат творческого, художественного, эстетически мотивированного осмысления реальности, в чем состоит одно из принципиальных отличий стиля литературы от всех других стилей (включая публицистический), в которых вымысел не проявляется (или не должен проявляться). К общим признакам относятся и принятые в данном стиле *правила*, регулирующие отбор и использование языкового материала.

К признакам, имеющим более частный, конкретный характер, в первую очередь относится корпус отобранных (в соответствии с действующими «правилами») и закрепленных за стилем, подстилем, жанром элементов языка и структуры текста, регулярно использующихся в общении.

Правила отбора языковых элементов как отличительный признак стиля

Правила, в соответствии с которыми производится отбор языковых элементов и выбор соответствующей формы текста (его композиционно-содержательных особенностей), различны для каждого стиля, и с этой точки зрения, само наличие определенных правил можно считать отличительным признаком общего характера для каждого стиля. Однако при этом «правила» проявляются в текстах лишь опосредованно, и, таким образом, их возможно рассматривать в качестве инструмента, регулирующего отбор языкового материала и его использование («регуляторы»). Например, к подобным правилам в некоторых письменных стилях, подстилях (юридический подстиль, канцелярский подстиль) относится строгий запрет на использование внелитературных элементов языка – диалектизмов, просторечных слов, жаргонизмов и т.п. (*вчерась, сидит на игле*), запрет на использование эмоционально окрашенных слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*уголовненькое дельце, рефератик, международные отношеньица*).

В противоположность «запрещающим» действуют правила, предписывающие обязательное использование определенных элементов языка и приемов организации текстов различных стилей (в зависимости от жанра). Например, обязательное использование специальной терминологии и некоторых стандартных формул является признаком научного стиля (*антропогенез, вендская биота; что и требовалось доказать; в результате проведенного исследования; новизна работы*); использование стандартных формул в канцелярском подстиле (*Справка дана в том…, Доводим до Вашего сведения, что…, В связи с отказом…, В связи с Вашим решением….*); употребление традиционных для дипломатического языка этикетных формул и терминологии (*Прошу Вас, г. посол, принять уверения в моем высоком уважении, Высокие договаривающиеся стороны*, *атташе, дауйен, казус белли* (*casus belli*), *верительные грамоты*). Частое присутствие эмоционально окрашенной, стилистически сниженной лексики, фразеологии и оценочных коннотаций – признак определенных жанров публицистического стиля (*Наши бывшие партнеры; Банк Lehman Brothers звонко щелкнул ластами; Если «Ростех» получит хорошего полновесного леща…; Телеканал много лет лил такое дерьмо на всех* и т.п.)

Результатом применения предписывающих и запрещающих правил, регулирующих использование языка, становится формирование корпуса языковых элементов, закрепленных в качестве различительных признаков за той или иной функциональной разновидностью. Такие признаки носят более конкретный характер и, как правило, рассматриваются в качестве наиболее очевидных маркеров той или иной функциональной разновидности (стиля, подстиля, жанра). К признакам такого рода относятся единицы разных уровней языка: характер лексических и фразеологических единиц, их морфологические признаки, особенности

синтаксиса и синтаксические конструкции, особенности порядка слов, клише и словесные формулы, а также содержательная структура текста, расположение частей текста, жанровое многообразие, степень унификации текстов. Например, во многих жанрах документального, канцелярского подстилей официально-делового стиля правилами предписана высокая степень унификации. Так, наиболее стандартизованными жанрами, в которых запрещена любая вариативность, являются, жанры бухгалтерских документов (вплоть до обязательных шаблонов формы); гораздо менее формальными являются жанры научного стиля, в большинстве которых, однако, также присутствуют обязательные композиционные элементы (введение, основная часть, разбивка на главы, заключение, научный аппарат – как часть текста) и содержательные моменты (указание на актуальность, новизну исследования, выводы и т.п.); к наименее унифицированным жанрам относятся, например, лирические стихотворения (разрешен свободный выбор стихотворного размера, строфики, типы рифм) и т.д. – т.е. уровень стандартизации жанров входит в число их отличительных признаков.

Таким образом, к общим свойствам закрепленных за разными функциональными стилями признаков относится обязательное соблюдение правил использования языка и организации текстов; устойчивость стиля проявляется как в постоянном воспроизведении закрепленных за стилем языковых элементов, так и в содержательных и сипуктурных особенностях.

Функции языка и функциональные стили

К важным факторам, воздействующим на характер признаков стиля, следует отнести особую роль некоторых функций языка, которые могут по-разному проявляться в процессе общения в разных коммуникативных сферах. Как известно, коммуникативная и когнитивная функции рассматриваются как базовые, т.е. играющие главную роль в любом типе общения. Им противопоставляются вторичные функции, которые могут присутствовать либо как дополняющие, либо вовсе не проявляться. Например, экспрессивная функция (направленная на выражение субъективного отношения автора речи к ее содержанию) отсутствует в текстах документального подстиля и ограниченно может проявляться в некоторых жанрах научно-популярного подстиля, но присутствует в ряде жанров публицистического стиля.

Эстетический компонент в той или иной мере может присутствовать или не присутствовать в текстах, относящихся к разным функциональным стилям. Так, эстетическая функция языка не характерна для законодательных документов, форм бухгалтерского отчета, жанра аналитической научной статьи, но в качестве вторичной может присутствовать в некоторых жанрах дипломатического языка и в значительной степени – в текстах публицистического стиля, поскольку целью общения в данной сфере является стремление не

только убедить адресата логическими доводами и фактами, но и оказать эмоциональное воздействие на читателя (зрителя, слушателя).

Эстетическая функция языка как стилеобразующий фактор

Особая роль эстетической функции языка прослеживается, прежде всего, в функциональном стиле художественной литературы, где ее присутствие относится к важнейшим отличительным признакам стиля. В сфере литературы данная функция проявляется не только в содержании произведения, связанного с эстетической оценкой действительности, но и в особом отношении к языку, в стремлении к его совершенству.

Обусловлено это тем, что в силу специфики художественной литературы как сферы общения, с присущими ей особыми коммуникативными задачами, язык здесь приобретает автономную ценность, и благодаря художественной (эстетической) мотивированности языковой формы на первый план выходит именно эстетическое и эмоциональное воздействие. Цель использования языка в сфере художественной литературы – создание словесных художественных произведений, т.е. текстов, в которых эстетическая, художественная сторона обязательна, что, собственно, и определяет принадлежность текста к функциональному стилю литературы.

Таким образом, эстетическая функция языка в сфере литературы из вторичной переходит в разряд базовых (наряду с коммуникативной и когнитивной функциями) и проявляет себя в качестве важного стилеобразующего фактора.

Язык художественной литературы как средство общения и как материал искусства

Особую роль в качестве отличительного признака играет специфическое, двойственное использование языка в сфере художественной литературы. Это свойство, присущее только данному функциональному стилю, противопоставляет его всем иным разновидностям письменных стилей. Искусство слова – единственный вид искусства, где «материалом» деятельности является национальный язык (подобно тому, как глина или мрамор является материалом для скульптора). Иначе говоря, парадоксальность ситуации, связанной со стилем художественной литературы, проявляется в том, что язык здесь не только используется в качестве *средства общения* в рамках соответствующей коммуникативной сферы, но одновременно оказывается *материалом* для определенного вида деятельности (искусства слова). Ср.: в лингвистике – *язык*[1] (национальный язык(-и)) является предметом изучения, т.е. материалом для исследования. В то же время *язык*[2] (функциональный стиль науки)

применяется как инструмент описания и изучения *языка*[1], т.е. используется в качестве средства общения в коммуникативной сфере научной и педагогической деятельности (метаязыковая функция языка). Отметим также, что и в литературоведении, где изучаются различные аспекты литературы, и в том числе языковые особенности художественных произведений, *язык*[1] (язык литературных произведений) не является средством общения; в качестве средства общения используется *язык*[2].

Специфика функционального стиля художественной литературы

Рассмотрение ряда особенностей функциональных стилей, их стилеобразующих и языковых признаков, на основании которых происходит различение функциональных разновидностей языка, позволяет сделать вывод, что стиль художественной литературы обладает своей спецификой, отчетливо отграничивающей его от других письменных стилей [Кожина, 1966; Колесник, 2015].

Важной особенностью данного стиля является то, что в целом для него характерно отсутствие «запретов» в отношении любых форм существования национального языка, включая языковые единицы, выходящие за пределы нормированного литературного языка, разрешены любые стилистически окрашенные единицы (входят в число обязательных художественных приемов; например: «Высокий могучий брюнет… с широким мечом на перевязи и сумкой на плече, *нарисовался* на пороге»; «И *слопал* Ламарово подношение, – *хохотнул* баритон»). Но подобное «разрешение» имеет свои ограничения: оно действительно только в тех случаях, когда это оправдано художественными целями и принимается в качестве особого средства выразительности. Иначе говоря, общим «регулятором» при выборе тех или иных элементов языка оказывается принцип эстетической целесообразности, что также относится к отличительным признакам данного функционального стиля. Свободное использование национального языка во всем его многообразии не означает отсутствия упорядоченности и правил, регламентирующих применение языка в подстилях, жанрах литературы. В данном стиле, как и в других письменных стилях, тоже имеет место отбор языкового материала и применяются правила, регулирующие (в соответствии с действующими эстетическими критериями) функционирование языка, что ставит стиль литературы в ряд с остальными функциональными стилями. Но поскольку цели и условия общения в сфере художественной литературы имеют особый характер, то и правила отбора языкового материала, выбора композиции, формы текста основаны на других принципах, главный из которых – эстетическая целесообразность. Например, стилистические признаки различных жанров драматического подстиля (содержательные, композиционные, языковые) отличны от

признаков, характерных для жанров подстиля поэзии; стилистически непохожими являются прозаические жанры (*плутовской роман, рыцарский роман, сентиментальный роман, повесть, рассказ, хроника* и т.д.), каждый из которых обладает набором признаков, позволяющих их выделить в особые функциональные варианты языка в сфере художественной литературы.

Сходства и различия стиля художественной литературы и публицистического стиля

Особенно заметно принципиальное отличие функционального стиля художественной литературы от остальных письменных стилей при сопоставлении с публицистическим стилем – именно в силу того, что между этими двумя функциональными разновидностями, с одной стороны, наблюдается известное сходство, но с другой – сохраняются важные различия.

Определенные сходства художественной литературы и публицистики проявляются в том, что здесь в значительной мере присутствуют экспрессивность, эмоциональность, оценочность, не свойственные официально-деловому, научному стилям, и это сказывается на правилах отбора языкового материала, отличных от других письменных стилей. Особую роль в качестве стилеобразующего фактора играет здесь экспрессивная функция языка.

Во многих жанрах публицистического стиля (здесь и далее имеются в виду письменные жанры с общественно-политической, социальной, культурной тематикой) тоже заметное место отводится эстетической функции, и в этом отношении данный стиль в наибольшей степени приближается к стилю художественной литературы; иногда публицистику рассматривают даже как особый тип литературных произведений, в которых освещаются и разъясняются актуальные вопросы общественной жизни. Тем не менее, несовпадение основных целей общения и некоторые другие признаки опровергают это утверждение. Определенные сходства между публицистическим стилем и стилем художественной литературы, безусловно, являются существенными, но не принципиальными, поскольку сохраняются важнейшие различительные признаки.

Наиболее значимые различия между данными стилями состоят в следующем.

Публицистический стиль и стиль художественной литературы используются в различных *коммуникативных сферах*: область деятельности, обслуживаемая публицистическим стилем, относится не к сфере искусства (к искусству слова), а к общественно-политической, социально-культурной, бытовой сфере, и разница в общей *тематике* текстов определяется именно этим. При этом если предметом литературы является художественно преображенная реальность – *вымысел,* то тексты публицистического стиля отображают реальность невыдуманную (или, по крайней мере, представленную таковой; художественный вымысел и ложь имеют разные задачи).

К *целям* текстов публицистического стиля относится как передача информации повседневно-бытового (новостные жанры, сообщения, объявления и др.), общественно-политического и социально-культурного (аналитические статьи, интервью, ток-шоу, дебаты и другие жанры) характера, так и намерение автора привлечь внимание к общественно значимым событиям и проблемам, дать им оценку и убедить в истинности, правильности своих взглядов, что обусловливает особое место *функции убеждения* в публицистике. *Эстетическая функция* в публицистике выполняет хотя и заметную, но все же вторичную, вспомогательную, не базовую роль, как это имеет место в стиле художественной литературы, к основным *целям* которой относится создание художественных, эстетически значимых произведений.

Формирование и выделение *подстилей* в сфере публицистики и в сфере художественной литературы основано на тех же принципах, что и в других письменнных стилях, и коррелируют с конкретными целями и условиями общения в той или иной сфере, подсфере общения. При этом под влиянием развивающихся коммуникативных потребностей и технических возможностей, а также социальных запросов в рамках публицистического стиля происходит достаточно быстрое развитие подстилей и жанров, о чем упоминалось выше. В то же время подстили художественной литературы, в основе которых лежит традиционное разделение на литературные роды (эпос, проза, драматургия, поэзия) отличаются вполне определенным, относительно стабильным набором литературных жанров.

Язык публицистических текстов так же, как и в других письменных стилях, выполняет общую для языка функцию, т.е. является средством общения, но не является материалом искусства, что наблюдается в функциональном стиле художественной литературы.

Перечисленные наиболее общие и существенные различия между публицистикой и литературой дают основание утверждать, что несмотря на наличие определенных сходных черт, несовпадение признаков публицистического стиля и стиля художественной литературы имеет принципиальный характер, что объясняется, прежде всего, различиями целей и условий общения, складывающихся в соответствующих коммуникативных сферах.

В результате анализа определенных особенностей системы функциональных стилей, центральной частью которой являются письменные стили, можно сделать следующие выводы. Существование каждого из функциональных стилей проявляется в наличии совокупностей различительных признаков, сформировавшихся в зависимости от целей и условий общения, характерных для тех или иных коммуникативных сфер. На оформление корпуса различительных признаков стилей непосредственно воздействуют предписывающие и запрещающие правила отбора и использования языковых элементов, регулирующие использование языка, способы организации текста.

Среди письменных стилей особое место занимает функциональный стиль художественной литературы, поскольку данный стиль имеет ряд специфических признаков, принципиально отличающих его от других стилей, в том числе от публицистического стиля, невзирая на ряд сходных черт, объединяющих публицистику (некоторые подстили и письменные жанры) с художественной литературой.

К числу наиболее значимых признаков стиля литературы как функционального образования относятся: особая роль эстетической функции языка (проявляет себя не как вторичная, а как одна из базовых); двойственная роль языка (национальный язык используется как средство общения и одновременно является материалом такого вида деятельности, как искусство слова). Стилистическая дифференциация художественного стиля имеет свои особенности, обусловленные разделением литературы как особого вида деятельности на литературные роды. Отличия от других стилей в принципах отбора языкового материала выражаются также не только в использовании национального языка в его литературном варианте, но и в возможности использования во всех формах существования, а в основе этого лежат представления о художественной целесообразности. При этом следует заметить, что стиль художественной литературы, подобно остальным письменным стилям, подчиняется правилам использования языка, которые формируются в особой сфере общения в соответствии с присущими ей коммуникативными требованиями, что подтверждает его место в системе функциональных стилей.

Литература

Виноградов В.В. (1955) Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. № 1. С. 73.

Баженова Е.А. (2019) Функционально-стилистические исследования профессора М.П. Котюровой // Вестник Пермского университета : Российская и зарубежная филология. Т. 11. Вып. 2. С.5–12 Doi 10.17072/2073-6681-2019-2-5-12

Евтюгина А.А. (2018) Функциональная стилистика : Уч. пособие. Екатеринбург. 75 с. Режим доступа: http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0651-8. ISBN 978-5-8050-0651-8 вход: 29.11.22

Кожина М. Н. (1966) О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь. 213 с.

Кожина М.Н. (1968) К основаниям функциональной стилистики / Пермский университет. Пермь. 252 с.

Колесник Н.Г (2014). Новые тенденции в развитии функциональных стилей в русском языке : (На материале языка блогосферы) // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире / Отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко. М. С. 375–385.

Колесник Н.Г. (2015) Сфера художественной литературы : Функциональный стиль // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Йошкар-Ола. С. 30–34.

Мишланов В.А., Салимовский В.А. (2010) Диалогичность церковно-религиозных текстов // Вестник Пермского университета : Российская и зарубежная филология. Вып. 6 (12).

https://cyberleninka.ru/article/n/dialogichnost-tserkovno-religioznyh-tekstov?y2713-2951id=lb7wrnpa29516901296 Вход 13.05.2022.

Салимовский В.А. (2010) Функциональная стилистика как речеведение // funktsionalniy Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 5 (11).

Словарь социолингвистических терминов (2006). М. С. 241.

References

Vinogradov, V.V. (1955) Itogi obsuzhdenija voprosov stilistiki [Results of the discussion of stylistics issues] // Voprosy Jazykoznanija M. No. 1. P. 73. (In Russ.)

Bazhenova, E.A. (2019) Functsiohal'no-stilisticheskie issledovanija professora M.P. Katyurovoy [Functional stylistic research of professor M.P. Katyurova] // Vestnik Permsrogo universiteta : Rossiyskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Hrold : Russian and foreign philology] V. 11. Iss. 2. Pp. 5–12. Doi 10.17072/2073-6681-2019-2-5-12 (In Russ.)

Evtyugina, A.A. (2018) Funktsioinalnaja stilistica [Functional stylistics: Textbook]. Ekaterinburg.75 p. Available at: http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0651-8. ISBN 978-5-8050-0651-8 Access date: 29.11.22 (In Russ.)

Kozhina, M. N. (1966) O specifike hudozhestvennoj i nauchnoj rechi v aspekte funkcionalnoj stilistiki [About the specifics of artistic and scientific speech in the aspect of functional stylistics]. Perm. 213 p. (In Russ.)

Kozhina, M.N. (1968) K osnovanijam functsionalnoj stilistiki [To the foundations of functional stylistics] / Perm university. Perm. 252 p. (In Russ.)

Kolesnik, N.G. (2014) Novye tendencii v funkcionalnom stile v russkom jazike: (Na materiale jazyka blogosfery) [New trends in the development of functional styles in the Russian language : (Based on the material of the language of the blogosphere) // Language policy and language conflicts in the modern world] / Ed. by A.N. Bitkeeva, V.Y. Mikhalchenko. M. Pp. 375-385. (In Russ.)

Kolesnik, N.G. (2015) Sfera hudozhestvennoj literatury : Funkcional'nyj stil' [The sphere of fiction: functional style // Problems of Mari and comparative philology]. Joshkar-Ola. Pp. 30–34. (In Russ.)

Mishlanov, V.A., Salimovsky, V.A. (2010) Dialogichnost cerkovno-religioznyh tekstov // Vestnik Permsrogo universiteta: Rossiyskaja i zarubezhnaja filologija [Dialogicity of church-religious texts] // Bulletin of Perm University : Russian and foreign philology]. Iss. 6 (12). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/dialogichnost-tserkovno-religioznyh-tekstov Available at: ?y2713-2951id=lb7wrnpa29516901296 Access date: 13.05.2022 (In Russ.)

Salimovsky, V.A. (2010) Funkcionalnaja stilistica kak rechevedenije // Vestnik Permsrogo universiteta. Rossiyskaja i zarubezhnaja filologija [Functional stylistics as speech production] // Vestnik Permsrogo universiteta. Rossiyskaja i zarubezhnaja filologija // Perm University Harold : Russian and foreign philology]. Iss. 5 (11)]. (In Russ.)

Slovar' sociolingvisticheskih terminov (2006) [Dictionary of Sociolinguistic terms]. M. P.241. (In Russ.)

Колесник Наталия Григорьевна – младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/1.
Эл. адрес: nkol373@yandex.ru

Для цитирования: *Колесник Н.Г.* Письменные функциональные стили русского языка :

Основные различительные признаки [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 1 (13), С. 111–127. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-111-127

For citation: *Kolesnik, N.G.* Written functional styles of the Russian language : The main distinguishing features [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13) Pp. 111–127. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-111-127

УДК 81’282 (470. 319) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-128-142

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ ОРЛОВЩИНЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ СВОЕОБРАЗИЯ ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Татьяна В. Бахвалова
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
Российская Федерация

В статье показана роль социально-исторических факторов, повлиявших на развитие и современное состояние орловских говоров – одних из центральных говоров южного наречия, сыгравших важную роль в формировании русского литературного языка. Приведены примеры лексических и фонетических особенностей разных периодов их возникновения, повлиявших на пестроту и неоднородность лингвистического ландшафта как яркую отличительную черту говоров Орловщины. Описаны группы диалектных апеллятивных и онимических единиц, отражающих заимствования из тюркских языков, контакты местного населения с жителями других территорий. Особое внимание уделено фактам и явлениям, возникшим в говорах под влиянием социальных факторов. Своеобразие речи отдельных исторически сложившихся групп населения выявлено и отражено в статье на основе данных, содержащихся в трудах лингвистов, в текстах художественных произведений писателей-орловцев, в живых народных говорах. Представлен анализ отдельных слов, демонстрирующий изменение семантики, реализацию словообразовательного потенциала в процессе их функционирования в местных говорах. Приведены примеры островных говоров на территории Орловского края и показаны лексические и фонетические особенности, отличающие их от соседних типично южнорусских говоров.

***Ключевые слова**: южное наречие, орловские говоры, формирование, социально-исторические факторы, лингвистический ландшафт*

LINGUISTIC LANDSCAPE OF FOLK DIALECTS OF THE OREL REGION AS A RESULT OF THE PECULIARITY OF ITS SOCIO-HISTORICAL EVOLUTION

Tatjana V. Bahvalova
Orel State University n. a. I.S. Turgenev,
Russian Federation

The article shows the role of socio-historical factors that influenced the evolution and current state of the Orel dialects – one of the central dialects of the southern dialect which played an important role in the formation of the Russian literary language. It presents examples of lexical and phonetic features of different periods of their occurrence which influenced the diversity and heterogeneity of the linguistic landscape as a bright distinctive feature of the dialects of the Orel region. Groups of dialectal appellative and onymic items reflecting borrowings from Turkic languages, contacts of the local population with residents of other territories are described. Special attention is paid to the facts and phenomena that have arisen in dialects under the influence of social factors. The peculiarity of the speech of individual historically formed groups of the population is revealed and reflected in the article on the basis of data contained in the works of linguists, in the texts of literary works of writers from Orel, in living folk dialects. The author analizes individual words that demonstrate the change in semantics, and the realization of word-formation potential in the process of their functioning in local dialects. Examples of island dialects on the territory of the

Orel region are given and lexical and phonetic features that distinguish them from neighboring typically Southern Russian dialects are shown.

***Keywords**: southern dialect, Orel dialects, formation, socio-historical factors, linguistic landscape*

Введение

Одним из важных проблем языкознания является происхождение русского литературного языка. Диалектологи долгое время считали, что «в основу русского литературного языка лег диалект Ростово-Суздальской земли» [Русская диалектология, 1989: 193]. Московский же говор как один из говоров ростово-суздальского диалекта, «став говором центра, в дальнейшем послужил основой русского литературного языка» [Горшкова, 1972: 104].

Пересмотру укоренившихся взглядов о преимущественно севернорусской основе русского литературного языка во многом способствовали труды С.И. Коткова, который, по мнению О.Н. Трубачёва, «показал значительность южновеликорусского вклада в общенародный язык» [Трубачёв, 2005: 217].

Основоположник источниковедения как особого раздела языкознания С.И. Котков, детально исследовавший южновеликорусскую письменность, пришел к выводу, что, обладая в XVI–XVII вв. лексическим и фонетико-грамматическим единством, «южновеликорусское наречие способно было и непосредственно, и опосредованным образом – через средневеликорусскую стихию, говор Москвы и другие каналы – играть влиятельную роль в формировании русского национального языка» [Котков, 1970: 290].

Влияние южных говоров на особенности общенародного языка проявляется на разных языковых уровнях. Так, С.И. Котков отмечает, что «в современном состоянии синтаксис южновеликорусских говоров несколько ближе к общенародному, нежели северновеликорусский» [Котков, 1980: 107]. О.Н. Трубачёв обращает внимание на общность определяющих фонетических особенностей литературного языка и южных говоров: «центральным было и остается явления аканья, центральным как по структурной характеристике и важности ввиду охвата также общенародного (национально-литературного) языка, так и по своей центральнодиалектной принадлежности», первоначальная же территория акающего диалекта включала курско-орловские и соседние говоры [Трубачёв, 2005: 208].

Все сказанное свидетельствует о большой роли южных говоров, в том числе и орловских, в становлении русского литературного языка, что подчеркивает необходимость и важность их изучения.

Результаты и обсуждение

Формирование и сохранение диалектных особенностей орловских говоров происходило в сложных исторических условиях. Результатом своеобразного развития говоров на протяжении столетий является пестрота их лингвистического ландшафта, не раз отмечавшаяся диалектологами.

Как очень точно отметил Р.И. Аванесов, «многообразие диалектных различий – это живая история, проецированная в пространство, это как бы пространственная проекция пережитых исторических процессов» [Аванесов, 1974: 122].

Лингвистический ландшафт орловских говоров отличается неоднородностью на всех уровнях языка: фонетическом, грамматическом, лексическом. Наиболее ярко его своеобразие проявляется в словарном составе.

Лексика разнообразна и по происхождению, и по своей ареальной характеристике.

В словарном составе орловских говоров выделяется целый пласт лексических единиц, заимствованных из тюркских языков. В «Словаре орловских говоров» [Словарь орловских говоров, 1989–2016] и его картотеке, материалы которой хранятся на кафедре русского языка Института филологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, они представлены в разных группах лексики. Приведем лишь некоторые примеры:

– лексика природы: *бака́лда* «низкое место на пашне», б*уера́к* «овраг, провал в земле», *яр* «большой глубокий овраг», ср. *яру́га* «глубокий овраг»;

– слова, называющие различные емкости для сыпучих и жидких веществ: *бала́кирь / балаки́рь / бала́кир* «высокий глиняный горшок для молока, пива», *бакла́га, бакла́жка* «небольшой бочонок», *каза́н* «чугун», *корча́га* «большой, обычно глиняный сосуд, горшок, служащий для разных хозяйственных надобностей», *чува́л* «мешок из мешковины для переноски, перевозки, хранения зерна, муки, картофеля и др.»;

– названия предметов, употребляемых в быту: *аля́т* «топор для рубки мяса», *ба́стрик* «жердь, при помощи которой скрепляют на возу снопы, сено, солому», *тамга́* «зарубка на дереве», *саба́н* «деревянный плуг», ср. образованное от него, отсутствующее в словарях слово *сабанчи́* «те, кто вспахивают землю плугом; плугари»;

– тюркизмы, обозначающие продукты питания, кушанья и др.: *каймА́к* «топленое молоко, заквашенное сметаной», *у́рень* «напиток, приготовленный из простокваши, разведенной водой»;

– названия одежды: *башлы́к* «верхняя суконная одежда с капюшоном, надеваемая в непогоду», *чу́йка* «мужская верхняя одежда в виде длинного, расклешённого к низу кафтана с большим круглым воротником»;

– оценочные номинации: *алы́р* «обманщик, плут, мошенник», ср. *алы́рник* «тот, кто сует нос в кастрюли, тарелки и т.п. в поисках вкусного», *бе́йбас* «непонятливый, бестолковый человек» и др.

Подобные диалектные лексические единицы не только содержат сведения о традиционной жизни тюркских народов, своеобразии их быта, но и показывают особенности южных говоров, историю и культуру русского народа.

Многие заимствования в процессе длительного употребления в народных говорах существенно изменили свою семантическую структуру. Так, если слово *башлы́к*, известное в литературном языке в значении наиболее близком к исходному («суконный или шерстяной капюшон с длинными завязывающимися концами, обычно надеваемый поверх шапки»), в орловских говорах, как сказано выше, является названием одежды с капюшоном – *А какая адёжа была? Башлык, свита.*

Степень семантического дистанцирования от исходного значения заимствованного слова может быть различной. Покажем это на примере слова *улу́с*. В литературном языке оно имеет статус историзма, известно в значениях, связанных с эпохой татаро-монгольского ига: «владение монгольского хана на территории Центральной Азии и Восточной Европы», «поселение, стойбище тюрко-монгольских народов в Европе» [Словарь русского литературного языка: Т. 16: 554]. Как отмечает Ю.И. Чайкина, «русские летописи подчеркивают принадлежность апеллятива *улусъ* татарской административной терминологии», со временем это слово «проникает и в состав русских территориальных единиц» и наряду с производным *улусецъ* употребляется как административная единица в значении «часть волости» [Чайкина, 2005: 66].

Слово *улу́с* широко употребительно в живых народных говорах. Большинству из них, как и в литературном языке, свойственна сема «часть территории, участок». Именно эта сема представлена в значении слова *улу́с*, с которым оно зафиксировано в орловских говорах и представлено в СОГ, «земельный надел; участок»: *Поле-тъ ужэ ръздилили нъ улусы.* С обозначением части от целого связано и другое, метафорическое по образованию, значение «большой кусок (мяса, хлеба и под.)»: *Целый улус мясъ съел. Пирагов нъпикла, улус сама сразу съела.*

Наличие значительного числа заимствований из тюркских языков объясняется теми процессами, которые происходили в прошлом на территории современной Орловщины.

Верховья Оки являлись районом, наиболее часто подвергавшимся набегам татаро-монгольского войска. Именно здесь пролегал их путь на север, в центр Русского государства.

Нашествия завоевателей на земли орловского края продолжались в течение столетий. Как известно, эта территория представляла собой пограничную полосу оседлого славянорусского и кочевого тюркского населения. С падением Золотой Орды на юге укрепились крымские и ногайские татары, постоянные набеги которых в течение веков опустошали города и села.

Длительные контакты местных жителей с тюркоязычным населением не могли не отразиться на составе лексики говоров. Об этом свидетельствуют как вышеприведенная апеллятивная лексика, так и местные топонимы: ойконимы – с. *Татáрка*, с. *Татáрово*, с. *Татáриново*, д. *Татáрская*; микротопонимы – ручей *Татáрский*, *Татáрский* овраг, *Татáрский* лес, *Татáровский* лес, *Татáрское* урочище, ср. также д. *Баскáково*, *Басмáнов* хутор, с. *Сабýрово*, д. *Сабýрово*, д. *Сабýровские Вы́селки*, *Сабýровский* верх.

Не исчезли бесследно и названия некоторых объектов, имевших в прошлом прямое отношение к набегам татар. Так, одна из дорог, которыми пользовались татары для вторжения в пределы Московского государства, называлась *Свиной шлях*, она вела татар от Рыльска до Болхова и далее на Москву, т.е. по западным районам орловского края. Свиная дорога проходила по вытянутой возвышенности между водоразделами двух рек – Оки и Десны. «Татары держали свой путь по возвышенностям свиной дороги» [Пясецкий, 1875: 56].

В живых орловских говорах, в Дмитровском и Хотынецком районах, как обозначение дороги, проходившей в прошлом по этой территории, употребляется слово *свинáк* – *Была Татарскъя у нас, Свинак киламетръ два астални. При Татарскай ишшо Свинак астални, кагда татары ат Киевскъвъ княжыствъ дъ Масковскъвъ шли.* Известно это слово и как обозначение современного артефакта, а именно неасфальтированной, немощеной проселочной дороги – *Свинак – пръижжалъя дарога, ниасфальтиръвънная.* Для понимания мотивационной основы этого слова важно заметить, что словом *свинáк* носителями говоров обозначается и участок местности, разделяющий сток атмосферных осадков в разные стороны, два бассейна рек, речек – *Свинак – свиной рубеш, ръздилял речки: адни тикли в адну сторъну, другии – в другую.* Микротопоним *Свинак* используется также для наименования дороги Хотынец – Липовка, которая проходит по водоразделу, недалеко от истоков рек Орлица и Орлик.

С историческими процессами, происходившими в прошлом в Верховьях Оки, связаны и некоторые фонетические особенности орловских говоров.

Так, в большинстве орловских говоров аффрикаты [ц] и [ч’], как и в литературном языке, противопоставлены по твердости-мягкости и отчетливо различаются в произношении. Однако в ряде говоров наблюдается ослабление затвора у смычно-щелевого звука [ц] и произношение на месте [ц] звука [с]: *ку́ри*[с]*са, у́ли*[с]*а, ате́*[с], *яй*[с]*о́, не́м*[с]*ы, до кон*[с]*а́* – *Мельни*[с]*ы*

раньше были ветрянки. И овёс, и рожь, и пашани[с]*у сеяли. После войны молотили* [с]*апами. В шесть* [с]*апов молотили.*

Такое произношение аффрикат на территории Орловщины встречается в речи жителей Ливенского, Должанского, Новодеревеньковского, Колпнянского, Покровского и др. районов. С.И. Котков, детально исследовавший фонетическую систему говоров орловского края, замечает, что произношение [с] на месте [ц] наблюдается вдоль рубежа, существовавшего в этих местах со второй половины XIV в. примерно до конца XV в. между Московским государством и Литвой. В это время «часть южновеликорусских говоров оказалась отделенной рубежом от основного южновеликорусского массива, что произошло в результате захвата новых русских земель на востоке польско-литовскими феодалами. Поставленные на известное время в условия некоторой изоляции от этого массива, ...южновеликорусские говоры оказались в области преобладания западных говоров, в сфере влияния представленного данными говорами языка, и претерпели вследствие этого некоторые изменения, хотя и не коснувшиеся главной массы южновеликорусских говоров» [Котков, 1952: 47].

Исторические процессы нашли отражение не только в лексических и фонетических особенностях орловских говоров, но и в антропонимиконе края. Так, по наблюдениям В.А. Никонова, в Орловской области достаточно распространенной является фамилия *Кузнецов*. Причем граница преобладания этой фамилии «удивительно совпадает с южным рубежом Московского государства середины XVI в. после присоединения Верховских удельных княжеств, когда оборонительная укрепленная черта пролегала по степям от Дона до Оки… Такое совпадение едва ли случайно. За этой чертой простиралось “дикое поле”, широкое русское заселение и сельскохозяйственное освоение которого стало безопасным только во второй половине XVI в.» [Никонов, 2005: 95].

В формировании состава населения Орловщины в XVI–XIX вв. активное участие принимали переселившиеся и переселенные сюда в разное время из других регионов беглые холопы, служилые люди и крепостные крестьяне.

Помещичья колонизация, продолжавшаяся и в XVIII, и в XIX вв., «шла из разных мест и приводила к пестроте говоров … на нашем юге» [Горшкова, 1972: 147], к возникновению в них «островных» говоров.

Потомки помещичьих крестьян, вывезенных из северных губерний России, проживают на территории нескольких районов современной Орловщины. Эти группы местного населения до сих пор сохраняют следы территориальной принадлежности своих предков. Данный факт объясняется прежде всего более поздним по сравнению с другими этническими группами

временем переселения помещичьих крестьян на южные земли, а также компактностью проживания.

«Диалектная пестрота на территории бывшего Кромского и примыкавших к ним Орловского и Малоархангельского уездов бросается в глаза», – отмечал С.И. Котков, детально изучивший в середине XX в. говоры Орловской области со стороны их вокализма и выявивший большое скопление «окальцев», не успевших еще расстаться с севернорусским оканьем. Это относится в первую очередь к жителям Каменки, Гнилуши и Куракина Малоархангельского района, которые в отличие от акающего окружения сильно окают [Котков, 1951: 96].

Особенности северных говоров в этих населенных пунктах фиксировались также и в конце XX в.: диалектные слова северного ареала, звук [*г*] взрывной, твердый звук [*т*] в глаголах 3-го лица и др. [Кирсанова, 1984]. Сами носители говоров чувствуют отличия в обозначении отдельных реалий в своей родной деревне и соседних селениях. Приведем примеры, записанные в 1977 г в Глазуновском и Кромском районах: *У нас не завут вязёнъчки, варишки толька. У нас завут тилёнък, а там тилок. У них ямки, а у нас ухват. В Бъгароцкой и в Раговке крест-накрест анучи насили, а у нас в Кароськъве стаканчикъм.* Слова *ва́режки, телёнок, ухва́т* широко употребительны в северных говорах, а *вязёночки, теló́к, ямки́* распространены в говорах южного наречия.

Здесь наблюдаются особенности в характере застройки улиц, в планировке личной усадьбы. Старожилы помнят былые отличия в одежде, домашней утвари, некоторых обрядах, в их речи употребляются слова, широко распространенные в говорах северного наречия.

Северные черты проявляются и в архитектурном облике крестьянской избы: важной деталью русской крестьянской избы является крыльцо. Эта часть жилого строения в д. Каменке называется *мост*. Данное существительное в таком значении активно используется носителями северных говоров. Характерной особенностью крестьянского жилища является русская печь. Площадка перед устьем русской печи в литературном языке называется *шесто́к*. В таком значении это слово широко употребляется в северных говорах. Зафиксировано оно и в д. Каменке. Важно заметить, что в говорах соседних деревень для обозначения данной реалии употребляется, как и в большинстве южных говоров, слово *загне́тка*: *Нъ загнетку ставили кастрюли, чугуны гарячие. Шысток – этъ загнетка.*

В крестьянском доме, кроме русской печи, часто была еще одна печь – из кирпича, с лежанкой или без нее, с плитой или без плиты. В говорах Орловщины, как и многих других южных говорах [Словарь русских народных говоров: Вып. 7: 155–156], для обозначения такого вида печей обычно используются слова *гру́ба, гру́бка*: *Груба – етъ хърашо: и места малъ*

зънимаить, и тяпло у хате. Есть пещка, а есть групка – этъ так топъчкъ малинькъя, и идёть труба. Групку тапили к ночи. А адной пещкъй будит хъладно. А пещку тапили утрам. Скатине варили. А к ночи, штоп типлее былъ у хате, – групку. Зимой тапили и печку, и групку. В д. Каменке данное существительное в речи носителей говора не употребляется.

Севернорусские черты, свойственные говору д. Каменки, ярче всего проявляются в тех группах лексики, которые являются традиционными и связаны с повседневным бытом, трудом.

Домашние животные всегда были рядом с человеком. Они, как и человек, характеризовались с самых разных точек зрения: и по внешнему виду, и по характеру, и по возрасту, повадкам и др., но прежде всего и обязательно по тем особенностям, ради которых они содержались человеком. В д. Каменке о дойной корове скажут *дои́лая*: *У ней нынчи гот доилая корова.* По словообразовательным и семантическим связям это прилагательное соотносится с севернорусским словом *дои́ть* «давать молоко». В других населенных пунктах Орловщины прилагательное *дои́лая* не зафиксировано. О бодливой корове в д. Каменке скажут *боду́чая*, тогда как в других орловских селах такую корову назовут *колю́чая, коло́ка, бруху́чая, бруха́чая*, так как она *ко́лется* «бодается», *бруха́ется* «бодается».

Не употребляется старожилами д. Каменки и южнорусское слово *заку́та* как обозначение помещения для скота. Распространение этого слова в южновеликорусских говорах отмечал С.И. Котков в «Очерках по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков» [Котков, 1970: 144]. Широкий южный ареал слова *закута* в живых говорах подтверждают и данные диалектных словарей. Тождественным по значению названному слову в д. Каменке является слово *клев*: *Кагда малинькие пърасята, па двое в клеву сидят*. Существительное *клев* широко распространено в народных говорах Севера. На территории Орловской области оно зафиксировано в Глазуновском, Кромском, Малоархангельском, Хотынецком районах, т.е. в основном там, где живут потомки переселенцев с севера.

Интересно, что некоторые слова в д. Каменке употребляются с иным значением, чем в говорах соседних деревень, обозначают близкие, но все же другие реалии. Так, слово *вы́гон* в разных районах Орловской области известно в значении «открытое место в центре или на краю села, где пасется скот утром, перед тем, как гнать его на пастбище, и вечером, по возвращении с пастбища» [Словарь орловских говоров: Вып. 2: 109]. В д. Каменке оно обозначает другую реалию – *вы́гон* здесь «переулок, улица, по которой гонят скот на пастбище»: *В выгън карову пустиш, а там йиё пъгонят, кто ззади идёт*. В «Словаре русских народных говоров» зафиксированы оба значения, причем территориально они дифференцированы: «площадь на окраине села, где стоят ветряные мельницы, общественные амбары и пр.» воронежское, а «переулок в селе, по которому скотину выгоняют на пастбище» вологодское [Словарь русских

народных говоров: Вып. 5: 267]. Таким образом, в д. Каменке слово *вы́гон* употребляется с тем же значением, что и в северных вологодских говорах.

Существующие в орловских говорах на протяжении нескольких столетий привнесенные сюда лексемы севернорусских говоров могли сохраняться в речи потомков без изменений, могли претерпевать изменения в фонетическом облике, грамматическом оформлении, семантической структуре. Компактность проживания, определенная изолированность способствовали, с одной стороны, «консервации», сохранению черт северных говоров, с другой стороны, – созданию условий для самостоятельного, своеобразного развития системы говора.

Определенный отпечаток на формирование говоров переселенцев оказало и южнорусское окружение. Контакт с населением соседних сел – носителями южных говоров – не мог не отразиться на лексической системе говора д. Каменки. Число лексем северного ареала здесь относительно невелико; сохранившиеся лексемы связаны с повседневным бытом, трудовой деятельностью, обозначают традиционные, наиболее важные для сельского человека понятия; сфера употребления таких лексем – речь людей преклонного возраста.

По мнению Н.Н. Дурново, многие диалектные различия в южных говорах связаны не только «с происхождением той или другой части населения от переселенцев из других областей», но и с бывшей принадлежностью населения к разным социальным группам, с обособленностью жизни отдельных групп населения: «однодворцы, например, поддерживали знакомство и роднились главным образом с однодворцами же, крестьяне помещичьи между собою и т.д.» [Дурново, 1969: 166].

Если потомков военно-служилых людей звали *однодворцами*, то помещичьих крестьян – *цуканами*. Как отмечает Д.К. Зеленин, по месту своей первоначальной родины цуканы, проживающие в Орловской губернии, в основном являются выходцами из северновеликорусских губерний – Владимирской, Новгородской, Тверской. Слово *цуканы* до сих пор известно носителям орловских говоров: *Цуканами нъзывались бывшые памещичьи кристьяне, адивались ани, главным обръзам, в яркие адежды: жэнщины насили шырокие клетчатые юпки, рънзнацветные платки. Как и многъ лет назат, ездят и теперь нъ Николу и Казанскую к цуканам, а на Пакров и Казьма Димьянъ к ягунам* (о жителях д. Каменка и д. Мокрое Малоархангельского района). Известен и фонетический вариант *суканы́*, зафиксированный в Верховском районе: *Люди ис сила Баранчик пъстаяннъ ссорютцъ с суканами, жывущими чириз речку. Для них баранчики придумъли дразнилку: «Суканы-суканчики, аднадворцы, хамчики»*. Дразнилки по отношению к группам людей, имеющих в

чем-то отличия, очень распространены в сельской местности. Вот еще одна, относящаяся к цуканам: *Цуканята, я ваш Бох, вы – с раγами, я – биз рох* (Троснянский район).

Существенные отличия в речи потомков бывших однодворцев – потомков военно-служилых людей, военизированных земледельцев и помещичьих крестьян – отчетливо проявлялись даже в первой половине XX в. А.М. Селищев, уроженец с. Волово Ливенского уезда Орловской губернии, в работе «Заметки по великорусской диалектологии», характеризуя речь своих односельчан, отмечает, что речь государственных крестьян, бывших однодворцев, и речь бывших помещичьих крестьян, цуканов, отличается на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях [Селищев, 1968].

Каждая из групп населения на протяжении веков сохраняла особенности в укладе жизни, одежде (в ее комплекте, покрое, цветовой гамме и др.), приготовлении пищи, обычаях, а также в языке.

А.М. Селищев отметил главные черты говора цуканов, «особенности, которые режут ухо однодворца» и являются предметом насмешки со стороны государственных крестьян: произношение *пытаму, ны-палу, ты-ба* (вместо *ты-бы*), *маво, тваво, сваво, нисёть, плитёть, визёть, хотца* и др.

Материалы, приводимые А.М. Селищевым, дают возможность сравнить состав названий разных видов одежды, свойственной однодворцам и цуканам. У государственных крестьян *рубаха аллиная, поддевка холодная (без стежи), поддевка теплая, клетчатка* «юбка из тонкой самодельной шерстяной материи с некрупными клетками, цвета яркие – красный, зеленый, желтый», *зипун* «пальто из грубосамодельного сукна», *алый платок, лапти, чуни, сапоги, валенки*, а также *костылюшка* «жилетка», *холодайка* «кофта из черной, чаще люстриновой ткани» и др. У помещичьих крестьян *рубаха льняная, поддевка* с *подпояской, панева* «юбка из тонкого самодельного сукна с крупными клетками, цвета – черные или синие с желтыми полосками», *чекмень* «пальто из грубосамодельного сукна», *кокошник, коты*.

Отличие в одежде разных субэтносов – однодворцев и помещичьих крестьян – показано и в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки»: *…бойкие девки-однодворки в сарафанах, сильно пахнущих краской, ... барские в своих красивых и грубых, дикарских костюмах...*

Значительное число однодворцев проживало в Ливенском уезде, но жили они и в восточных районах Орловской губернии. В Болховском уезде их звали *алая кровь, индюхи* («прозвище за их гордость») [Сахаров, 1900].

Интересно, что сведения об особенностях быта, одежды, обычаев, поведения, речи однодворцев содержатся в художественных произведениях известных писателей-орловцев.

Однодворец середины XIX в. выразительно представлен И.С. Тургеневым в рассказе «Однодворец Овсяников» его знаменитого цикла «Записки охотника»: *…это человек с ясным и умным взором…, с важной осанкой, мерной речью, медлительной походкой… Носил он просторный синий сюртук с длинными рукавами, застегнутый доверху, шелковый лиловый платок на шее, ярко вычищенные сапоги с кистями и вообще с виду походил на зажиточного купца.*

Описание однодворца находим и в произведениях И.А. Бунина. В рассказе «Божье древо» писатель так характеризует речь Якова Нечаева, однодворца из сельца Прилепы, входящего в прошлом в состав Ливенского уезда Орловской губернии: *Что однодворец, сразу заметно – по говору. ...Говор старинный, косолапый, крупный.*

Словарный запас Якова включает в себя немало устаревших и диалектных слов. Так, к историзмам относится слово *кумане*: *Ногайцев он назвал кумане, – древнее название половцев*… По всей видимости, это измененное *куманы/кумани* – этноним древнего народа. Как этнос «…куманы исчезли, сначала большинство их покорилось монголам и стало частью Золотой Орды, затем, потеряв этнические особенности, вошли в состав новых этнических образований – татар (крымских и казанских), караимов, карачевцев и балкарцев. Этноним *куманы* исчез» [Евстигнеев, 2012: 97].

В речи однодворца встречается слово *варяжить* вместо *торговать*. Явно к архаизмам относится слово *ма́ханина* «конина».

Неоднородность этнического состава Орловщины проявляется и в распространенности в живых говорах многочисленных названий социально-экономических и культурно-исторических существовавших в прошлом групп населения: *цуканы́, ягуны́, гого́лки, саяны* и др. Д.К. Зеленин в свое время отмечал, что обилие подобных названий свидетельствует об этнографической пестроте населения той или иной губернии [Зеленин, 1994: 62].

Яркое своеобразие произношения слов сразу замечается жителями окрестных деревень. Такие фонетические особенности нередко закрепляются в коллективных прозвищах, мотивационная основа многих из них объяснена носителями говоров:

цуканы́ – Цуканами демидовских завут: цыкают ани;

гого́лки – Ребята, не ходите в коноплю: там гоголки. Мы смеялись. Какие там гоголки? Они говорят на г: мы – [γ]*оворя́ть, а они –* [г]*оворя́т*;

гага́и – У нас гагаями заезжых нъзывають, гыкъють пътаму што;

ягуны́ – «говорят *яго* вместо *его* (*ево*)» [Журавлёв, 1984: 127] .

Необходимо отметить и еще одну особенность фонетической системы орловских говоров, сформировавшуюся первоначально, по мнению Д.К Зеленина, как черта сословного говора, а

именно: смягчение заднеязычного звука [к] после мягких согласных и [й]: *бáнь*[к’]а, *бóч*[к’]*а*, *чай*[к’]*ý* – *С талчеи пянь*[*к*’]у *привязуть и патом мыкъють грибёнкъй*. *Мъразянъч*[к’]а – *плитушъч*[к’]а *панижъ, ат каровки кыньячёк, кыньяч*[к’]о*м аклеивъешь, лёт зделъется, катится хърашо. Скамей*[*к*’]а*... тожъ паливали, чтоб ана была са скáлъм, на ей катались. Липовъщ*[*к*’]а – *малинькия кадушъщ*[*к*’]а.

Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычного [к] наиболее широко распространено на востоке говоров южного наречия. Изучению этого явления в народных говорах посвятил свое исследование Д.К. Зеленин. Он считает, что смягчение задненебных согласных, появившись «впервые в южновеликорусском, акающем говоре, вероятно, где-нибудь около Коломны или Рязани» не ранее XV в., «распространилось в разных говорах как черта культурная и модная». В активизации этой особенности большую роль сыграли военно-служилые люди (предки однодворцев), заимствовавшие ее от детей боярских. «Здесь это была черта сословного говора, и распространению ее много содействовало сознательное подражание низших разрядов сословия (приборных военно-служилых людей) высшему разряду (детям боярским)» [Зеленин, 1913: 533].

Выводы

Своеобразие исторического развития территории верхнеокского бассейна, особенности ее заселения и этнического состава Орловщины, обособленность жизни отдельных социальных групп населения внесли свою лепту в создание неоднородности лингвистического ландшафта как яркой отличительной черты орловских говоров – одних из центральных говоров южного наречия, сыгравших немаловажную роль в формировании русского литературного языка.

Литература

Аванесов Р.И. (1974) Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение. 287 с.
Горшкова К.В. (1972) Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение. 160 с.
Дурново Н.Н. (1969) Введение в историю русского языка. М.: Наука. 295 с.
Естигнеев Ю.А. (2012) Куманы/куны: кто они // Общество. Среда. Развитие. № 2. С. 91–97. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/kumany-kuny-kto-oni. Дата обращения: 07.08.2022.
Журавлёв А.Ф. (1984) Областные прозвища // Русская речь. № 5. С. 124–129. Режим доступа: https://russkayarech.ru/sites/default/files/journals/1984/1984-5.pdf. Дата обращения: 21.02.2023
Зеленин Д.К. (1913) Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб.: ОРЯС ИАН. 544 с. // https://www.booksite.ru/fulltext/zeleninvel/text.pdf. Дата обращения: 07.07.2022.

Зеленин Д.К. (1994) Народные присловия и анекдоты о русских жителях Вятской губернии : (Этнографический и историко-литературный очерк) // Избранные труды : Статьи по духовной культуре : 1901–1903. М.: Индрик. С. 59–104.

Кирсанова Е.И. (1984) Об одном севернорусском говоре на территории Орловской области // Материалы по русско-славянскому языкознанию : Лексические и грамматические исследования : Межвузовский сб. науч. трудов. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. С. 30–33.

Котков С.И. (1951) Говоры Орловской области со стороны их вокализма // Ученые записки Орловского государственного педагогического института. Т. V. Кафедра русского языка. Вып. 2. Орёл. С. 58–124.

Котков С.И. (1951) Заметки по консонантизму курско-орловских говоров // Институт языкознания : Доклады и сообщения. II. М.: Издательство Академии Наук СССР. С. 42–56.

Котков С.И. (1970) Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков. М.: Наука. 318 с.

Котков С.И. (1980) Лингвистические источниковедение и история русского языка. М: Наука. 294 с.

Никонов В.А. (2005) Орловские фамилии // География фамилий. М.: КомКнига. С. 92–97.

Пясецкий Г. (1875) Исторические очерки г. Болхова и его святыни. Орёл: Типография князя Оболенского. 170 с.

Русская диалектология (1989) / Под ред. проф. Л.А. Касаткина. М.: Просвещение. 224 с.

Сахаров А.И. (1900) Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губернии // Сборник отделения русского языка и словесности ИАН. Т. LXVIII. № 5. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. 48 с. Режим доступа: http://diderix.petergen.com›lub-sahrw.htm. Дата обращения: 20.02.2023.

Селищев А.М. (1968) Заметки по великорусской диалектологии // Избранные труды. М.: Просвещение. С. 402–428.

Словарь орловских говоров (1989–2016) / Ред. Т.В. Бахвалова. Вып. 1–17. Ярославль ; Орёл.

Словарь русских народных говоров (1965–2021) Вып. 1–52. М. ; Л./СПб.

Словарь современного русского литературного языка (1950–1965) Т. 1–17. М. ; Л.: Изд-во АН СССР.

Трубачёв О.Н. (2005) В поисках единства : Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: Наука. 286 с.

Фасмер М. (1964–1973) Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс.

Чайкина Ю.И. (2005) История лексики Вологодской земли : (Белозерье и Заволочье). Вологда: Русь. 260 с.

References

Avanesov, R.I. (1974) Russkaja literaturnaja i dialektnaja fonetika [Russian literary and dialect phonetics]. M.: Prosveshhenie. 287 p. (In Russ.)

Gorshkova, K.V. (1972) Istoricheskaja dialektologija russkogo jazyka [Historical dialectology of the Russian language]. M.: Prosveshhenie. 160 p. (In Russ.)

Durnovo, N.N. (1969) Vvedenie v istoriju russkogo jazyka [Introduction to the history of the Russian language]. M.: Nauka. 160 p. (In Russ.)

Estigneev, Yu.A. Kumany/kuny: kto oni [Cumans/Kuns: who are they] // Obshhestvo. Sreda. Razvitie [Society. Environment. Evolution]. No. 2 [online]. Aviable at: https://cyberleninka.ru/article/v/kumany-kuny-kto-oni. Access date: 07.08.2022. (In Russ.)

Zhuravlev, A.F. (1984) Oblastnye prozvishha [Regional nicknames] // Russkaja rech' [Russian speech]. No. 5 [online]. Pp. 124–129. Aviable at: https://russkayarech.ru/sites/ default/files /journals/1984/1984-5.pdf. Access date: 21.02.2023. (In Russ.)

Zelenin, D.K. (1913) Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperehodnym smjagcheniem zadnenjobnyh soglasnyh v svjazi s techenijami pozdnejshej velikorusskoj kolonizacii [Great Russian dialects with inorganic and intransitive softening of posterior consonants in connection with the currents of the later Great Russian colonization]. SPb.: ORYAS IAN. 544 p. Aviable at: https://www.booksite.ru/fulltext/zeleninvel/text.pdf. Access date: 07.07.2022. (In Russ.)

Zelenin, D.K. Narodnye prislovija i anekdoty o russkih zhiteljah Vjatskoj gubernii :(Jetnograficheskij i istoriko-literaturnyj ocherk) [Folk sayings and anecdotes about the Russian inhabitants of Vyatka province (ethnographic and historical-literary essay)] // Izbrannye trudy : Stat'i po duhovnoj kul'ture : 1901–1903 [Selected works. Articles on spiritual culture 1901–1903]. M.: Indrik. Pp. 59–104. (In Russ.)

Kirsanova, E.I. (1984) Ob odnom severnorusskom govore na territorii Orlovskoj oblasti [About a Northern Russian dialect on the territory of the Orel region] // Materialy po russko-slavjanskomu jazykoznaniju : Leksicheskie i grammaticheskie issledovanija : Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Voronezh: Publishing House of the Voronezh University. Pp. 30–33. (In Russ.)

Kotkov, S.I. (1951) Govory Orlovskoj oblasti so storony ih vokalizma [Dialects of the Orel region from the side of their vocalism] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Iss. V. Department of the Russian Language. Vol. 2. Orel. Pp. 58–124. (In Russ.)

Kotkov, S.I. (1951) Zametki po konsonantizmu kursko-orlovskih govorov [Notes on the consonantism of the Kursk-Orel dialects] // Institut jazykoznanija : Doklady i soobshhenija [Institute of Linguistics. Reports and communications]. Vol. II. M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. Pp. 42–56. (In Russ.)

Kotkov, S.I. (1970) Ocherki po leksike juzhnovelikorusskoj pis'mennosti XVI–XVIII vekov [Essays on the vocabulary of the South Great Russian writing of the XVI–XVIII centuries]. M.: Nauka. 318 p. (In Russ.)

Kotkov, S.I. (1980) Lingvisticheskie istochnikovedenie i istorija russkogo jazyka [Linguistic source studies and the history of the Russian language]. M.: Nauka. 294 p. (In Russ.)

Nikonov, V.A. (2005) Orlovskie familii [Orel surnames] // Geografija familij [Geography of surnames]. M.: KomKniga. Pp. 92–97 (In Russ.)

Pjaseckij, G. (1875) Istoricheskie ocherki g. Bolhova i ego svjatyni [Historical sketches of Bolkhov and his shrines]. Orel: Tipografija knjazja Obolenskogo. 170 p. (In Russ.)

Russkaja dialektologija [Russian Dialectology] (1989) / Ed. by prof. L.A. Kasatkin. M.: Prosveshhenie. 224 p. (In Russ.)

Saharov, A.I. (1900) Jazyk krest'jan Il'inskoj volosti Bolhovskogo uezda Orlovskoj gubernii [The language of peasants of the Ilyinsky volost of the Bolkhovsky district of the Orel province] // Sbornik otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti IAN. Vol. LXVIII. No. 2 [online]. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk. 48 p. Aviable at: http://diderix.petergen.com›lub-sahrw.htm. Access date: 20.02.2023 (In Russ.)

Selishchev, A.M. (1968) Zametki po velikorusskoj dialektologii [Notes on the Great Russian dialectology] // Izbrannye trudy [Selected works]. M.: Prosveshhenie. Pp. 402–428. (In Russ.)

Slovar' orlovskih govorov [Dictionary of Orel Dialects] (1989–2016). / Ed. T.V. Bakhvalova. Vol. 1–17. Yaroslavl, Orel. (In Russ.)

Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian Folk Dialects] (1965–2021). Vol. 1–52. M.; L./SPb. (In Russ.)

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka (1950–1965) [Dictionary of Modern Russian Literary Language (1950-1965)]. Vol. 1–17. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. (In Russ.)

Trubachev, O.N. (2005) V poiskah edinstva : Vzgljad filologa na problemu istokov Rusi [In search of unity: a philologist's view on the problem of the origins of Russia]. M.: Nauka. 286 p. (In Russ.)

Fasmer, M. (1964–1973) Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological Dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. M.: Progress. (In Russ.)

Chaikina, Yu.I. Istorija leksiki Vologodskoj zemli (Belozer'e i Zavoloch'e) [The history of the vocabulary of the Vologda land : (Belozerye and Zavolochye)]. Vologda: Rus'. 260 p. (In Russ.)

Бахвалова Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
Адрес: 302026, Россия, Орловская область, г. Орёл, ул. Комсомольская д. 95.
Эл. адрес: btv-orel@yandex.ru

Для цитирования: *Бахвалова Т.В.* Лингвистический ландшафт народных говоров Орловщины как результат ее социально-исторического развития [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 128–142. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-128-142

For citation: *Bakhvalova, T.V.* Linguistic landscape of folk dialects of the Orel region as a result of its socio-historical evolution [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 128–142. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-128-142

УДК 81’373.21 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-143-157

НОРМАЛИЗАЦИЯ ТОПОНИМОВ С ВАРЬИРОВАНИЕМ БЕЗУДАРНЫХ *А/О*

Игорь А. Дамбуев
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация

Статья посвящена исследованию способов нормализации вариативных написаний российских топонимов с безударными а/о. В качестве материала исследования использованы более полусотни топонимов, результаты нормализации которых отражены в Государственном каталоге географических названий за последние пять лет. Сложности при нормализации подобных топонимов обусловлены тем, что их становление и функционирование тесно связаны с обществом и определяются им. Автор приводит примеры деэтимологизации топонимов, влияния народной этимологии, местных говоров, способствующих орфографическому варьированию. На вероятность варьирования названия населенного пункта может оказывать влияние и количество населения в нем. Нормализация топонимов с варьированием безударных а/о осуществляется как в соответствии с правилами орфографии, так и с традициями употребления данных топонимов. Правила орфографии применимы преимущественно к топонимам отапеллятивного образования, основы которых подчиняются правилам орфографии. Топонимы же, образованные от антропонимов, диалектизмов, регионализмов, архаизмов, заимствованные топонимы, нормализуются в соответствии с традициями употребления. При этом традиции употребления могут выступать либо в виде одного из известных исторических написаний, либо в виде написания, отвечающего современному узусу. В обоих случаях эти написания пользуются общественным признанием и одобрением.

Ключевые слова: *топоним, нормализация топонимов, топонимическое варьирование, безударные гласные, правила орфографии, традиции употребления, узус*

STANDARDIZATION OF TOPONYMS WITH VARIATION OF UNSTRESSED A/O

Igor A. Dambuev
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article is devoted to the study of ways to standardize variable spellings of Russian toponyms with unstressed a/o. More than fifty toponyms were used as research material. The results of standardization of these toponyms are reflected in the State Catalogue of Geographical Names over the past five years. Difficulties in the standardization of such toponyms are caused by the fact that their formation and functioning are closely related to society and are determined by it. The author gives examples of the de-etymologization of toponyms, the influence of folk etymology and local dialects that contribute to spelling variation. The probability of variation of the name of a locality may also be influenced by the number of people in it. Standardization of toponyms with variation of unstressed a/o is carried out both in accordance with the rules of spelling and with the traditions of using these toponyms. The rules of spelling are applicable mainly to place names formed with appellatives which are subject to the rules of spelling. Toponyms formed from anthroponyms, dialectal, regional and archaic words, borrowed toponyms are standardized in accordance with the traditions of use. At the same time, the traditions of use can act either in the form of one of the well-

known historical spellings, or in the form of spelling that meets modern usage. In both cases, these spellings enjoy public recognition and approval.

Keywords: *toponym, standardization of a toponym, toponymic variation, unstressed vowels, spelling rules, traditions of using, usage*

Введение

Варьирование написания безударных гласных, особенно гласных *а* и *о*, является одним из распространенных видов орфографического варьирования у топонимов. Этот вид варьирования уже отмечался в работах отечественных исследователей по русской топонимии. Причинами такого варьирования называются влияние местных говоров [Карпенко, 1965: 18; Воробьёва, 1973: 174; Рубцова, 1993: 44], ошибки и искажения при написании официальных наименований [Карпенко, 1965: 18; Матвеев, 2001: 54]. При этом исследователи в качестве предпосылки к варьированию называют слабую (безударную) позицию гласных [Рубцова, 1993: 44; Матвеев, 2001: 54]. И.А. Воробьёва отмечает, что диалектное произношение редко фиксируется в письменных источниках и на картах, тем не менее, часть диалектных топонимов стали официально закрепленными формами [Воробьёва, 1973: 179].

Варьирование в написании безударных *а* и *о* встречается в топонимии многих субъектов. В Государственном каталоге географических названий (ГКГН), созданном в целях обеспечения единообразного и устойчивого употребления топонимов и их сохранения, по состоянию на конец 2022 г. нуждались в нормализации названия д. *Благочёво / Благачёво* (Костромская обл.), д. *Коробаново / Карабаново* (Тверская обл.), с. *Лобынцево / Лабынцево* (Липецкая обл.), д. *Потрекичево / Патрекичево* (Вологодская обл.), д. *Родионцево / Радионцево* (Костромская обл.), д. *Созоново / Сазоново* (Костромская обл.), д. *Торбеево / Тарбеево* (Томская обл.) [ГКГН].

Мониторинг изменений в ГКГН за последние пять лет позволил выявить следующие примеры нормализации топонимов с варьированием *а/о*: *Кварзангский / Кварзонгский* → *Кварзангский* (Архангельская обл.), х. *Барилов / Борилов* → *Барилов* (Белгородская обл.), п. *Алес / Олес* → *Алес* (Брянская обл.), х. *Батовка / Ботовка* → *Батовка* (Воронежская обл.), д. *Бахоток / Бохоток* → *Бахоток*, д. *Галичёвка / Голичёвка* → *Галичёвка*, д. *Кастрамово / Костромово* → *Кастрамово* (Калужская обл.), д. *Саломатово / Соломатово* → *Саломатово* (Кемеровская обл.), д. *Жихарево / Жихорево* → *Жихарево*, д. *Мартыново / Мортыново* → *Мартыново*, д. *Мокеево / Макеево* → *Мокеево*, д. *Мохначево / Махначево* → *Мохначево*, д. *Осташово / Асташово* → *Осташово*, д. *Популино / Папулино* → *Популино*, д. *Рагозино / Рогозино* → *Рагозино*, д. *Халабурдиха / Холобурдиха* → *Халабурдиха* (Костромская обл.), д. *Верхний Тонай / Танай* → *Верхний Танай*, с. *Нижний Тонай / Танай* → *Нижний Танай*, д. *Щекатурово / Щекотурово* →

Щекатурово (Красноярский край), д. *Кокорево / Кокарево → Кокорево*, с. *Колмаково-Миасское / Калмаково-Миасское → Колмаково-Миасское* (Курганская обл.), д. *Любонё / Любанё → Любонё* (Новгородская обл.), с. *Кондуровка / Кандуровка → Кондуровка* (Оренбургская обл.), д. *Свапские Дворы / Свопские Дворы → Свапские Дворы*, д. *Соломатовка / Саламатовка → Соломатовка* (Орловская обл.), д. *Костарята / Косторята → Костарята* (Пермский край), с. *Курота / Курата → Курота* (Респ. Алтай), н.п. *Поньгагуба / Поньгогуба → Поньгагуба* (Респ. Карелия), п. *Каратун / Коратун → Каратун*, с. *Ошняк / Ашняк → Ошняк* (Респ. Татарстан), д. *Кагаево / Когаево → Кагаево*, д. *Кайбалы / Койбалы → Кайбалы* (Респ. Хакасия), д. *Хараблино / Хораблино → Хараблино*, д. *Шегашаново / Шегошаново → Шегашаново* (Рязанская обл.), с. *Альшанка / Ольшанка → Альшанка* (Саратовская обл.), д. *Козеевщина / Казеевщина → Козеевщина*, д. *Копосино / Капосино → Копосино*, д. *Корюзино / Карюзино → Корюзино*, д. *Молявица / Малявица → Молявица* (Смоленская обл.), х. *Казинка / Козинка → Казинка* (Ставропольский край), д. *Малое Софроново / Сафроново → Малое Софроново* (Тверская обл.), д. *Хашгорт / Хошгорт → Хашгорт* (Ямало-Ненецкий а.о.), д. *Афонасово / Афанасово → Афонасово*, д. *Данцово / Донцово → Данцово*, д. *Симоново / Симаново → Симоново* (Ярославская обл.).

Если в устной речи гласные [а] и [о] в предударных и заударных слогах изменяют свое качество и становятся неразличимыми, то в письменной речи топонимы должны отображаться единообразно. Какими бы ни были причины возникновения орфографического варьирования, будь то влияние местных говоров или ошибки составителей карт и официальных справочников, вариативные топонимы должны быть нормализованы. Нормализацией наименования географического объекта, т.е. топонима, называется «определение написания наименования географического объекта на государственном языке Российской Федерации и наряду с государственным языком Российской Федерации на других языках народов Российской Федерации в соответствии с правилами русской орфографии и орфографии других языков народов Российской Федерации и в соответствии с традициями употребления наименований географических объектов на указанных языках» [ФЗ-152].

Выбор той или иной буквы на месте безударной гласной в нарицательной лексике определяется «путем проверки другими словами и формами, где в той же значимой части слова… проверяемый гласный находится под ударением» [ПРОП: 41]. Написание же непроверяемых гласных определяется в словарном порядке. Таким образом, правила русской орфографии основаны на принципе «необозначения на письме мены звуков под влиянием положения в слове» [Там же]. При написании же топонимов такой способ проверки невозможен. Например, нельзя поставить в ударную позицию безударные *а* и *о* в вариативных

написаниях топонимов *Соломатовка / Саламатовка*, *Алес / Олес*, *Альшанка / Ольшанка*, *Курота / Курата* и др. Даже если очевидна связь, например, топонима *Ольшанка* и сущ. *ольха*, она не всегда имеет решающее значение при написании топонима. Важную роль в обеспечении устойчивого и единообразного написания топонимов всегда играли авторитетные словари географических названий, справочники административно-территориального деления, карты, нормативно-правовые акты. При этом приоритетное значение имела юридическая закрепленность формы написания топонима. В настоящее время роль авторитетного ресурса играет ГКГН, в связи с чем на повестке дня стоит вопрос нормализации всех вариативных написаний топонимов.

Как отмечалось выше, согласно законодательству Российской Федерации, определение написания топонимов должно осуществляться в соответствии с правилами орфографии и традициями употребления. Если выбор прописной или строчной буквы в топонимах, слитного, раздельного или дефисного написания компонентов топонимов в большой степени определяется именно правилами орфографии, то выбор той или иной буквы при написании безударных гласных при активном варьировании топонима в письменной речи вызывает много вопросов. Таким образом, целью статьи является определение способов нормализации топонимов с варьированием безударных *а/о* на материале нормализованных в последние годы топонимов.

Топонимы – категория социолингвистическая

Трудности в нормализации топонимов обусловлены сильным влиянием общества на их произношение и написание. Это влияние может носить как естественный характер, обусловленный статусом имени собственного в языке и системными отношениями, так и искусственный, в виде целенаправленной деятельности в области географических названий. Не вдаваясь в суть сложной проблемы различия имен нарицательных и имен собственных, согласимся с тезисом, что «многое для апеллятивов и онимов оказывается количественно и качественно иным» [Теория…, 2007: 178]. Как отмечает А.В. Суперанская, «основное назначение топонимов – различать географические объекты» [Суперанская, 1984: 119]. Эта функциональная особенность способствует тому, что «лексическое значение апеллятива, лежащего в основе имени собственного, обычно бывает редуцировано, а связь имени с понятием этого апеллятива стремится к нулю» [Суперанская, 1973: 258]. Таким образом, топоним, не имея жизненной необходимости быть привязанным к истории своего создания и конкретному апеллятиву или имени собственному, лежащему в его основе, теряет свою

смысловую прозрачность, что, в свою очередь, способствует его переосмыслению и дальнейшим трансформациям, особенно на почве народной этимологии или аналогии.

Примеров подобной деэтимологизации топонимов достаточно много. Есть они и среди приведенного выше материала. Например, в Ставропольском крае в начале XX в. семьей *Казинских* был основан населенный пункт. На карте 1926 г. он обозначен как хутор *Казинские* [ВТКК]. В дальнейшем в результате субстантивации и адаптации названия к местной топонимической системе топоним закономерно меняет свою структуру и на карте 1941 г. имеет форму *Казинка* [КЮР]. В результате потери связи с фамилией топоним переосмысливается, и его происхождение начинает связываться с «большим количеством коз, водившихся здесь в прежнее время» [Гниловский, 1954: 312]. На генштабовской карте 1988 г. издания находим написание *Козинка* [Генштаб], свидетельствующее о варьировании написания топонима. Варьирование наблюдается и в XXI в. в нормативно-правовых актах. В постановлении Правительства Ставропольского края от 04.05.2006 г. № 63-п «Об утверждении Реестра административно-территориальных единиц и территориальных единиц Ставропольского края» хутор дан в написании *Казинка*. В законе же Ставропольского края от 14.04.2017 г. № 36-кз «О преобразовании муниципальных образований, входящих в состав Петровского муниципального района Ставропольского края, и об организации местного самоуправления на территории Петровского муниципального района Ставропольского края» находим написание *Козинка*. С целью унификации написания названия был издан закон Ставропольского края от 02.11.2021 г. № 97-кз «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Ставропольского края», изменивший написание *Козинка* на *Казинка*.

Варьирование неизбежно не только при деэтимологизации топонима, но и в случае, когда его происхождение неясно. Например, законом Калужской области от 21.09.2017 г. № 251-ОЗ «О внесении изменений в отдельные законы Калужской области» было изменено написание *Костромово* на *Кастромово*. В Уставе же сельского поселения «Деревня Озеро» сохраняется написание *Костромово*. Происхождение топонима на первый взгляд связано с фамилиями *Кастромов* или *Костромов*. Однако на геометрической карте Калужского наместничества 1782 г. населенный пункт дан в написании *Костомарова* [ККН], что ставит под сомнение происхождение топонима. Очевидно, что название на протяжении веков могло переосмыслиться, претерпеть изменение словесного ударения, подвергнуться ошибочным изменениям со стороны составителей карт. Все перечисленное затрудняет нормализацию топонима.

Важным источником варьирования являются местные говоры. Они могут оказывать влияние на написание топонимов как на топонимическом, так и на дотопонимическом уровне.

Ярким примером влияния местных говоров является топоним *Альшанка* (Саратовская обл.), зафиксированный в 1840 и 1888 гг. в написании *Ельшанка* [Шуберт; ВДК], в 1859 г. – *Ольшанка* [СНМ Сарат, 1859: 93] и в 1870 г. – *Альшанка* [ВТКС]. По поводу варьирования *о/а/е* в слове *ольха* на материале соседней Пензенской области писал еще В.А. Никонов, выделяя ареалы различных фонетических форм: «…западней Пензы огласовка *о*, а восточней – *е*… если продвинуть исследование южней и западней, на карту ляжет огласовка *а* (*Альшанник*)» [Никонов, 2011: 102]. Данный пример варьирования подтверждает результаты исследований В.А. Никонова.

Многие топонимы имеют потенциал к варьированию еще на дотопонимическом уровне, благодаря варьированию апеллятивов или антропонимов, лежащих в их основе. В русской топонимии большое количество названий образовано от антропонимов, которые, как отмечает Б.О. Унбегаун, «обнаруживают фонетические особенности, которые свойственны общему фонетическому развитию русского языка. Неударное *о* произносится как (или почти как) *а* – черта, которая не получает отражения в орфографии. Но ряд фамилий, в дополнение к правильному написанию с *о*, обнаруживает «фонетическое» написание с *а*, например: *Софронов / Сафронов* < *Софрон, Сафрон* < *Софроний* < *Σωφρόνιος*» [Унбегаун, 1989: 45]. Если добавить к ним диалектные варианты народных имен и фамилий, то количество вариативных антропонимов вырастет кратно. В нашем материале к таковым можно отнести *Афанасов / Афонасов, Казеев / Козеев, Кандуров / Кондуров, Карюзин / Корюзин, Макеев / Мокеев, Рагозин / Рогозин, Сазонов / Созонов, Саламатов / Соломатов, Сафронов / Софронов, Тарбеев / Торбеев, Щекатуров / Щекотуров* и др. Варьированию подвержены и образованные от данных антропонимов топонимы.

Орфографическое варьирование поддерживается и самим обществом. Ярким примером сосуществования двух вариантов в нашем материале является название деревни *Осташово* (Костромская обл.), известной благодаря усадьбе крестьянина М.С. Сазонова, выделяющейся своей уникальной архитектурой. Хотя по нормативно-правовым актам деревня носит название *Осташово*, расположенный в ней гостиничный комплекс называется «Лесной терем Асташово». На картах XIX в. деревня дана в написании *Осташева* [Шуберт; Стрельбицкий], в справочнике 1877 г. – *Осташево* [СНМ Костр, 1877: 342]. В письменных источниках XX в. отмечаем варианты *Асташево* [СНМ Костр, 1908: 261] и *Асташово* [Генштаб]. Выбор при нормализации варианта написания *Осташово* в районе распространения акающих чухломских говоров свидетельствует об опоре на традиционное написание топонима. Однако в связи с широким распространением варианта *Асташово* в XX в., это написание закрепилось в названии гостиничного комплекса. Данный топоним представляет собой отантропонимическое

образование и связан с именами *Асташ, Осташ*, являющимися народными формами имени *Евстафий* [Суперанская, 2010: 62].

Важным фактором варьирования названия населенного пункта является и количество в нем жителей. Как отмечает Г.В. Глинских, «для сельских поселений, где число жителей сравнительно невелико, а названия бытуют главным образом в устном употреблении, варьирование наименований – не исключение, а правило» [Глинских, 1980: 17]. Данный тезис справедлив в том отношении, что чем больше населения, тем чаще название населенного пункта употребляется в письменной речи, что способствует закреплению его формы. Все населенные пункты (общим количеством 52 единицы), названия которых представлены во Введении данной статьи, являются сельскими поселениями с небольшим количеством жителей. Опираясь на данные переписи 2010 г., из 52 населенных пунктов 20 из них имело население менее 10 чел., 22 – менее 100 чел., и только в 10 населенных пунктах население превышало 100 чел. Это подтверждает определенную зависимость варьирования топонима от количества жителей в населенном пункте и употребления топонима в речи.

Принципы нормализации топонимов

Как отмечалось выше, нормализация топонимов осуществляется в соответствии с правилами орфографии и с традициями употребления топонимов. Эти два базовых принципа, сформулированные в федеральном законе, призваны быть ориентирами при нормализации самых разных топонимов. При этом правила орфографии, которые в федеральном законе стоят на первом месте, имеют, вероятно, определенный приоритет. Действительно, такие явления, как употребление прописных и строчных букв, слитное, раздельное или дефисное написание, ряд других явлений регламентируются правилами. В нашем же случае правила орфографии имеют ограниченное применение, и этому есть объективные причины.

По утверждению А.В. Суперанской, «определение орфографии собственных имен орфографией нарицательных типичнее всего для XX в., когда во многих странах произошла регламентация орфографии последних» [Суперанская, 1969: 173–174]. Современная же топонимия, формировавшаяся на протяжении веков, содержит многочисленные диалектизмы, архаизмы, регионализмы и другие ликсемы, появившиеся в результате языковых контактов. В связи с этим при нормализации топонимов в XX в. специфика топонимной лексики была учтена следующим образом. Русские слова в топонимах, согласно «Правилам написания на картах географических названий СССР», должны писаться по правилам русской орфографии. При наличии явных орфографических ошибок должны производиться исправления, например «пишется Звонарево, а не Звонорево, озеро Лебединое, а не Лебединное, Преображенка, а не

Приображенка, Менщиково, а не Меньщиково, Протопопово, а не Протапопово, Спас, а не Спасс» [Правила…, 1967: 6]. В то же время рекомендуется сохранять «официально утвердившиеся написания в местном произношении, например «акающие» и «экающие» формы: Агрызково, Аладьино… Еваново, Эсаково; написания, основанные на местных и просторечных словах: Горносталево, Моклоково…; усеченные формы: Боротно, Гвоздно…; названия с *шн* вместо *чн* на стыке основы и суффикса: Калашниково, Клюшниково» [Там же]. Сохраняются и «названия, образованные от имен, то есть возможны: Адрианово, Андрияново, Оринино, Аринино, Ануфриево, Онуфриевка… и т.п.» [Там же: 7].

Топонимические исследования свидетельствуют о том, что варианты с диалектными фонетическими чертами чаще всего употребляются в речи старшего поколения, «интеллигенция и молодежь осознают диалектный характер одного из вариантов, предпочитая в определенных ситуациях литературное произношение» [Воробьёва, 1973: 179]. При этом «появление литературного облика топонима происходит быстрее, если этот топоним – русский по происхождению и имеет параллели в нарицательной сфере языка» [Там же]. О приоритете литературной формы в случае наличия параллельных вариантов говорит и Г.В. Глинских: «Даже если все местное население произносит *Кальер* вместо *Карьер*, это, разумеется, не может быть основанием для изменения официальной формы названия» [Глинских, 1980: 20]. Таким образом, нормы литературного языка со временем все больше и больше проникают в топонимную лексику, не затрагивая при этом топонимы, образованные от вариантов личных имен и фамилий, диалектизмов и регионализмов, не имеющих литературных произносительных параллелей, а также деэтимологизированных и заимствованных слов. При нормализации таких топонимов используется принцип, учитывающий традиции употребления топонима.

Говоря о литературном написании топонимов, опора на орфографию предполагаемого этимона не может быть основанием нормализации. Во-первых, учитывая многоступенчатость номинации топонимов, этимон не всегда является непосредственной топоосновой, от которой был образован топоним, а значит, он не является значимой частью данного топонима. Во-вторых, анализ нормализованных топонимов показывает, что в практической деятельности основанием для нормализации выступают другие факторы. Например, в 2020 г. в ГКГН было нормализовано написание д. *Папулино / Популино* → *Популино* (Костромская обл.). По состоянию на 2022 г. постоянного населения в деревне нет. Судя по письменным источникам, варьирование написания названия наблюдалось на протяжении последних двух веков. На картах XIX в. находим написания *Папулина* [Вильбрехт], *Папулино* [Шуберт], *Популина* [Стрельбицкий]. В списках населенных мест Костромской губернии 1877 г. издания

в основном тексте дано написание *Популино* [СНМ Костр, 1877: 353], однако в алфавитном списке в конце справочника – *Папулино* [СНМ Костр, 1877: 443]. В справочнике 1908 г. издания зафиксирован вариант *Папулино* [СНМ Костр, 1908: 267]. На генштабовских картах 1980-х годов издания также находим вариант *Папулино* [Генштаб]. Однако в законе Костромской области от 30.12.2004 г. № 237-ЗКО «Об установлении границ муниципальных образований в Костромской области и о наделении муниципальных образований статусом городского, сельского поселения, муниципального района, муниципального округа и городского округа» кодифицировано написание *Популино*. Название деревни происходит, очевидно, от фамилии *Папулин*, образованной от личного имени *Папул* или от варианта имен *Папа, Папп, Папул – Папуля* [Суперанская, 2010: 243]. Во Владимирской области находится одноименное село *Папулино*, что служит дополнительным подтверждением происхождения топонима от фамилии *Папулин*. В окающих говорах фамилия *Папулин* могла получить фонетический вариант *Популин*. Сложно сказать, от какой конкретно фамилии, *Папулин* или *Популин*, произошел данный топоним. Вариант *Популино* мог развиться и благодаря оканью составителя карты или справочника, либо его информанта. Тем не менее нормализация вариативного названия пошла по пути следования его написанию в современных нормативно-правовых актах, отражающих, вероятно, современный узус. Таким образом, при нормализации написания топонима опора на его вероятную этимологию невозможна по причине неопределенности его происхождения, поэтому написание подчиняется местному узусу. Учитывая широкое употребление варианта *Папулино* в прошлом, а также нахождение деревни в зоне распространения акающих чухломских говоров, выбор официального варианта *Популино* находим неоправданным в связи с возможностью его дальнейшего варьирования.

К нормализации согласно принципу соответствия правилам орфографии следует, вероятно, отнести и нормализацию на русском языке топонимов из языков народов России. Во второй половине XX в. для передачи на русском языке заимствованных топонимов были разработаны соответствующие инструкции, содержащие правила практической транскрипции. До их введения топонимы на языках народов России передавались «на слух», без какой-либо системы; особенной вариативностью отличались незнакомые для русского языка звуки. Например, хант. краткий гласный [ӑ] в топониме *Хашгорт* (от хант. *хӑш* ‘тальник; тальниковый’ и *кӧрт* ‘стойбище, село, деревня’, Ямало-Ненецкий а.о.) передавался самыми разными буквами: *Кижгорски* [АЮ], *Кыжгорские* [КБО], *Кош Горт* [КСКВ], *Кашгорския* [КТГ]. При нормализации же вариативных написаний *Хашгорт / Хошгорт*, встречающихся на генштабовских картах 1980-х годов разного масштаба, выбор был сделан в пользу *Хашгорт*

согласно передаче на русском языке хантыйских гласных по «Инструкции по передаче на картах хантыйских географических названий» [Инструкция…, 1966].

Несмотря на попытки упорядочения передачи национальных топонимов на русском языке, предпринимавшиеся во второй половине XX в., в настоящее время встречаются и противоположные случаи, когда написания топонимов опираются на традиционные написания. Случай с топонимом *Ошняк / Ашняк* (Респ. Татарстан) наглядно иллюстрирует это явление. В источнике по данным 1859 г. деревня упоминается в написании *Ошняк (Тюбяк)* [СНМ Каз, 1859: 93]. Написание *Ошняк* встречается и на всех картах до 1980-х годов. Однако на генштабовских картах 1980–1990-х годов издания дано написание *Ашняк* [Генштаб]. Это написание зафиксировано также в справочном издании «Населенные пункты Республики Татарстан» [АТД Тат, 1997: 37] и в актуальном Каталоге топонимов Республики Татарстан [КТРТ]. Появление варианта *Ашняк* и его кодификация связаны с действием «Инструкции по передаче на картах географических названий Татарской АССР», согласно которой в татарском названии *Әшнәк* буква *ә* должна передаваться «через *а* в начале слова, в конечном открытом слоге, а также после шипящих, *х* и *h*; в остальных случаях – через *я*» [Инструкция…, 1964: 7]. Однако в действующих нормативно-правовых актах, например в законе Республики Татарстан от 31.01.2005 г. № 11-ЗРТ «Об установлении границ территорий и статусе муниципального образования “Алексеевский муниципальный район” и муниципальных образований в его составе» дано написание *Ошняк*. Нормализация топонима в данном случае пошла по пути следования традиционному написанию. Вероятно, это объясняется аналогией с топонимами с. *Большой Ошняк*, пос. *Верхний Ошняк*, с. *Малый Ошняк*, д. *Ошняк-Качкалак*, с. *Русский Ошняк*, расположенными в соседнем районе.

Принцип нормализации топонимов в соответствии с традициями их употребления был сформулирован в законе не случайно. Как показал анализ нормализации топонимов с варьированием безударных *а/о*, представленных во Введении, большинство из них было нормализовано согласно этому принципу. При этом выражение *традиции употребления* применительно к топонимам требует пояснений. Под словом *традиция* понимаются «исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды и вкусы и т.п. … Обычная, закрепившаяся норма чего-л.» [СРЯ, 1999: 396]. Вероятно, под *традициями употребления* топонимов следует понимать исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение нормы употребления топонимов. Среди нормализованных названий немало таких, которые имеют длительную традицию употребления в той или иной письменной форме. Например, в 2020 г. в ГКГН было принято написание вариативного названия д. *Макеево / Мокеево* → *Мокеево* (Костромская обл.).

В списках населенных мест Костромской губернии 1877 и 1908 гг. издания населенный пункт имеет написание *Мокеево* [СНМ Костр, 1877: 153; СНМ Костр, 1908: 90]. На картах XIX в. также находим написание *Мокеево* [Шуберт; Стрельбицкий]. На топографических же картах 1980-х годов издания зафиксировано написание *Макеево* [Генштаб]. В законе Костромской области от 30.12.2004 г. № 237-ЗКО «Об установлении границ муниципальных образований в Костромской области и о наделении муниципальных образований статусом городского, сельского поселения, муниципального района, муниципального округа и городского округа» кодифицирован традиционный вариант *Мокеево*. Название своим происхождением связано с фамилией *Мокеев* или *Макеев*. Обе эти фамилии происходят от разговорных форм *Мокей* и *Макей* мужского личного имени *Мокий* [Ганжина, 2001: 304]. Топонимы *Макеево* и *Мокеево* многочисленны в российских регионах. Однако при нормализации данного топонима был выбран традиционный вариант *Мокеево,* известный с начала XIX в. и отражающий особенности местной костромской группы говоров, отличающейся оканьем. Выбор традиционного исторического написания обусловлен не только его регулярной воспроизводимостью на протяжении определенного периода времени, но и его общественным одобрением, которое в наиболее эксплицитной форме проявляется в кодификации написания в региональных нормативно-правовых актах.

Сложнее обстоит ситуация с нормализацией вариативных топонимов, которые имели разные написания на протяжении своей истории. Например, название д. *Корюзино* (Смоленская обл.) дано в написании *Карюзина* в справочном источнике по сведениям 1859 г. [СНМ Смол, 1859: 35], на Специальной карте Европейской России И.А. Стрельбицкого 1871 г. [Стрельбицкий], в источнике 1904 г. издания [СНМ Смол, 1904: 372]. На карте Рабоче-крестьянской Красной Армии 1941 г. находим написание *Корюзина* [РККА]. В справочниках административно-территориального деления Смоленской области 1981 и 1993 гг. издания дано написание *Карюзино* [АТД Смол, 1981: 35; АТД Смол, 1993: 89]. Однако на картах 1980-х годов издания и на современных картах зафиксировано написание *Корюзино*, как и в действующих нормативно-правовых актах. Таким образом, можно утверждать, что за последние полтора столетия употребительными были как вариант *Карюзино*, так и вариант *Корюзино*. Происхождение топонима может быть связано с фамилиями *Карюзин* и *Корюзин,* которые, вероятно, происходят от слов *карюзлик, корюзлик* ‘невысокий маленький человек’, *карюзлый, корюзлый* ‘небольшого роста (о человеке)’ [СРНГ-13: 113] через прозвище *Карюза / Корюза*. В данном случае, как и в ряде других, устойчивой традиции употребления одного написания не наблюдается. Анализ подобных примеров вариативных топонимов показывает,

что в таких случаях основой нормализации является современный узус, отраженный, как правило, в региональных нормативно-правовых актах.

Заключение

Проведенное исследование показало, что варьирование безударных гласных при написании топонимов является одним из распространенных видов орфографического варьирования как в настоящее время, так и в прошлые столетия, а нормализация вариативных топонимов остается актуальной задачей ввиду возможности различных способов решения этой проблемы. Эти решения обусловлены спецификой топонимов как одной из категорий имен собственных, условия существования которых в значительной степени зависят от социолингвистических факторов.

При нормализации топонимов с варьированием безударных гласных реализуются разные принципы. Опора на правила орфографии возможна и необходима в том случае, когда топоним образован от имени нарицательного и эта мотивационная связь очевидна. Несмотря на известные рекомендации сохранять официально утвердившиеся особенности местного произношения, нельзя не отметить тенденцию распространения литературных норм в топонимной лексике, обусловленную распространением норм литературного языка в обществе. Это относится и к нормализации топонимов на языках народов России. Традиции употребления при нормализации топонимов выходят на первый план в тех случаях, когда топонимы содержат другие онимы, диалектизмы, регионализмы, архаизмы или отражают результаты языкового контактирования. В этих случаях под традициями употребления могут скрываться либо определенное историческое написание, характеризующееся общественным признанием и одобрением, либо современное узуальное написание, не всегда совпадающее с историческими написаниями, но являющееся общественно признанным на данном этапе. При этом, надо отметить, что общественное признание и одобрение играют решающее значение при нормализации топонимов с варьированием безударных гласных.

Литература

Воробьёва И.А. (1973) Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та. 247 с.

Ганжина И.М. (2001) Словарь современных русских фамилий. М.: Астрель. 672 с.

Глинских Г.В. (1980) Лингвистические критерии при уточнении названий населенных пунктов // Вопросы ономастики. Вып. 14: Собственные имена в системе языка. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. С. 14–28.

Гниловский В.Г. (1954) Словарь некоторых географических имен Ставрополья // Занимательное краеведение: Беседы с юными краеведами о природе Ставроп. края. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во. 328 с.

Карпенко Ю.А. (1965) Проблема вариантов в топонимике // Всесоюзная конференция по топонимике Советского Союза. Л. С. 17–20.

Матвеев А.К. (2001) Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 346 с.

Никонов В.А. (2011) Введение в топонимику. 2-е изд.. М.: ЛКИ. 184 с.

Рубцова З.В. (1993) Варьирование и норма в белорусской и русской топонимии: автореф. дис.… канд. филол. наук / Ин-т языкознания РАН. М. 88 с.

Суперанская А.В. (1969) Структура имени собственного : (Фонология и морфология). М.: Наука. 207 с.

Суперанская А.В. (1973) Общая теория имени собственного. М.: Наука. 366 с.

Суперанская А.В. (1984) Что такое топонимика? М.: Наука. 182 с.

Суперанская А.В. (2010) Словарь народных форм русских имен. М.: ЛИБРОКОМ. 368 с.

Теория и методика ономастических исследований (2007) / А.В. Суперанская и др.; отв. ред. А.П. Непокупный. 2-е изд.. М.: URSS. 254 с.

Унбегаун Б. (1989) Русские фамилии/: Пер. с англ.; общ. ред. Б.А. Успенского. М.: Прогресс. 443 с.

Источники

АТД Смол, 1981 – Административно-территориальное устройство Смоленской области: Справочник (1981). М.: Моск. рабочий. 416 с.

АТД Смол, 1993 – Административно-территориальное деление Смоленской области : Справочник (1993). Смоленск: Смолен. гор. тип. 245 с.

АТД Тат, 1997 – Населенные пункты Республики Татарстан (1997). Казань: Ин-т «Татар. энциклопедии». 389 с.

ГКГН – Государственный каталог географических названий. Режим доступа: https://cgkipd.ru/science/names/reestry-gkgn.php. Дата обращения: 06.04.2023.

Инструкция по передаче на картах географических названий Татарской АССР (1964) / Сост. Л.И. Розова. М.: Тип. Моссовнархоза. 29 с.

Инструкция по передаче на картах хантыйских географических названий (1966) / Сост. Л.И. Розова. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ. 28 с.

КТРТ – Каталог топонимов Республики Татарстан. Режим доступа: https://toponym.antat.ru/ Дата обращения: 10.04.2023.

Правила написания на картах географических названий СССР (1967) / Сост. С.А. Тюрин. 2-е изд. М.: Недра. 27 с.

ПРОП – Правила русской орфографии и пунктуации (2007) / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо. 480 с.

СНМ Каз, 1859 – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел (1866). Т. 14: Казанская губерния. СПб.: Тип. К. Вульфа. 237 с.

СНМ Костр, 1877 – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел (1877). Т. 18: Костромская губерния. СПб. 465 с.

СНМ Костр, 1908 – Список населенных мест Костромской губернии (1908) / Костром. губ. земство. Кострома: Тип. Т.П. Андрониковой. 385 с.

СНМ Сарат, 1859 – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел (1862). Т. 38: Саратовская губерния. СПб.: Тип. К. Вульфа. 130 с.

СНМ Смол, 1859 – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел (1868). Т. 40: Смоленская губерния. СПб.: Тип. К. Вульфа. 513 с.

СНМ Смол, 1904 – Список населенных мест Смоленской губернии: с приложением карты Смоленской губернии (1904). Смоленск: Смоленский губ. стат. комитет. 497 с.

СРНГ-13 – Словарь русских народных говоров (1977). Вып. 13: Калун-Кобза / Сост. Н.И. Андреева-Васина [и др.]; гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука. 358 с.
СРЯ – Словарь русского языка (1999): В 4 т. / Ин-т лингвистических исследований РАН; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Т. 4. С–Я. М.: Рус. яз. ; Полиграфресурсы. 800 с.
ФЗ-152 – О наименованиях географических объектов : Федеральный закон от 18.12.1997 г. № 152-ФЗ. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/9054747?y2713-2951id=lg568w7azj50044227. Дата обращения: 06.04.2023.

Карты

АЮ – Атлас 1794 г. для юношества. Архангельское, Олонецкое и Вологодское наместничества. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-atlas_1794_archangelsk-vologda/ Дата обращения: 10.04.2023.
ВДК – Военно-дорожная карта Европейской России 1888–1910 гг. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-atlas_dorozhnaya/ Дата обращения: 07.04.2023.
Вильбрехт – Карта Костромской губернии из атласа Вильбрехта 1800 г. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kostroma_kostromskaya-gub-1800/ Дата обращения: 09.04.2023.
ВТКК – Военно-топографическая пятиверстная карта Кавказского края 1926 г. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-atlas_5-verst-kavkaz/ Дата обращения: 07.04.2023.
ВТКС – Военно-топографическая трехверстовая карта Саратовской области 1870 г. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-saratov_trehverstovka/ Дата обращения: 07.04.2023.
Генштаб – Карты генштаба – архив топографических карт. Режим доступа: https://satmaps.info /genshtab.php. Дата обращения: 07.04.2023.
КБО – Карта Березовского округа 1809 г. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-ugra_berezovskiy-okrug-1809/ Дата обращения: 10.04.2023.
ККН – Геометрическая карта Калужского наместничества 1782 г. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kaluga_1782/ Дата обращения: 07.04.2023.
КСКВ – Карта земель Сибирского казачьего войска 1858 г. Режим доступа: http:/ /www.etomesto.ru /map-omsk_sibirskoe-voysko/ Дата обращения: 10.04.2023.
КТГ – Карта Тобольской губернии 1889 г. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-tumen_tobolsk_1889/ Дата обращения: 13.03.2023.
КЮР – Карта РККА юга России, двухкилометровка. Режим доступа: http://www.etomesto.ru /map-rkka_ug/ Дата обращения: 07.04.2023.
РККА – Карта РККА N-36 (А). Смоленская область. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/ map-rkka_n-36-a/ Дата обращения: 11.04.2023.
Стрельбицкий – Специальная карта Европейской России Стрельбицкого 1871 г. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-karta-strelbickogo/ Дата обращения: 07.04.2023.
Шуберт – Специальная карта Западной части России Шуберта 1826–1840 гг. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-shubert-10-verst/ Дата обращения: 07.04.2023.

References

Vorob'eva, I.A. (1973) Russkaja toponimija srednej chasti bassejna Obi [Russian toponymy of the middle part of the Ob basin]. Tomsk: Tomsk State University Press. 247 p. (In Russ.)
Ganzhina, I.M. (2001) Slovar' sovremennyh russkih familij [Dictionary of modern Russian surnames]. M.: Astrel'. 672 p. (In Russ.)
Glinskikh, G.V. (1980) Lingvisticheskie kriterii pri utochnenii nazvanij naselennyh punktov [Linguistic criteria for specifying the names of localities] // Voprosy onomastiki. Iss. 14: Sobstvennye imena v sisteme jazyka. Sverdlovsk: Ural State University Rress. Pp. 14–28. (In Russ.)

Gnilovskii, V.G. (1954) Slovar' nekotoryh geograficheskih imen Stavropol'ja [Dictionary of some geographical names of Stavropol] // Zanimatel'noe kraevedenie: Besedy s junymi kraevedami o prirode Stavrop. kraja. Stavropol': Stavropol Book House. 328 p. (In Russ.)
Karpenko, Iu.A. (1965) Problema variantov v toponimike [The problem of variants in toponymy] // Vsesoiuznaja konferencija po toponimike Sovetskogo Sojuza. L. Pp. 17–20. (In Russ.)
Matveev, A.K. (2001) Substratnaja toponimija Russkogo Severa. Ch. I [Substratum toponymy of the Russian North. Part I]. Ekaterinburg: Ural State University Rress. 346 p. (In Russ.)
Nikonov, V.A. (2011) Vvedenie v toponimiku [Introduction to toponymy]. 2nd ed. M.: LKI. 184 p. (In Russ.)
Rubtsova, Z.V. (1993) Var'irovanie i norma v belorusskoi i russkoi toponimii [Variation and norm in Belarusian and Russian toponymy] (Doctoral dissertation). Institute of linguistics, M. 88 p. (In Russ.)
Superanskaia, A.V. (1969) Struktura imeni sobstvennogo: (Fonologija i morfologija) [Proper name structure: (phonology and morphology)]. M.: Nauka. 207 p. (In Russ.)
Superanskaia, A.V. (1973) Obshchaja teorija imeni sobstvennogo [General theory of the proper name]. M.: Nauka. 366 p. (In Russ.)
Superanskaia, A.V. (1984) Chto takoe toponimika? [What is toponymy?] M.: Nauka. 182 p. (In Russ.)
Superanskaia, A.V. (2010) Slovar' narodnyh form russkih imen [Dictionary of folk forms of Russian names]. M.: LIBROKOM. 368 p. (In Russ.)
Teorija i metodika onomasticheskih issledovanij [Theory and methodology of onomastic research] (2007) / Ed. by A.P. Nepokupnyi. 2nd ed. M.: URSS. 254 p. (In Russ.)
Unbegaun, B.O (1989) Russkie familii [Russian Surnames]. M.: Progress. 443 p. (In Russ.)

Примечание

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258–9).

Дамбуев Игорь Александрович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
Адрес: 670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6
Эл. адрес: igor_dambuev@mail.ru

Для цитирования: *Дамбуев И.А.* Нормализация топонимов с варьированием безударных *a/o* [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 143–157. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-143-157

For citation: *Dambuev, I.A.* Standardization of toponyms with variation of unstressed *a/o* [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 143–157. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-143-157

УДК 81’373.21 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-158-193

МОСКОВСКАЯ ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ШКОЛА: БИБЛИОГРАФИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Андрей В. Барандеев
Топонимическая комиссия Московского городского отделения
Русского географического общества,
Российская Федерация

Библиография включает созданные в период со 2-й половины XX в. по настоящее время важнейшие работы представителей Московской топонимической школы (МТШ) и работы топонимического содержания столичных ученых разных специальностей. Прежде всего, в ней отражены труды основоположников отечественной топонимики: В.А. Никонова, Э.М. Мурзаева, Е.М. Поспелова, А.В. Суперанской – активных членов Топонимической комиссии Московского филиала Русского географического общества СССР (МФГО СССР, теперь Московское городское отделение Русского географического общества – МГО РГО). Наряду с указанием сборников по топонимике библиографически описаны извлеченные из них наиболее важные статьи. Исправлены встречающиеся в Интернете ошибки в библиографическом описании источников. Библиография адресована ономатологам, топонимистам, историкам, географам, аспирантам, докторантам, преподавателям школ и вузов.

Ключевые слова: *Московская топонимическая школа, ономастика, оним, топонимика, селенонимика, топонимия, топоним, микротопонимия, микротопоним, эпоним, апеллятив, местный географический термин, гидронимия, гидроним, ойконимия, ойконим, орография, урбанонимия, урбаноним, катойконимия, катойконим, этнотопонимия, этнотопоним, номинация, орфография топонимов, стандартизация топонимов, этимология, топонимические словари, неймингговая экспертиза*

MOSCOW TOPONYMIC SCHOOL: RESEARCH BIBLIOGRAPHY

Andrey V. Barandeev
Toponymic commission of the Moscow city branch
of the Russian geographical society
Russian Federation

The bibliography includes the most important works, published by the representatives of the Moscow toponymic school (MTS) in the 2nd half of the 20th century to the present day, as well as works of toponymic content created by metropolitan scientists of various specialties. First, it reflects the works of the founders of the Russian toponymy, V.A. Nikonov, E.M. Murzaev, E.M. Pospelov and A.V. Superanskaya, the active members of the Toponymic Commission of the Moscow Branch of the Russian Geographical Society of the USSR (MBGS USSR, now the Moscow City Branch of the Russian Geographical Society – MCB RGS). It not only lists the toponymic collected works but also includes the annotated bibliography of the most important articles. This work corrects errors in the bibliography of sources found on the Internet. The target audience of this bibliography is

onomatologists, toponymists, historians, geographers, graduate students, doctoral candidates, school and university teachers.

Keywords: Moscow toponymic school, onomastics, onym, toponymy, selenonymy, toponymy, toponym, microtoponymy, microtoponym, eponym, appellative, local geographical term, hydronymy, hydronym, oikonymy, oikonym, orography, urbanonymy, urbanonym, demonymy (katoykonymy), demonym (katoykonym), ethnotoponymy, ethnotoponym, nomination, orthography of toponyms, standardisation of toponyms, etymology, toponymic dictionaries, naming expertise

Формирование Московской топонимической школы (МТШ) непосредственно связано с организацией Топонимической комиссии МФГО СССР 13 марта 1959 г. на заседании Отделения истории географических знаний и исторической географии МФГО СССР. Первым председателем комиссии был избран В.А. Никонов, а его заместителем – Е.М. Поспелов (с 1964 г. по 2004 г. – председатель). В первый состав бюро комиссии входили О.Р. Назаревский, А.В. Суперанская, ученые секретари Г.П. Бондарук и Н.В. Подольская. Впоследствии в состав бюро избирались Р.А. Агеева, В.Д. Беленькая, А.А. Минкин, Г.П. Смолицкая и А.В. Суперанская. Фундаментальные основы МТШ были заложены благодаря трудам ее основоположников: Э.М. Мурзаева, В.А. Никонова, Е.М. Поспелова, А.В. Суперанской.

Разработке теоретических и методологических основ топонимики посвящены работы Э.М. Мурзаева, В.А. Никонова, Н.В. Подольской, Е.М. Поспелова, А.А. Реформатского, А.В. Суперанской, В.Н. Топорова.

Метод изучения географических терминов (апеллятивов) как основы формирования топонимии освещен в исследованиях Р.А. Агеевой, Г.П. Бондарук, Э.М. Мурзаева, С.А. Мызникова, Н.В. Подольской, Е.М. Поспелова, Г.П. Смолицкой, Н.И. Толстого, А.В. Барандеева.

Использование формантного и структурно-словообразовательного методов в топонимических исследованиях обосновано в трудах М.В. Ахметовой, Г.П. Бондарук, М.Н. Морозовой, В.А. Никонова, Н.В. Подольской, Б.А. Серебренникова, М.А. Цеханович.

Применение наиболее актуального в топонимике этимологического метода отражено в работах Л.А. Гиндина, И.Г. Добродомова, А.И. Солопова, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачёва, А.К. Шапошникова, А.Л. Шилова, А.В. Барандеева.

Результативность использования картографического метода в топонимике убедительно доказана в исследованиях В.Д. Беленькой, А.А. Герцена, Ю.Ю. Гордовой, В.С. Кусова, Е.Б. Мельниковой, Е.М. Поспелова, А.В. Постникова, Г.П. Смолицкой, А.В. Барандеева.

Проблемы топонимического источниковедения рассмотрены в работах Г.П. Бондарук, Н.В. Подольской, Г.П. Смолицкой, А.В. Суперанской, А.В. Барандеева.

Значение исследования гидронимии при реконструкции древних археологических культур раскрыто в работах В.В. Седова.

Названия объектов городской инфраструктуры (урбанонимы) проанализированы в трудах Г.П. Бондарук, М.В. Горбаневского, Т.П. Соколовой, А.В. Суперанской.

Проблемы изучения микротопонимии получили отражение в исследованиях В.Д. Беленькой, Г.П. Бондарук, Л.И. Маршевой, Н.В. Подольской, З.В. Рубцовой.

Представители МТШ известны своими работами в области топонимической лексикографии: Г.В. Агапова, Р.А. Агеева, Ф.Л. Агеенко, М.В. Ахметова, Г.П. Бондарук, И.П. Литвин, Э.М. Мурзаев, В.А. Никонов, Е.М. Поспелов, Г.П. Смолицкая, Т.П. Соколова, В.Э. Сталтмане, А.В. Суперанская, Т.А. Хренова, А.Л. Шилов, А.В. Барандеев.

Современные нерешенные проблемы орфографии топонимов рассмотрены в изысканиях Е.В. Арутюновой, М.В. Ахметовой, Е.В. Бешенковой, Г.П. Бондарук, Б.З. Букчиной, О.Е. Ивановой, А.М. Комкова, Н.В. Николенковой, Д.Э. Розенталя, З.В. Рубцовой, А.В. Суперанской, А.В. Барандеева.

Вопросам практической транскрипции и стандартизации топонимов посвящены работы А.П. Афанасьева, В.М. Богинского, Р.С. Гиляревского, Г.И. Донидзе, Д.И. Ермоловича, А.М. Комкова, И.П. Литвин, А.З. Скрипниченко, Б.А. Старостина, А.В. Суперанской.

Проблемы обоснованных и необоснованных переименований географических объектов проанализированы в исследованиях Г.П. Бондарук, С.И. Ворошилина, Г.И. Донидзе, Е.М. Поспелова, А.В. Барандеева.

Терминологический аппарат топонимики (ономастики) рассмотрен в работах Н.В. Васильевой, Н.В. Подольской, А.В. Суперанской, Н.И. Толстого, А.В. Барандеева.

Вопросам каталогизации топонимов посвящены исследования В.М. Богинского, Ю.Ю. Гордовой, Г.И. Донидзе, В.Е. Жуковского, Г.П. Смолицкой.

Проблемы топонимии зарубежных стран проанализированы в трудах Р.А. Агеевой, В.В. Алпатова, В.Д. Беленькой, М.В. Горбаневского, Т.Н. Джаксон, И.П. Литвин, Е.Л. Любимовой, Е.М. Поспелова.

Различные аспекты номинации объектов поверхности Луны рассмотрены в исследованиях Г.П. Бондарук, А.М. Комкова, А.В. Барандеева.

Новым актуальным направлением топонимических исследований является неймингова экспертиза, содержание которой раскрыто в работах Т.П. Соколовой.

Популяризации топонимических знаний и демонстрации важной роли топонимики в жизни современного социума посвящены исследования Р.А. Агеевой, Бобровой Т.А.,

М.В. Горбаневского, Ю.Ю. Гордовой, Э.М. Мурзаева, В.А. Никонова, Е.М. Поспелова, Г.П. Смолицкой, А.В. Суперанской, Н.М. Шанского.

Литература

Абаев В.И. (1969) Персидский топоним *Xūnsār* // Топонимика Востока: Исследования и материалы. М.: Наука. С. 125−128.

Абаев В.И. (1985) Parerga 1. «Синее вино» в «Слове о полку Игореве»; Русский гидро-, топоним *Орша* // Вопросы языкознания. № 6. С. 40−42.

Абаев В.И. (1959) Из истории слов: Древнерусское *кърчий* “кузнец” и топоним *Керчь* // Вопросы языкознания. № 1. С. 96−99.

Абдрахманов Р.З., Богинский В.М., Морозова М.Н. (2012) 10-я Конференция Организации Объединенных наций по стандартизации географических названий и 27-я сессия Группы экспертов ООН по географическим названиям // Геодезия и картография. № 11. С. 2−13.

Агапова Г.В. (2009) Основные черты географических названий рельефа дна Мирового океана // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука. С. 103−124.

Агапова Г.В., Виноградова Н.В., Кашникова И.П. (1993) Словарь географических названий форм подводного рельефа. М.: ГИН РАН. 311 с.

Агеева Р.А. (1969) Топонимия португальского происхождения в Анголе и Мозамбике // Топонимика Востока: Исследования и материалы. М.: Наука. С. 223−228.

Агеева Р.А. (1974) Географические апеллятивы в гидронимах западной части Калининской области и прилегающих районов Северо-Запада РСФСР // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль. С. 195−204.

Агеева Р.А. (1974) Субстратная гидронимия западной части Калининской области: (В границах исторической Деревской пятины) // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль. С. 104−111.

Агеева Р.А. (1978) [Рецензия] // Вопросы языкознания. № 1. С. 156−158. Рец. на: Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 г. М.: ИНИОН АН СССР, 1976. 206 с.

Агеева Р.А. (1979) Топонимия как источник изучения истории заселения края // Вопросы географии. Сб. 110. Топонимика на службе географии. М.: Мысль. С. 71−77.

Агеева Р.А. (1981) Проблемы межрегионального исследования топонимии балтийского происхождения на восточнославянской территории // Балто-славянские исследования. 1980. М.: Наука. С. 140−150.

Агеева Р.А. (1981) Топонимика в зарубежных славянских странах // Топонимика зарубежных стран. М.: МФГО СССР. С. 90−106.

Агеева Р.А. (1985) Гидронимия Москвы // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 60−73.

Агеева Р.А. (1987) Проблема топонимического субстрата // Этническая топонимика. М.: МФГО СССР. С. 14−22.

Агеева Р.А. (1990) Страны и народы : Происхождение названий. М.: Наука. 256 с.

Агеева Р.А. (1991) [Рецензия] // Вопросы языкознания. № 5. С. 136−139. Рец. на: Сталтмане В.Э. Ономастическая лексикография. М.: Наука, 1989. 116 с.

Агеева Р.А. (1993) Системы номинации в региональной микрооронимии // Топонимия России. М.: МЦ РГО. С. 9−28.

Агеева Р.А. (2009) Топонимические работы В.Н. Топорова. I // Балто-славянские исследования. М.: Языки славянских культур. Т. 18. С. 235−249.

Агеева Р.А. (2009) Топонимические труды Е.М. Поспелова // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука. С. 34−39.

Агеева Р.А. (2012) Как появились названия рек и озер: Популярная гидронимика. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 288 с.

Агеева Р.А. (2012) Отклик на статью Р.Ю. Намитоковой «Склонять или не склонять – вот в чем вопрос» // Вопросы ономастики. № 1 (12). С. 112−115.

Агеева Р.А. (2021) Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД. 254 с.

Агеева Р.А., Микляев А.М. (1979) Топонимы с *-ля, -ль* на Северо-Западе СССР и проблема восточнославянского расселения // Проблемы восточнославянской топонимии. М.: МФГО СССР. С. 30−54.

Агеева Р.А., Поспелов Е.М. (1979) Задачи изучения восточнославянской топонимии // Проблемы восточнославянской топонимии. М.: МФГО СССР. С. 3−5.

Агеева Р.А., Шилов А.Л. (2005) Нахабино // Русская речь. № 2. С. 104−111.

Агеенко Ф.Л. (1983) Ударения в названиях улиц Москвы и в географических названиях Московской области: Словарь-справочник. 2-е изд. М.: Гл. ред. писем и социол. исслед. Госкомитета по телевидению и радиовещанию. 110 с.

Агеенко Ф.Л. (1985) О произношении названий московских улиц // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 173−179.

Агеенко Ф.Л. (1988) Об ударении в названиях московских улиц // Русская речь. № 5. С. 76−80.

Агеенко Ф.Л. (2010) Словарь собственных имен русского языка: Ударение. Произношение. Словоизменение. М.: Мир и Образование. 880 с.

Азарх Ю.С. (1970) Названия пахотных и сенокосных угодий в севернорусских говорах // Вопросы географии. Сб. 81. Местные географические термины. М.: Мысль. С. 78−85.

Алпатов В.В. (2008) Апеллятивы со значением ʻцерковьʼ в английской топонимии // Вопросы ономастики. № 1 (5). С. 18−35.

Алпатов В.В. (2009) Английские топонимы с христианскими ассоциациями // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы Междунар. научн. конф. Екатеринбург. 8−12 сент. 2009 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 9−10.

Алпатов В.В. (2009) Признак ʻпредназначениеʼ в церковных названиях полей средневековой Англии // Вопросы ономастики. № 7. С. 21−27.

Алпатов В.В. (2010) Английские метафорические топонимы с христианскими ассоциациями // Вопросы ономастики. № 2 (9). С. 86−94.

Алпатов В.В. (2013) Топонимические исследования в Великобритании (XX−XXI вв.) : История, основные направления развития // Вопросы ономастики. № 1 (14). С. 112−131.

Алпатов В.В. (2015) Топонимия с библейскими ассоциациями в Англии и других странах Западной Европы : Хронология и мотивация // Вопросы ономастики. № 1 (18). С. 17−46.

Аниканова Т.А., Беленькая В.Д. (1981) Географические термины в топонимии Канады // Топонимика зарубежных стран. М.: МФГО СССР. С. 18−30.

Арутюнова Е.В., Бешенкова Е.В., Иванова О.Е. (2020) Прописные и строчные буквы в географических и административно-территориальных названиях : Академические правила русской орфографии // Вопросы ономастики. Т. 17. № 2. С. 256−277.

Арутюнова Е.В., Бешенкова Е.В., Иванова О.Е. (2021) Лингвистические основы современного написания топонимов : (К теории орфографического правила) // Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. Т. 80. № 1. С. 21−41.

Архипов А.А. (1984) Об одном древнем названии Киева // Вопросы русского языкознания. Вып. 5. История русского языка в древнейший период. М.: Изд-во МГУ. С. 224−240.

Афанасьев А.П. (1976) «Волоковая» лексика на водных путях Поволжья и Европейского Севера // Топонимика и историческая география. М.: МФГО СССР. С. 21−26.

Афанасьев А.П. (1979) Исторические, географические и топонимические аспекты изучения древних водно-волоковых путей // Вопросы географии. Сб. 110. Топонимика на службе географии. М.: Мысль. С. 56−63.

Афанасьев А.П. (1979) Формирование русской ойконимии в бассейне Мезени // Проблемы восточнославянской топонимии. М.: МФГО СССР. С. 54−69.

Афанасьев А.П. (1985) Финно-угорская гипотеза топонима *Москва* // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 90−100.

Афанасьев А.П. (1987) Пермь, саран и одо (воть, ветьке, вяда, вятичи) // Этническая топонимика. М.: МФГО СССР. С. 104−115.

Афанасьев А.П. (1989) Стандартизация географических названий СССР // Топонимия и общество. М.: МФГО СССР. С. 67−73.

Афанасьев А.П. (1990) Проблемы написания и передачи географических названий народов СССР // Топонимика СССР. М.: МФГО СССР. С. 74−80.

Афанасьев А.П. (1993) Русские топонимы в системе географических названий Республики Коми // Топонимия России. М.: МФГО СССР. С. 93−100.

Ахметова М.В. (2012) Топонимическая лексика : Региональная норма и данные словарей // Вопросы культуры речи. Вып. 11. М.: Языки славянской культуры. С. 289−295.

Ахметова М.В. (2013) Еще раз о суффиксе *-чане* : (История одной полемики) // Русский язык в научной освещении. № 2 (26). С. 65−90.

Ахметова М.В. (2013) Прецедентные онимы в неофициальной ойконимии // Вопросы ономастики. № 1 (14). С. 41−57.

Ахметова М.В. (2014) Названия детей по месту жительства в современном русском языке: (По электронным источникам) // Вопросы ономастики. № 2 (17). С. 120−128.

Ахметова М.В. (2015) От А-Аты до Ярска : Словарь неофициальных названий населенных пунктов. М.: ФОРУМ. 496 с.

Ахметова М.В. (2017) «Маргинальные» катойконимы : От окказионального к систематическому // Вопросы ономастики. Т. 13. № 1. С. 110−131.

Ахметова М.В. (2017) Орфографическая вариативность катойконимов в XX−XXI вв. : *миас*(*с*)*цы*, *старорус*(*с*)*цы* и др. // Ономастика Поволжья : Материалы XVI Междунар. науч. конф., Ульяновск. 20−23 сент. 2017 г. Т. 1. Ульяновск: Ульяновский гос. пед. ун-т им. И.Н. Ульянова. С. 16−23.

Ахметова М.В. (2019) Катойконимы в советской газетной периодике 1918−1960-х годов // Ономастика Поволжья: Материалы XVII Междунар. науч. конф. Великий Новгород. 17−20 сент. 2019 г. Великий Новгород: Печатный двор. С. 413−418.

Ахметова М.В. (2020) Названия жителей городов в советской риторике: От маргиналии к мейнстриму // Русский язык в научном освещении. № 1 (39). С. 88−108.

Ахметова М.В. (2021) «Город с двумя названиями» : Исторический ойконим в современном контексте (случай *Покровска* / *Энгельса*) // Вопросы ономастики. Т. 18. № 1. С. 159−176.

Ахметова М.В., *Кулешов Е.В.* (2009) Способы образования неофициальных названий городов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : Материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург. 8−12 сент. 2009 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 17−18.

Барандеев А.В. (1970) «Книга Большому Чертежу» // Русская речь. № 5. С. 99−102.

Барандеев А.В. (1973) «Книга Большому Чертежу» как источник топонимического исследования // Известия АН СССР. Серия географическая. № 5. С. 136−143.

Барандеев А.В. (1974) К вопросу о передаче топонимов в «Книге Большому Чертежу» // Реферативный сборник. Картографическая серия. М.: ОНТИ ЦНИИГАиК. Вып. 31. С. 49−54.

Барандеев А.В. (1975) Неупорядоченное написание // Русская речь. № 1. С. 66−70. [Правописание топонимов с первой частью *Ново-*].

Барандеев А.В. (1975) О названиях объектов лунной поверхности // Геодезия и картография. № 7. С. 59−63.

Барандеев А.В. (1977) «Книге Большому Чертежу» 350 лет // Русская речь. № 6. С. 89−97.
Барандеев А.В. (1977) Новые названия на карте СССР // Русская речь. № 5. С. 102−106.
Барандеев А.В. (1978) О правописании названий типа *Москва-Товарная* // Русская речь. № 2. С. 142−144.
Барандеев А.В. (1979) Братск // Русская речь. № 1. С. 112−114.
Барандеев А.В. (1979) О традиционной форме географических названий // Русская речь. № 6. С. 86−89.
Барандеев А.В. (1981) Ильмень и лиман // Русская речь. № 6. С. 95−99.
Барандеев А.В. (1982) [Рецензия] // Русский язык в школе. № 3. С. 106−108. Рец. на: Прохоров В.А. Липецкая топонимия. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 1981. 160 с.
Барандеев А.В. (1982) Имя на карте Луны // Русская речь. № 5. С. 135−139.
Барандеев А.В. (1982) Проблемы исторического изучения русской гидрографической терминологии // Филологические науки. № 1. С. 74−79.
Барандеев А.В. (1983) [Рецензия] // Русский язык в школе. № 5. С. 99−101. Рец. на: Шувалов Н.И. От Парижа до Берлина по карте Челябинской области: Топонимический словарь. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1982. 128 с.
Барандеев А.В. (1983) Нерешенные проблемы орфографии топонимов // Русский зык в школе. № 6. С. 80—86.
Барандеев А.В. (1984) [Рецензия] // Русская речь. С. 123−124. Рец. на: Барашков В.Ф. Знакомые с детства названия. – М.: Просвещение, 1982. 112 с.
Барандеев А.В. (1984) [Рецензия] // Русский язык в школе. № 2. С. 115−116. Рец. на: Кривощёкова-Гантман А.С. Географические названия Верхнего Прикамья : (С кратким топонимическим словарем). 2-е изд. Пермь: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
Барандеев А.В. (1985) [Рецензия] // Русский язык в школе. № 6. С. 117−120. Рец. на: Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 654 с.
Барандеев А.В. (1987) Гидрографические термины тюркского происхождения в «Книге Большому Чертежу» // Советская тюркология. № 5. С. 76−85.
Барандеев А.В. (1988) Что такое *ерик*? // Русская речь. № 4. С. 101−133.
Барандеев А.В. (1989) [Рецензия] // Русский язык в школе. № 1. С. 102−104. Рец. на: Поспелов Е.М. Школьный топонимической словарь. М.: Просвещение, 1988. 224 с.
Барандеев А.В. (1989) Склонение однословных топонимов на *-а* (*-я*) // Русский язык в школе. № 5. С. 74−79.
Барандеев А.В. (1991) Русские космографии XVI−XVII веков // Русская речь. № 1. С. 103−109.
Барандеев А.В. (1991) Формирование русской географической терминологии и топонимии в процессе межэтнических контактов XVI−XVII вв. в южнорусском регионе // Топонимика и межнациональные отношения. М.: МФГО СССР. С. 76−84.
Барандеев А.В. (1993) Русские космографии XVI−XVII вв. в аспекте топонимического источниковедения // Топонимия России. М.: МЦ РГО. С. 119−132.
Барандеев А.В. (1993) Украинизм ли термин *гирло*? // Collegium. № 2. С. 39−45.
Барандеев А.В. (1996) Ложная дублетность в терминологии: *топонимика* и *топонимия* // Русская словесность. № 5. С. 9−11.
Барандеев А.В. (1998) «Книга Большому Чертежу» : (К 370-летию памятника) // Вопросы языкознания. № 3. С. 159−164.
Барандеев А.В. (2000) Терминоведческая проблематика в трудах Э.М. Мурзаева // Вопросы языкознания. № 1. С. 141−146.
Барандеев А.В. (2003) Русские космографии XVI−XVII вв. : Библиография // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (13). С. 105−111.
Барандеев А.В. (2005) История с географией в терминах. М.: Логос. 248 с.
Барандеев А.В. (2009) О пользе новой редакции Правил русского правописания для орфографии топонимов // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука. С. 207−214.

Барандеев А.В. (2009) Этноним *берендеи* в русском ономастическом пространстве // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука. С. 125−146.

Барандеев А.В. (2010) Нужно ли переименовывать географические объекты? // Русский язык в школе. № 6. С. 89−95.

Барандеев А.В. (2014) Народная этимология в русской топонимии // Русский язык в школе. № 5. С. 90−97.

Барандеев А.В. (2014) Народная этимология в топонимии Подмосковья // Русский язык в школе. № 6. С. 88−92.

Барандеев А.В. (2015) Культура топонимического исследования и лженаучная этимология // Русский язык в школе. № 6. С. 75−80.

Барандеев А.В. (2017) История географических названий : Русская топонимия в терминах. 4-е изд. М.: ЛЕНАНД. 320 с.

Барандеев А.В. (2018) История топонима (с краеведческим экскурсом) и степень надежности этимологий в топонимических словарях // Вопросы географии. Сб. 146. Актуальные проблемы топонимики. М.: Кодекс. С. 15−26.

Барандеев А.В. (2018) Краткий этимологический топонимический словарь: Избранные топонимы. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД. 240 с.

Барандеев А.В. (2018) Статус топонимов-советизмов в системе русской топонимии // Вопросы географии. Сб. 146. Актуальные проблемы топонимики. М.: Кодекс. С. 97−105.

Барандеев А.В. (2019) Актуальные проблемы орфографии топонимов // Русский язык в школе. Т. 80. № 6. С. 85−90.

Барандеев А.В. (2019) Этимологии «необычных» топонимов // Русский язык в школе. Т. 80. № 2. С. 92−96.

Барандеев А.В. (2020) Топонимическое наследие академика О.Н. Трубачёва : (К 90-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. Т. 81. № 5. С. 92−99.

Барандеев А.В. (2020) Топонимы-дублетым: Причины появления и специфика лексикографического описания // Русский язык в школе. Т. 81. № 3. С. 83−88.

Барандеев А.В. (2020) Ущербная энциклопедия // Учительская газета. № 6 (10815). 11.02.20. Рец. на: Русский язык: Энциклопедия. 3-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. [Содержание статьи *Топонимия, топонимикон*].

Барандеев А.В. (2021) Орфографический словарь географических названий. М.: ЛЕНАНД, 256 с.

Барандеев А.В. (2021) *Хорошёво-Мнёвники* или *Хорошово-Мневники*? // Русский язык в школе. Т. 82. № 4. С. 93−97.

Барандеев А.В. (2021) Этимология и орфография топонимов с основой *Гуляй-* // Русский язык в школе. Т. 82. № 5. С. 88−93.

Барандеев А.В. (2022) Специфика отражения некорректного статуса географических объектов в орфографии топонимов // Русский язык в школе. Т. 83. № 4. С. 92−97.

Барандеев А.В. (2023) Проблемы употребления кавычек при написании топонимов и оттопонимных онимов // Русский язык в школе. Т. 84. № 4. С. 92−97.

Барандеев А.В. (2023) Топонимическое наследие академика Н.И. Толстого: (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. Т. 84. № 2. С. 88−93.

Барандеев А.В. Лингвистическая и картографическая атрибуция топонимов *Московия* и *Тартария* // Вопросы ономастики. 2011. № 1. С. 21−35.

Барандеев А.В., Добродомов И.Г. (1987) [Рецензия] // Русский язык в школе. № 4. С. 108−109. Рец. на: Прохоров В.А. Надпись на карте. Географические названия Центрального Черноземья. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 1977. 192 с.

Басилов В.Н.(1971) О названии озера Светлояр // Ономастика Поволжья: Материалы II Поволжской конф. по ономастике. Горький: [Б. и.]. С. 269−272.

Баскаков Н.А. (1969) Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая // Топонимика Востока : Исследования и материалы. М.: Наука. С. 64−71.

Беленькая В.Д. (1967) Некоторые вопросы микротопонимии англоязычных стран // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ. С. 98−104.

Беленькая В.Д. (1969) Топонимы в составе лексической системы языка. М.: Изд-во МГУ. 166 с.

Беленькая В.Д. (1972) Современные тенденции в наименовании населенных пунктов // Топонимия Центра : Тезисы докл. М.: МФГО СССР. С. 23−24.

Беленькая В.Д. (1974) Современные тенденции в наименовании населенных пунктов: (К вопросу о методе синхронии в топонимике) // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль. С. 130−137.

Беленькая В.Д. (1976) О топонимии форта Росс // Топонимика и историческая география. М.: МФГО СССР. С. 30−32.

Беленькая В.Д. (1977) Очерки англоязычной топонимики : Уч. пособие. М.: Высшая школа. 227 с.

Беленькая В.Д. (1980) Старые географические карты как топонимический источник // Использование старых карт в географических и исторических исследованиях. М.: МФГО СССР. С. 98−112.

Беленькая В.Д. Некоторые лингвистические категории топонимики // Оронимика. М.: МФГО СССР, 1969. С. 12−15.

Беленькая В.Д., *Суперанская А.В.* (1967) Современное состояние ономастики как науки // Вопросы языкознания. № 4. С. 75−90.

Беликов В.И. (2009) Статистический анализ неофициальной топонимии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : Материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург. 8−12 сент. 2009 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 25−28.

Бешенкова Е.В., *Иванова О.Е.* (2019) К типологии орфографических правил : История формирования и статус правила о написании слов на *-инск*(*ий*) / *-енск*(*ий*) // Русский язык в научном освещении. № 2 (38). С. 25−41.

Библиография А.Л. Шилова (2010) // Вопросы ономастики. № 1(8). С. 143−148.

Благова Г.Ф.(1971). В.В. Радлов и изучение тюркской топонимии в аспекте современных топонимических проблем // Тюркологический сборник. 1971. М.: Наука. С. 102−131.

Блау М.Г. (2010) Судьба эпонимов : 300 историй происхождения названий : Словарь-справочник. М.: ЭНАС. 272 с. [Происхождение топонимов *Аделаида*, *Америка*, *Баренцево море*, *Боливия*, *Ванкувер*, *Гурьев*, *Дарвин*, *Колумбия*, *Лихтенштейн*, *Сидней* и др.]

Богатова Г.А. (1970) Золотая орда // Русская речь. № 1. С. 70−77.

Богинский В.М. (1995) О деятельности Группы экспертов ООН по географическим названиям // Геодезия и картография. № 1. С. 41−45.

Богинский В.М. (1995) О создании в России Государственного каталога географических названий // Геодезия и картография. № 4. С. 43−46.

Богинский В.М. (1997) Международные курсы по топонимике: 2-е заседание Балтийского отдела Группы экспертов ООН по географическим названиям // Геодезия и картография. № 8. С. 54−55.

Богинский В.М. (1997) Проблемы стандартизации географических названий : (На 18-й сессии Группы экспертов ООН) // Геодезия и картография. № 4. С. 34−38.

Богинский В.М. (1998) На 7-й конференции ООН по стандартизации географических названий и 19-й сессии Группы экспертов ООН // Геодезия и картография. № 5. С. 40−43.

Богинский В.М. (2000) О работе 20-й сессии Группы экспертов ООН по географическим названиям // Геодезия и картография. № 6. С. 39−41.

Богинский В.М., *Донидзе Г.И.*, *Кардычкин В.В.* (1998) Создание Государственного каталога географических названий России – одна из первоочередных задач ЦНИИГАиК // Геодезия и картография. № 9. С. 46−52.

Богинский В.М., Донидзе Г.И., Кардычкин В.В., Катаев В.И. (2008) Государственный каталог географических названий России // Геодезия и картография. № 9. С. 28–34.

Богинский В.М., Литвин И.П. (1995) О действующих правилах транслитерации букв кирилловского алфавита буквами латинского алфавита // Геодезия и картография. № 10. С. 36–41.

Богинский В.М., Нефёдова Е.А., Судаков А.С. (1995) Заседание Отдела Восточная Европа, Северная и Средняя Азия Группы экспертов ООН по стандартизации географических названий // Геодезия и картография. № 2. С. 52–54.

Богинский В.М., Шестаков С.Н., Морозова М.Н. (2011) 26-я сессия Группы экспертов ООН по географическим названиям // Геодезия и картография. № 6. С. 2–7.

Бойко К.Т. (1969) Гидрографические термины Камбоджи // Топонимика Востока : Исследования и материалы. М.: Наука. С. 205–207.

Большой словарь географических названий (2003) / Под ред. В.М. Котлякова. Екатеринбург: У-Фактория. 832 с.

Бондарук Г.П. (1966) Местные географические термины в топонимии Ярославской области // Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. М.: Мысль, С. 166–168.

Бондарук Г.П. (1969) Термины положительных форм рельефа в русской оронимии // Оронимика. М: МФГО СССР. С. 26–27.

Бондарук Г.П. (1972) Местные географические термины, формирующие русскую топонимию Центра // Топонимия Центра : Тезисы докл. М.: МФГО СССР. С. 29–30.

Бондарук Г.П. (1974) Русские местные географические термины в топонимии Центра // Вопросы географии. Сб.94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль. С. 185–194.

Бондарук Г.П. (1975) Ландшафтная микротопонимия центральных областей РСФСР // Теория и практика топонимических исследований. М.: МФГО СССР. С. 48–52.

Бондарук Г.П. (1975) Прикладная селенонимика // Теория и практика топонимических исследований. М.: МФГО СССР. С. 37–40.

Бондарук Г.П. (1976) Варианты топонимов центральных областей РСФСР // Топонимика и историческая география. М.: МФГО СССР. С. 50–53.

Бондарук Г.П. (1979) «Новый и полный географический словарь Российского государства» 1788–1789 гг. как источник названий для исторической картографии // Вопросы географии. Сб. 110. Топонимика на службе географии. М.: Мысль. С. 178–183.

Бондарук Г.П. (1979) Ландшафтная микротопонимия и ойконимия : (К проблеме номинации географических объектов центральных областей РСФСР) // Проблемы восточнославянской топонимии. М.: МФГО СССР. С. 149–151.

Бондарук Г.П. (1981) О практике переименования населенных пунктов РСФСР // Сборник научных трудов ЦНИИГАиК. Вып. 230. Прикладная топонимика. М.: ЦНИИГАиК. С. 5–13.

Бондарук Г.П. (1986) Кузнецкий Мост или мост? // Русская речь. № 4. С. 149–152.

Бондарук Г.П. (1990) Новые названия на территории СССР // Топонимика СССР. М.: МФГО СССР. С. 81–86.

Бондарук Г.П. 1985) Названия улиц Москвы : (Их официальное употребление и написание) // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 170–173.

Бондарук Г.П. Местные географические термины и диалектология // Вопросы географии. Сб. 81. Местные географические термины. М.: Мысль, 1970. С. 128–130.

Бондарук Г.П., Комков А.М. (1974) Об упорядочении правописания географических названий // Нерешенные вопросы русского правописания. М.: Наука. С. 47–56.

Борунова С.Н. (1995) Вытебляне, вытебчане, витебцы // Русская речь. № 6. С. 66.

Бугаева И.В. (2017) Красная площадь в городском пространстве и русской ментальности // Ономастика Поволжья : Материалы XVI Междунар. науч. конф. Ульяновск. 20–23 сент. 2017 г. Т. 1. Ульяновск: ФГБОУ ВО УлГПУ им. И.Н. Ульянова. С. 17–23.

Бугаева И.В. (2018) Прецедентный топоним как политический символ // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 9. № 1. С. 124−135.

Букчина Б.З. (1995) О написании группы сложных прилагательных с первыми частями *восточно-, западно-, южно-, северно-* // Русская речь. № 5. С. 50−55.

Бушмакин С.К. (1969) Воршудные имена и удмуртская топонимия // Ономастика Поволжья : Материалы I Поволжской конференции по ономастике. Ульяновск: [Б. и]. С. 166−176.

Бушмакин С.К. (1969) Финно-угорские орографические термины // Оронимика. М.: МФГО СССР. С. 58−61.

Бушмакин С.К. (1971) Параллельно бытующие названия удмуртских населенных пунктов // Ономастика Поволжья : Материалы II Поволжской конференции по ономастике. Горький: [Б. и.]. С. 220−224.

Бушмакин С.К. (1987) Терминологическая детализация объектов на территории Коми АССР // Формирование и развитие топонимии. Свердловск: УрГУ. С. 110−118.

Бушмакин С.К. (1987) Этнонимы в топонимии Удмуртии // Этническая топонимика. М.: МФГО СССР. С. 116−124.

Бушмакин С.К. (1989) Топонимы советского периода на территории Удмуртии // Топонимия и общество. М.: МФГО СССР. С. 62−66.

Варбот Ж.Ж. (2009) О возможности альтернативного истолкования одного гидронимического гнезда // Балто-славянские исследования. Т. 18. М.: Языки славянских культур. С. 250−253.

Васильева Н.В. (2001) О термине и понятии «древнеевропейские гидронимы» // Ономастика Поволжья : Материалы VIII Конф. по ономастике Поволжья. Волгоград. 8−11 сент. 1998 г. М.: ИЭА РАН. С. 106−112.

Веселовский С.Б. (1945) Топонимика на службе у истории // Ист. записки. Вып. 17. М.: Изд-во АН СССР. С. 24−52.

Витов М.В. (1967) Севернорусская топонимия XV−XVIII вв. : (К постановке топонимического источниковедения) // Вопросы языкознания. № 4. С. 75−90.

Власова И.В. (1969) Топонимия междуречья Северной Двины и Волги : (XVIII−XX вв.) // Ономастика Поволжья : Материалы I Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск: [Б. и.]. С. 144−151.

Власова И.В. (1971) Русские и субстратные основы топонимов междуречья Северной Двины и Волги (XVIII − нач. XX вв.) // Ономастика Поволжья : Материалы II Поволжской конф. по ономастике. Горький: [Б. и.]. С. 178−183.

Вопросы географии (1962) Сб. 58. Географические названия. М.: Географгиз. 184 с.

Вопросы географии (1966) Сб. 70. Изучение географических названий. М.: Мысль. 208 с.

Вопросы географии (1970) Сб. 81. Местные географические термины. М.: Мысль. 224 с.

Вопросы географии (1974) Сб. 94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль. 224 с.

Вопросы географии (1979) Сб. 110. Топонимика на службе географии. М.: Мысль. 208 с.

Вопросы географии (1985) Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. 224 с.

Вопросы географии (2009) Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука. 406 с.

Вопросы географии (2018) Сб. 146. Актуальные проблемы топонимики. М.: Кодекс. 312 с.

Вопросы топонимики СССР (1972) М.: МФГО СССР. 59 с.

Воронцова В.Л. (1988) Следующая станция *Се́рпухо́вска́я*? // Русская речь. № 3. С. 48−52.

Ворошилин С.И. (2015) Топонимические войны в мире – насильственная смена топонимов вследствие войн // Вопросы всеобщей истории. № 6 (55). С. 290−293.

Восточнославянская ономастика (1972) М.: Наука. 368 с.

Восточно-славянская ономастика : Исследования и материалы (1979) М.: Наука. 350 с.

Галкин Г.А., Нерознак В.П. Астрахань // Русская речь. 1991. № 4. С. 122−126.

Ганковский Ю.В. О происхождении названия *Пакистан* // Топонимика Востока. Исслед. и матлы. М.: Наука, 1969. С. 221−223.

Географический энциклопедический словарь : Географические названия. (2003) 3-е изд. М.: БРЭ. 904 с.

Герцен А.А. (2009) Названия административно-территориальных единиц Молдавии // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука. С. 215−231.

Герцен А.А. (2018) Историко-географический контекст перенесенных топонимов // Вопросы географии. Сб. 146. Актуальные проблемы топонимики. М.: Кодекс. С. 27−73.

Герцен А.А. (2019) Историко-географический контекст перенесенных топонимов // Герцен А.А., Нестерова Т.П., Паскарь Е.Г. и др. На перекрестке цивилизаций : Пространство, время, наследие: Новейшие историко-географические исследования некоторых памятников Северо-Западного Причерноморья. М.; СПб.: Нестор-История. С. 121−145.

Герцен А.А., Костовска С.К., Нестерова Т.П. (2021) Загадки Василькова на Днестре : История, география, топонимия, архитектура // ИнтерКарто. ИнтерГИС. Т. 27. № 4. С. 495−519.

Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. (1969) Иностранные имена и названия в русском тексте : Справочник. М.: ИМО (3-е изд. М.: Высшая школа, 1985. 303 с.).

Гиндин Л.А. (1965) Догреческо-малоазийские лексико-ономастические отношения // Этимология : Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М.: Наука. С. 211−228.

Гиндин Л.А. (1967) К методике выявления и стратификации лингво-этнических слоев на юге Балканского полуострова : (По данным древней топонимии) // Этимология : Материалы Междунар. симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». 24−31 янв. 1967 г. М.: Наука. С. 215−224.

Гиндин Л.А. (1969) Малоазийско-догреческое происхождение греческого топонима ’Αρίσβη // Топонимика Востока : Исследования и материалы. М.: Наука. С. 196−202.

Горбаневский М.В. (1979) Локальные миграции населения и их отражение в топонимии // Вопросы географии. Сб. 110. Топонимика на службе географии. М.: Мысль. С. 112−128.

Горбаневский М.В. (1979) Об основном принципе номинации в ойконимии Московской области // Проблемы восточнославянской топонимии. М.: МФГО СССР. С. 137−148.

Горбаневский М.В. (1979) Опыт составления топонимического словаря Московской области // Проблемы восточнославянской топонимии. М.: МФГО СССР. С. 88−111.

Горбаневский М.В. (1981) Из топонимии Колумбии // Топонимика зарубежных стран. М.: МФГО СССР. С. 76−80.

Горбаневский М.В. (1985) Имена земли Московской. М.: Моск. рабочий. 158 с.

Горбаневский М.В. (1985) Основные тенденции развития топонимии Москвы в советский период // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 108−125.

Горбаневский М.В. (1987) «Мимо острова Буяна…» // Русская речь. № 6. С. 116−122.

Горбаневский М.В. (1989) Из опыта культурно-исторического анализа топонимии : Русские ойконимы и православие // Топонимия и общество. М.: МФГО СССР. С. 11−34.

Горбаневский М.В. (1991) Национальные образы в топонимии Москвы // Топонимика и межнациональные отношения. М.: МФГО СССР. С. 25−39.

Горбаневский М.В. (1992) В Москве, на Собачьей площадке // Русская речь. № 2. С. 96−101.

Горбаневский М.В. (1994) Васильевский спуск // Русская речь. № 2. С. 99−102.

Горбаневский М.В. (1996) Русская городская топонимия. М.: ОЛРС. 304 с.

Горбаневский М.В. (1996) Село Алексеевское // Русская речь. № 5. С. 90−95.

Горбаневский М.В. (1997) Пречистенка // Русская речь. № 6. С. 74−77.

Горбаневский М.В. (1997) Тёплый Стан // Русская речь. № 4. С. 98−101.

Горбаневский М.В. (1997) Тропарёво // Русская речь. № 5. С. 96−98.

Горбаневский М.В. (1997) Черёмушки, Ясенево // Русская речь. № 3. С. 83−87.

Горбаневский М.В. (1998) Петровские Ворота // Русская речь. № 6. С. 96−100.

Горбаневский М.В. (2007) Москва: кольца столетий : Из истории названий местностей и районов, улиц и переулков столицы. М.: Олимп; Астрель; АСТ. 448 с.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1980) Загорск и Радонеж // Русская речь. № 5. С. 116–124.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1980) Переславль-Залесский, что на Плещеевом озере // Русская речь. № 6. С. 78–87.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1980) Язык земли, язык России // Русская речь. № 4. С. 119–128.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1981) Иваново, Шуя, Палех // Русская речь. № 5. С. 122–126.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1981) Кострома – Плёс // Русская речь. № 4. С. 111–115.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1981) От Ярославля до Костромы // Русская речь. № 3. С. 108–110.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1981) Ростов Великий // Русская речь. № 1. С. 128–133.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1981) Суздаль // Русская речь. № 6. С. 87–90.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1981) Ярославль // Русская речь. № 2. С. 119–126.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1982) Владимир – Орехово-Зуево // Русская речь. № 4. С. 125–128.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1982) Владимир-на-Клязьме // Русская речь. № 1. С. 124–127.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1982) От Павловского Посада до Москвы // Русская речь. № 5. С. 101–105.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1982) Юрьев-Польский и Гусь-Хрустальный // Русская речь. № 3. С. 126–120.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1983) По городам и весям «Золотого кольца». М.: Мысль. 192 с.

Горбаневский М.В., *Дукельский В.Ю.* (1984) Господин Великий Новгород // Русская речь. № 2. С. 116–120; № 3. С. 124–129.

Гордова Ю.Ю. (2001) «Из земли Залеския в поле Половецкое…» : (Термин *поле* в топонимии Рязанской «украины») // Русская речь. № 5. С. 94–99.

Гордова Ю.Ю. (2002) Брусна и Каменка // Русская речь. № 4. С. 95–98.

Гордова Ю.Ю. (2010) Топонимия Рязанской области : (Список географических названий). Ч. I. Современная топонимия. Вып. I. Территория бассейна реки Прони. Рязань: Рязань. Мір. 72 с.

Гордова Ю.Ю. (2012) Древнерусские модели рязанских топонимов // Русская речь. № 1. С. 87–92.

Гордова Ю.Ю. (2012) Ономастическая картография // Вопросы ономастики. № 2 (13). С. 108–120.

Гордова Ю.Ю. (2014) Топонимическая стратиграфия Среднего (рязанского) Поочья: результаты совмещения ареалов субстратной топонимии с ареалами археологических культур // Вопросы ономастики. № 2 (17). С. 35–53.

Гордова Ю.Ю. (2015) Топонимический атлас Рязанской области. М.: Наука. 72 с.

Гордова Ю.Ю. (2017) Из топонимии России // Русская речь. № 1. С. 106–112.

Гордова Ю.Ю. (2019) Единая база «Топонимия России» как способ интеграции региональных знаний // Ономастика Поволжья : Материалы XVII Междунар. науч. конф. Великий Новгород. 17–20 сент. 2019 г. Великий Новгород: Печатный двор. С. 33–37.

Гордова Ю.Ю. (2020) Актуальные способы обработки и представления ономастических данных : 2009–2019. М.: ЛЕНАНД. 128 с.

Гордова Ю.Ю. (2020) Топонимия Тамбовской области как объект каталогизации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 13. № 12. С. 287–295.

Гордова Ю.Ю. (2021) Ономастическая реконструкция : Поэтапное воссоздание истории рязанской топонимии и антропонимии. М.: ЛЕНАНД. 484 с.

Гордова Ю.Ю. (2021) Топонимический атлас Тамбовской области : Картографируемые группы русских топонимов // Ономастика Поволжья : Материалы XIX Междунар. науч. конф. Оренбург. 11−12 ноября 2021 г. Оренбург: Оренбургская книга. С. 200−205.

Гордова Ю.Ю. (2022) Топонимические исследования и мультинаучные коллаборации: в поисках общего языка // Филология : Научные исследования. № 11. С. 32−40.

Гордова Ю.Ю., Герцен О.А., Герцен А.А., Костовска С.К. (2021) Применение картографических методов в топонимике : (История вопроса и современные исследования) // ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий. Материалы Междунар. конф. М.: Геофак МГУ. Т. 27. № 4. С. 520−537.

Гордова Ю.Ю., Костовска С.К., Барандеев А.В., Герцен О.А., Поляков В.Е., Чепалыга А.Л., Герцен А.А. (2022) Актуальные топонимические проблемы: (По материалам двух научных мероприятий 2021 г. в Симферополе и Москве) // Russian Journal of Earth Sciences. Т. 22. № 6. Pp. 1−7.

Гордова Ю.Ю., Мельник В.И., Гордов А.В. (2022) Каталог топонимов Тамбовской области. М.: URSS. 120 с.

Гордова Ю.Ю., Мельник В.И., Мудрак О.А., Коряков Ю.Б., Девяткина Е.М. (2022) Топонимический атлас Тамбовской области. М.: URSS, 2022. 208 с.

Гордова Ю.Ю., Мудрак О.А. (2023) Топонимические пласты междуречья Цны и Оки как свидетельство известных и неучтенных народов юго-востока Древней Руси // Известия РАН. Серия географическая. Т. 87. № 2. С. 295−303.

Горнунг Б.В. (1962) [Рецензия] // Вопросы языкознания. № 1. С. 126−132. Рец на: Georgiev Vl. La toponymie ancienne de la pénínsule balkanique et la thèse mèditerranéenne. Sofia, 1961. 61c. («Académie Bulgare des sciences. Linguistique balkanique», III, 1)

Города России : Энциклопедия (1994) М.: БРЭ. 559 с.

Горская М.В. (1994) Англо-русский и русско-английский словарь географических названий. 2-е изд. М.: Рус. яз. 272 с.

Грищенко А.И. (2013) [Рецензия] // Русский язык в научном освещении. № 2 (26). С. 300−312. Рец. на: Клосс Б.М. О происхождении названия «Россия». М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. (Studia historica. Series minor). 152 с.

Гусенков П.А. (2021) Еще раз о гидронимии «западнобалтийского» типа в средней полосе России // Вопросы ономастики. Т. 18. № 2. С. 67−87.

Данилова А.М. (1967) Названия улиц Москвы, образованные от личных имен // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ. С. 81−84.

Демьянов В.Г. (2000) К истории слова *Москва* // Русская речь. № 1. С. 64−68.

Дерягин В.Я. (1975) Севастополь, Симферополь, Тирасполь // Русская речь. № 3. С. 118−121.

Дерягина З.С.(1985) ВЕРХ и его производные в севернорусской гидрографической терминологии // Вопросы ономастики. Вып. 17. Топонимия Урала и севера Европейской части СССР. Свердловск: УрГУ. С. 54−64.

Джаксон Т.Н. (1984) О названии Руси Garðar // Scando-Slavica. Т. 30. S. 133−143.

Джаксон Т.Н. (1994) Альдейгьюборг : Археология и топонимика // Памятники средневековой культуры : Открытия и версии. СПб.: Арт-Контакт. С. 77−79.

Джаксон Т.Н. (2001) Austr í Görðum : Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры. 208 с.

Джаксон Т.Н. (2006) Новгород в древнескандинавской письменности // Вестник НовГУ. № 38. С. 33−36. [О топониме *Hólmgarðr*].

Джаксон Т.Н. (2007) Гидрография Восточной Европы в древнескандинавских источниках // Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река» : Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянской культуры ; Знак. С. 273−353.

Джаксон Т.Н., Молчанов А.А. (1990) Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXI. Л.: Наука. С. 226–238.

Добродомов И.Г. (1969) Как писать собственные имена? // Русская речь.. № 5. С. 60–62. [Орфография топонимов].

Добродомов И.Г. (1972) География апеллятива и топонимический ареал (*яндова*) // Топонимия Центра : Тезисы докл. М.: МФГО СССР. С. 20–21.

Добродомов И.Г. (1973) Происхождение названия *Астрахань* // Ономастика Поволжья : Материалы III Конф. по ономастике Поволжья. Уфа: [Б. и.]. С. 216–227.

Добродомов И.Г. (1973) Тьмуторокань и Тамань // Русская речь. № 5. С. 129–133.

Добродомов И.Г. (1974) География и этимология // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль. С. 159–165.

Добродомов И.Г. (1975) Булгарские следы на карте // Русская речь. № 6. С. 87–92.

Добродомов И.Г. (1976) Астрахань // Русская речь. № 3. С. 114–116.

Добродомов И.Г. (1982) О надiжности топонимических этимологий : (Гидроним *Оврад* на юге Украины) // Этимология : 1980. М.: Наука. С. 93–102.

Добродомов И.Г. (1982) Урал // Русская речь. № 3. С. 122–125.

Добродомов И.Г. (1986) Оскол // Русская речь. № 3. С. 123–128.

Добродомов И.Г. (1987) Ворскла : (Этимологический этюд) // Этническая топонимика. М.: МФГО. С. 78–86.

Добродомов И.Г. (1990) Казань (Этимологический этюд) // Топонимика СССР. М.: МФГО СССР, С. 45–53.

Добродомов И.Г. (1991) Арбат : (Этимологический этюд) // Топонимика и межнациональные отношения. М.: МФГО СССР. С. 95–108.

Добродомов И.Г. (1993) Город Коломна : (Топонимический этюд с источниковедческими экскурсами) // Топонимия России. М.: МЦ РГО. С. 55–73.

Добродомов И.Г. (1997) *Москва* // Русский язык в школе. № 4. С. 86–90.

Добродомов И.Г. (2002) *Потудань* // Русский язык в школе. № 3. С. 89–92.

Добродомов И.Г. (2004) Владимир Андреевич Никонов : (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. № 2. С. 89–93.

Добродомов И.Г. (2007) И еще раз к этимологии рус. *рáмень*(*е*) // Этимология : 2003–2005. М.: Наука. С. 51–73.

Добродомов И.Г. (2009) Топонимика и источниковедение : (*Казань* в хронологическом и этимологическом аспектах) // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука. С. 151–175.

Добродомов И.Г. (2014) К этимологии топонима *Саратов* // Русский язык в школе. № 7. С. 72–73.

Добродомов И.Г. (2015) *Тъмуторокань* в этимологическом аспекте // Избранные труды по этимологии и лексикологии. М.: МПГУ. С. 104–109.

Добродомов И.Г., Барандеев А.В. (1981) [Рецензия] // Русский язык в школе. № 4. С. 109–112. Рец. на: Матвеев А.К. Географические названия Урала : Краткий топонимический словарь. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1980. 320 с.

Добродомов И.Г., Котова В.Н. (1999) *Зарайск* // Русский язык в школе. № 3. С. 89–91.

Добродомов И.Г., Кучкин В.А. (1979) Этимология и старые географические объекты // Вопросы географии. Сб. 110. Топонимика на службе географии. М.: Мысль. С. 157–163.

Добродомов И.Г., Кучкин В.А. (1989) К этимологии топонима *Казань* // [Ономастика Поволжья] : Шестая конф. по ономастике, Волгоград, 26–28 сент. 1989 г. : Тезисы докл. и сообщ. Волгоград: [Б. и.]. С. 78–79.

Добродомов И.Г., Отин Е.С. (1985) Цимла // Русская речь. № 1. С. 116–120.

Донидзе Г.И. (1969) Оронимическая лексика тюркских языков Советского Союза // Оронимика. М.: МФГО СССР. С. 32–35.

Донидзе Г.И. (1971) О грамматической характеристике тюркских топонимов // Ономастика Поволжья : Материалы II Поволжской конф. по ономастике. Горький: [Б. и.], 1971. С. 122−126.

Донидзе Г.И. (1976) Важнейшие проблемы русской передачи нерусских топонимов Советского Союза в условиях общности алфавитов русского и других языков народов СССР // Топонимика и историческая география. М.: МФГО СССР. С. 33−39.

Донидзе Г.И. (1992) Возвращенные названия // Геодезия и картография. № 3. С. 48−49; № 6. С. 38; № 9−10. С. 45−47; № 11−12. С. 29−33.

Донидзе Г.И. (1993) Возвращенные названия // Геодезия и картография. № 4. С. 43; № 7. С. 42−43.

Донидзе Г.И. (1993) Стандартизация географических названий : Аннотированный указатель нормативных и методических изданий 1939−1990 гг. М.: ЦНИИГАиК. 79 с.

Донидзе Г.И. (1995) Каталог действующих нормативных и методических документов по стандартизации географических названий. М.: Картгеоцентр – Геодезиздат. 37 с.

Донидзе Г.И., Акульшина И.Л. (1987) Практическое руководство по наименованию и переименованию географических объектов СССР. М.: ЦНИИГАиК. 24 с.

Ельчанинов А.И. (2011) Имя Миклухо-Маклая на карте Новой Гвинеи // Геодезия и картография. № 8. С. 56−60.

Ельчанинов А.И. (2011) Русские географические названия на карте Шпицбергена // Геодезия и картография. № 10. С. 54−61.

Ельчанинов А.И. (2020) Русские географические названия на карте Антарктики как объект культурного наследия : К 200-летию открытия Антарктиды // Геодезия и картография. № 3. С. 54−64.

Ермолович Д.И. (2009) Методика межъязыковой передачи имен собственных. М.: Всероссийский центр переводов. 88 с. [Передача топонимов − С. 32−37].

Ермолович Д.И. (2016) Правила практической транскрипции имен и названий с 29 западных и восточных языков на русский и с русского на английский. М.: Аудитория. 125 с.

Жданова И.Ф. (2008) Англо-русский и русско-английский словарь географических названий. М.: Рус. яз.− Медиа ; Дрофа. 1169 с.

Жуковский В.Е. (2005) О создании Государственного каталога географических названий // Геодезия и картография. № 10. С 20−22.

Забелин Н.Ю. (2007) *Переулок, площадь, бульвар*… − улицы // Русская речь. № 2. С. 98−100.

Залетин Ю.П., Зиярмаль П.Х. (2015) Пушту-русский словарь географических названий. М.: МГИМО. 400 с.

Зализняк А.А. (2000) Лингвистика по А.Т. Фоменко // Вопросы языкознания. № 6. С. 33−68. [Этимологии топонимов – с. 38−49].

Иванов Вяч. Вс. (1981) Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии : (К названию Белоруссии) // Балто-славянские исследования : 1980. М.: Наука. С. 163−177.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. (1976) Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев : Методология и историография. М.: Наука. С. 109−128.

Имена московских улиц : Топонимический словарь. (2007) М.: ОГИ. 608 с.

Исследования по топонимике. (1974) М.: МФГО СССР. 62 с.

Историческая ономастика. (1977) М.: Наука. 308 с.

История топонимики в СССР : Тезисы докл. (1967) М.: Изд-во АН СССР. 42 с.

Калуцков В.Н. (2009) О ландшафтном подходе в топонимических исследованиях // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : Материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург. 8−12 сент. 2009 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 113−115.

Калуцков В.Н. (2016) «Имя» в географии : От топонима – к геоконцепту // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 2. С. 100–107.

Калуцков В.Н. (2021) О концептуализации географического пространства России и Ближнего Зарубежья : (По данным о переименованиях географических объектов) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 924–935.

Клепикова Г.П. (1970) Из карпатоукраинской терминологии горного ландшафта // Вопросы географии. Сб. 81. Местные географические термины. М.: Мысль. С. 60–70.

Комаров Ф.К. (1969) Некоторые вопросы оронимии Якутии и Дальнего Северо-Востока СССР // Оронимика. М.: МФГО СССР. С. 65–69.

Комаров Ф.К. (1990) Былое расселение юкагиров по данным топонимии // Топонимика СССР. М.: МФГО СССР. С. 12–24.

Комков А.М. (1975) Селенонимика в ООН : Научно-технические и международно-правовые аспекты номинации топографических объектов поверхности Луны // Теория и практика топонимических исследований. М.: МФГО СССР. С. 27–34.

Комков А.М. (1976) Проблемы стандартизации (нормализации) географических названий в национальном и международном аспектах // Ономастика и норма. М.: Наука. С. 5–11.

Комков А.М. (1983) Проблемы нормализации географических названий // Геодезия и картография. № 5. С. 41–46.

Корнилаева И.А. (2013) «Прости, Бѣлградъ…» : (Из истории топонимов и их дериватов) // Русский язык в научном освещении. № 2 (26). С. 249–622.

Костовска С.К., *Гордова Ю.Ю.*, *Герцен О.А.*, *Герцен А.А.* (2022) Историко-картографический и топонимический подходы в геоархеологии : (На примере изучения храмов и храмовых комплексов) // Геоархеология и археологическая минералогия. Т. 9. С. 55–62.

Котова В.Н., *Маршева Л.И.* (2000) Липецк // Русский язык в школе. № 2. С. 96–99.

Куркина Л.В. (2000) Еще раз к этимологии рус. *раменье* // Этимология : 1997–1999. М.: Наука. С. 77–87.

Кусов В.С. (1985) Топонимия Москвы на русских чертежах XVII века // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 138–148.

Кучкин В.А. (1971) Из суздальско-нижегородской топонимии XIV–XV вв. // Ономастика Поволжья : Материалы II Конф. по ономастике Поволжья. Горький: [Б. и.]. С. 142–148.

Кучкин В.А. (1973) Горький – Нижний Новгород // Русская речь. № 1. С. 141–143.

Кучкин В.А. (1973) Некоторые вопросы исторической интерпретации топонимов на *-иха* // Ономастика Поволжья : Материалы III Конф. по ономастике Поволжья. Уфа: [Б. и.]. С. 231–242.

Кучкин В.А. (1976) Из истории средневековой топонимии Поочья : (Названия древних московских волостей) // Ономастика Поволжья : Материалы IV Поволжской конф. по ономастике. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарёва. С. 175–182.

Кучкин В.А.(1988) Поротва или Поротля? // Русская речь. № 4. С. 101–106.

Лавренова О.А., *Филиппова В.В.* (2019) Топонимика в культурном ландшафте Якутии : проблема текстуализации // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 2. С. 129–136.

Леонович О.А. (2002) В мире английских имен : Уч. пособие. 2-е изд. М.: АСТ ; Астрель. 160 с. [Глава 6. Географические названия].

Литвин И.П. (1962) Географические названия Мексики // Вопросы географии. Сб. 58. Географические названия. М.: Географгиз. С. 139–150.

Литвин И.П. (1975) Аборигенные географические термины в современной топонимической системе Латинской Америки // Теория и практика топонимических исследований. М.: МФГО СССР. С. 5–12.

Литвин И.П. (1976) Гибридная топонимия Латинской Америки и некоторые особенности ее передачи по-русски // Топонимика и историческая география. М.: МФГО СССР. С. 42–49.

Литвин И.П. (1981) О «Словаре топонимической лексики Латинской Америки» // Топонимика зарубежных стран. М.: МФГО СССР. С. 70−76.
Литвин И.П. (1983) Словарь топонимической лексики Латинской Америки. М: Наука. 265 с.
Литвин И.П. (1987) Этнотопонимия Латинской Америки // Этническая топонимика. М.: МФГО СССР. С. 130−134.
Литвин И.П. (1989) О некоторых особенностях функционирования топонимов в обществе // Топонимия и общество. М.: МФГО СССР. С. 5−10.
Литвин И.П. (1993) Колумбова топонимия Америки // Топонимия России. М: МЦ РГО. С. 139−143.
Лопатин В.В. (1978) Прилагательные от собственных имен // Русская речь. № 5. С. 72−76.
Лопухина Н.С.(1967) Названия улиц Большой Москвы, образованные от аббревиатур // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ. С. 96−97.
Любимова Е.Л. (1969) Топонимия и ландшафты Псковщины // Топонимика. Вып. 3. М.: МФГО СССР. С. 13−15.
Любимова Е.Л. (1981) Топонимия Исландии по данным родовых саг // Топонимика зарубежных стран. М.: МФГО СССР. С. 66−70.
Любимова Е.Л. Топонимия и ландшафты Центра // Топонимия Центра. Тезисы докл. М.: МФГО СССР, 1972. С. 4−5.
Любимова Е.Л.(1974) Ландшафтные термины в топонимии Центра // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль. С. 166−171.
Маковский М.М. (1966) Реконструкция диалектных лексических моделей методом топонимического анализа // Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. М.: Мысль. С. 76−85.
Максаковский В.П. (1960) О происхождении географических названий европейских стран народной демократии // Экономическая география: Топонимика. М.: МГПИ им. В.И. Ленина. С. 132−154.
Максимов В.О. (2018) О месте исторических топонимов во внутригородской топонимии // Вопросы географии. Сб. 146. Актуальные проблемы топонимики. М.: Кодекс. С. 191−196.
Мартыненко И.А. (2019) Испаноязычная топонимия Белиза : Лингвопрагматический анализ // Мир лингвистики и коммуникации. № 57. С. 155−169.
Мартыненко И.А., *Чеснокова О.С.* (2021) Гибридные топонимы Панамы как отражение топонимического билингвизма // Филологические науки : Науч. доклады высшей школы. Вып. 6 (2). С. 221−226.
Маршева Л.И. (1999) [Рецензия] // Русский язык в школе. № 6. С. 87−88. Рец. на: Поспелов Е.М. Географические названия мира : Топонимический словарь. М.: Русские словари, 1998. 512 с.
Маршева Л.И. (1999) Чаплыгин // Русский язык в школе. № 5. С. 88−90.
Маршева Л.И. (2000) [Рецензия] // Русский язык в школе. № 5. С. 97−100. Рец. на: Поспелов Е.М. Названия подмосковных городов, сел и рек. М.: Муравей. 208 с.
Маршева Л.И. (2002) Новый взгляд на предложно-падежные конструкции в диалектной микротопонимии // Ономастика Поволжья : Тезисы докл. IX Междунар. конф., Волгоград. 9−12 сент. 2002 г. Волгоград: Перемена. С. 198−201.
Маршева Л.И. (2003) [Рецензия] // Русский язык в школе. № 3. С. 101−104. Рец. на: Трубачёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд. М.: Наука.. 489 с.
Маршева Л.И. (2003) Липецкие *планы* // Русская речь. № 1. С. 95−98.
Маршева Л.И. (2006) Макрозначимость микротопонимов // Материалы XVI Ежегодной богословской конф. ПСТГУ. Т. 2. М.: Изд-во ПСТГУ. С. 251−253.

Маршева Л.И. (2006) Морфемная структура отантропонимических географических названий : Системная рациональность или коммуникативная необходимость // Эмоциональное и рациональное в языке. М.: МГОУ. С. 123−130.

Маршева Л.И. (2007) Вариативность географических названий как структурно-функциональный ресурс липецких говоров // Вестник ПСТГУ. III Филология. Вып. 4 (10). С. 22−49.

Маршева Л.И. (2007) Топонимические типы в русских народных говорах. М.: Изд-во ПСТГУ. 235 с.

Мельникова Е.А. (1977) Восточноевропейские топонимы с корнем *–garð* в древнескандинавской письменности // Скандинавский сборник. Вып. 22. Таллин: [Б. и.]. С. 204−207.

Мельникова Е.Б., Постников А.В. (1986) Старинные планы Москвы и их топонимия // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 149−160.

Микротопонимия (1967) М.: Изд-во МГУ. 156 с.

Микротопонимия : Тезисы совещания (1964) М.: Изд-во МГУ. 35 с.

Мирер Е.С. (1967) Названия улиц и кварталов Нового Орлеана // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ. С. 105−112.

Миськевич Г.И. (1977) Поволжье, Зауралье // Русская речь. № 2. С. 58−62.

Морозова М.Н. (1966) Сопоставительное изучение топонимии Калужской и Тамбовской областей // Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. М.: Мысль, С. 72−75.

Морозова М.Н. (1967) Словообразовательные типы названий географических объектов Москвы: (По данным справочника 1964 г. «Улицы Москвы») // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ. С. 71−80.

Морозова М.Н. (1969) Взаимодействие географической апеллятивной и топонимической лексики // Ономастика Поволжья : Материалы I Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск: [Б. и.]. С. 109−113.

Морозова М.Н. (1970) Топонимы и нарицательные слова // Русская речь. № 1. С. 84−88.

Морозова М.Н. (1971) Мордовские элементы в топонимии Тамбовской области // Ономастика Поволжья : Материалы II Поволжской конференции по ономастике. Горький: [Б. и.]. С. 207−210.

Морозова М.Н. (1972) Топонимия Орловщины // Топонимия Центра : Тезисы докл. М.: МФГО СССР. С. 12−14.

Морозова М.Н. (1974) Топонимия Орловской области // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль. С. 87−94.

Морозова М.Н. (1977) Имена собственные русского языка : (Географические названия). Ч. 2. Уч. пособие. М.: Изд-во МГУ. 96 с.

Морозова М.Н. (1985) Прилагательные в топонимии Москвы // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 106−108.

Морозова М.Н. (1986) Поволжская топонимия в русских исторических песнях // Ономастика Поволжья : Межвуз. сб. науч. трудов. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. С. 68−72.

Морозова М.Н. (2009) Процедура присвоения официальной формы названиям географических объектов // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука. С. 262−276.

Морозова М.Н. (2012) Топонимическая страница // Геодезия и картография. № 6. С. 43−44.

Морозова М.Н. (2012) Топонимическая страница // Там же. № 10. С. 40−41.

Морозова М.Н. (2012) Топонимическая страница // Там. же. № 8. С. 53−55.

Мурзаев Э.М. (1991) Топонимы в межнациональном общении // Топонимика и межнациональные отношения. М.: МФГО СССР. С. 14−19.

Мурзаев Э.М. (1948) Этюды по топонимике Средней и Центральной Азии // Вопросы географии. Сб. 8. Зарубежные страны. М.: ОГИЗ Географгиз. С. 175−186.

Мурзаев Э.М. (1962) Топонимика Синьцзяна // Вопросы географии. Сб. 58. Географические названия. М.: Географгиз. С. 117−138.
Мурзаев Э.М. (1964) Основные направления топонимических исследований // Принципы топонимики. М.: Наука. С. 23−33.
Мурзаев Э.М. (1966) Южносибирские топонимические элементы в Монголии // Вопросы географии. Сб.70. Изучение географических названий. М.: Мысль. С. 47−51.
Мурзаев Э.М. (1967) Гора – лес // Русская речь. № 1. С. 80−82.
Мурзаев Э.М. (1969) Географическая семантика некоторых тюркских топонимов // Ономастика Поволжья : Материалы I Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск: [Б. и.]. С. 101−104.
Мурзаев Э.М. (1969) Географические названия Вьетнама // Топонимика Востока : Исследования и материалы. М.: Наука. С. 3−19.
Мурзаев Э.М. (1969) Названия географических зон // Русская речь. № 1. С. 90−93.
Мурзаев Э.М. (1969) Оронимия Внутренней Азии // Оронимика. М.: МФГО СССР. С. 35−38.
Мурзаев Э.М. (1970) Местные географические термины и их роль в топонимии // Вопросы географии. Сб. 81. Местные географические термины. М.: Мысль. С. 16−35.
Мурзаев Э.М. (1971) Трансконтинентальные ареалы местных географических терминов // Ономастика Поволжья : Материалы II Поволжской конференции по ономастике. Горький: [Б. и.]. С. 111−112.
Мурзаев Э.М. (1973) К познанию топонимической терминологии Поволжья // Ономастика Поволжья : Материалы III Конф. по ономастике Поволжья. Уфа: [Б. и.]. С. 189−197.
Мурзаев Э.М. (1973) Топонимика − популярная. М.: Знание. 64 с.
Мурзаев Э.М. (1974) Изучение топонимии Центра и ее тюркского горизонта // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль. С. 5−19.
Мурзаев Э.М. (1974) Очерки топонимики. М.: Мысль. 382 с.
Мурзаев Э.М. (1976) Байконур // Русская речь. № 3. С. 111−113.
Мурзаев Э.М. (1976) Заметки по географической терминологии Русской равнины // Топонимика и историческая география. М.: МФГО СССР. С. 9−17.
Мурзаев Э.М. (1977) Два топонимических сюжета // Советская тюркология. № 2. С. 47−51.
Мурзаев Э.М. (1979) География в названиях. М.: Наука.168 с.
Мурзаев Э.М. (1979) Топонимика и ландшафты прошлого // Вопросы географии. Сб. 110. Топонимика на службе географии. М.: Мысль. С. 11−18.
Мурзаев Э.М. (1982) Сырт // Русская речь. С. 121−124.
Мурзаев Э.М. (1983) Курень и курья // Русская речь. № 3. С. 121−126.
Мурзаев Э.М. (1984) Словарь народных географических терминов. М.: Мысль.
Мурзаев Э.М. (1985) Географические термины в топонимии Москвы // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 47−59.
Мурзаев Э.М. (1987) Тюркская этнотопонимия // Этническая топонимика. – М.: МФГО СССР. С. 36−61.
Мурзаев Э.М. (1989) В.А. Никонов – топонимист // Топонимия и общество. М.: МФГО СССР. С. 113−123. [Список работ В.А. Никонова – С. 120−123]
Мурзаев Э.М. (1990) Географическая ориентация у тюрко-монгольских народов // Топонимика СССР. М.: МФГО СССР. С. 3−11.
Мурзаев Э.М. (1993) Географическая ориентация и ее отражение в топонимии // Известия РАН. Сер. геогр. № 4. С. 35−42.
Мурзаев Э.М. (1993) Образ места // Русская речь. № 1−4.
Мурзаев Э.М. (1993) Речные имена в исторической и современной географии // Топонимия России. М.: МЦ РГО. С. 28−55.
Мурзаев Э.М. (1993) Фантазия и легенда на карте мира // Русская речь. № 6. С. 71−72. [Утопия, Эльдорадо].
Мурзаев Э.М. (1994) В поисках Беловодья // Русская речь. № 2. С. 92−98.

Мурзаев Э.М. (1994) Откуда пошел *Крым*? // Этимология : 1991−1993. М.: Наука. С. 89−100.
Мурзаев Э.М. (1995) Сибирь // Русская речь. № 4. С. 88−94.
Мурзаев Э.М. (1995) Топонимика и география. М.: Наука. 304 с.
Мурзаев Э.М. (1996) Поэтичность географического имени // Русская речь. № 5. С. 84−89.
Мурзаев Э.М. (1996) Тюркские географические названия. М.: Восточная литература РАН, 1996. 254 с.
Мурзаев Э.М. (1998) «Мы не знаем… Камни знают» : (Н.К. Рерих о географических названиях) // Русская речь. № 5. С. 100−102.
Мурзаев Э.М. (1998) Амур // Русская речь. № 3. С. 96−98.
Мурзаев Э.М. (1998) *Большой*, *Великий*, *Малый* в географических названиях // Русская речь. № 4. С. 93−96.
Мурзаев Э.М. (1998) Нарзан // Русская речь. № 2. С. 98−100.
Мурзаев Э.М. (1999) Словарь народных географических терминов : В 2 т. 2-е изд. М.: Картгеоцентр – Геодезиздат. 340 с.; 354 с.
Мурзаев Э.М. (2001) Слово на карте : Топонимика и география. М.: Армада-пресс. 448 с.
Мызников С.А. (2005) О соотношении некоторых апеллятивов и топонимов в Обонежье и Ярославско-Костромском Поволжье // Ономастика в кругу гуманитарных наук : Материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург. 20−23 сент. 2005 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 64−66.
Мызников С.А. (2012) Субстратные апеллятивы и микротопонимы: (Проблема взаимоотношения ареалов) // Ономастика Поволжья : Материалы XIII Междунар. науч. конф. Ярославль 13−14 сент. 2012 г. Ярославль: Изд-во ЯГПУ. С. 24−29.
Мызников С.А. (2019) Ономастика на страницах «Словаря русских народных говоров» // Ономастика Поволжья : Материлы XVII Междунар. науч. конф. Великий Новгород 17−20 сент. 2019 г. Великий Новгород: Печатный двор. С. 142−148.
Мызников С.А. (2020) Апеллятивы и топонимы в Беломорье и Ярославско-Костромском Поволжье : Опыт сопоставительного анализа // Ономастика Поволжья : Материалы XVIII Междунар. науч. конф. Кострома. 9−10 сент. 2020 г. Т. 1. Кострома: Костром. гос. ун-т. С. 111−119.
Мызников С.А. (2022) Легенды и версии : (О происхождении некоторых ойконимов в Приневье) // Ономастика Поволжья : Материалы XX Междунар. науч. конф. Элиста. 5−7 окт. 2022 г. Волгоград: ПринтТерра-Дизайн. С. 185−190.
Мюллер В.К. (2019) Новый англо-русский русско-английский словарь. М.: Стандарт. 928 с. [Обновленный список топонимов].
Назаренко А.В. (1980) Об имени «Русь» в немецких источниках IX−XI вв. // Вопросы языкознания. № 5. С. 46−57.
Насимович Ю.А. (2012) Топонимика Северо-Восточного округа Москвы. М.: [Б. и.]. 192 с.
Невская Л.Г. (1977) Балтийская географическая терминология : (К семантической типологии). М.: Наука. 228 с.
Нерознак В.П. (1975) Древняя индоевропейская топонимия Балканского п-ова и Малой Азии // Теория и практика топонимических исследований. М.: МФГО СССР. С. 13−20.
Нерознак В.П. (1983) Названия древнерусских городов. М.: Наука. 208 с.
Николенкова Н.В. (2014) Написание географических названий в истории русского литературного языка : Практика письма и предложения Я.К. Грота // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 2 (2). С. 97−106.
Никонов В.А. (1956) Областные работы по топонимике // Вопросы языкознания. № 1. С. 142−147.
Никонов В.А. (1959) География русских суффиксов // Onomastica. R. 5. Z. 2. С. 321−345.
Никонов В.А. (1959) Первый закон топонимики // Республіканська топонімічна нарада. I. Тези. Київ. С. 28−29.

Никонов В.А. (1960) История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии // Вопросы географии. Сб. 50. Историческая география. М.: Географгиз. С. 172−194.
Никонов В.А. (1960) Неизвестные языки Поочья // Вопросы языкознания. № 5. С. 89−95.
Никонов В.А. (1961) [Рецензия] // Вопросы языкознания. № 2. С. 141−145. Рец. на: Šmilauer. V. Osídlení Čech ve světle místních jmen / Védecky red. A. Dostál, recens. K. Horálek. Praha: Nakladatelství ČSAN, 1960. 392 с.
Никонов В.А. (1961) Ручей – ключ – колодезь – криница – родник // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР. С. 180−198.
Никонов В.А. (1962) Славянский топонимический тип // Вопросы географии. Сб. 58. Географические названия. М.: Географгиз. С. 17−33.
Никонов В.А. (1963) [Рецензия] // Этимология : 1963. М.: Изд-во АН СССР. С. 275−277. Рец. на: Vasmer M. Wörterbuch der russischen Gewässernamen. I. Berlin ; Wiesbaden, 1960.
Никонов В.А. (1963) А.Х. Востоков и сегодня нашей топонимики : (150-летие статьи А.Х. Востокова) // Известия АН СССР. Сер. лит-ры и языка. Т. XXII. Вып. 1. С. 52−55.
Никонов В.А. (1964) Ономастика на V Международном съезде славистов и славянский топонимический атлас // Вопросы языкознания. № 2. С. 141−146.
Никонов В.А. (1964) Пути топонимического исследования // Принципы топонимики. М.: Наука. С. 58−86
Никонов В.А. (1964) Топонимика в историко-географической этнографии. М.: Наука. 13 с.
Никонов В.А. (1965) Введение в топонимику. М.: Наука. (Стереотип. изд.: М: ЛЕНАНД, 2018. 184 с.)
Никонов В.А. (1966) Краткий топонимический словарь. М.: Мысль. (стереотип. изд. М.: ЛЕНАНД, 2022. 510 с.)
Никонов В.А. (1966) Топонимы на *-івці*, *-инці* на Украине // Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. М.: Мысль. С. 19−27.
Никонов В.А. (1967) Научное значение микротопонимии // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ. С. 5−14.
Никонов В.А. (1968) Две волны в топонимии Полесья // Полесье : (Лингвистика. Археология. Топонимика). М.: Наука. С. 193−205.
Никонов В.А. (1969) Названия улиц в Симбирске – Ульяновске // Ономастика Поволжья : Материалы I Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск: [Б. и.]. С. 226−234.
Никонов В.А. (1969) Нерешенные вопросы ономастики Поволжья // Ономастика Поволжья : Мат-лы I Поволжской конференции по ономастике. Ульяновск: [Б. и.]. С. 265−274.
Никонов В.А. (1969) Фоностатистически схемы гидронимии Уганды // Топонимика Востока. Исследования и материалы. М.: Наука. С. 50−64.
Никонов В.А. (1971) Пласты русской топонимии Горьковской области // Ономастика Поволжья : Материалы II Поволжской конф. по ономастике. Горький: [Б. и.]. С. 168−173.
Никонов В.А.(1959) Paradoxes toponymiques // Revue internationale d'onomastique. № 3. P. 161−173.
Нимгирова М.А. (2011) К вопросу об изучении топонимики // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. № 4. С. 71−75.
Новикова А.И. (2019) Концепт «Подмосковье» как лингвокультурный фактор территориального брендинга // Филологические науки : Науч. доклады высшей школы : Спец. выпуск. С. 37−43.
Общая инструкция по передаче географических названий на картах (1955) М.: Геодезиздат. 32 с.
Ономастика и норма (1976) М.: Наука. 256 с.
Ономастика. Типология. Стратиграфия (1988) М.: Изд-во АН СССР. 264 с.
Орел В.Э. (1986) К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга // Вопросы языкознания. № 5. С. 107−113.

Орел В.Э., Осипова М.А. (1989) [Рецензия] // Вопросы языкознания. № 1. С. 144–146. Рец. на: Етімологічний словник літописных географічних назв Південної Русї. Київ: Наукова думка, 1985. 253 с.

Оронимика (1969) М.: МФГО СССР. 70 с.

Откупщиков Ю.В. (1979) [Рецензия] // Вопросы языкознания. № 3. С. 155–157. Рец. на: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.

Панфилов А.К. (1987) Вязьма // Русская речь. № 4. С. 42–45.

Патрикеев А.В. (2019) Метод исследования расположения топонимов по топографическим картам с использованием электронных средств архивации, вычислений и обработки изображений // Пути повышения результативности современных научных исследований: Сб. статей Междунар. научно-практ. конф. 4 июня 2019 г. Казань. Ч. 2. Уфа: OMEGA SCIENCE. С. 230–237.

Пахомов В.М. (2007) «*Не забудь… станция Луговая*» // Русская речь. № 5. С. 45–49.

Перспективы развития славянской ономастики (1980) М.: Наука. 399 с.

Подольская Н.В. (1957) О некоторых группах речных наименований Двинской земли // Мовознавство. Т. 14. С. 103–109.

Подольская Н.В. (1961) Исследование топонимики в связи с данными этнографии // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 2. М.: АН СССР. С. 169–179.

Подольская Н.В. (1962) Некоторые формы славянизации иноязычных топонимов : (На материале Новгородской территории) // Вопросы географии. Сб. 58. М.: Географгиз. С. 34–40.

Подольская Н.В. (1964) Какую информацию несет топоним // Принципы топонимики. М.: Наука. С. 87–99.

Подольская Н.В. (1967) Как рождаются и живут географические названия? // Русская речь. № 2. С. 90–92.

Подольская Н.В. (1967) Микротопонимы в древнерусских памятниках письменности // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ. С. 39–53.

Подольская Н.В. (1970) Народные географические термины в роли терминов научных // Вопросы географии. Сб. 81. Местные географические термины. М.: Мысль. С. 54–59.

Подольская Н.В. (1972) Урбонимия Центра // Топонимия Центра. М.: МФГО СССР. С. 26–27.

Подольская Н.В. (1974) Урбанонимия Центральных областей РСФСР // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль. С. 123–129.

Подольская Н.В. (1978) Восточнославянские типовые исходные топоосновы // Имя нарицательное и собственное. М.: Наука. С. 107–114.

Подольская Н.В. (1978) Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука. (2-е изд. М.: Наука, 1988. 192 с.)

Подольская Н.В. (1983) Типовые восточнославянские топоосновы : Словообразовательный анализ. М.: Наука. 160 с.

Подольская Н.В. (1985) Консервация древних названий урочищ Москвы в именованиях других объектов // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 100–106.

Подольская Н.В. (1990) Проблемы ономастического словообразования : (К постановке вопроса) // Вопросы языкознания. № 3. С. 40–53.

Подольская Н.В. (1991) Связи демографо-этнических и топонимических процессов // Топонимика и межнациональные отношения. М.: МФГО СССР. С. 19–25.

Подольская Н.В., Суперанская А.В. (1969) Терминология ономастики // Вопросы языкознания. № 4. С. 140–146.

Подосинов А.В. (1997) Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия : К 70-летию профессора В.И. Кадеева : (Сб. науч. трудов). Харьков: АО «Бизнес Информ». С. 155–171.

Положение о регистрации и учете наименований географических объектов, изданий словарей и справочников наименований географических объектов, создании и ведении Государственного каталога географических названий (2000) // Геодезия и картография. № 7. С. 1−3.

Попов К.А. (1969) Некоторые вопросы топонимики Харима-но куни // Топонимика Востока : Исследоваие и материалы. М.: Наука. С. 71−86.

Поспелов Е.М. (1965) О балтийской гипотезе в севернорусской топонимике // Вопросы языкознания. № 2. С. 29−38.

Поспелов Е.М. (1966) Математико-статистические методы в топонимике // Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. М.: Мысль. С. 28−40.

Поспелов Е.М. (1966) Топонимика в трудах В.П. Семёнова-Тян-Шанского // Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. М.: Мысль. С. 97−102.

Поспелов Е.М. (1967) [Рецензия] // Вопросы языкознания. № 4. С. 116−118. Рец. на: Russisches geographisches Namenbuch / I, Lf. 1−3 unter Mitwirkung von I. Coper, I. Doerfer, J. Prinz, R. Siegman, hrsg. von M. Vasmer; II, Lf. 1. M. Vasmer und H. Bräuer; II, Lf. 2. H. Bräuer. – Otto Harrasowitz Verlag. Wiesbaden, 1962−1965. 1000 c.

Поспелов Е.М. (1967) Географическая терминология в микротопонимии Восточных Карпат // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ. С. 23−30.

Поспелов Е.М. (1967) Картографирование как метод исследования субстратной топонимики // Вопросы языкознания. № 1. С. 80−91.

Поспелов Е.М. (1969) Оронимика СССР : Состояние и проблемы // Оронимика. М.: МФГО СССР. С. 4−8.

Поспелов Е.М. (1969) Топонимия Австралии и Новой Зеландии // Топонимика Востока. Исследования и материалы. М.: Наука. С. 208−221.

Поспелов Е.М. (1970) Топонимические труды Э.М. Мурзаева : (К 60-летию со дня рождения) // Вопросы географии. Сб. 81. Местные географические термины. М.: Мысль. С. 5−15.

Поспелов Е.М. (1971) Топонимика и картография. М.: Мысль. 256 с.

Поспелов Е.М. (1972) Построение и источники Топонимического атласа Центра. М.: МФГО СССР. С. 7−9.

Поспелов Е.М. (1974) Содержание Топонимического атласа Центра // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль. С. 34−58.

Поспелов Е.М. (1975) Урбанизация и топонимика // Теория и практика топонимических исследований. М.: МФГО СССР. С. 20−27.

Поспелов Е.М. (1976) Топонимика и историческая география // Топонимика и историческая география. М.: МФГО СССР. С. 4−9.

Поспелов Е.М. (1979) Картографическая топонимика в исторической картографии // Вопросы географии. Сб. 110. Топонимика на службе географии. М.: Мысль. С. 143−149.

Поспелов Е.М. (1979) Материалы к топонимическому словарю Московской области // Проблемы восточнославянской топонимии. М.: МФГО СССР. С. 112−136.

Поспелов Е.М. (1981) Топонимика в школьной географии. М.: Просвещение. 144 с.

Поспелов Е.М. (1985) Историческая география Москвы в зеркале топонимики // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 126−137.

Поспелов Е.М. (1985) Юбилей московской топонимики // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 187−201.

Поспелов Е.М. (1987) Этнонимы в топонимике // Этническая топонимика. М.: МФГО СССР. С. 5−13.

Поспелов Е.М. (1988) Туристу о географических названиях. М.: Профиздат. 192 с.

Поспелов Е.М. (1988) Школьный топонимический словарь. М.: Просвещение. 224 с.

Поспелов Е.М. (1989) Гидронимия Подмосковного Поволжья // [Ономастика Поволжья] : Шестая конф. по ономастике. Волгоград. 26−28 сент. 1989 г. : Тезисы докл. и сообщ. Волгоград: [Б. и.]. С. 115−116.

Поспелов Е.М. (1989) Персональные мемориальные названия // Топонимия и общество. М.: МФГО СССР. С. 35−52.

Поспелов Е.М. (1990) Орешек или Шлиссельбург? (Проблема восстановления исторических названий) // Русская речь. № 4. С. 111−114.

Поспелов Е.М. (1990) Переименования городов и сел в СССР // Топонимика СССР. М.: МФГО СССР. С. 54−73.

Поспелов Е.М. (2007) Иллюстрированный атлас мира : Новейший топонимический словарь. М.: Русские словари ; Астрель ; Хранитель. 688 с.

Поспелов Е.М. (2008) Географические названия Московской области : Топонимический словарь. М.: АСТ ; Астрель. 608 с.

Поспелов Е.М., Постников А.В. (2009) История русских морских названий на примере картографирования Корейского (Японского) моря (XVII−XIX вв.) // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука. С. 75−102.

Поспелова Г.М. Новации в территориальном и административном словаре города // Русская речь. 1997. № 4. С. 64−72.

Постников А.В. (1979) Требования к написанию и передаче географических названий на русских картах XVIII−XIX вв. // Вопросы географии. Сб. 110. Топонимика на службе географии. М.: Мысль. С. 149−156.

Правила написания на картах географических названий СССР (1961) М.: Недра. (2-е изд. М.: Недра, 1967. 28 с.)

Прикладная топонимика (1983) М.: МФГО СССР. 116 с.

Принципы топонимики (1964) М.: Наука. 152 с.

Принципы топонимики : Материалы к совещанию (1962) М.: Изд-во АН СССР. 28 с.

Проблемы восточнославянской топонимии (1979) М.: МФГО СССР. 152 с.

Протченко И.Ф., Суперанская А.В. (1964) Прописные буквы : (Проект правил для орфографического свода) // Проблемы современного русского правописания. М.: Наука. С. 131−140.

Развитие методов топонимических исследований (1970) М.: Наука. 112 с.

Региональные географические словари (1975) М.: МФГО. 32 с.

Реформатский А.А. (1964) Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. М.: Наука. С. 9−34.

Рожкова Л.В., Гришина Е.Н. (2018) Словарь исторических топонимов. М.: Самотека ; МИД ; Осознание, 2018. 380 с.

Розенталь Д.Э. (1987) «И, конечно же, *улица Кузнецкий мост*!» // Русская речь. № 5. С. 156−159.

Розенталь Д.Э.(1989) Прописная или строчная?: Словарь-справочник. 5-е изд. М.: Рус. яз.350 с.

Российские имена на карте Мирового океана (2009) М.: Маска. 209 с.

Рубцова З.В. (1970) К вопросу о современной топонимической классификации // Топонимика. Вып. 4. М.: МФГО СССР. С. 4−8.

Рубцова З.В. (1985) Неофициальные топонимы в нормативных словарях географических названий Советского Союза // Сборник научных трудов ЦНИИГАиК. Вып. 236. Географические названия на карте. М.: ЦНИИГАиК. С. 19−27.

Рубцова З.В. (1989) Названия деревень – часть народной культуры // Русская речь. № 6. С. 86−90.

Рубцова З.В. (2007) О букве *Ё* в географических названиях России: *Ель, Елка, Елкино…* // Геодезия и картография. № 12. С. 20−22.

Рубцова З.В. (2009) Закон и окружающая его среда : (К написанию географических названий) // Геодезия и картография. № 3. С. 22−24.

Русская ономастика и ономастика России : Словарь (1994) / Под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Школа-Пресс. 288 с.

Рыдзевская Е.А. (1978) Древняя Русь и Скандинавия (IX−XIV вв.). М.: Наука. 240 с. [О названии Руси *Garđariki*].

Рыжиков А.И. (2009) Географическое разнообразие топонимов во времени // Геодезия и картография. № 7. С. 60–61.
Рыжиков А.И. (2009) Загадка топонима «Темников» // Геодезия и картография. № 10. С. 61–62.
Рыжиков А.И. (2010) Ошибки в топонимике // Геодезия и картография. № 11. С. 60–62.
Савина В.И. (1969) Типы тюркских топонимов в Иране // Топонимика Востока : Исследования и материалы. М.: Наука. С. 167–172.
Савинов Д.М. (2019) Почему Дубечна превратилась в Дубечино? : (О важности лингвистического аспекта анализа топонимии) // Русская речь. № 2. С. 30–36.
Савченко Т.П. (*Соколова*) (1985) Названия остановочных пунктов на транспортных линиях Москвы // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 73–81.
Сапронова Т.Ф. (1996) Православные монастыри в топонимии Москвы // Русская речь. № 1. С. 85–91.
Сборник научных трудов ЦНИИГАиК (1981) Вып. 230. Прикладная топонимика. М.: ЦНИИГАиК. 129 с.
Сборник научных трудов ЦНИИГАиК (1985) Вып. 236. Географические названия на карте. М.: ЦНИИГАиК. 138 с.
Седов В.В. (1971) Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмосковье. М.: Наука. С. 99–113.
Седов В.В. (1972) Гидронимические пласты археологические культуры Центра // Топонимия Центра : Тезисы докл. М.: МФГО СССР. С. 3–4.
Седов В.В. (1974) Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль. С. 20–33.
Седов В.В. (2000) Русы в VIII–IX вв. // Этимология 1997–1999. М.: Наука. С. 146–152. [Архаические славянские гидронимы]
Селезнёва Л.Б. (1975) Структура «географический термин – топоним» в русском языке // Вопросы ономастики. Вып. 8–9. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. С. 107–114.
Серебренников Б.А. (1955) Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопросы языкознания. № 6. С. 19–31.
Серебренников Б.А. (1959) О методах изучения топонимических названий // Вопросы языкознания. № 6. С. 36–50.
Серебренников Б.А. (1961) О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг* // Советское финно-угроведение. № 1. С. 59–66.
Серебренников Б.А. (1967) О потенциально возможных названиях рыб в субстратной гидронимике Русского Севера // Советское финно-угроведение. № 3. С. 199–205.
Серебренников Б.А. (1970) Почему трудно разрешить проблему происхождения верхних слоев севернорусской гидронимии? // Вопросы языкознания. № 1. С. 44–59.
Скрипниченко А.З. (1981) Об упорядочении написания составных славянских топонимов на географической карте и в тексте // Топонимика зарубежных стран. М.: МФГО СССР. С. 85–89.
Скрипниченко А.З. (1989) Стандартизация географических названий в Болгарии, Венгрии, Польше и Чехословакии // Топонимия и общество. М.: МФГО СССР. С. 74–81.
Скрозникова В.А. (1985) «Рекреационно-деловые» названия // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 81–89.
Словарь географических названий Антарктики (1987) М.: ЦНИИГАиК. 406 с.
Словарь географических названий зарубежных стран (1986) 3-е изд. М.: Недра, 1986. 459 с.
Словарь географических названий СССР (1968) М.: Недра (2-е изд. М.: Недра, 1983. 296 с.).
Словарь названий гидрографических объектов России и других стран – членов СНГ (1999) М.: Картгеоцентр, Геодезиздат. 464 с.

Смирнова В.Е. (2018) Некоторые аспекты передачи онимов России в трудах французских путешественников XVI и XVIII вв. // Вопросы географии. Сб. 146. Актуальные вопросы топонимики. М.: Кодекс. С. 106−118.

Смирнова Т.С. (1967) Сопоставительный анализ микротопонимии Лондона и Канберры // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ. С. 113−117.

Смолицкая Г.П. (1968) [Рецензия] // Вопросы языкознания. № 1. С. 133−135. Рец. на: Hydronimia Wisły. Cz. 1. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym. Wrocław ;Warszawa ; Kraków, 1965. 470 с.

Смолицкая Г.П. (1969) Из терминологии рельефа Поочья // Оронимика. М.: МФГО СССР. С. 23−26.

Смолицкая Г.П. (1969) Речки-деревья // Русская речь. № 1. С. 94−98.

Смолицкая Г.П. (1970) Географический термин *корь* / *корёк* // Вопросы географии. Сб. 81. Местные географические термины. М.: Мысль. С. 145−150.

Смолицкая Г.П. (1971) Гидронимия в Топонимическом атласе Центра // Топоними Центра : Тезисы докл. М.: МФГО СССР. С. 9−10.

Смолицкая Г.П. (1971) О каталоге гидронимов бассейна Оки // Ономастика Поволжья : Материалы II Поволжской конф. по ономастике. Горький: [Б. и.]. С. 244−247.

Смолицкая Г.П. (1973) Субстратная гидронимия бассейна р. Оки // Ономастика Поволжья : Материалы III Конф. по ономастике Поволжья. Уфа: [Б. и.]. С. 243−249.

Смолицкая Г.П. (1974) Картографирование гидронимии Поочья // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М.: Мысль. С. 59−69.

Смолицкая Г.П. (1974) Некоторые лексические ареалы : По данным гидронимии // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М.: Наука. С. 171−179.

Смолицкая Г.П. (1974) Орёл, а не птица // Русская речь. № 1. С. 79−92.

Смолицкая Г.П. (1976) Гидронимия бассейна Оки. М.: Наука. 404 с.

Смолицкая Г.П. (1976) Кромы // Русская речь. № 1. С. 97−99.

Смолицкая Г.П. (1977) Остафьево // Русская речь. № 3. С. 119−124.

Смолицкая Г.П. (1978) Топонимический ареал и вопросы реконструкции лексической системы языка : (На славянском материале) // Вопросы языкознания. № 4. С. 115−124 .

Смолицкая Г.П. (1979) Некоторые аспекты топонимии как источника исторической географии населения // Вопросы географии. Сб. 110. Топонимика на службе географии. М.: Мысль. С. 77−89.

Смолицкая Г.П. (1979) О типе словарной статьи в топонимическом словаре Московской области // Проблемы восточнославянской топонимии. М.: МФГО СССР. С. 76−88.

Смолицкая Г.П. (1985) История формирования топонимии Москвы // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 12−23.

Смолицкая Г.П. (1987) Об одном этническом аспекте топонимии // Этническая топонимика. М.: МФГО СССР. С. 23−27.

Смолицкая Г.П. (1987) Поклонная гора // Русская речь. № 4. С. 35−39.

Смолицкая Г.П. (1988) Обратный словарь гидронимов бассейна Оки. I. М.: [Б. и.].87 с.

Смолицкая Г.П. (1989) Ареальные соотношения гидронимии и археологии в Поочье // [Ономастика Поволжья] : Шестая конференция по ономастике. Волгоград. 26−28 сент. 1989 г. : Тезисы докл. и сообщ. Волгоград: [Б. и.]. С. 120−122.

Смолицкая Г.П. (1994) Переяславль на Трубеже // Русская речь. № 3. С. 103−108.

Смолицкая Г.П. (2001) Занимательная топонимика : Рассказы о географических названиях. М.: Дрофа ; Армада-пресс. 256 с.

Смолицкая Г.П. (2002) Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-пресс. 416 с.

Смолицкая Г.П. (2005) Топонимия Кремля XVI века как прообраз топонимии Москвы // Русская речь. № 5. С. 104−109.

Смолицкая Г.П. (2006) Названия московских улиц. М.: Флинта ; Наука. 224 с.

Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. (1979) Зубовский бульвар. Сретенка // Русская речь. № 4. С. 130−133.
Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. (1979) Измайлово. Крылатское // Русская речь. № 6. С. 90−93.
Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. (1979) Проспект Мира // Русская речь. № 2. С. 132−136.
Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. (1979) Сокольники // Русская речь. № 3. С. 136−140.
Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. (1979) Химки-Ховрино. Ленинградский проспект. Улица Горького // Русская речь. № 5. С. 139−143.
Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. (1980) Мытищи // Русская речь. № 2. С. 121−124.
Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. (1980) Олимпийская деревня // Русская речь. № 3. С. 130−131.
Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. (1980) Останкино // Русская речь. № 1. С. 125−127.
Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В. (1982)Топонимия Москвы. М.: Наука. 176 с.
Смолицкая Г.П., Горбаневский М.В.(1979) Лужники // Русская речь. № 1. С. 119−124.
Совещание по топонимике Востока : Тезисы докл. (1961) М.: МФГО СССР. 38 с.
Соколова О.Н. (2009) Топоним *Нахабино* : Историко-краеведческий очерк // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука. С. 276−292.
Соколова Т.П. (1985) Обзор литературы о топонимии Москвы // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 179−187.
Соколова Т.П. (2003) Крым в названиях улиц и других объектов Москвы // X Междунар. конф. по функциональной лингвистике «Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации» : Сб. научн. докл. Симферополь: Таврический нац. ун-т. С. 314−315.
Соколова Т.П. (2005) Названия станций московского метро : (Специфика урбанонимической подсистемы) // Ономастика в кругу гуманитарных наук : Материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург 20−23 сент. 2005 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 139−141.
Соколова Т.П. (2009) Типология раннегородских названий : (На материале урбанонимов древнего Новгорода и старой Москвы) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : Материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург. 8−12 сент. 2009 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 251−253.
Соколова Т.П. (2009) Топонимия Малого железнодорожного кольца Москвы // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука. С. 175−188.
Соколова Т.П. (2012) Иностранные топонимы в Подмосковье // Ономастика Поволжья : Материалы XIII Междунар. науч. конф. Ярославль. 13−14 сент. 2012 г. Ярославль: Изд-во ЯГПУ. С. 262−266.
Соколова Т.П. (2013) Нейминговая экспертиза географических названий Московской области в аспекте правовой лингвистики // Материалы IV Междунар. научно-практ. конф. «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». М.: Проспект. С. 271−274.
Соколова Т.П. (2014) Проблема наименования новых городских объектов // Ономастика Поволжья : Материалы XIV Междунар. науч. конф. Тверь 10−12 сент. 2014 г. Тверь: Изд-во Марины Батасовой ; Альфа-Пресс. С. 159−162.
Соколова Т.П. (2016) Нейминговая экспертиза: организация и производство. М.: Юрлитинформ. 208 с.
Соколова Т.П. (2016) Прецедентность в номинации жилых комплексов // Ономастика Поволжья : Материалы XV Междунар. науч. конф. Арзамас. 13−16 сент. 2016 г. Арзамас ; Саров: Интерконтакт. С. 343−346.
Соколова Т.П. (2020) Поликодовые коммерческие наименования в городском онимическом пространстве // Ономастика Поволжья : Материалы XVIII Междунар. науч. конф. Кострома. 9−10 сент. 2020 г. Т. 2. Кострома: Костром. гос. ун-т. С. 171−176.

Соколова Т.П. Коммерческие урбанонимы: свобода творчества или спекуляция на эпатаже // Вопросы географии. Сб. 146. Актуальные проблемы топонимики. М.: Изд. дом «Кодекс», 2018. – С. 179−190.

Соколова Т.П., *Шилов А.Л.* (2006) Образ Русского Севера на улицах Москвы // Русская речь. № 4. С. 109−111.

Соловьёв А.В. (1957) Византийское имя России // Византийский временник. Т. XII. 1957. С. 134−155.

Солопов А.И. (2003) Индоевропейский корень *bhergĥ- ‘возвышенность’ в италийской этимологии и топонимии (Frent (r) ani, Fertor, Ferentini, Furfo, Fregellae) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. № 7. С. 196−201.

Солопов А.И. (2006) Топонимы с элементами AUGUSTA, Σεβαστή, Σεβάστεια, Σεβαστόπολις, Αύγουστόπολις в греко-латинской географической номенклатуре // Вопросы языкознания. № 3. С. 46−69.

Солопов А.И. (2008) «Чёрное» и «белое» в латинской топонимии // Discipuli Ma-gistro : К 80-летию Н.А. Фёдорова. М.: РГГУ. С. 74−81.

Солопов А.И. (2010) Об этимологии латинских топонимов Palatium и Pola // Вопросы классической филологии. Вып. XV. NYMΦΩN ANTPON : Сб. статей в честь А.А. Тахо-Годи. Т. 15. М.: Никея. С. 408−413.

Солопов А.И. (2015) «Старое» и «новое» в греко-латинской географической номенклатуре // Индоевропейское языкознание и классическая филология. № 19. С. 865−871.

Солопов А.И. (2016) Названия древнерусских городов, производные от имени князя, как продолжение одного из типов названий греко-латинской географической номенклатуры : К этимологии топонимов Владимир, Ярославль, Юрьев, Дмитров и т.п. // Индоевропейское языкознание и классическая филология. № 20 (2). С. 963−968.

Солопов А.И. (2021) О склонении латинских топонимов, омонимичных именам нарицательным (типа Trēs Tabernae) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 25. № 2. С. 1117−1125.

Список публикаций Е.М. Поспелова (2009) // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука. С. 39−62.

Справочник по истории географических названий на побережье СССР (1985) М.: Изд-во МО СССР. 430 с.

Сталтмане В.Э. (1964) К вопросу о морфологическом оформлении латышских имен собственных // Топономастика и транскрипция. М.: Наука. С. 146−162.

Сталтмане В.Э. (1989) Ономастическая лексикография. М.: Наука. 116 с.

Старостин Б.А. (1971) Пограничные проблемы ономастики // Ономастика Поволжья : Материалы II Поволжской конф. по ономастике. Горький: [Б. и.]. С. 347−352.

Суганова З.В. (*Рубцова*) (1966) Из наблюдений над топонимией Дона // Вопросы географии. Сб.70. Изучение географических названий. М.: Мысль. С. 141−144.

Суганова З.В. (*Рубцова*) (1967) Географические названия Москвы в форме родительного падежа существительных // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ. С. 85−90.

Судаков А.С. (1995) Первое заседание Межведомственной комиссии по географическим названиям // Геодезия и картография. № 1. С. 46.

Суперанская А.В. (1955) О некоторых вопросах практической транскрипции // Вопросы языкознания. № 6. С. 99−104.

Суперанская А.В. (1957) Грамматические наблюдения над именами собственными // Вопросы языкознания. № 4. С. 79−82.

Суперанская А.В. (1962) Против упрощенчества в топонимике // Вопросы географии. Сб. 58. М.: Географгиз. С. 151−154.

Суперанская А.В. (1964) Имена собственные в чужой языковой среде // Топономастика и транскрипция. М.: Наука. С. 35−64.

Суперанская А.В. (1964) К вопросу о практической транскрипции собственных имен стран английского языка // Топономастика и транскрипция. М.: Наука. С. 163−173.

Суперанская А.В. (1964) Типы и структура географических названий : На материале топонимии СССР // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика. М.: Наука. С. 59−118.

Суперанская А.В. (1965) Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий // Орфография собственных имен. М.: Наука. С. 25−43.

Суперанская А.В. (1966) Наименования и переименования в городах // Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. М.: Мысль. С. 86−96.

Суперанская А.В. (1966) Переводимые и непереводимые типы географических названий // Acta Universitatis Carolinae. Philologica 1−3. Slavia Pragensia VIII. Praha. S. 163−170.

Суперанская А.В. (1966) Ударение в собственных именах в современном русском языке. М.: Наука. 360 с. [Ударение в топонимах – с. 186−231; Словарь ударений в топонимах. С. 232−359]

Суперанская А.В. (1967) Микротопонимия, макротопонимия и их отличие от собственно топонимии // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ. С. 31−38.

Суперанская А.В. (1969) Оронимия Крыма // Оронимика. М.: МФГО СССР. С. 45−48.

Суперанская А.В. (1969) Структура имени собственного : (Фонология и морфология). М.: Наука. 208 с.

Суперанская А.В. (1970) Терминологичны ли цветовые названия рек? // Вопросы географии. Сб. 81. Местные географические термины. М.: Мысль. С. 120−127.

Суперанская А.В. (1973) Общая теория имени собственного. М.: Наука. 367 с. (2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2019. 367 с.)

Суперанская А.В. (1978) Апеллятив – онома // Имя нарицательное и собственное. М.: Наука. С. 5−33.

Суперанская А.В. (1979) Географические представления по данным топонимии «Космографии» XVII в. // Вопросы географии. Сб. 110. Топонимика на службе географии. М.: Мысль. С. 172−178.

Суперанская А.В. (1979) Ономастическая стандартизация. Допустимость. Возможности. Ограничения // Восточно-славянская ономастика : Исследования и материалы. М.: Наука. С. 84−112.

Суперанская А.В. (1985) Имя – через века и страны. М.: Наука. (Стереотип. изд. М.: ЛЕНАНД, 2021. 192 с.)

Суперанская А.В. (1985) Типология именования городских объектов // Вопросы географии. Сб. 126. Географические названия в Москве. М.: Мысль. С. 160−170.

Суперанская А.В. (1985) Что такое топонимика? : Из истории географических названий. М.: Наука. (Стереотип. изд. М.: ЛЕНАНД, 2021. 178 с.)

Суперанская А.В. (1987) Иерархия этнонимов в генотопонимии Крыма // Этническая топонимика. М.: МФГО СССР. С. 62−68.

Суперанская А.В. (1991) Топонимия Крыма как свидетельство межэтнических контактов // Топонимика и межнациональные отношения. М.: МФГО СССР. С. 40−57.

Суперанская А.В. (2008) Ономастика начала XXI века. М.: ИЯЗ РАН. 80 с.

Суперанская А.В. (2009) Антропонимия в топонимии // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука. С. 188−193.

Суперанская А.В. (2011) Зоя Васильевна Рубцова – топонимист, славист. М.; Калуга: Эйдос, 2011. 234 с. [Библиография работ З.В. Рубцовой – с. 23−26]

Суперанская А.В. (2013) Словарь географических названий. М.: АСТ-Пресс книга. 208 с.

Тарасюк Н.К. (1976) Передача французской топонимии США // Топонимика и историческая география. М.: МФГО СССР. С. 39−42.

Теория и методика ономастических исследований (1986) М.: Наука. 256 с.

Теория и практика топонимических исследований (1975) М.: МФГО СССР. 100 с.

Тепляшина Т.И. (1969) Из топонимии юго-запада Удмуртии // Ономастика Поволжья : Материалылы I Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск: [Б. и.]. С. 140–144.
Тепляшина Т.И. (1969) Русская адаптация удмуртских топонимов // Топонимика Востока : Исследования и материалы. М.: Наука. С. 172–174.
Тихомиров М.Н. (1953) О происхождении названия «Россия» // Вопросы истории. № 11. С. 93–96.
Тишков А.А. (2014) Ландшафтная основа происхождения названия «Валдай» // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 1. С. 109–119.
Толстой Н.И. (1964) Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции // Топономастика и транскрипция. М.: Наука. С. 103–121.
Толстой Н.И. (1969) Славянская географическая терминология : Семасиологические этюды. М.: Наука. 264 с. (3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2012. 360 с.)
Толстой Н.И. (1972) [Рецензия] // Вопросы языкознания. № 5. С. 136–142. Рец. на: Jurkowsky M. Ukraińska terminologia hydrograficzna. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1971. 240 с.; Яшкін І. Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971. 225 с
Толстой Н.И. (1997) Избранные труды. Том I. Славянская лексикология и семасиология. М.: Языки русской культуры. 520 с.
Томахин Г.Д. (1984) Топонимы как реалии языка и культуры : (На материале географических названий США) // Вопросы языкознания. № 4. С. 84–90.
Топонимика (1967) Вып. 1. М.: МФГО СССР. 34 с.
Топонимика (1967) Вып. 2. М.: МФГО СССР. 40 с.
Топонимика (1969) Вып. 3. М.: МФГО СССР. 35 с.
Топонимика (1970) Вып. 4. М.: МФГО СССР. 36 с.
Топонимика (1971) Вып. 5. М.: МФГО СССР. 37 с.
Топонимика Востока : Исследования и материалы (1969) М.: Наука. 240 с.
Топонимика зарубежных стран (1981) М.: МФГО СССР. 118 с.
Топонимика и историческая география (1976) М.: МФГО СССР. 84 с.
Топонимика и межнациональные отношения (1991) М.: МФГО СССР. 136 с.
Топонимика СССР (1990) М.: МФГО СССР. 95 с.
Топонимические карты: Аннотированный указатель (1974) М.: Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. 132 с.
Топонимический минимум : (Указатель литературы) (1964) М.: МФГО СССР. 24 с.
Топонимия Ближнего Зарубежья : 100 лет переименований : Атлас-справочник (2020) М.: [Б. и.]. 255 с.
Топонимия и общество (1989) М.: МФГО СССР. 124 с.
Топонимия России (1993) М.: МЦ РГО. 144 с.
Топонимия Центра : Тезисы докл (1972) М.: МФГО. 32 с.
Топономастика и транскрипция (1964) М.: Наука. 200 с.
Топоров В.Н. (1959) О балтийских следах в топонимике русских территорий // Lietuv. kalbotyros klaus. № 2. P. 55–63.
Топоров В.Н. (1961) Об изучении древнеиндийской топонимики // Совещание по топонимике Востока : Тезисы докл. М.: МФГО СССР. С. 9–13.
Топоров В.Н. (1962) Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий // Вопросы географии. Сб. 58. Географические названия. М.: Географгиз. С. 41–49.
Топоров В.Н. (1962) Некоторые положения теоретической топонимики // Принципы топонимики : Материалы к совещанию. М.: Изд-во АН СССР. С. 3–5.
Топоров В.Н. (1962) О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимики // Топонимика Востока. М.: Наука. С. 59–66.
Топоров В.Н. (1963) К проблеме классификации в топонимии // Исследования по структурной типологии. М.: Изд-во АН СССР. С. 226–231. [Рец. на работы зарубежных топонимистов].

Топоров В.Н. (1964) Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики // Принципы топонимики. М.: Наука. С. 3–22.
Топоров В.Н. (1969) О палийской топономастике // Топонимика Востока : Исследования и материалы. М.: Наука. С. 31–50.
Топоров В.Н. (1972) «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М.: Наука. С. 217–280.
Топоров В.Н. (1972) К восточной границе гидронимии балтийского типа // Топонимия Центра : Тезисы докл. М.: МФГО СССР. С. 6–7.
Топоров В.Н. (1980) Балтийские элементы к северу от Карпат : Этнотопонимическая основа **Galind-* как знак балтийской периферии // Slav. Orient. R. 29. Z. 1/2. С. 247–252.
Топоров В.Н. (1982) Балтийский горизонт древней Москвы // Acta Balt.-Slav : 1982. Т. 14. С. 259–272.
Топоров В.Н. (1982) Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования : 1981. М.: Наука. С. 3–61.
Топоров В.Н. (1988) Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I // Балто-славянские исследования : 1986. М.: Наука. С. 154–177.
Топоров В.Н. (1989) Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II // Балто-славянские исследования : 1987. М.: Наука. С. 47–69.
Топоров В.Н. (1990) Из балтийской ареальной гидронимии : К латгальско-восточнославянским языковым связям // Bałto-słowiańskie związki językowe : Conf. in Bialowieża. May 13–17. 1987. Wrocław. С. 365–380.
Топоров В.Н. (1991) Еще раз о названии *Волга* // Studia Slavica : Языкознание. Литературоведение. История. История науки : К 80-летию С.Б. Бернштейна. М.: Наука. С. 47–62.
Топоров В.Н. (1992) Из области теоретической топономастики // Вопросы языкознания. № 6. С. 3–12.
Топоров В.Н. (1992) О балтийской гидронимии Верхнего Поочья // Lingüistica Baltica. № 1. S. 225–240.
Топоров В.Н. (1995) О северо-западном локусе балтийской гидронимии : (Из цикла *По окраинам древней Балтии*) // Res Balticae. P. 13–40.
Топоров В.Н. (1997) Балтийские следы на Верхнем Дону // Балто-славянские исследования : 1988–1996. М.: Индрик. С. 311–324.
Топоров В.Н. (1997) Балтийский элемент в гидронимии Поочья. III // Балто-славянские исследования : 1988–1996. М.: Индрик. С. 276–310.
Топоров В.Н. (1997) К вопросу о древнейших балто-финноугорских контактах по материалам гидронимии // Балто-славянские исследования : 1988–1996. М.: Индрик, 1997. С. 325–331.
Топоров В.Н.(1966) О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы // Slav. Pragensia. Т. 8. С. 255–263.
Топоров В.Н., Трубачёв О.Н. (1961) Балтийская гидронимия Верхнего Поднепровья // Lietuv. kalbotyros klaus. № 4. P. 195–217.
Топоров В.Н., Трубачёв О.Н. (1962) Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР. 281 с.
Топоров В.Н., Трубачёв О.Н. (1966) Балтийская гидронимия Верхнего Поднепровья // Lietuvių kalbotyros klausimai : IV Lietuvos TSR Mokslų Akademija. С. 195–217.
Транскрипция географических изданий (1960) М.: РИО ВТС. 116 с.
Трубачёв О.Н. (1959) Лингвистическая география и этимологические исследования // Вопросы языкознания. № 1. С. 16–33.
Трубачёв О.Н. (1966) EBURODUNUM – SINGIDUNUM // Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. М.: Мысль. С. 103–105.

Трубачёв О.Н. (1968) Из опыта исследования гидронимов Украины // Baltistica. Vilnius. Т. 4. P. 31−53.

Трубачёв О.Н. (1968) Названия рек Правобережной Украины. М.: Наука. 292 с.

Трубачёв О.Н. (1971) Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янськоі топонімії // Мовознавство. № 6. С. 3−17.

Трубачёв О.Н. (1973) Заметки по этимологии некоторых нарицательных и собственных имен // Этимология : 1971. М.: Наука. С. 80−86. [Гидронимы типа *Чечора, Суходров*; ороним *Говерла*].

Трубачёв О.Н. (1977) Temarundam "Matrem maris" : К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья // Славянское и балканское языкознание. Вып. 3. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М.: Наука. С. 87−95.

Трубачёв О.Н. (1977) Лингвистическая периферия древнейшего славянства : Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. № 6. С. 13−29.

Трубачёв О.Н. (1980) [Рецензия] // Вопросы языкознания. № 6. С. 132−136. Рец. на: Словник гідронімів України. Київ: Наукова думка, 1979. 781 с.

Трубачёв О.Н. (1983) Языкознание и этногенез славян : Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Славянское языкознание : IX Междунар. съезд славистов. Киев. 6−14 сент. 1983 г. : Докл. сов. делегации. М.: Наука. С. 231−270.

Трубачёв О.Н. (1988) Праславянская ономастика в «Этиологическом словаре славянских языков» : Выпуски 1−13 // Этимология : 1985. М.: Наука. С. 3−10.

Трубачёв О.Н. (1989) Germanica и Pseudogermanica в древней ономастике Северного Причерноморья : Этимологический комментарий // Этимология : 1986−1987. М.: Наука. С 50−55.

Трубачёв О.Н. (1994) *Русь, Россия*: Очерк этимологии названия // Русская словесность. № 3. С. 67−70.

Трубачёв О.Н. (1999) Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука. 320 с.

Трубачёв О.Н. (2000) Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Вопросы языкознания. № 5. С. 4−27.

Трубачёв О.Н. (2003) К этимологии названия Швейцарии (*Helvetii, Helvetia ~ Schwyz, Schweiz*) // Этимология : 2000−2002. М.: Наука. С. 5−8.

Трубачёв О.Н. (2003) Этногенез и культура древнейших славян : Лингвистические исследования. 2-е изд. М.: Наука. 489 с. (Отд. изд.: М.: Акад. проект, 2017. 540 с.)

Трубачёв О.Н. (2005) В поисках единства. 3-е изд. М.: Наука. 286 с.

Труды ЦНИИГАиК (1977) Вып. 219. Нормализация географических названий и ее топонимические основы. М.: ОНТИ ЦНИИГАиК. 110 с.

Улицы Москвы. Старые и новые названия : Топонимический словарь-справочник (2003) М.: Наука, техника, образование. 336 с.

Улуханов И.С. (1966) Происхождение названия *Волга* // Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. М.: Мысль. С. 105−107.

Улуханов И.С. (2008) К истории употребления слов «Русь» и «Россия» в письменности Древней Руси // Русское слово в русском мире – 2008 : Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности. М.: Азбуковник ; Словари. ру. С. 158−175.

Успенский Ф.Б. (2008) Новый взгляд на этимологию древнескандинавского названия Киева *Kønugarðr* : (По поводу статьи Э. Мелин) // Вопросы языкознания. № 2. С. 73−81.

Федосюк Ю.А. (1980) Бульварное кольцо // Русская речь. № 5. С. 125−132.

Федосюк Ю.А. (1980) Красная Пресня // Русская речь. № 6. С. 88−91.

Хайдаков С.М. (1969) Топонимы Арчинской языковой территории // Топонимика Востока : Исследования и материалы. М.: Наука. С. 132−135.

Хан-Пира Эд. (1996) Суверенитет, топонимы и предлоги // Русская речь. № 3. С. 119−120.

Хованов Г.М. (1972) О распределении в Центре Европейской части СССР топонимов убывающей частоты // Топонимия Центра : Тезисы докл. М.: МФГО СССР. С. 25.

Хохлачёва В.Н., Букчина Б.З. (1979) Вологодчина, Туретчина, Одесщина // Русская речь. № 4. С. 152−155.

Хренова Т.А. (2015) Память земли Озёрской. Озёры: [Б. и.]. 243 с. [Топонимический словарь Озёрского района Московской области С. 6−104; Словарь озёрской диалектной лексики С. 105−155].

Цеханович М.А. (2006) Мещовск // Русская речь. № 2. С. 96−102.

Цеханович М.А. (2007) Зеленоградск // Русская речь. № 3. С. 95−97.

Цеханович М.А.(2009) Суффикс *-ск-* в русской топонимии и проблема наложения морфем в оттопонимических прилагательных // Вопросы географии. Сб. 312. Современная топонимика. М.: Наука. С. 336−344.

Цоффка В.В. (1988) Ближнее Подмосковье : Немчиновка // Русская речь. № 4. С. 120−122.

Чернов Г.В. (2012) Англо-русский, русско-английский словарь + Американский вариант. 3-е изд. М.: ABBYY Press. 736 с. [2198 топонимов].

Чернова И.А. (1967) Топонимы-словосочетания : (По материалам географических названий г. Москвы) // Микротопонимия. М.: Изд-во МГУ. С. 91−95.

Черных П.Я. (1950) Две заметки по истории русского языка. 1 : К вопросу о происхождении имени Москва // Известия АН СССР. Отделение лит-ры и языка. Т. IX. Вып. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 393−398.

Черных П.Я. (1957) О некоторых старых названиях рек : (Топонимические заметки) // Мовознавство. Т. 14. С. 91−102.

Чеснокова О.С. (2010) Географические названия Колумбии // Латинская Америка. № 10. С. 54−60.

Членов А.М. (1976) Загадки ойконима Киев // Топонимика и историческая география. М.: МФГО СССР. С. 26−30.

Шанский Н.М. (1960) О некоторых географических названиях // Русский язык в школе. № 3. С. 86−91.

Шанский Н.М. (1968) Почему в слове *Солигорск* пишется *и* // Русский язык в школе. № 1. С. 12.

Шанский Н.М. (1969) Двуосновные названия городов в русском языке // Ономастика Поволжья : Материалы I Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск: [Б. и.]. С. 83−94.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. (2006) Жизнь русского слова : Книга для старшеклассников. М.: Вербум-М. 400 с. [Как писать: *Таллин* или *Таллинн*? С. 78−79; О *Швеции*, *шведах* и *своих*. С. 237; *Санкт-Петербург* и другие. С. 253−254; Странный топоним. С. 358].

Шапошников А.К. (2000) Этимологические наблюдения // Этимология : 1997−1999. М.: Наука. С. 192−200. [Этимологии топонимов Ποστίγια, Pos(s)idima, Ταβάνα, Ταρωνα]

Шапошников А.К. (2003) Три ареала арийских языковых реликтов в Восточной Европе // Этимология : 2000−2002. М.: Наука. С. 199−221. [Реликтовые топонимы и гидронимы].

Шапошников А.К. (2005) Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. № 5. С. 30−67.

Шапошников А.К. (2007) Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология : 2003−2005. М.: Наука. С. 255−322. [Реликтовые топонимы, гидронимы, оронимы, хоронимы].

Шапошников А.К. (2008) Древнейшая ономастика Таврического полуострова : Боспор Киммерийский (европейская часть) // Вопросы ономастики. № 2 (6). С. 18−36.

Шапошников А.К. (2010) Языковые реликты хеттского вида в Северном Причерноморье // Этимология : 2006−2008. М.: Наука. С. 227−252. [Реликтовые топонимы, гидронимы, оронимы]

Шапошников А.К. (2012) Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье // Этимология : 2009−2011. М.: Наука. С. 252−308. [Реликтовые топонимы и гидронимы]

Шапошников А.К. (2013) Древнеславянская топонимия Новгорода // Вопросы ономастики. № 2 (15). С. 208−223. Рец. на: Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с.

Шапошников А.К. (2016) Болгаре и Сѣверъ в ономастике Поволжья // Ономастика Поволжья : Материалы XV Междунар. науч. конф. Арзамас. 13−16 сент. 2016 г. Арзамас ; Саров: Интерконтакт. С. 32−36.

Шахбаз А.С. (2009) Русско-арабский и арабско-русский словарь географических названий. М.: Библос консалтинг. 264 с.

Шилов А.Л. (1993) По Суне плыли наши челны : Любознательным туристам о карельских названиях. М.: ЭВРИКА-КЛУБ. 33 с.

Шилов А.Л. (1995) Гатчина // Русская речь. № 1. С. 109−112.

Шилов А.Л. (1996) Топонимический заповедник // Русская речь. № 3. С. 66−74; № 4. С. 92−97.

Шилов А.Л. (1997) «Москва! Как много в этом звуке…» // Русская речь. № 2. С. 93−102. [Этимологии топонима Москва].

Шилов А.Л. (1997) Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской чуди // Вопросы языкознания. № 6. С. 3−21.

Шилов А.Л. (1998) От волжского Шелдомежа до онежского Шелтозера // Ономастика Поволжья : Тезисы докл. VIII Междунар. конф. Волгоград. 8−11 сент. 1998 г. Волгоград: Перемена. С. 24−26.

Шилов А.Л. (1998) Топонимия Карелии в аспекте проблем субстратной топонимии Русского Севера : К происхождению гидроформанта *-ен*(*ь*)*га* // Вопросы языкознания. № 3. С. 107−114.

Шилов А.Л. (1999) Есть ли скандинавская топонимия в Карелии? : (О топонимических свидетельствах в решении этноисторических проблем) // Вопросы языкознания. № 3. С. 109−118.

Шилов А.Л. (1999) Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М.: Наука и техника. 100 с.

Шилов А.Л. (1999) К стратиграфии дорусской топонимии Карелии // Вопросы языкознания. № 6. С. 100−114.

Шилов А.Л. (2001) Вишера // Русская речь. № 1. С. 99−101.

Шилов А.Л. (2001) О мерянских топонимических индикаторах : (Голос в дискуссии) // Вопросы языкознания. № 6. С. 13−27.

Шилов А.Л. (2001) Соловки // Русская речь. № 3. С. 87−90.

Шилов А.Л. (2001) Топонимические кальки и этимология субстратных топонимов // Вопросы языкознания. № 1. С. 43−59.

Шилов А.Л. (2002) Битца и Гвоздянка // Русская речь. № 6. С. 95−97.

Шилов А.Л. (2002) Название «*Волга*» : Критический обзор этимологии и новые альтернативы // Ономастика Поволжья : Тезисы докл. IX Междунар. конф. по ономастике Поволжья. Волгоград. 9−12 сент. 2002 г. Волгоград: Перемена. С. 145−147.

Шилов А.Л. (2003) Географические реалии и топонимические этимологии : (На примере топонимии Русского Севера) // Вопросы языкознания. № 1. С. 109−118.

Шилов А.Л. (2003) Кадаши и Бараши: миф и реальность // Русская речь. № 4. С. 91−95.

Шилов А.Л. (2003) Окраины Москвы : (От Аминьева и Бескудникова до Чертанова и Ясенева) // Русская речь. № 3. С. 84−90.

Шилов А.Л. (2003) Топонимические модели и этимологизация субстратных топонимов Русского Севера // Вопросы языкознания. № 4. С. 29−42.

Шилов А.Л. (2004) Московская Болванка // Русская речь. № 3. С. 78−83.

Шилов А.Л. (2004) Номенклатурные термины в названиях порогов Карелии // Вопросы ономастики. № 1. С. 86−99.

Шилов А.Л. (2005) [Рецензия] // Русский язык в научном освещении. № 1 (9). С. 291−295. Рец. на: Попов С.А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин. Воронеж: Изд. Дом Алейниковых, 2003. 285 с.

Шилов А.Л. (2005) Шлиссельбург, Кингисепп, Копорье // Русская речь. № 6. С. 94−103.

Шилов А.Л. (2006) Термин *чечора* в волжской гидронимии // Ономастика Поволжья : Материалы X Междунар. конф. Уфа. 12−14 сент. 2006 г. Уфа: Изд-во БГПУ. С. 200−203.
Шилов А.Л. (2006) Топонимические свидетельства языческого прошлого Москвы // Вопросы ономастики. № 3. С. 52−64.
Шилов А.Л. (2007) Поклонная гора // Русская речь. № 1. С. 106−112.
Шилов А.Л. (2008) Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М.: Наука, техника, образование. 44 с.
Шилов А.Л. (2008) О саамской топонимии севера Карелии // Вопросы ономастики. № 1 (5). С. 49−64.
Шилов А.Л. (2009) Ещёераз о названии реки *Выг* // Вопросы ономастики. № 7. С. 74−80.
Шилов А.Л. (2009) *Звенигород, Белгород, Новгород, Вышгород* // Вопросы географии. Сб. 132. Современная топонимика. М.: Наука. С. 193−206.
Шилов А.Л. (2009) Звенигород: что звенит и звенит ли? // Русская речь. № 1. С. 93−100.
Шилов А.Л. (2009) К вопросу о наличии германских заимствований в языках создателей топонимии Заволочья // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : Материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург. 8−12 сент. 2009 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 291−293.
Шилов А.Л. (2010) Топонимические маркеры путей экспансии восточных славян в Подмосковье // Вопросы языкознания. № 2. С. 55-63.
Шнитке Г.В. (1954) О транслитерации собственных имен : (По поводу статьи Л.С. Карума) // Вопросы языкознания. № 5. С. 126−129.
Этническая топонимика (1987) М.: МФГО СССР. 144 с.

Барандеев Андрей Васильевич – кандидат филологических наук, Председатель Топонимической комиссии Московского городского отделения Русского географического общества.
Адрес: 109012, Россия, Москва, Новая площадь, д. 10, стр. 2.
Эл. адрес: abarandeev@mail.ru

Для цитирования: *Барандеев А.В.* Московская топонимическая школа: Библиография исследований [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 158-193. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-158-193

For citation: *Barandeev, A.V.* Moscow toponymic school : Research bibliography [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 158–193. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-158-193

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

LANGUAGE AND CULTURE

УДК 811.161.1'373(09) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-194-208

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ПРОЦЕССЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Нина В. Баско
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация

Статья посвящена анализу динамики метафорических образов, лежащих в основе семантики фразеологических единиц, и изучению обусловленности изменений в языке социальными изменениями. Исследование проводится на примере фразеологических единиц русского языка, содержащих в структуре «кулинарный» компонент. При изучении эволюции русской фразеологической метафоры используется диахронический подход, рассматривающий историю развития языка в тесной связи с историей развития общества. Автор рассматривает исторический и социальный контексты, в которых возникали фразеологические обороты в разные периоды развития русского языкового сообщества, характеризует социальную среду и языковую ситуацию того времени. Особое внимание уделяется выявлению социальных факторов, которые определяют характер фразеологической метафоры, формируют семантику фразеологической единицы, влияют на ее оценочную характеристику и особенности ее функционирования в речи. На основании наблюдений автор статьи приходит к заключению, что эволюция фразеологических образов, лежащих в основе семантики фразеологических единиц, детерминирована социально-экономическими преобразованиями на разных этапах развития российского общества. Меняющиеся социокультурные условия формировали новый социальный контекст, новую социальную среду, на базе которых в русском языке возникали фразеологические неологизмы, отражающие динамику развития русского языкового сообщества.

***Ключевые слова**: фразеологическая метафора, метафорический образ, социальный контекст, социокультурная ситуация, социальный фактор, диахроническая социолингвистика*

EVOLUTION OF THE RUSSIAN PHRASEOLOGICAL METAPHOR IN THE PROCESS OF SOCIO-CULTURAL CHANGES

Nina V. Basko
Lomonosov Moscow State University,
Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the dynamics of metaphorical images underlying the semantics of phraseological units, and the study of the conditionality of changes in the language by social changes. The study is carried out on the example of phraseological units of the Russian language containing a "culinary" component in the structure. In studying the evolution of the Russian phraseological metaphor, a diachronic approach is used, considering the history of the development of language in close connection with the history of the development of society. The author examines the historical and social contexts in which phraseological turns arose in different periods of the

development of the Russian language community, characterizes the social environment and the linguistic situation of that time. Special attention is paid to the identification of social factors that determine the nature of a phraseological metaphor, form the semantics of a phraseological unit, and influence its evaluative characteristics and the features of its functioning in speech. Based on observations, the author of the article comes to the conclusion that the evolution of phraseological images underlying the semantics of phraseological units is determined by socio-economic transformations at different stages of the development of Russian society. Changing socio-cultural conditions created a new social context, a new social environment, on the basis of which phraseological neologisms appeared in the Russian language which reflect the evolution dynamics of the russian-language community.

***Keywords**: phraseological metaphor, metaphorical image, social context, socio-cultural situation, social factor, diachronic sociolinguistics*

Введение

Развитие языка тесно связано с развитием общества, с социальным прогрессом. Сложившаяся языковая ситуация в стране, как правило, формируется под воздействием социальных факторов и отражает состояние общества на определенном этапе его исторического развития. В свою очередь, языковая динамика указывает на тенденции и возможные перспективы развития общества. Влиянию социальных процессов на язык, обусловленности языковых явлений общественными явлениями посвящены научные исследования выдающихся российских ученых Е.Д. Поливанова, П.А. Сорокина, В.М. Алпатова, Л.П. Крысина [Алпатов, 2000; Крысин, 2021; Поливанов, 1968; Сорокин, 1992] и др. Являясь средством общения в разных сферах человеческой деятельности – производственной, культурной, образовательной, научной, обиходно-бытовой, – язык не только используется для передачи информации, но и выполняет другие функции: когнитивную функцию (накопление и сохранение информации) и аккумулятивную функцию (накопление и сохранение знания). В данной статье рассматривается связь языковых изменений с изменениями в обществе на примере конкретной группы языковых единиц русского языка – фразеологических оборотов, имеющих в своей структуре «кулинарный» компонент. Фразеологизмы данной группы широко используются в повседневной жизни, в обиходно-бытовом общении россиян.

Статья посвящена анализу эволюции метафорических образов, лежащих в основе семантики русских фразеологизмов, определению исторического контекста и социальной среды, в которых возникли фразеологические единицы, а также определению социальных факторов, повлиявших на их семантику, функционирование, их оценочную характеристику.

Анализ фразеологической метафоры проводится в рамках диахронической социолингвистики, поскольку в основе описания лежит культурно-исторический подход, изучающий историю языка в связи с историей и культурой народа. Такой подход в полной мере

соответствует научному принципу, лежащему в основе диахронической лингвистики. «Для диахронической социолингвистики характерен явно декларируемый и последовательно проводимый в конкретных исследованиях принцип: история языка должна изучаться в тесной связи с историей его носителей, с их повседневной жизнью». [Беликов, Крысин, 2001: 179–180].

Выбор в качестве материала для наблюдения фразеологизмов, имеющих в своей структуре «кулинарный» компонент, объясняется вневременным характером сравнения социального положения, житейского благополучия человека с употребляемой им едой, пищей. С давних времен пища, используемая человеком в повседневной жизни, свидетельствовала о социальных условиях его жизни, о его социальном статусе. Это сравнение актуально и в наше время.

Под «кулинарным» компонентом фразеологического оборота понимается входящий в состав фразеологизма структурный элемент, семантически связанный со словом «кулинария», обозначающий приготовленную пищу, блюдо, кушанье. В словаре Т.Ф. Ефремовой в качестве одного из значений многозначного слова *кулинария* приводится следующее: «Вкусно приготовленная еда». [Ефремова, 2000: 418]. Именно это значение послужило основанием для отбора фразеологических единиц в качестве объекта наблюдений в данной статье.

Источниками фразеологизмов, взятых для анализа, послужили этимологические, толковые и фразеологические словари русского языка. При проведении социолингвистического анализа следует отметить важную роль историко-этимологических словарей, содержащих бесценные сведения о том, в какую историческую эпоху, в каких социально-экономических условиях и в какой социальной среде возник тот или иной фразеологический оборот. Изучение социокультурной ситуации, обусловившей появление фразеологизма, выявление метафорического образа, лежащего в основе фразеологической семантики, и его детерминированности определенным историческим и социальным контекстом, определение сферы функционирования фразеологизма и его соответствия языковой норме определенной исторической эпохи – все эти вопросы, связанные с диахронической социолингвистикой, являются предметом наблюдений в данной статье.

Следуя хронологии появления в русском языке в различные исторические эпохи фразеологизмов с «кулинарным» компонентом, мы охарактеризуем широко употребительные в современной русской речи фразеологизмы данной группы и проанализируем их в социолингвистическом аспекте.

Анализ языкового материала и его результаты

По данным лексикографических источников, первое упоминание устойчивых образных выражений, содержащих «кулинарный» компонент, относится к периоду существования Древней Руси. По своему происхождению это исконно русские фразеологические обороты, возникшие в недрах народной речи: *проще пареной репы, лаптем щи хлебать, за семь верст киселя хлебать, седьмая вода на киселе, заваривать/заварить кашу, расхлебывать/расхлебать кашу, мало каши ел, каши не сваришь* (с кем-либо), *калачом не заманишь* и мн. др.

Фразеологический оборот *лаптем щи хлебать***,** означающий «жить в страшной бедности, в нищете», возник в русском языке в IX в., и связано его появление с принятием на Руси христианства. В то время из Византии на русскую землю была завезена белокочанная капуста, из которой готовили разную еду, и одним из повседневных кушаний простых людей стали щи. Устойчивое выражение возникло на основе прямой ассоциации: в старину беднейшие крестьяне ели щи и ходили в лаптях. Данный фразеологизм имеет просторечную окраску. Семантика фразеологизма *лаптем щи хлебать* указывает на социальное расслоение общества той исторической эпохи, на принадлежность человека, его семьи к самому низкому социальному слою. Используя это выражение в речи, говорящий нередко высказывал пренебрежительное отношение человеку, о котором говорил, которого упоминал.

Многочисленные фразеологические обороты со структурным компонентом *каша* (*мало каши ел, заваривать/заварить кашу, расхлебывать/расхлебать кашу, каши просит, каши не сваришь* (с кем-либо) и др.) очень популярны в речи современных носителей русского языка. Эти устойчивые образные выражения отражают популярность каши как одного из основных видов пищи простого народа на Руси с давних времен. По мнению ученых, устойчивые выражения с компонентом *каша* возникли в русском языке примерно в XVII в. [Шанский, 1985: 70].

Антонимичные по своей семантике, но сходные по оценочной, неодобрительной, характеристике фразеологические обороты *заваривать/заварить кашу* «затевать, начинать сложное, хлопотливое или неприятное дело» и *расхлебывать/расхлебать кашу* «распутывать сложное, хлопотливое или неприятное дело» представляют собой части пословицы *Сам кашу заварил, сам и расхлебывай.* Оба фразеологических оборота и пословица связаны с исконно русским бытовым и обрядовым отношением к каше как к типичной повседневной еде крестьян и как к обязательному кушанью по празднкам, например на свадебных пирах. По мнению исследователей, «выражение образовано примерно в XVII веке путем переосмысления слова *каша* в значении «званый обед, праздник по поводу именин или свадьбы» в «беспорядок, суматоха, сумятица, путаница» [Зимин, Спирин, 1996: 121]. Оба выражения – общеславянские

по своему происхождению, поскольку они порождены общими для славян культурными обычаями и традициями и имеют аналогичные языковые соответствия в славянских языках. Оба выражения *заваривать/заварить кашу* и *расхлебывать/расхлебать кашу* свидетельствуют о принадлежности человека, его семьи к крестьянству – беднейшему социальному слою населения Руси. Общность социального контекста обусловливает семантику всех устойчивых выражений с компонентом *каша*, возникших в этот исторический период.

Разговорное выражение *проще пареной репы* – исконно русский фразеологизм, обозначающий «крайнюю несложность, легкость какого-либо дела» [Мокиенко, 2016: 217]. В какой социальной среде, в каком социальном контексте возникло это выражение в русском языке? Фразеологизм возник в старину, когда репа была важнейшим продуктом в рационе русского крестьянина. До появления в XVII–XVIII вв. на Руси картофеля русские крестьяне выращивали репу, это был широко распространенный в крестьянской среде и дешевый овощ. Метафора, определившая семантику фразеологического оборота, – простота приготовления репы и дешевизна этого овоща – указывает на принадлежность человека, употребляющего в повседневной жизни пищу из репы, к низкой ступени в социальной иерархии. Разговорный характер выражения позволяет говорить о его соответствии литературной норме того времени.

Шутливое разговорное выражение *калачом не заманишь* означает «никакими уговорами, никакими средствами не заставить кого-либо зайти или заехать куда-либо» [Бирих, Мокиенко, Степанова, 2005: 279]. История появления этого выражения обусловлена определенным историческим и социальным контекстом. Издавна на Руси повседневной пищей простого народа был ржаной хлеб. Из дорогой пшеничной муки пекли калачи, которые для простого народа были доступны лишь в праздничные дни. У крестьян калач считался лакомством, который ели только по большим праздникам. Отсюда и значение выражения: не заманишь куда-либо даже вкусным дорогим лакомством. Устойчивое сравнение отражено книжным языком уже в XVII в. Метафорический образ, являющийся стержнем семантики фразеологизма *калачом не заманишь*, указывает на чрезвычайно низкий уровень жизни и благосостояния простого народа той исторической эпохи. То, что выражение имеет разговорный характер, свидетельствует о его соответствии литературной норме той исторической эпохи.

Просторечное исконно русское выражение *за семь верст киселя хлебать*, которое обычно произносят с шуткой или с иронией, имеет значение «напрасно и неоправданно стремиться куда-либо, имея возможность достичь желаемого на месте». Основой фразеологизма является сравнение с повседневным русским кушаньем – киселем. «Кисель – национальное русское кушанье, которое готовили из ржаной, овсяной, гороховой муки. Кисель был недорогим,

повседневным блюдом. Так что ехать за ним далеко не было никакого смысла – его и дома много. Поэтому выражение “За семь верст киселя хлебать” стали применять в значении – ехать далеко за ненадобностью… Поговорка указана в книге “Пословицы русского народа” (1853) В.И. Даля (раздел “Толк – Бестолочь”): “За семь верст киселя есть”. Хотя обычно оборот фиксируется у писателей XIX в., например Тургенева, Салтыкова-Щедрина, он был известен уже в XVIII в., например у Фонвизина» [Бирих, Мокиенко, Степанова, 2005: 90].

Исконно русское, шутливое или ироническое народное выражение *седьмая вода на киселе* означает «человек, находящийся в крайне отдаленном родстве с кем-либо». «Это исконно русское «выражение связано с изготовлением в русских деревнях киселя из овсяной муки. Такую муку несколько раз промывали водой, в воде оставался крахмальный осадок, и после нескольких промываний крахмального осадка уже не образовывалось, так что “седьмая вода” киселем уже не была» [Зимин, Спирин, 1996: 281]. Использование в приведенных выше фразеологических оборотах *за семь верст киселя хлебать* и *седьмая вода на киселе* в качестве стержневого метафорического образа киселя, повседневной недорогой еды жителя русской деревни, подчеркивает исторический контекст (XVIII в.) и социальную среду, в которой возникли эти фразеологические единицы, свидетельствующие о скудости повседневной пищи простого народа, о бедности российского крестьянства.

Рассматривая указанные выше фразеологические обороты в социолингвистическом аспекте, можно отметить общие для них черты. Прежде всего, общность исторического и социального контекста, которые обусловили появление этих устойчивых образных выражений. Исторический и социальный контекст – наиболее значимые экстралингвистические факторы, влияющие на развитие общества и на развитие национального языка. Если исторический контекст указывает на события и факты, случившиеся в определенный момент времени, то социальный контекст указывает на социальные и экономические условия жизни и деятельности человека, на его социальное окружение и социальные связи в определенный момент времени.

По своему происхождению рассмотренные выше устойчивые образные выражения – исконно русские языковые единицы, возникшие в народной русской речи на протяжении долгой истории (с IX по XVIII в.). Социальной средой, в которой возникли данные фразеологизмы, была русская деревня, примитивные обиходно-бытовые условия жизни, простой народ, крестьяне – представители беднейшего социального слоя населения страны.

Социальным контекстом, в условиях которого появились указанные выше фразеологические обороты, было ярко выраженное социальное неравенство, узаконенное крепостным правом, существовавшим в то время на Руси, бедность, нищета крестьян,

составлявших большую часть населения. Об этом ярко свидетельствует, например, семантика фразеологизма *лаптем щи хлебать***.**

Метафорические образы, яркие сравнения, лежащие в основе фразеологической семантики устойчивых выражений, относящихся к этому историческому периоду, определены социальным контекстом, социальными условиями того времени. Это проявляется в том, что в качестве фразеологической метафоры служила пища простого народа, крестьян. Это сравнения с кушаньями, приготовленными из злаковых растений (овёс, рожь, пшеница), из овощей или ягод, которые были распространены в крестьянской среде и были доступны бедному населению. Названия национальных исконно русских кушаний, приготовленных в условиях повседневной крестьянской жизни (щи, каша, пареная репа, солянка, кисель) и в редких случаях по большим праздникам – калач, являющийся крестьянским символом жизненного благополучия, достатка, формировали значение фразеологических единиц. На наш взгляд, метафорические образы, определившие семантику рассмотренных фразеологизмов, выступали в качестве своеобразных социальных маркеров, характерных признаков исторического и социального контекста той эпохи. В функционально-стилистическом отношении исконно русские фразеологические обороты, возникшие в период Древней Руси, относятся к разговорной речи, используемой в обиходно-бытовых ситуациях *(проще пареной репы, калачом не заманишь, седьмая вода на киселе),* или к просторечию *(лаптем щи хлебать, за семь вёрст киселя хлебать).* Активно употребляясь в повседневном бытовом общении, в живой речи простого народа, фразеологизмы со временем приобрели шутливую, ироническую, а иногда и пренебрежительную окраску.

Следуя хронологическому принципу, рассмотрим наиболее выразительные и популярные в речи россиян фразеологические обороты с «кулинарным» компонентом, которые появились и получили широкое распространение в более поздний исторический период – в конце XIX в. – на протяжении XX в. Это такие устойчивые выражения образного характера, как разговорное выражение *сборная солянка*, грубо-просторечное выражение *сделать (отбивную) котлету* (из кого-либо), разговорное выражение *сделать конфетку* (из чего-либо) и разговорное выражение *вешать лапшу на уши***.**

Разговорный фразеологизм *сборная солянка*, означающий «что-либо разнородное, не отличающееся единством стиля», который обычно произносят с шуткой, иронией и гораздо реже с неодобрением, впервые зафиксирован в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова [Ожегов, 1949]. По мнению ученых, исконно русское блюдо «солянка», сравнение с которым лежит в основе семантики этого фразеологического оборота, было известно в русской кухне гораздо раньше, в XVII в. Солянка – густой суп, который готовят из разных продуктов, потому

солянка и называется ‘сборной’. Эта характерная особенность блюда – пестрая, разнородная смесь компонентов – стала семантическим стержнем нового образного выражения. На социальный контекст и на социальную среду, в которой возник фразеологизм, указывают данные «Этимологического словаря русского языка» М.Фасмера. «Название блюда “солянка” – первоначально “селянка” произошло от “сельский”, так как изначально блюдо готовилось в сельской среде, оно значило: “пища селянина”, “селянская похлебка”. Позже, начиная со второй половины XX века “селянку” стали именовать “солянкой”» [Фасмер, 2004: 598]. Шутливое выражение *сборная солянка* получило широкое распространение в речи молодежи и представителей интеллигенции во второй половине XX в., оно популярно и в наше время, соответствуя нормам современного русского языка.

Возникшее в советский период российской истории популярное выражение *вешать лапшу на уши* «намеренно вводить в заблуждение, грубо обманывать или дезинформировать кого-либо; нагло врать» возникло как просторечное, и значит, относящееся к ненормативным речевым единицам. По мнению известного российского ученого В.М. Мокиенко, «это выражение – один из символов постперестроечного периода, знаменующего всеобщую социальную апатию и недоверие как к правительственным структурам, так и к “демократизированным” средствам массовой информации. Лапша на ушах – это всеобщая дезинформация, стремление обмануть простого человека как в политической жизни, так и в финансово-экономических сферах. Оборот имеет арготическое происхождение, где зафиксированы и его варианты: *кидать лапшу* “говорить глупости, болтать ерунду”, *развешивать лапшу* “лгать, придумывать, болтать пустое” и др.» [Бирих, Мокиенко, Степанова, 2005: 375]. Наблюдая за особенностями функционирования этого выражения, профессор В.М. Мокиенко отметил яркую особенность, которую претерпел этот фразеологический оборот в процессе употребления. «Став лидером среди фразеологических арготизмов нового времени, он в сознании говорящих и пишущих, однако, в большинстве случаев уже не воспринимается как арготизм, поэтому стилистический статус его сейчас где-то на грани между просторечием и разговорно-обиходным узусом. Выросший из арго, оборот о *лапше на ушах* перерос свое арготическое прошлое и стал достоянием активного современного употребления – в том числе и литературного» [Там же: 376].

Грубо-просторечное выражение *сделать котлету* (из кого-либо) «избить кого-либо очень сильно, до крови; изувечить» обычно употребляется в форме угрозы. Вероятно, этот фразеологизм советского времени тоже пришел из криминального жаргона. На это указывает исследователь Б.Б. Максимов в книге «Фильтруй базар: Словарь молодежного жаргона города Магнитогорска» [Максимов, 2002: 198]. Однако, на наш взгляд, возможна и иная трактовка

происхождения этого выражения. Поскольку, по мнению специалистов по кулинарии, блюдо “котлета” – отбивной и зажаренный кусок мяса или лепешка из мясного фарша – пришло в русскую кухню из европейской не позднее XVIII в., сравнение избитого человека с отбивной котлетой могло стать основой фразеологической метафоры этого выражения. Так или иначе специфика функционирования этого выражения в речи представителей криминальной среды, его грубо-просторечная оценочная природа свидетельствует о его нахождении за пределами русского литературного языка.

Появившийся в XX в. фразеологический оборот разговорного характера *сделать конфетку* имеет значение «изготовить что-либо красивое, привлекательное, вызывающее восхищение из чего-либо плохого, некачественного, далекого от совершенства». Семантическим стержнем этого выражения является слово *конфетка* в переносном значении «что-либо очень хорошее, привлекательное». Исторический контекст, в котором появился и начал активно функционировать этот фразеологический оборот, – советский период развития страны. Социальная среда, в которой возникло выражение, – речь городского населения страны. Выражение используется в обиходно-бытовых ситуациях, имеет положительную окраску, обычно произносится с одобрением, иногда с иронией.

Итак, наблюдения над фразеологизмами с «кулинарным» компонентом в структуре, появившимися в русском языке в XX в., позволяют сделать следующие выводы. Характерной особенностью фразеологизмов, возникших в русском языке в этот период, является новая, принципиально иная социальная среда, в которой они появились – это криминальный жаргон (*вешать лапшу на уши* и *сделать (отбивную) котлету*) и речь городского населения (*сборная солянка, сделать конфетку*). Важно отметить, что процесс пополнения русского литературного языка словами и выражениями из жаргона характерен для XX–XXI веков. Об этой тенденции в русском языке пишет известный ученый Ю.А. Бельчиков: «Слова и речевые обороты жаргонной речи попадают в литературные тексты так же, как диалектные и просторечные единицы. Включение жаргонизмов в литературные тексты, особенно устные, широко распространено в наше время. Настолько широко, что это стало приметой современной русской речи» [Бельчиков, 2008: 31].

Характеризуя указанные выше фразеологизмы советской эпохи в отношении стилистических свойств, заметим, что выражения *сборная солянка* и *сделать конфетку* относятся к разговорному стилю речи, используются в непринужденном разговоре в обиходно-бытовых ситуациях. Фразеологизмы жаргонного происхождения *вешать лапшу на уши* и *сделать (отбивную) котлету* функционируют как просторечные, употребляются в «эмоциональном» разговоре, с неодобрением, часто на повышенных тонах. Однако широкое

распространение этих выражений, высокая речевая активность привели к тому, что признаки социальной среды, из которой вышли эти жаргонные выражения, постепенно сглаживаются, нивелируются [Бирих, Мокиенко, Степанова, 2005: 376].

Среди новейших фразеологических оборотов русского языка, содержащих в своей структуре «кулинарный» компонент и получивших широкое распространение в современной русской речи, следует отметить два выражения: *в шоколаде* «в хорошем материальном состоянии, благополучии, при деньгах» и *вишенка на торте* «примечательная деталь, дополняющая общую картину». Оба эти выражения буквально ворвались в речь современной молодежи на рубеже XX–XXI вв. и быстро стали популярными. Их широкой распространенности в значительной степени способствовало российское телевидение, особенно молодежные телеканалы, на которых ведущие различных телепрограмм часто использовали эти выражения.

Появление этих фразеологических неологизмов обусловлено новой российской действительностью, новым историческим контекстом, новой социокультурной ситуацией в стране, сложившейся в результате кардинальных политических и социально-экономических реформ 90-х годов XX в. Сформировавшаяся на рубеже веков в России новая социокультурная ситуация и столь фундаментальные изменения в российской общественной жизни не могли не повлиять на изменения в языке, в лексике и фразеологии. Инструментом такого влияния стали метафорические образы фразеологических неологизмов, возникших в эту историческую эпоху. «Механизм образования фразеологических неологизмов не является новым. Новыми стали сами образы фразеологизмов, вызываемые к жизни разнообразными изменениями в современном обществе» [Баско, Зимин, 2017: 412].

Особенностью фразеологических неологизмов является то, что в качестве фразеологической метафоры, семантического стержня этих выражений выступает отнюдь не повседневная пища россиян, а сладости, изысканные кушанья: шоколад и торт, украшенный вишенкой. Эти лакомства, которые в прошлом были доступны не всем россиянам, играют смыслообразующую и экспрессивную роль в создании популярных выражений новейшего периода истории России. Для представителей всех социальных слоев населения шоколад ассоциируется с материальным достатком, благополучием, со «сладкой жизнью» в роскоши. Эта ассоциация и легла в основу семантики популярного в наши дни выражения. Вот как об этом пишет профессор Вл. Новиков: «С давних пор житейское благополучие сравнивалось со вкусной едой: *не жизнь, а малина, молочные реки с кисельными берегами, как сыр в масле кататься*… Но это все далекая старина… А вот шоколад все-таки осознается как некоторая роскошь. В самом выражении таится изрядная доля иронии. Про человека творческого,

мыслящего, масштабного не скажут, что ‘он в шоколаде’, даже если он очень богат. Эта речевая формула больше подходит к тем, кто пробился дуриком. Сегодня он в шоколаде, а завтра беспощадная судьба схрумкает его вместе со сладкой оболочкой» [Новиков, 2016: 51].

Активность употребления фразеологизма *вишенка на торте*, прозрачность и яркая образность метафоры, понятной без комментария нашим современникам, – все это способствует восприятию выражения как исконно русского, «своего», родного. Однако, по мнению профессора В.М. Мокиенко, фразеологизм *вишенка на торте* является американизмом: «Усиленные лингвистические поиски приводят к находке традиционного выражения, которое, видимо, является прототипом русского фразеологического неологизма. Это сочетание the icing on the cake – ‘украшательство, что-л. поверхностное, вводящее в заблуждение’, зафиксированное фундаментальным англо-русским фразеологическим словарем А. В. Кунина» [Мокиенко, 2019: 142–143].

Заключение профессора В.М. Мокиенко о заимствованном характере фразеологизма *вишенка на торте* подтверждает общемировой процесс глобализации, который начал интенсивно проявляться во второй половине XX – начале XXI в. Влияние глобализации на развитие языка огромно. С учетом этого фактора в современной лингвистической науке появился новый термин «языковая глобализация», который ввели в употребление ученые, исследовавшие влияние глобализации на функционирование национальных языков. Он означает «процесс взаимопроникновения языков в условиях глобализации»: «Языковая глобализация отражает тесную связь лингвистики и социологии, науки о языке и науки об обществе, а также эффективность и целесообразность социолингвистического подхода при изучении взаимодействия и взаимовлияния языков» [Глобалистика, 2003: 304]. Языковая глобализация находит выражение, прежде всего, в широком и повсеместном распространении английского языка, в проникновении в национальные языки, включая и русский язык, американизмов.

В начале XXI в. фразеологический неологизм *вишенка на торте* получил широкое распространение в разных языках, стал интернационализмом. Однако носители разных европейских языков нередко воспринимают это выражение как исконное, родное. Вероятно, это связано со сходством ассоциативного мышления разных народов, живущих в похожих социальных условиях, с их принадлежностью к одной социальной группе, с близостью языковой картины мира разных народов. Социальная группа, языковая среда, в которой активно используются фразеологические неологизмы *в шоколаде* и *вишенка на торте*, – представители интеллигенции, образованные люди, жители российских городов.

Динамика общественного развития, меняющиеся социальные условия жизни влияют на социальную среду, на социальную группу, определяющую новую формирующуюся языковую ситуацию. Это подтверждает тезис ученого Е.Д. Поливанова о том, что «экономико-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей языка» [Поливанов, 1968: 86]. В свою очередь, новая языковая ситуация оказывается мощным стимулом развития национального языка.

Выводы

Подводя итоги наблюдений над эволюцией метафорических образов, которые лежат в основе семантики фразеологизмов, содержащих в структуре «кулинарный» компонент, можно сделать определенные выводы.

Изменение метафорических образов в русской фразеологии связано с общественно-политическими изменениями, происходящими в российском обществе на протяжении долгой истории. Общественный прогресс, политические и экономические преобразования, меняющиеся социально-бытовые условия повседневной жизни человека формировали новый социальный контекст и новую языковую ситуацию, в которой возникали фразеологические обороты. Так, в период Древней Руси (IX–XII вв.), когда пища была первостепенным условием выживания человека, сравнения, связанные с повседневной едой беднейшей части населения, доминировали во фразеологической метафорике русского языка. В наше время «кулинарная» метафора не столь популярна, поскольку пища рассматривается как одна из составляющих здорового образа жизни современного человека. Но главное отличие – в самом характере метафорических образов, обусловленных новым социальным контекстом, новыми социальными условиями современной жизни.

На протяжении длительного исторического периода прослеживается движение российского общества от социального бесправия и бедности (***лаптем щи хлебать, за семь вёрст киселя хлебать***) к материальному благополучию, достатку (***в шоколаде, вишенка на торте***). Динамика метафорических образов в русской фразеологии с «кулинарным» компонентом отражает тенденцию поступательного социального развития российского общества и свидетельствует о повышении уровня благосостояния народа.

Развитие научно-технического прогресса, активные процессы глобализации, повышение жизненного уровня россиян, новые социальные условия жизни оказывают влияние на характер фразеологических образов, формирующих семантику фразеологических неологизмов. Эволюция метафорических образов, лежащих в основе семантики употребительных русских фразеологизмов, свидетельствует и о расширении социальных

контактов российского общества на протяжении истории, что отражается в языке. Если первоначально фразеологические обороты с «кулинарным» компонентом возникали исключительно на исконно русской почве, в глубинах народного языка, то в XX – начале XXI в. источниками фразеологических неологизмов стали жаргоны и заимствования из английского языка, что подтверждает теорию языковой глобализации.

Таким образом, наблюдения над эволюцией фразеологической метафоры, лежащей в основе семантики устойчивых образных выражений с «кулинарным» компонентом показывают, что на разных этапах исторического развития русского языкового сообщества фразеологические образы были обусловлены социальными и экономическими преобразованиями, социальным контекстом, повлиявшим на состав, семантику, функционирование и эмоциональную окраску фразеологических единиц.

Литература

Алпатов В.М. (2000) 150 языков и политика. 1917–2000 : Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Краф. 224 с.

Баско Н.В., Зимин В.И. (2017) Новое время – новые фразеологические образы // Сб. материалов XXII междунар. науч. конф. Пушкинские чтения-2017 : Художественные стратегии классической и новой словесности : Жанр, автор, текст: / Отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина. С. 407–416.

Беликов В.И., Крысин Л.П. (2001). Социолингвистика. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т. 315 с.

Бельчиков Ю.А. (2008) Практическая стилистика современного русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга. 424 с.

Крысин Л.П. (2021) Очерки по социолингвистике. М.: Флинта. 360 с.

Мокиенко В.М. (2016) Правильно ли мы говорим по-русски? : Поговорки: что мы о них знаем, откуда они пришли, как их правильно понимать и употреблять. М.: Центрполиграф. 317 с.

Мокиенко В.М. (2019) Современная славянская неофразеология : Сходства и различия. // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме / Гл. ред. Е.В. Ничипорчик. Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. С. 136–146.

Поливанов Е.Д. (1968) Статьи по общему языкознанию. М.: Наука. 375 с.

Сорокин П.А. (1992) Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 544 с.

Шанский Н.М. (1985) Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа. 160 с.

Источники и словари

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. (2005) Русская фразеология : Историко-этимологический словарь : 6000 фразеологизмов / Под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд. М.: Астрель ; АСТ ; Люкс. 926 с.

Глобалистика. Энциклопедия (2003) / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга. 1328 с.

Ефремова Т. Ф. (2000) Новый словарь русского языка : Толково-словообразовательный : В 2 т. М.: Русский язык. Т. 1. 1232 с.

Зимин В.И., Спирин А.С. (1996) Пословицы и поговорки русского народа : Объяснительный словарь. М.: Сюита. 544 с.

Максимов Б.Б. (2002) Фильтруй базар : Словарь молодежного жаргона города Магнитогорска. Магнитогорск: МаГУ. 506 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. (2007) Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп. 784 с.

Новиков Вл. (2016). Словарь модных слов. М.: Словари XXI века. 352 с.

Ожегов С.И. (1968) Словарь русского языка. 7-е изд. М.: Советская энциклопедия. 900 с.

Фасмер,М. (2004) Этимологический словарь русского языка : В 4 т. 4-е изд. М.: Астрель – АСТ. Т. 4. 860 с.

References

Alpatov, V.M. (2000) 150 jazykov i politika. 1917–2000 : Sociolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva [150 languages and politics. 1917–2000 : Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space]. M.: Kraf. 224 p. (In Russ.)

Basko, N.V., Zimin, V.I. (2017) Novoe vremja – novye frazeologicheskie obrazy [New time – new phraseological images] // Sb. Mat. XXII mezhdunarodnoj nauch. konf. Pushkinskie chtenija-2017. “Hudozhestvennye strategii klassicheskoj i novoj slovesnosti: zhanr, avtor, tekst” / Ch. ed. T.V. Maltseva. SPb.: Leningrad State University (Pushkin University). Pp. 407–416. (In Russ.)

Belchikov, Yu.A. (2008) Prakticheskaja stilistika sovremennogo russkogo jazyka [Practical stylistics of the modern Russian language]. M.: AST-Press Book. 424 p. (In Russ.)

Belikov, V.I, Krysin, L.P. (2001). Sociolingvistika [Sociolinguistics]. M.: Russian state humanitarian university. 315 p. (In Russ.)

Krysin, L.P. (2021) Ocherki po sociolingvistike [Essays in sociolinguistics]. M.: Flinta. 360 p. (In Russ.)

Mokienko, V.M. (2016) Pravil'no li my govorim po-russki? : Pogovorki: chto my o nih znaem, otkuda oni prishli, kak ih pravil'no ponimat' i upotrebljat' [Do we speak Russian correctly? : Sayings: what do we know about them, where did they come from, how to understand and use them correctly]. M.: Tsentrpoligraf. 317 p. (In Russ.)

Mokienko, V.M. (2019) Sovremennaja slavyanskaja neofrazeologija: Shodstva i razlichija [Modern Slavic Neo-Phraseology : Similarities and Differences] // Slavyanskije lingvokul'tury v prostranstvennom i vremennom kontinuume / Ch. ed. E.V. Nichiporchik. Gomel: Gomel state university (F. Skaryna University). Pp. 136–146. (In Russ.)

Polivanov, E.D. (1968) Stat'i po obshchemu jazykoznaniju [Articles on general linguistics]. M.: Nauka. 375 p. (In Russ.)

Shansky, N.M. (1985) Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka [Phraseology of the modern Russian language]. M.: Vysshaja shkola. 160 p. (In Russ.)

Sorokin, P.A. (1992) Chelovek. Civilizacija. Obshchestvo [Man. Civilization. Society]. M.: Politizdat. 544 p. (In Russ.)

Sources and dictionaries

Birikh, A.K., Mokienko, V.M., Stepanova, L.I. (2005) Russkaja frazeologija : Istoriko-etimologicheskij slovar' : 6000 frazeologizmov [Russian phraseology : Historical and etymological dictionary: 6000 phraseological units] / Ed. V.M. Mokienko. 3rd ed. M.: Astrel: AST: Lux. 926 p. (In Russ.)

Efremova, T. F. (2000) Novyj slovar' russkogo jazyka : Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory derivational] : In 2 vol.. M.: Russkij jazyk. Vol. 1. 1232 p. (In Russ.)

Globalistika : Entsiklopediya [Globalistics : Encyclopedia] (2003) / Ch. ed. I.I. Mazur, A.N. Chumakov; Center of scientific and applied programs “Dialogue”. M.: Raduga. 1328 p.

(In Russ.)
Maksimov, B.B. (2002) Fil'truj bazaar : Slovar' molodezhnogo zhargona goroda Magnitogorska [Filter the market : Dictionary of youth jargon of the city of Magnitogorsk]. Magnitogorsk: MaGU. 506 p. (In Russ.)
Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2007) Bol'shoj slovar' russkih pogovorok [Big dictionary of Russian proverbs]. M.: Olma Media Group. 784 p. (In Russ.)
Novikov, Vl. (2016). Slovar' modnyh slov [Dictionary of fashionable words]. M.: Slovari XXI veka. 352 p. (In Russ.)
Ozhegov, S.I. (1968) Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. Ed. 7th. M.: Sovietskaja Encyklopedija. 900 p. (In Russ.)
Vasmer, M. (2004) Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language] : In 4 vol. 4th ed. M.: Astrel – AST. Vol. 4. 860 p. (In Russ.)
Zimin, V.I., Spirin, A.S. (1996) Poslovicy i pogovorki russkogo naroda : Ob"jasnitel'nyj slovar' [Proverbs and sayings of the Russian people : Explanatory dictionary]. M.: Sjuita. 544 p. (In Russ.)

Баско Нина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Адрес: 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1
Эл. адрес: ninabasko@mail.ru

Для цитирования: *Баско Н.В.* Эволюция русской фразеологической метафоры в процессе социокультурных изменений [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 194–208. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-194-208

For citation*: Basko, N.V.* Evolution of the Russian phraseological metaphor in the process of socio-cultural changes // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13) [online]. Pp. 194–208. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-194-208

ДИСКУССИИ

DISCUSSIONS

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-209-223

ВАРИАНТНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ЕГО РАЗВИТИЯ

Юрий В. Дорофеев
Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования,
Российская Федерация

В статье рассматриваются особенности функционирования русского языка в современном мире на основе принципов лингвистического функционализма и теории вариантности. Путем сопоставительного анализа устанавливаются закономерности образования и развития различных форм существования языков, устанавливаются их соответствия различным условиям функционирования языка. Исследование материалов по вариативности русского языка позволяет утверждать, что на нынешнем этапе для него характерны не только территориальный и социальный типы варьирования, но и региональный и национальный. При этом сопоставление вариантов русского языка указывает на то, что у них сохраняется общее ядро (инвариант), позволяющее идентифицировать их именно как варианты, а не отдельные языки.

Ключевые слова: *вариант, георусистика, функционализм, форма существования языка, русский язык*

VARIATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS A NECESSARY CONDITION FOR ITS DEVELOPMENT

Yuri V. Dorofeev
Crimean Republican Institute of Postgraduate Teacher Education,
Russian Federation

The article discusses the features of the functioning of the Russian languages in the modern world based on the principles of linguistic functionalism and the theory of variance. On the basis of a comparative analysis, the author establishes regularities for the formation and development of various forms of the existence of languages, as well as their correspondence to various conditions for the functioning of a language. The study of materials on the variability of the Russian language allows determining that at the current stage it is characterized not only by territorial and social types of variation, but also by regional and national ones. At the same time, a comparison of the variants of the Russian language indicates that they retain a common core (invariant), which makes it possible to identify them precisely as variants, and not as separate languages.

Keywords: *variant, georusistica, functionalism, form of language existence, Russian language*

В процессе становления функциональной парадигмы в лингвистике [Рудяков, 2020а] в последние годы интересы русистов сместились в сторону исследования соответствующих

аспектов развития русского языка в целом. На первое место выходит процесс функционирования языка, «живая речь, а не суррогат, не абстрагированные от человека формы. Языкознание становится наукой о языковой личности, использующей язык для реализации своих практических целей» [Рудяков, 1993: 11]. Обсуждая перспективы развития русистики в XXI в., ученые в той или иной степени уделяют внимание вариантности как существенному свойству русского языка, которое отражает его функционирование в разных условиях, и как необходимому условию эволюции русского языка и сохранения его социальных функций. Поиски ответа на вопрос о роли категории вариантности в развитии и изменчивости языка требуют совершенно новой гносеологической и методологической базы [Рудяков, 2020b]. Поэтому мы полагаем необходимым в рамках нашего исследования определить, какие характеристики русского языка оказываются в фокусе внимания современных лингвистов и как они соотносятся с категорией вариантности.

Системность языка вообще обусловлена спецификой условий его функционирования: «Семантическое устройство языка предопределено устройством субъективной реальности, формами и процессами мышления и отражает ориентацию человека в мире» [Шелякин, 2005: 132]. Язык отражает все многообразие объективной действительности относительно человека как субъекта сознания, и, если бы такое диалектическое и живое единство отсутствовало, язык не мог бы выполнять свои функции. Ведь «феномен, который можно назвать владением языком, состоит в способности относительно успешно ориентироваться в напластованиях разнородных компонентов и их непрерывных пластических изменениях, в бесчисленных переплетениях аллюзионных, эмотивных, жанровых силовых линий» [Гаспаров, 1996: 14–15]. Таким образом, обнаруживается функциональная и телеологическая обусловленность языка как инструмента, обеспечивающего взаимодействие и адаптацию людей. Эта обусловленность требует исследования языка с позиций пользователя, которая определяется разнообразными пресуппозициями (психическими, культурными, общественно-историческими, физическими и др.), и с позиции телеологической, поскольку речевая деятельность направлена на приведение поведения и сознания окружающих в соответствие со своими представлениями о должном и желаемом [РАН], поэтому функциональная характеристика языковых средств заключается в определении их онтологических свойств на основе функции объекта (элемента, структуры, системы). При этом именно «подвижность» языка есть одно из условий его бытия, язык «изменяется, чтобы *продолжать функционировать* как таковой» [Косериу, 2001: 18]. Таким образом, изменчивость есть одно из фундаментальных свойств языка, а невозможность преобразований делает его замкнутой системой, не способной к выполнению соответствующей

функции. Изменчивость же и динамичность языка, в свою очередь, обеспечиваются в процессе варьирования, посредством которого реализуются потенциальные возможности системы.

Изменчивость языка отражает его непосредственную связь с опытом субъекта, которую Ш. Балли определил парадоксальным образом: «Языки непрерывно изменяются, однако они могут функционировать только не изменяясь» [Цит. по: Косериу, 2001: 5]. Чтобы разрешить обозначенную проблему, необходимо помнить: «То, что называется “изменением в языке”, является таковым лишь по отношению к языку предшествующей эпохи, а с точки зрения современного языка, это кристаллизация новой традиции, то есть как раз неизменение» [Там же: 17]. Поэтому рассмотрение разнообразных модификаций в языке с точки зрения отступления от норм или даже порчи языка является следствием того, что в качестве образца лингвистами нередко рассматривается некий абстрактный, эталонный, нормативный и статичный язык, который не зависит от конкретных условий речевой деятельности и принимается исследователями как уже сложившаяся и статичная система, не требующая дальнейшего развития.

В связи с определением изменчивости как характеристики живого естественного языка возникает вопрос: почему изменение соответствует онтологии языка и его функционированию? Э. Косериу отвечает на него следующим образом: «Язык изменяется именно потому, что он не есть *нечто готовое*, а непрерывно *создается* в ходе языковой деятельности. Другими словами, язык изменяется, потому что на нем говорят, потому что он существует лишь как техника и совокупность закономерностей речи» [Там же: 46]. Но могут ли языки не изменяться? Возможно, на каком-то этапе совершенство языка становится абсолютным и уже не допускает вмешательства со стороны своего носителя/ Ведь как пишет Э. Косериу: «В самом деле, уже то, что мы обсуждаем эту проблему в причинных терминах и задаемся вопросом, *почему изменяются языки* (как будто они не должны изменяться), подразумевает, очевидно, *естественную устойчивость*, нарушаемую и даже отрицаемую развитием, которое представляется противоречащим самой сущности языка» [Там же: 5].

Наиболее последовательно суть изменчивости языка в связи с внешними факторами демонстрирует анализ традиции исследования категории вариантности на материале романских и германских языков. В результате переключения внимания ученых с описания структурных свойств отдельных форм существования языков, где ведущим принципом была материальная близость элементов и ориентация на выбор одного из них как основного, образцового, на их функциональные характеристики был обоснован постулат о возможности развития и относительно самостоятельного существования разных типов вариантов

(территориальных, социальных, региональных, национальных и др.) английского, немецкого, французского и испанского языков.

Но в исследованиях по русскому языку категория вариантности по-прежнему рассматривается преимущественно в рамках противопоставления норма/вариант [Королькова, 2014], а не инвариант/вариант, вследствие чего все формы существования языка рассматриваются по отношению к литературной как дополнительные и воспринимаются многими лингвистами как исключительно речевые факты. Такой подход находит объяснение в истории языкознания и социума, поскольку в какой-то момент выделение литературной формы языка становится важным этапом консолидации его носителей. Поэтому традиционно в отечественном языкознании наряду с литературной формой в рамках общенародного языка выделяются территориальные и социальные диалекты (варианты), которые определяются как в разной степени закрытые подсистемы. При этом все типы диалектов нередко характеризуются как уходящие в прошлое или имеющие очень ограниченную сферу использования, хотя нет никаких сомнений в том, что большинство диалектов всех типов существуют наравне с литературной формой не одно столетие, развиваются параллельно с ней и не утрачивают свою актуальность до сих пор. Следует отметить также, что многие из территориальных диалектов уходят своими корнями в историю народа и существовали уже в ту эпоху, когда литературного варианта еще не было.

Выдвижение в исследованиях на первый план функциональных характеристик языка обусловливает интерес ученых к его вариативности, которая становится предметом отдельного рассмотрения, чему способствует новый этап развития русского языка, его функционирования в разных регионах России и за ее пределами [Рудяков, 2016]. Вследствие этого, кроме традиционных территориальных и социальных вариантов, русисты стали выделять региональные варианты и национальные варианты (а также и некоторые другие, см., например, исследование русских пиджинов [Перехвальская, 2008]). Необходимость описать подобные формы существования русского языка в рамках имеющегося категориального аппарата, привела к констатации функционирования новых для русского языков типов вариантов. Ряд лингвистов рассматривает эту проблему с позиции определения вариативности конкретного языка в определенную историческую эпоху как свидетельство в пользу когнитивной мощности языка, его способности к активному развитию и востребованности в разных слоях социума и на большой территории (А.Н. Рудяков, Г.В. Степанов, Е.А. Журавлёва и др.). Такой подход к проявлению языковой вариативности представляется нам закономерным и обоснованным.

Осмысление каждой новой формы существования русского языка сталкивается с разного рода затруднениями, главным из которых является поиск термина, которым следует

обозначить новый феномен. Определения таких терминов, как *диалект, полудиалект, социолект* относительно устойчивы, а специфика употребления новых терминов не вполне ясна. Например, терминами *региональный язык, региональный вариант, регионолект* обозначают особую форму устной речи, в которой «утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые черты и особенности; это норма, с одной стороны, не достигшая статуса литературного языка, а с другой стороны, в силу наличия множества ареально варьируемых черт, не совпадающая с городским просторечием» [Герд, 1995: 13]. Для обозначения языка региона используют также устоявшийся термин *койне*, хотя эта форма языка по своей сути является наддиалектным идиомом, который определяется как «функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков» [Языкознание, 2000: 230]. Подчеркнем, что дискуссии относительно содержания перечисленных терминов свидетельствуют о необходимости осмысления проблемы возникновения новых форм существования русского языка. Собственно, трансформация территориальных диалектов в полудиалекты или региональные варианты является вполне закономерной, о чем свидетельствует и образование регионолектов в других языках. Но сама эта трансформация пока настолько непривычна, что требует разработки нового подхода к языковым явлениям, и это вполне объяснимо, поскольку противопоставление литературной формы территориальным диалектам давно стало традиционным, а включение в данный ряд других компонентов в рамках структурного или семантического подхода затруднительно.

Наблюдение над особенностями функционирования языков приводит к мысли, что, хотя в каждом языке выделяются характерные для него формы существования, сами эти формы не являются уникальными. И в целом для всех языков характерна единая стратификация языковых состояний, соответствующая их положению в социуме, хотя отдельные формы существования могут рассматриваться для конкретного языка как актуальные или потенциальные. Поэтому исследование русского языка должно базироваться на представлении о том, что любой язык имеет тенденцию к дифференциации своих вариантов в зависимости от региональной и социальной распространенности.

Рассматривая всю совокупность форм реализации отдельного языка, мы можем выделить варианты, которые характерны именно для него. Для русского языка такими формами традиционно считаются литературный язык, территориальный диалект и социальный диалект, однако мы полагаем необходимым дополнить этот ряд. Обозначим кратко особенности выделяемых сегодня учеными форм существования русского языка. При этом

отметим, что литературную форму следует рассматривать с позиции теории вариантности как один из социальных вариантов [Маковский, 1982: 7], обладающий большей степенью престижности и значимости, чем прочие.

Для каждого языка существует своя фрагментация действительности, которая по-разному соотносится с деятельностью пространственно или социально ограниченных групп, использующих для обозначения таких фрагментов мира особые средства номинации. Фиксированность номинаций по отношению к объектам действительности устойчива и необходима для взаимодействия в социальной среде. При этом различия между вариантами отражают коммуникативные нужды говорящих и являются следствием нескольких причин. Среди них следует назвать следующие: 1) невозможность обозначить объекты и явления действительности номинативными единицами, характерными для противопоставленного варианта (подходящего средства может вообще не существовать в той форме языка, которая используется в других коммуникативных условиях); 2) соображения экономии языковых средств и желание более компактно выразить мысль, чем это допускает система номинаций противопоставленных вариантов; 3) стремление к экспрессивности и оригинальности; 4) необходимость указания на свою принадлежность к пространственно или социально ограниченной группе. Значимость причин может быть различной, но все они могут способствовать созданию нового знака или видоизменению старого, в том числе и путем заимствования. Эти возможности своеобразно преломляются для разных ситуаций общения, связанных с пространственным и социальным членением коллектива.

Исключение отдельных типов вариантов из системы национального языка представляется необоснованным и противоречит самой природе русского языка. По этому поводу Ф.П. Филин писал, что сведение русского национального языка только к литературному – применительно к дореволюционному времени в России – означало бы, что «крестьяне, рабочие, значительная часть других социальных слоев населения находились вне нации, а нацией была лишь верхушка общества» [Филин, 1981: 167]. Таким образом, описание разных форм русского языка как исключительно речевых фактов не имеет под собой основания: они выступают как функциональные варианты, реализующие единый инвариант в различных условиях [Рудяков, 2016].

Расхождения в системах номинации территориальных и социальных вариантов исследованы достаточно широко. Признаки этих форм достаточно устойчивы: они обслуживают бытовые интересы территориально ограниченной и относительно замкнутой группы носителей языка или объединенного социальными интересами коллектива и обладают собственными, являющимися устойчивыми и нормативными для них отличиями от других

вариантов. При этом данные формы являются компонентом более общей структуры и обладают признаками генетического и структурного единства в системе данного языка.

Активизация исследования диалектов русского языка относится к началу XX в., но на протяжении века отношение к ним было неоднозначным, а в наше время интерес к этой форме существования национального языка связан с общей антропоцентричностью языкознания, вследствие чего территориальные варианты рассматриваются как характеристика культуры, личности, этноса, связываются с процессом категоризации действительности в языке. При этом в круг интересов лингвистов входят и такие диалекты, которые распространены за пределами исконной территории функционирования русского языка (например, в Южной Америке) [Ровнова, 2010]. Лексическое своеобразие диалектов не вызывает сомнений, а словарное богатство каждого отдельного диалекта вполне сопоставимо с литературной формой.

В основе территориального типа варьирования лежит инвариантная система национального языка, о чем свидетельствуют факты диалектной речи. Так, диалектная лексика, представленная в Псковском областном словаре, охватывает как общеязыковое ядро, так и собственно диалектные номинативные единицы, отражающие специфику быта, географические условия и т.п.: *бабаха* (оладья, лепешка), *бегитка* (походка), *большан* (крупная рыба), *вбиться* (с усилием проникнуть куда-нибудь), *взгалиться* (засмотреться), *выпрать* (выстирать), *гадюк* (змея), *гоготуха* (гусыня), *горбак* (крайний ломоть каравая), *деряга* (недоброжелательный злой человек), *жалковать* (печалиться, горевать), *заглумной* (плохо соображающий, дурной), *издеватель* (тот, кто издевается над кем-то), *квасовар* (человек, который готовит квас) [Словарь, 1965–2010]. Данные примеры наглядно демонстрируют, как потенциально возможное в языке актуализируется в соответствующих условиях. И неслучайно представители московской лингвистической школы рассматривали территориальные варианты как макросистему, реализацией которой является отдельно взятый говор. Такая позиция обусловлена тем, что часть элементов этой макросистемы присутствовала во всех говорах, а часть была представлена в виде соотносительных вариантов, которые получили название противопоставленных и непротивопоставленных диалектных различий и которые в рамках теории вариантности определяются как соответствия между разными типами вариантов [Степанов, 2004] или как дивергентные и аналоговые различия [Швейцер, 2003]. Таким образом, данный параметр позволяет сопоставить территориальное (диалектное) варьирование с региональным и национальным.

В новых условиях существования диалекты вобрали в себя (иногда значительно преобразовав) очень много лексических единиц из других вариантов (в том числе литературного варианта). Собственно говоря, если строго следовать определению

территориальных диалектов, то ими можно считать только такие варианты, которые функционируют на исконной территории распространения данного языка, а все прочие варианты в рамках единого государства следует относить к региональным, но на территории России, как и бывшего СССР, территориальное варьирование всегда связывали с сохранением местных традиций и межнациональными тенденциями развития. Мы полагаем, что причины возникновения территориальных вариантов восходят к онтологии и древнейшей эволюции языка и связаны с необходимостью противопоставления того коллектива, который осознается как свой, другому – чужому. Такое противопоставление есть стимул развития для обеих групп.

Общие закономерности варьирования наблюдаются и в процессе анализа социальных вариантов (диалектов; социолектов), представляющих собой более или менее устойчивую подсистему языковых средств (как правило, номинативных), характерных для речи какой-либо социальной группы (потенциально таких групп может быть неограниченное количество: профессиональные, возрастные, сословные и т.п.) в рамках конкретного национального языка. В этом случае тоже возникают соответствия, носящие, однако, не пространственный, а социальный характер. В пределах этих вариантов обнаруживаются те же закономерности, которые характерны для территориальных вариантов: противопоставление другим формам существования; наличие специфических номинативных средств; выделение объединенной по социальному признаку группы из числа ей подобных.

Рассмотрим с этой точки зрения ряд примеров: *бахнуть* (выпить спиртного), *башли* (деньги), *бекапить* (создавать резервную копию), *отпадный* (прекрасный, достойный удивления), *гуманоид* (студент гуманитарного факультета), *двинутый* (ненормальный), *сбацать* (сыграть что-то), *зависать* (находиться где-то на протяжении определенного времени), *минор* (бедный человек), *наворот* (что-то сложное для понимания) [Никитина, 1998]. Анализ этих номинативных единиц позволяет отметить, что, во-первых, они характеризуются как речевые особенности относительно обособленных групп людей и потому противопоставляются средствам реализации тех же сигнификатов в других вариантах языка; во-вторых, они существенно отличаются от соотносительных с ними единиц, представленных в других вариантах, не только в плане экспрессивности (на самом деле эта характеристика не является преобладающей), но и, что гораздо важнее, как явный показатель принадлежности к определенному кругу, т.е. на первый план в значении этих слов выступают семы, удачно названные А.Н. Рудяковым «мы-семами» и выполняющие демаркационную функцию; в-третьих, такой тип варьирования демонстрирует уже отмеченные выше закономерности возникновения специфических для данной формы номинативных единиц.

Относительно наличия других типов варьирования в русском языках сегодня ведутся дискуссии. Ученые выделяют региональные варианты (региолекты) [Словарь, 2006], этнические варианты (этнолекты) [Там же], а также, по аналогии с такими языками, как испанский и английский, национальные (нациолекты) [Рудяков, 2016]. В некоторых случаях особо выделяются разные типы интерферированных форм языков (русско-украинский суржик, русско-белорусская трасянка, русские пиджины на востоке России и т.п.). Рассмотрим особенности этих форм.

При характеристике региональных вариантов важными оказываются следующие признаки: 1) «региональное своеобразие речи зависит не от естественных границ регионов, а от причин собственно лингвистического и экстралингвистического характера, прежде всего от контактов с другими языками и от взаимодействия с окружающими говорами» [Сергиева, 1994: 11]; 2) «существенной характеристикой региолекта является его соотнесенность с определенным социумом, что определяет все разнообразие дифференциальных особенностей в языке региона» [Новикова, 2011: 19]. Указанные признаки подводят нас к мысли, что региональный вариант представляет собой форму существования языка, которая обусловлена пространственным и социальным факторами. И актуальность приобретает не только установление статуса, содержания и структуры языкового образования, определяемого термином *региолект*, но и квалификация номинативных единиц, которые репрезентируют данную форму.

Очевидно, региональный тип варьирования отмечался исследователями и ранее, хотя для его описания и использовался иной терминологический аппарат. Обсуждая эту проблему, В.И. Беликов указывает на словарную помету *обл*., которая выводила функционирование соответствующего слова за рамки литературной нормы, но при этом и не относила его исключительно к диалектной системе [Беликов, 2004]. Подобные единицы получали разные дефиниции, вследствие чего для их обозначения использовались термины *диалектизм, локализм, провинционализм, регионализм*. Таким образом, к ним относились номинативные средства, которые имели ограниченное употребление или получившие наименование *безэквивалентная лексика, этнографизмы, экзотизмы*. Термин *регионализм* наиболее поздний по времени появления. Т.Ф. Новикова отмечает, что «такое явление, как регионализмы, т.е. специфические, только в данном регионе понятные и употребляемые слова и выражения, в наименьшей степени изучено, если не сказать больше – не изучено» [Новикова 2011: 21], и поэтому пока что у него нет достаточно четкой дефиниции. Кроме того, ученые отмечают также, что для региональных разновидностей конкретного языка характерно наличие заимствованных единиц, которые проникают в них вследствие длительных контактов

носителей разных языков на одной территории. В частности, для русского языка возникновение региональных вариантов связано с его функционированием в отдельных субъектах Российской Федерации [Lanovaya, 2021]. Несмотря на определенные расхождения в интерпретации соответствующих языковых фактов, можно утверждать, что региональный тип варьирования является актуальным для современного русского языка так же, как и для многих других языков.

На материале языков германской и романской групп были выделены национальные варианты. Можно ли говорить о таком типе варьирования применительно к русскому языку? Поскольку национальные варианты выделяют в системе тех языков, которые распространены на территории двух или более государств (именно функционирование в рамках иной государственности обусловливает этот тип варьирования), то, по мнению многих лингвистов (А.Н. Рудяков, Е.А. Журавлева, И.Н. Кошман и др.), именно такая ситуация складывается в ряде стран, в которых русский язык продолжает активно использоваться после распада СССР, поэтому они предлагают рассматривать русский язык как национально негомогенный и имеющий тенденцию к образованию своих национальных вариантов.

Наличие национальных вариантов не разрушает единство языка. Осознание языка как компонента какого-либо государственного образования, независимо от того, используется ли он другими нациями или государствами, «должно основываться на понимании возможности самостоятельного и независимого развития собственного национального языка, хотя бы он и относился к языку другой нации, как одна разновидность (вариант) единого языка относится к другой его разновидности (варианту)» [Языкознание, 2000: 326]. При этом важно помнить, что «обслуживает ли язык одну или несколько наций, к определению признаков нации это не имеет никакого отношения» [Филин, 1981: 89].

В аспекте возможности образования национальных вариантов представляют интерес закономерности функционировании русского языка на территории государств, образовавшихся в результате распада Советского Союза. Все больше исследователей сегодня склоняются к мысли, что изучение и преподавание русского языка на Украине, в Беларуси, Казахстане, Латвии требуют иного подхода, нежели в России. Показательны в этом отношении материалы Международных конгрессов исследователей русского языка (МГУ им. М.В. Ломоносова), конгрессов МАПРЯЛ, Международного крымского лингвистического конгресса, материалы сборников «Русский язык в странах СНГ и Балтии», «INSTRUMENTARIUM OF LINGUISTICS: SOCIOLINGUISTIC APPROACHES TO NON-STANDARD RUSSIAN». Особый интерес представляет ситуация с русским языком в тех странах, где русский язык получил статус государственного или официального (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан). Эта ситуация вполне

отвечает тем условиям, которые определяют самостоятельное развитие варианта языка на территории другой страны. В этих государствах русский язык продолжает развиваться естественным путем, в результате чего происходят стихийные (а иногда и целенаправленные) изменения.

Выводы

С позиции функциональной парадигмы национальный язык существует в виде различных форм (вариантов), среди которых выделяют литературную форму, несколько территориальных и региональных форм, а также разнообразные социальные и просторечные формы. При этом для каждого конкретного языка актуальными могут быть различные типы вариантов, в том числе может отсутствовать литературная форма, что не отрицает потенциальной возможности ее развития. Обобщенные результаты сопоставления системы вариантов в испанском, французском, немецком, английском и русском языках и соотнесение их с принципами описания форм существования одного языка в лингвистике позволяют установить типологическую зависимость между типом варианта и влиянием экстралингвистических факторов (пространственных и социальных).

При сопоставлении разных вариантов одного языка обнаруживается, что они сохраняют общее ядро, позволяющее идентифицировать их именно как варианты, а не отдельные языки. Это ядро проявляется прежде всего в наличии инварианта, который определяет границы варьирования. Поскольку язык представляет собой непрерывный континуум вариантов, а границы государств и этнокультурных общностей часто не совпадают, между вариантами не всегда можно провести четкую границу. История отдельных языков показывает, что языки, которые не изменяются, перестают отвечать требованиям своих носителей: жизнь человека динамична, и поэтому все, что с ней связано, не может пребывать в одном и том же неизменном виде всегда. Вследствие этого даже искусственные языки испытывают потребность в развитии и подвергаются изменениям (хотя бы в области словаря).

Изменения касаются всех форм существования языка. При этом исчезновение старых единиц, по каким-либо причинам ставших неактуальными, не следует относить к обеднению или разрушению языка. Чаще всего в языке устаревшие компоненты сохраняются, переходя в пассивный запас и не нарушая баланса системы. Так называемые архаизмы или историзмы могут сохранять актуальность в художественных произведениях, использоваться в социальных или территориальных вариантах, их значение может быть переосмыслено со временем (например, слова *городовой, десница, епанча, кольчуга, перст, фельдфебель* и т.д.). Часть этих слов может вновь актуализироваться, как, например, слова *полиция, губернатор* в современной

России или *стилус*. Часть слов уходят безвозвратно и не включаются в современные словари: *абулия, баркан, вакация, двоегласие, жирандоль, кирченый, кунктатор* и т.д., а некоторые, сохранившиеся в словарях, могут быть нам уже не знакомы. Для теории вариантности важно, что устаревшие слова, словосочетания, грамматические формы и даже фонемы могут быть актуальными в одном варианте языка и почти или совсем не использоваться в другом (например в территориальном и литературном вариантах). При этом могут приобрести особое значение во всех разновидностях одного или даже нескольких языков те номинативные единицы, которые ранее рассматривались как региональные, определялись как экзотизмы и т.п. (*мате, паб, сомелье, таблоид* и др.). Таким образом, процесс адаптации языка к изменяющимся условиям проявляется в том, что носители языка приспосабливают его к своим потребностям.

Следовательно, «изменение – это не простая случайность, оно принадлежит самой сути языка: в самом деле, язык создается посредством того, что называют «языковым изменением» [Косериу, 2001: 75]. Справедливость этого тезиса, мы полагаем, распространяется и на варьирование в русском языке, вариантность которого – это не нарушение норм, не трансформация литературной формы, а категория, отражающая закономерности эволюции и функционирования живого языка, обслуживающего человеческий Универсум. Вариантность языка должна объясняться с учетом его функций и конкретных форм существования, поскольку язык, используемый для регулирования социальных отношений в пределах языковой общности, не может быть статичным, а непрерывно преобразуется и перевоссоздается в деятельности человека. Вариантность же выступает как основа сохранения функционального, а не структурного единства языка.

Развитие и функционирование языков в мире определяется общими закономерностями, среди которых – потенциальная возможность образования разных типов вариантов в соответствующих условиях. Русский язык не является исключением. Поэтому его использование за пределами территории исконного распространения и разными социально-культурными общностями обусловливает адаптацию русского языка к различным территориальным, социальным, политическим и культурным ситуациям. И ведущую роль в этом процессе играет именно вариантность как категория, обеспечивающая функциональное единство различных форм существования русского языка.

Литература

Беликов В.И. (2004) Задачи социальной лексикографии // Русский язык : Исторические судьбы и современность : II Междунар. конгр. исследователей рус. яз. : Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. М.: Изд-во МГУ. С. 181–182.

Гаспаров Б.М. (1996) Язык, память, образ : Лингвистика языкового существования. М.: НЛО. 352 с.

Герд А.С. (1995) Введение в этнолингвистику.СПб.: Изд-во СПбГУ. 92 с.

Королькова О.О. (2014) Основные аспекты изучения вариантов в современном русском языкознании // Научный диалог. № 10 (34) : Филология. С. 108–122.

Косериу Э. (2001) Синхрония, диахрония и история : (Проблема языкового изменения). 2-е изд., стереотипное. М.: Едиториал УРСС. 204 с.

Маковский М.М. (1982) Английские социальные диалекты : (Онтология, структура, этимология. М.: Высшая школа. 135 с.

Никитина Т.Г. (1998) Так говорит молодежь : Словарь сленга : По материалам 70–90-х годов. – 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Фолио-Пресс. 592 с.

Новикова Т.Ф. (2011) Современные регионолекты : Проблемы статуса и описания // Лінгвістика. Луганськ: Видавництво ЛНУ. №3. Ч.1. С. 17–25.

Перехвальская Е.В. (2008) Русские пиджины. СПб: Алетейя. 363 с.

Ровнова О.Г. (2010) Идеи георусистики глазами диалектолога // Георусистика : Первое приближение / Под ред. А.Н. Рудякова. Симферополь: Антиква. С. 50–68.

Рудяков А.Н. (2016) Георусистика : Русский язык в глобальном мире. М.: Лексрус. 320 с.

Рудяков А.Н. (2020a) Лингвистика и ее «скелеты в шкафу». М.: Азбуковник. 416 с.

Рудяков А.Н. (2020b) О понятийном аппарате и гносеологических основах современной лингвистики : Георусистика, «национальные варианты русского языка», социорусистика // Социолингвистика. № 2 (2). С. 150–167. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-2-2-150-167

Рудяков Н.А. (1993) Поэтика, стилистика художественного произведения. Симферополь: Таврия. 146 с.

Рудяков А.Н. (2012) Язык, или Почему люди говорят : Опыт функционального определения естественного языка. 2-е изд. М.: Флинта; Наука. 158 с.

Сергиева Н.С. (1994) Русский язык в региональном аспекте и проблемы его изучения // Духовная культура : Проблемы и тенденции развития : Тезисы докл. Всерос. науч. конф. «Лингвистическое изучение материальной духовной культуры». Сыктывкар. С. 10–12.

Словарь русских народных говоров (1965–2010) / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М. ; Л. ; СПб.: Наука. Вып. 1-43.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / Под ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.

Степанов Г.В. (2004) К проблеме языкового варьирования : Испанский язык Испании и Америки. 2-е изд., стереотипное. М.: Едиториал УРСС. 328 с. (Языки народов мира).

Филин Ф.П. (1981) Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука. 328 с.

Швейцер А.Д. (2003) Литературный английский язык в США и Англии. 2-е изд, стереотипное. М.: Едиториал УРСС. 200 с.

Шелякин М.А. (2005) Язык и человек : К проблеме мотивированности языковой системы. М.: Флинта; Наука. 296 с.

Языкознание : Большой энциклопедический словарь (2000) / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: БРЭ. 685 с.

Lanovaya, T.V. (2021) Units Reflecting The Geographic And Biological Diversity Of The Region: Linguoculturological Aspect.// II International Conference on Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society – ICEST-II 2021 (Krasnoyarsk – Saint-Petersburg, Russia, May 19-21, 2021). P. 403-411. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.44.

References

Belikov, V.I. (2004) Zadachi social'noj leksikografii [Tasks of social lexicography] // Russkij jazyk : Istoricheskie sud'by i sovremennost' : II Mezhdunar. kongr. issledovatelej rus. jaz. : Trudy i

materialy / Sost. M. L. Remneva, O. V. Dedova, A. A. Polikarpov. M.: Izd-vo MGU. Pp. 181–182. (In Russ.)

Gasparov, B.M. (1996) Jazyk, pamjat', obraz : Lingvistika jazykovogo sushhestvovanija [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence]. M.: NLO. 352 p. (In Russ.)

Gerd, A. S. (1995) Vvedenie v jetnolingvistiku [Introduction to ethnolinguistics] SPb.: Izd-vo SPbGU.. 92 p. (In Russ.)

Korol'kova, O. O. (2014) Osnovnye aspekty izuchenija variantov v sovremennom russkom jazykoznanii [The main aspects of the study of variants in modern Russian linguistics] // Nauchnyj dialog. No. 10 (34): Filologija. Pp. 108–122. (In Russ.)

Koseriu, Je. (2001) Sinhronija, diahronija i istorija : (Problema jazykovogo izmenenija) [Synchrony, diachrony and history : (The problem of language change)]. 2-e izd., stereotipnoe. M.: Editorial URSS. 204 p. (In Russ.)

Makovskij.\, M.M. (1982) Anglijskie social'nye dialekty :(Ontologija, struktura, jetimologija) [English social dialects : (Ontology, structure, etymology)]. M.: Vyssh. shkola. 135 p. (In Russ.)

Nikitina, T.G. (1998) Tak govorit molodezh' : Slovar' slenga. Po materialam 70-90-h godov [So say the youth : Dictionary of slang. Based on the materials of the 70-90s]. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Folio-Press. 592 p. (In Russ.)

Novikova, T.F. (2011) Sovremennye regiolekty : Problemy statusa i opisanija [Modern regiolects: problems of status and description] // Lingvistika. Lugans'k: Vidavnictvo LNU. No. 3. Ch.1. Pp. 17–25. (In Russ.)

Perehval'skaja, E.V. (2008) Russkie pidzhiny [Russian pidgins]. SPb: Aletejja. 363 p. (In Russ.)

Rovnova, O.G. (2010) Idei georusistiki glazami dialektologa [Ideas of georusistica through the eyes of a dialectologist] // Georusistika : Pervoe priblizhenie/ Pod red. A.N. Rudjakova. Simferopol': Antikva. Pp. 50–68. (In Russ.)

Rudjakov, A.N. (2016) Georusistika : Russkij jazyk v global'nom mire [Georusistika : Russian Language in the Global World]. M.: Leksrus. 320 p. (In Russ.)

Rudjakov, A.N. (2020a) Lingvistika i ejo «skelety v shkafu» [Linguistics and its «skeletons in the cupboard»]. M.: Azbukovnik. 416 p. (In Russ.)

Rudjakov, A.N. (2020b) O ponjatijnom apparate i gnoseologicheskih osnovah sovremennoj lingvistiki : Georusistika, «nacional'nye varianty russkogo jazyka», sociorusistika [On the conceptual apparatus and epistemological foundations of modern linguistics : Georusistica, «national variants of the Russian language», socio-Russian studies] // Sociolingvistika. No. 2 (2). Pp. 150–167. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-2-2-150-167 (In Russ.)

Rudjakov, N.A. (1993) Pojetika, stilistika hudozhestvennogo proizvedenija [Poetics, stylistics of a work of art]. Simferopol': Tavrija. 146 p. (In Russ.)

Rudjakov, A.N. (2012) Jazyk, ili Pochemu ljudi govorjat : Opyt funkcional'nogo opredelenija estestvennogo jazyka [Language, or Why People Speak : An Experience of the Functional Definition of Natural Language]. 2-e izd. M.: Flinta ; Nauka. 158 p. (In Russ.)

Sergieva, N.S. (1994) Russkij jazyk v regional'nom aspekte i problemy ego izuchenija [Russian language in the regional aspect and problems of its study] // Duhovnaja kul'tura : Problemy i tendencii razvitija : Tezisy dokl. Vseros. nauch. konf. «Lingvisticheskoe izuchenie material'noj duhovnoj kul'tury». Syktyvkar. Pp. 10–12. (In Russ.)

Slovar' russkih narodnyh govorov (1965-2010) [Dictionary of Russian folk dialects] / Pod red. F.P. Filina, F.P. Sorokoletova. M. ; L.; SPb.: Nauka. Vyp. 1–43. (In Russ.)

Slovar' sociolingvisticheskih terminov (2006) [Dictionary of sociolinguistic terms] / Pod red. V.Ju. Mihal'chenko. M.: Institut jazykoznanija RAN. 312 p. (In Russ.)

Stepanov, G.V. (2004) K probleme jazykovogo var'irovanija : Ispanskij jazyk Ispanii i Ameriki [To the problem of linguistic variation. Spanish of Spain and America]. Izd. 2-e, stereotipnoe. M.: Editorial URSS. 328 p. (Jazyki narodov mira). (In Russ.)

Filin, F.P. (1981) Istoki i sud'by russkogo literaturnogo jazyka [Origins and fate of the Russian literary language]. M.: Nauka. 328 p. (In Russ.)

Shvejcer, A.D. (2003) Literaturnyj anglijskij jazyk v SShA i Anglii [Literary English in the USA and England]. Izd. 2-e, stereotipnoe. M.: Editorial URSS. 200 p. (In Russ.)

Sheljakin, M.A. (2005) Jazyk i chelovek : K probleme motivirovannosti jazykovoj sistemy [Language and Man : On the Problem of the Motivation of the Language System]. M.: Flinta : Nauka. 296 p. (In Russ.)

Jazykoznanie : Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' [Linguistics : Big encyclopedic dictionary] / Gl. red. V.N. Jarceva. 2-e izd. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. 685 p. (In Russ.)

Lanovaya, T.V. (2021) Units Reflecting The Geographic And Biological Diversity Of The Region: Linguoculturological Aspect. // II International Conference on Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society – ICEST-II 2021 (Krasnoyarsk – Saint-Petersburg, Russia, May 19-21, 2021). P. 403-411. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.44.

Дорофеев Юрий Владимирович – доктор филологических наук, доцент, проректор по научной работе, заведующий кафедрой филологии Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования.

Адрес: 295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ленина, 15.

Эл. адрес: yuvld@mail.ru

Для цитирования: *Дорофеев Ю.В.* Вариантность русского языка как необходимое условие его развития [Электронный ресурс] //Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 209–223. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-209-223

For citation: *Dorofeev, Yu.V.* Variation of the Russian language as a necessary condition for its development // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13) [online]. Pp. 209–223. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-209-223

ЗАМЕТКИ ДИСКУССИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА ПО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

NOTES OF THE ANALYTICAL DISCUSSION CLUB ON LANGUAGE POLICY

УДК 81’272 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-224-230

ВОСЕМНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ ДИСКУССИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА ПО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ОБ ОСНОВНЫХ ПОДХОДАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К РЕАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ПЛАНА ДЕЙСТВИЙ ПО ПРОВЕДЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

(Москва, Институт языкознания РАН, 26 мая 2022 г.)

THE EIGHTEENTH MEETING OF THE ANALYTICAL DISCUSSION CLUB ON LANGUAGE POLICY “THE PRINCIPAL APPROACHES OF THE RUSSIAN FEDERATION TO THE IMPLEMENTATION OF THE GLOBAL ACTION PLAN FOR THE INTERNATIONAL DECADE OF INDIGENOUS LANGUAGES”

(Moscow, Institute of Linguistics, RAS, 26 May, 2022)

29 мая 2022 г. в Институте языкознания РАН в онлайн-формате на платформе Zoom прошло восемнадцатое заседание Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике. На заседании с докладом на тему «Об основных подходах Российской Федерации к реализации Глобального плана действий по проведению Международного десятилетия языков коренных народов» выступил начальник Управления государственной политики в сфере межнациональных отношений Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) России *Тимур Гомбожапович Цыбиков*.

Т.Г. Цыбиков рассказал, что решение о проведении десятилетия родных языков во многом было определено успешной реализацией мероприятий в рамках Международного года языков коренных народов в 2019 г. В декабре того же года Генассамблеей ООН была принята резолюция о «Правах коренных народов» и объявлено о Международном десятилетии языков коренных народов (2022–2032). Ответственными за проведение десятилетия выступили различные структуры ООН и ЮНЕСКО.

Так, Глобальная целевая группа от ЮНЕСКО разработала Глобальный план действий по проведению десятилетия, Стратегию мобилизации ресурсов и Глобальную коммуникационную

стратегию. Согласно этим ключевым документам и будет выстраиваться дальнейшая работа в странах-участницах проекта.

Выступающий пояснил, что для разработки Глобального плана действий с ноября 2020 г. по май 2021 г. был проведен опрос среди языковых активистов, ученых, представителей сферы образования и общественных организаций малых народов из разных социокультурных регионов. По результатам опроса была получена 821 анкета с рекомендациями и пожеланиями, которые представлены на сайте ЮНЕСКО.

На заседании по утверждению регламента Глобальной целевой группы остро стоял вопрос перевода документов, протоколов собраний и иной организационной документации на языки стран-участниц. Поднимали этот вопрос коллеги из Испании, хотя данный вопрос является актуальным и для российской стороны. Т.Г. Цыбиков отметил тенденцию к исключению русского языка из оборота в некоторых международных организациях, которую объясняли нехваткой средств. В данном же случае МИД РФ изыскал дополнительные средства для перевода на русский язык всех документов и организационной деятельности Руководящего комитета. Докладчик подчеркнул, что 47 индигенных народов проживают на территории России, и для них языком межнационального общения является именно русский. Немногие из них смогут принимать активное участие в организационной деятельности без сопровождения ее на русском языке.

15–16 марта 2021 г. были проведены региональные консультации для восточноевропейского региона, к которому относится Россия. Для региона были определены три приоритетных тематических направления в рамках проведения десятилетия: образование, цифровизация и культура. Т.Г. Цыбиков также подчеркнул, что Российская Федерация участвовала в консультациях и для арктического социокультурного региона, поскольку он является родиной для ряда малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В рамках региональных консультаций с ЮНЕСКО поднимались проблемы и по иным направлениям: гендерное неравенство; проблемы бедности и голода; и другие проблемы, которые напрямую влияют на носителей коренных языков. Однако для восточноевропейского региона в ходе обсуждений сочли целесообразным оставить в приоритете сферы образования, цифровизации и культуры.

Ключевым принципом декады языков был выбран и одобрен слоган: «Не оставить никого позади, никого в стороне».

Т.Г. Цыбиков отметил, что российской стороной было предложено осуществлять взаимодействие с крупнейшими технологическими корпорациями через структуры ЮНЕСКО. В

частности, с консорциумом Юникод, с корпорацией Майкрософт по вопросам разработки шрифтов для различных языков мира. Предложение было включено в Глобальный план действия.

С 2022 по 2027 гг. организаторы десятилетия ставят перед собой задачу вовлечь в эту работу все заинтересованные стороны, прежде всего правительства стран, общественные организации коренных народов, научные круги; разработать двусторонний донорский финансовый механизм. В 2027 г. будет проведен среднесрочный обзор, по его результатам Глобальный план будет пересматриваться и дополняться с учетом новых реалий.

Т.Г. Цыбиков особенно подчеркнул, что Россия стала первым государством – членом ООН, приступившим к началу реализации Глобального плана.

Так, 20 июля 2021 г. был создан «Национальный организационный комитет по подготовке и проведению в 2022–2032 гг. в Российской Федерации Международного десятилетия языков коренных народов». Национальный план России разрабатывался ФАДН в тесном сотрудничестве со всеми заинтересованными ведомствами, учреждениями, СМИ, от которых были получены рекомендации. Часть их нашла отражение в национальном плане. 9 февраля 2022 г. российское правительство утвердило план основных мероприятий и оргкомитет.

В рамках национального плана России будет вестись работа по подготовке Всемирного атласа языков, решаться задача по поддержке развития языков народов России в информационном цифровом пространстве: разработка мобильных приложений, раскладок шрифтов, пополнение корпусов национальных языков. При формировании плана в сфере науки были учтены предложения Минобрнауки и Российской академии наук. В рамках десятилетия будут проводиться научные исследования и конференции, готовиться и издаваться словари народов России. Особое внимание будет уделено мероприятиям в сфере образования и подготовки педагогических кадров, разработки учебной и учебно-методической литературы и организации целевого обучения лиц из числа коренных малочисленных народов.

Запланирован и ряд мероприятий в сфере культуры и цифровизации. Докладчик пояснил, что данные направления были объединены по причине того, что предложения от Минкультуры и учреждений культуры были связаны, в первую очередь, с оцифровкой письменных памятников, книг и созданием аудиовизуального фонда. Кроме того, в перечень культурных мероприятий включены гастроли национальных театров и государственных коллективов. В сфере книгоиздания и средств массовой информации координирующую роль играет Минцифры, которое оказывает поддержку в издании произведений на национальных языках.

Т.Г. Цыбиков особо подчеркнул, что успех десятилетия будет во многом зависеть и от того, насколько полно и хорошо информация о нем будет доведена до общества. Поэтому работе в этой сфере также отведен специальный раздел плана.

Подводя итог по работе в рамках национального плана десятилетия, докладчик отметил, что в нее вовлечены 9 федеральных органов власти, 16 ведущих научных и образовательных учреждений, общественные организации.

Около четверти всех планов будет реализовываться при участии органов исполнительной власти субъектов РФ.

Ключевым успехом реализации плана будет его локализация, когда помимо общегосударственных национальных планов будут приняты планы на уровне регионов и муниципалитетов. Исходя из получаемой отчетности, будут выявляться эффективные, работающие мероприятия и вноситься актуальные изменения.

Докладчик также сообщил, что общий контроль отчетности предполагается осуществлять следующим образом: ежегодно до 1 марта отчеты от федеральных органов исполнительной власти и организаций будут поступать в ФАДН, которое, в свою очередь, до 1 апреля должно представить сводный доклад Правительству РФ. Один раз в два года страна-участница обязана отправлять отчет по исполнению Глобального плана в ЮНЕСКО.

Основной площадкой для сбора данных ЮНЕСКО определяет многоязычную онлайн-платформу, расположенную по адресу: www.idil2022-2032.org. Она будет действовать и как инструмент продвижения, и как средство для мониторинга. Тимур Гомбожапович призвал участников клуба принять активное участие в работе по наполнению портала новостями, анонсами мероприятий, книгами, а также обязательно регистрировать мероприятия на сайте.

Далее участники клуба перешли к обсуждению доклада. *Анна Воронкова*, лингвист, переводчик с финского языка, уточнила, верно ли, что вопросы бедности, питания, климатических условий и их влияние на коренные народы России не относятся к числу приоритетных. Т.Г. Цыбиков пояснил, что к такому выводу пришло экспертное сообщество. Он подчеркнул, что, несомненно, проблемы голода, гендерного неравенства и прочие неблагоприятные факторы влияют на все народы, а соответственно, и на их языки. Но такого уровня бедности или проблем с питанием, которые фиксируются в некоторых странах Африки, у нас нет. А запрос, который идет от общественных организаций коренных народов, прежде всего связан с проблемой отсутствия или нехватки учебников, возможностью изучения родных языков в детских садах, школах, домах культуры, с проблемами наличия современных мобильных приложений, мультфильмов на национальных языках.

Николай Николаевич Павлов-Халан, саха-активист, спросил, где можно в письменном виде ознакомиться с предложениями, которые вносила Россия, и что из этого учли в Глобальном плане, а что нет. Второй вопрос Н.Н. Павлова-Халана был о программе финансирования региональных изданий на языках, которая осуществляется Минцифры. Т.Г. Цыбиков отметил, что предложения

российская сторона озвучила в устном виде, а Минцифры проводит отбор книгоиздательских проектов и негосударственных СМИ для финансирования на конкурсной основе и, должно быть, представляет информацию на сайте. Важным моментом является то, что Минцифры не выделяет средства государственным учреждениям.

Алексей Яцкевич (НИУ ВШЭ) поинтересовался, какие из запланированных мероприятий, по мнению докладчика, являются наиболее важными именно в деле сохранения языков, а не только вывода информации о них в новостные ленты. Ключевыми Т.Г. Цыбиков назвал мероприятия, связанные с развитием национальных языков в цифровом пространстве. Например, обеспечение раскладками национальных алфавитов позволит людям общаться на родных языках во всех группах, мессенджерах и сетях, где они захотят. В числе важных направлений деятельности он отметил работу над учебной литературой. Коллеги из Минпросвещения создали Федеральный институт родных языков, который в рамках госзадания ведет работу над созданием современных образовательных программ и учебников. Отметил докладчик и важность восстановления системы целевого набора для малочисленных народов с целью подготовки педагогических кадров и развитие финансовых механизмов для поддержки издания художественных произведений на родных языках.

Ольга Анатольевна Казакевич, к.ф.н., заведующая Лабораторией исследования и сохранения малых языков, обратила внимание, что в плане России по проведению десятилетия практически для всех мероприятий определяется условие «в рамках такого-то бюджета». Означает ли это, что специального финансирования не предусмотрено? Тимур Гомбожапович подтвердил, что отчасти это так. Каждый год каждое ведомство подает бюджетные заявки, и определяется тот объем финансирования, который может быть направлен на конкретное мероприятие. Изначально Минфин пропускает те мероприятия, на которые уже есть финансирование. И орган власти может перераспределить бюджет с одного пункта на другой. Такой подход удобен тем, что на мероприятия уже выделены средства, а в дальнейшем можно работать над увеличением финансирования.

Кроме того, О.А. Казакевич прокомментировала вопрос со специальными символами в программе Word для национальных языков. Здесь мнения участников дискуссии разделились. Т.Г. Цыбиков настаивал на том, что лучше, если доступ ко всем символам идет в «одно касание» с клавиатуры. Но точка зрения О.А. Казакевич основывалась на том, что учителя довольно быстро осваивают возможность использовать спецсимволы через «Вставку» или сочетанием клавиш. А значит, проблема преувеличена, и выделенные на нее средства можно было бы использовать с большей пользой. О.А.Казакевич заострила внимание и на том, что

подготовка педагогических кадров и взращивание новых носителей языка с детских садов сделают десятилетие максимально успешным.

Схожее мнение высказал *Артём Федоринчик*, к.ф.н., типолог, преподаватель и переводчик. Он отметил, что главное для языка – чтобы люди на нем говорили. А раскладки, учебники и фестивали выполняют важную, но вспомогательную функцию. Начинать учить детей языку в школе поздновато, поэтому стоило бы больше внимания уделить «созданию» новых носителей с более ранних лет. А. Федоринчик обратился к докладчику с вопросом, есть ли возможность вписать деятельность языковых активистов в повестку мероприятий. Т.Г. Цыбиков заявил, что к сотрудничеству они всегда готовы, открыты. Это и приглашения на соответствующие мероприятия, и определенные меры поддержки для некоммерческих организаций в сфере национальной политики.

По вопросу взращивания новых носителей языка докладчик отметил, что в компетенции государства – создавать больше условий для выбора языка в том или ином образовательном учреждении. Не по всем языкам народов России сегодня утверждены образовательные программы. Создание учебно-методической и учебной литературы включено в план. Однако выбор родного языка для ребенка по-прежнему остается за родителями при наличии необходимых условий в школе.

Сергей Цаплин поинтересовался: если законодательно закрепить изучение языков коренных малочисленных народов, то будут ли созданы программы, написаны учебники, обучены специалисты и введен обязательный порядок их изучения? Ведь сегодня это все осуществляется по остаточному принципу в зависимости от наличия финансирования. Насколько это реализуемо, и есть ли такая необходимость? На это Т.Г. Цыбиков ответил, что принцип универсальности закона не стоит нарушать, вводя обязательное изучение. Так или иначе у родителей ребенка должен быть выбор.

Андрей Александрович Кибрик, д.ф.н., директор Института языкознания РАН, заведующий отделом типологии и ареальной лингвистики и сектором ареальной лингвистики, обратил внимание на некоторые неточности в используемых терминах. Например, на сайте ЮНЕСКО мероприятия объединены под названием декады коренных языков, тогда как в российской традиции продолжают употреблять словосочетание «языки коренных народов». Постановка данных понятий на один уровень усложняет даже задачу идентификации таких языков.

В ходе обсуждений О.А. Казакевич отметила недостаток подхода, когда во главу угла ставится план, который не в полной мере отражает реальную ситуацию. Она привела пример, когда ответственность за обучение языку перекладывается на семью, тогда как в семье родители уже сами могут не говорить на нем. Гораздо легче в рамках реализации плана

провести мероприятие с участием творческих танцевальных коллективов. Но в таком подходе цель расходится с реальностью. Т.Г. Цыбиков ответил, что к решению сложных вопросов требуется подходить комплексно, с учетом вопросов и культуры, и образования, и цифровизации, и совершенствования государственного управления. На вопрос «Какова комплексная цель?» ответил: «Мы сформировали наш национальный план мероприятий исходя из Глобального плана. Никто не должен остаться в стороне и позади. Необходимо создать все условия для того, чтобы языки коренных народов оставались, развивались и жили дальше».

Татьяна Давидюк попросила уточнить, есть ли список народов и языков России, и позволит ли регистрация проекта на сайте десятилетия получить финансирование? Т.Г. Цыбиков отметил, что регистрация проекта на сайте позволит донести информацию до большего числа людей и, возможно, найти того, кто сможет профинансировать. А составление списка языков на своей территории поручено регионам. Свои планы они будут формировать исходя из этих списков.

Подводя итоги, А.А. Кибрик поблагодарил участников клуба и докладчика за весь спектр мнений и намерений, связанных с десятилетием языков. Он отметил, что дискуссия местами была даже острой, что, несомненно, отвечает целям дискуссионного клуба. Ведь именно на таких площадках люди из госструктур и люди от науки, обладающие разными менталитетами, имеют возможность слышать и учатся понимать друг друга.

Существенной проблемой плана, по мнению А.А. Кибрика, является отсутствие специального финансирования. То есть осуществляться, в основном, будет то, что и так было запланировано без декады. Однако положительной стороной предстоящего десятилетия А.А. Кибрик назвал неизбежное привлечение более широкого круга общества к проблеме исчезающих языков.

З.К. Айбазова
Институт языкознания РАН

Айбазова Зухра Казимовна – научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/1.
Эл. адрес: zuhra@iling-ran.ru

Для цитирования: *Айбазова З.К.* Восемнадцатое заседание Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике. Москва, Институт языкознания РАН, 26 мая 2022 г. [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 224–230. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-224-230

For citation: *Aibazova, Z.K.* Eighteenth meeting of the Discussion and analytical club on language policy. Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, May 26, 2022 // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13) [online]. Pp. 224–230. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-224-230

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА
SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-231-235

ЯЗЫК МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ
LANGUAGE OF INTERETHNIC COMMUNICATION

Язык межнационального общения – язык, обеспечивающий языковые контакты между всеми народами в пределах многонационального государства или в какой-то определенной местности, на территории проживания нескольких наций.

Языки межнационального общения – это языки-посредники, которые появились и продолжают появляться в мире в связи с происходящими активными процессами глобализации международных отношений, крепнущими политическими и экономические связями между народами и государствами, расширением научных, культурных, образовательных и личных контактов между гражданами разных национальностей одной страны и разных государств.

В качестве языков межнационального общения часто используются пиджины, креольские языки, лингва франка. Для всех народов одного государства языками межнационального общения, как правило, выступают государственные или официальные языки данного государства, т.е. языки, обеспечивающие языковые контакты между всеми народами в пределах государства или языки, принимаемые некоторым количеством стран и народов в качестве основного средства межнационального общения.

В средневековой Европе, например, в качестве языка-посредника выступала латынь. На латыни создавались художественные произведения, которые составили общеевропейский культурный фонд, писались научные трактаты, составлялись договоры между различными государствами, велось преподавание в университетах.

В современном мире английский язык, являясь одним из самых распространенных мировых и международных языков, в некоторых странах одновременно выполняет и роль языка межнационального общения. Кроме того, в ряде государств функция языка межнационального общения бывает закреплена в конституциях страны или в законах о языках. Это, например, происходит в Индии, где английский язык по конституции страны является официальным языком и одновременно выполняет функцию языка межнационального общения. В Анголе португальский язык имеет статус официального и является одновременно языком межнационального общения.

В Советском Союзе в силу сложившихся исторических причин русский язык был языком межнационального общения. На протяжении своего существования он обогащался заимствованными словами из языков тех народов, с которыми населению страны приходилось исторически общаться (немецкого, французского, английского, нидерландского, иранского, тюркских языков и др.). В СССР русский язык, как язык межнационального общения, был обязательным для изучения. На нем издавались газеты, журналы, проводилось теле- и радиовещание. В конце прошлого века русский язык впервые получил юридический статус в советском законодательстве, в принятом в 1990 г. Законе СССР «О языках народов СССР» (данный закон действовал недолго, до осени 1991 г.), согласно которому русский язык в тех исторических условиях наделялся статусом не государственного, а официального языка: «С учетом исторически сложившихся условий и в целях обеспечения общесоюзных задач русский язык признается на территории СССР официальным языком СССР и используется как средство межнационального общения» (ст. 4, абз. 2) [Языковое законодательство, 2021]. В Советском Союзе некоторые языки союзных или автономных республик на территории этих республик также выволняли роль языков межнационального общения, например узбекский язык для каракалпаков, таджиков, татар и некоторых других народов, проживающих постоянно в Узбекской ССР.

В Российской Федерации именно русский язык является в настоящее время средством межнационального общения народов России и ближнего зарубежья. Одновременно русский язык является государственным языком РФ. Статус государственного языка РФ русский язык получил как родной язык большинства населения государства, как язык межнационального общения народов страны, которым в той или иной степени владеет практически все население России и значительная часть жителей ближнего зарубежья, а также как один из наиболее развитых и обладающих высоким престижем языков мира, признанный одним из официальных и рабочих языков международного сотрудничества.

В России правовой статус языков установлен Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.), Законом РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации», Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ, республиканскими законами о языках и другими нормативными правовыми актами РФ. В результате принятия вышеназванных законодательных актов единственным государственным языком на всей территории России был объявлен русский язык, являющийся основным средством межнационального общения народов России и в соответствии со сложившимися историко-культурными традициями.

В России языками межнационального общения выступают и региональные языки, которые связывают между собой народы, населяющие определенную часть страны. Например, якутский язык давно уже выполняет роль средства межнационального общения для ряда народов Республики Якутия, в некоторых восточных и южных районах Сибири, где проживают эвенки, эвены, юкагиры и отдельные группы русских старожилов. Примером региональных языков межнационального общения является также аварский язык – язык-посредник для ряда народов Дагестана.

Русский язык признан языком межнационального общения и в стрнах СНГ. В 2004 г. Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств был принят Модельный закон «О языках», который наделил русский язык статусом официального языка Содружества Независимых Государств: «Русский язык, традиционно являющийся средством межнационального общения, имеет статус официального языка Содружества Независимых Государств (далее – официальный язык СНГ) в соответствии с законодательством государства-участника СНГ» (ст. 2, п. 3) [Модельный закон, 2004].

В последние годы странами СНГ были прияты официальные документы, посвященные языкам Содружества, важная роль в которых отводилась русскому языку. В частности, в Концепции создания под эгидой Содружества Независимых Государств международной организации по поддержке и продвижению русского языка (Решение Совета глав государств СНГ от 14 октября 2022 г.) сказано: «При этом важным объединяющим фактором государств – участников Содружества было и остается общее культурно-гуманитарное и языковое пространство, в рамках которого сложился оптимальный баланс гармоничного развития языков народов стран Содружества и русского языка, который является рабочим языком СНГ и способствует сохранению тесных культурно-гуманитарных связей, получению доступа всех государств – участников СНГ к огромному пласту информации в области культуры, истории, науки и технологий. В настоящее время русский язык выступает серьезным консолидирующим фактором поддержания дружественных отношений между государствами – участниками СНГ. Предстоящий 2023 год Решением Совета глав государств СНГ от 18 декабря 2020 года объявлен в СНГ Годом русского языка как языка межнационального общения» [Решение СНГ 2020].

Таким образом, в Содружестве Независимых Государств 2023 год объявлен Годом русского языка как языка межнационального общения и разработан масштабный План мероприятий по проведению в СНГ в 2023 г. Года русского языка как языка межнационального общения.

В любом многонациональном государстве ни один народ не может находиться в духовной изоляции. Язык межнационального общения – эффективный инструмент

консолидации общества, разрешения общих политических и экономических проблем, приобщения народов к достижениям мировой и отечественной науки, техники, культуры. Это объективная потребность совместного бытия народов многонациоального государства. Русский язык стал в России языком межнационального общения исторически, в силу фактического признания его таковым всеми многочисленными народами нашего многонационального государства.

Литература

Закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (в ред. федеральных законов от 24.07.98 126-ФЗ <…> от 31.07.2020 № 268-ФЗ).

Закон СССР от 24 апреля 1990 г. «О языках народов СССР» // Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 19.

Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

Модельный закон «О языках» от 4 декабря 2004 года № 24-6. Принят Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ на двадцать четвертом пленарном заседании // Информационный бюллетень № 35 (часть 1) МПА СНГ. СПб., 2004.

Орешкина М.В. (2021) Языковое законодательство // Социолингвистика. № 4 (8). С. 125 – 139.

Решение Совета глав государств СНГ о международной организации по поддержке и продвижению русского языка, создаваемой под эгидой Содружества Независимых Государств от 14 октября 2022 г.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / Отв.ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН.

Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ (в редакции федеральных законов от 02.07.2013 N 185-ФЗ, от 05.05.2014 № 101-ФЗ, от 30.04.2021 № 117-ФЗ)

Язык и общество (2016). Энциклопедия / Гл. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Азбуковник.

Reference

Zakon Rossijskoj Federacii ot 25.10.1991 № 1807-1 «O yazykah narodov Rossijskoj Federacii» (v red. federal'nyh zakonov ot 24.07.98 126-FZ <…> ot 31.07.2020 № 268-FZ).

Zakon SSSR ot 24 aprelya 1990 g. «O yazykah narodov SSSR» // Vedomosti s"ezda narodnyh deputatov SSSR i Verhovnogo Soveta SSSR. 1991, № 19.

Konstitucija Rossijskoj Federacii. Prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmenenijami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovanija 01.07.2020.

Model'nyj zakon «O yazykah» ot 4 dekabrya 2004 goda N 24-6. Prinjat Mezhparlamentskoj Assambleej gosudarstv-uchastnikov SNG na dvadcat' chetvertom plenarnom zasedanii // Informacionnyj byulleten' № 35 (chast' 1) MPA SNG. SPb., 2004.

Oreshkina, M.V. (2021) Jazykovoe zakonodatel'stvo // Sociolingvistika. No. 4 (8). Pp. 125 – 139.

Reshenie Soveta glav gosudarstv SNG o mezhdunarodnoj organizacii po podderzhke i prodvizheniju russkogo jazyka, sozdavaemoj pod egidoj Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv ot 14 oktyabrja 2022 goda.

Slovar' sociolingvisticheskih terminov (2006) / Otv.red. V.YU. Mihal'chenko ; Institut jazykoznanija RAN, Institut inostrannyh jazykov RALN. M.

Federal'nyj zakon «O gosudarstvennom jazyke Rossijskoj Federacii» ot 1 iyunja 2005 g. № 53-FZ (v redakcii federal'nyh zakonov ot 02.07.2013 N 185-FZ, ot 05.05.2014 № 101-FZ, ot 30.04.2021 № 117-FZ)

Yazyk i obshchestvo: Enciklopediya (2016) [Language and society. Encyclopedia] // Gl. red. V.Yu. Mihalchenko. Moscow. [In Russ.].

М.В. Орешкина,

Институт языкознания РАН

Орешкина Мария Васильевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: m.oreshk@yandex.ru

Для цитирования: *Орешкина М.В.* Язык межнационального общения [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. No 1 (13). С. 231–235. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-231-235

For citation: *Oreshkina, M.V.* Language of interethnic communication [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 231–235. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-231-235

УДК 81’272 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-236-239

ПЛЮРИЦЕНТРИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ
PLURICENTRIC LANGUAGES

Плюрицентрические языки используются в нескольких странах или регионах, где имеют достаточно большое влияние, обладают относительно независимой стандартизацией (каждая из стран имеет максимум свои собственные нормы и правила использования, минимум фонетические, лексические и грамматические особенности), а носители языка чувствуют, что это отдельный, но необязательно самостоятельный вариант. В плюрицентрических языках не существует единого стандарта, который бы диктовал правила использования языка для всех стран, говорящих на этом языке. В отличие от моноцентрических языков, которые имеют один центр, где они являются стандартом, плюрицентрические языки имеют несколько центров, где они могут иметь различные варианты и нюансы в использовании [Muhr et al., 2022].

Некоторые языки очень часто исследуются в качестве плюрицентрических (английский, арабский, армянский [Hovannisian, 2004], венгерский [Vančo et al., 2020], испанский [Cruz, Melo-Pfeifer, 2022], китайский [Kaltenegger, 2020], немецкий [Dollinger, 2019], сербскохорватский, французский [Walsh, 2021]), а другие достаточно редко, но и они также иногда возникают в описаниях как вариативные. Изменения в языках происходят под влиянием различных обстоятельств [Schneider, Barron, 2008]. В сущности, таковым может быть любой язык, которым пользуется диаспоральное сообщество, т. е. эмигрантский язык, и встает вопрос о его преподавании (см., например: [Norrby et al., 2020; Nielsen, 2017]).

Хотя русский язык давно существует на всех континентах и в иноязычном окружении, парадигма плюрицентричности стала применяться к нему сравнительно недавно [Mustajoki et al., 2020; 2021]. Некоторые регионы употребления русского языка известны давно, другие стали такими недавно [Protassova et al., 2021a,b].

Среди характеристик, исследуемых в плюрицентрических языках, можно назвать обращение к адресату сообщения [Formentelli, Hajek, 2016], местные реалии, социокогнитивные измерения и контактные явления [Soares da Silva, 2014], способы приветствия [Nilsson et al., 2018], восприятие и распознавание оттенков произношения [Pucher et al., 2022], установки по отношению к разновидностям языка [Leonardi, 2021].

Представители некоторых вариантов языка стремятся повысить свой статус и требуют стандартизации [Méndez-G[a] de Paredes, Amorós-Negre, 2019; Scharloth, 2005]. Сегодня существуют методы автоматического распознавания акцента, позволяющие определить, к

какому именно подтипу плюрицентрического языка относится произношение на аудиозаписи (например, для нидерландского см.: [Wei et al., 2022]).

Высказывается мнение, что преподавание плюрицентрического языка имеет свои сложности: стоит ли преподавать именно тот вариант, который существует в окружении, или какой-то более классический, а если второе, то какую «норму» взять за образец и как ее подавать – вариативно или нет? Эти вопросы встают особенно остро, когда решаются, скажем, судебные дела, где расхождение в терминах чревато серьезными ошибками (см., например: [Cillia de, Ransmayr, 2019; Tessuto, 2020; Xie, 2014]). Глобальный, или интернациональный, английский может преподаваться как международный лингва франка, во всяком случае, он обязателен в программах подготовки учителей [Rose et al., 2020]. Так, в Германии уже существуют программы, в которых вариативность английского языка входит в формирование представлений студентов о языковых разновидностях [Callies, Hehner, 2023]. О преподавании русского языка в изменяющихся условиях в сравнении с английским заявлено в статье [Yelenevskaya, Protassova, 2021].

Литература

Callies, M., Hehner, S. (Eds.) (2023) Pluricentric Languages and Language Education : Pedagogical Implications and Innovative Approaches to Language Teaching. London: Routledge. 241 p.

Cruz, M.D., Melo-Pfeifer, S. (2022) The pluricentricity of Spanish : Origin, pedagogical issues, and its appearance in course books in Germany and Portugal // The International Journal of Literacies. 29 (1), 43–65. DOI:10.18848/2327-0136/CGP/v29i01/43-65

Cillia de, R., Ransmayr, J. (2019) Österreichisches Deutsch macht Schule : Bildung und Deutschunterricht im Spannungsfeld von sprachlicher Variation und Norm. Wien: Böhlau, 266 p.

Dollinger, S. (2019) The Pluricentricity Debate : On Austrian German and other Germanic Standard Varieties (Routledge Focus). Abingdon: Routledge. 137 p.

Formentelli, M., Hajek, J. (2016) Address practices in academic interactions in a pluricentric language: Australian English, American English, and British English // Pragmatics. 26 (4). Pp. 631–652. DOI:10.1075/prag.26.4.05for

Hovannisian, R. G. (Ed.) (2004) The Armenian People from Ancient to Modern Times. N.Y.: St. Martin's Press. 372 p.

Kaltenegger, S. (2020) Modelling Chinese as a pluricentric language // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1–12. DOI:10.1080/01434632.2020.1810256

Leonardi, M.M.V. (2021) Attitudes of South Tyrolean University students towards German varieties // Languages. 6 (137). 1–16. DOI:10.3390/languages6030137

Méndez-G[a] de Paredes, E., Amorós-Negre, C. (2019) The status of Andalusian in the Spanish-speaking world : Is it currently possible for Andalusia to have its own linguistic standardization process? // Current Issues in Language Planning. 20 (2). Pp. 179–198, DOI:10.1080/14664208.2018.1495369

Muhr, R., De Ridder, R., Edelmann, G., Ghosh, A. (Eds.) (2022) Pluricentric Languages in Different Theoretical and Educational Contexts. Graz: PCL-Press. 160 p.

Mustajoki, A., Protassova, E., Yelenevskaya, M. (2021) Centrifugal and Centripetal Forces Driving Russian Language Norms // Quaestio Rossica. 9 (2). 715–732. DOI:10.15826/qr.2021.2.605.

Mustajoki, A., Protassova, E., Yelenevskaya, M. (Eds.) (2020) The Soft Power of the Russian Language : Pluricentricity, Potitics and Policies. L.: Routledge. 278 p.

Nielsen, L.H. (2017) "Arabic-as-resource" or "Arabic-as-problem"? : Arab heritage language learners in Danish Postsecondary education // Kagan, O., Carreira, M., Chick, C.H. (Eds.) The Routledge Handbook of Heritage Language Education : From Innovation to Program Building. L.: Routledge.Pp. 363–378. DOI:10.4324/9781315727974

Nilsson, J., Norrthon, S., Lindström, J., Wide, C. (2018) Greetings as social action in Finland Swedish and Sweden Swedish service encounters – a pluricentric perspective // Intercultural Pragmatics. 15 (1). Pp. 57–88. //

Norrby, C., Lindström, J., Nilsson, J., Wide, C. (2020) Pluricentric languages // J.-O. Östman, J. Verschueren (Eds.) Handbook of Pragmatics. 23. Amsterdam: Benjamins. Pp. 201–220.

Protassova, E., Suryanarayan, N., Yelenevskaya, M. (2021a) Russian in the multilingual environment of three Asian countries // Russian Journal of Linguistics. 25 (4). Pp. 981–1003.

Protassova, E., Yelenevskaya, M., Virkkula, J. (2021b) Old and new homes of the Russian language in Europe // Szvák, Gyula (Ed.) RussianStudies. 2020. Budapest: Alapítvány az Orosz Nyelvért és Kultúráért. 243–270. DOI:10.38210/RUSTUDH.2020.2.g.1

Pucher, M., Kranawetter, K., Reinisch, E., Koppensteiner, W., Lenz, A. (2022) Perceptual effects of interpolated Austrian and German standard varieties // Speech Communication. 141. Pp. 107–120.

Rose, H., Syrbe, M., Montakantiwong, A., Funada, N. (2020) Global TESOL for the 21st Century : Teaching English in a Changing World. Bristol: Multilingual Matters.

Scharloth, J. (2005) Asymmetrische Plurizentrizität und Sprachbewusstsein : Einstellungen der Deutschschweizer zum Standarddeutschen // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 33. 2/3. 236–267.

Schneider, K.P., Barron, A. (Eds.) (2008) Variational pragmatics : A focus on regional varieties in pluricentric languages. Amsterdam: Benjamins, 385 p.

Soares da Silva, A. (Ed.) (2014) Pluricentricity : Language Variation and Sociocognitive Dimensions. B.: De Gruyter. 277 p.

Tessuto, G. (2020) Nationalising English legal language pedagogy in L2 genre-based writing : Legal problem question in the UK loci of law : Implications and challenges for the pluricentricity of a legal English pedagogy. Iscrizione nel Registro della Stampa del Tribunale di Verona, 1399. Pp. 1–16.

Vančo, I., Muhr, R., Kozmács, I., Huber, M. (Eds.) (2020) Hungarian as a Pluricentric Language in Language and Literature. B.: Lang Verlag. 290 p.

Walsh, O. (2021) The French language : Monocentric or pluricentric? :Standard language ideology and attitudes towards the French language in twentieth-century language columns in Quebec // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 42(9) Pp. 869–881, DOI:10.1080/01434632.2020.1839085

Wei, X., Cucchiarini, C., van Hout, R., Strik, H. (2022) Automatic Speech Recognition and Pronunciation Error Detection of Dutch Non-native Speech : Cumulating speech resources in a pluricentric language // Speech Communication. 144 Pp. 1–9.

Xie, J. (2014) Challenges and opportunities for the pluricentric approach in ESL/EFL teaching // English Today. 118. 30 (2). Pp. 43–50. DOI:10.1017/S0266078414000121

Yelenevskaya, M., Protassova, E. (2021) Teaching languages in multicultural surroundings : New tendencies // Russian Journal of Linguistics. 25 (2). Pp. 546–568. DOI:10.22363/2687-0088-2021-25-2-546-568

Екатерина Протасова

Финляндия

Мария Николаевна Еленевская

Израиль

Екатерина Протасова – доктор педагогических наук, доцент.
Адрес: 00660, Финляндия, Хельсинки, Леполанти, 91 А3.
Эл. адрес: ekaterina.protassova@helsinki.fi
Мария Николаевна Еленевская – кандидат филологических наук.
Адрес: 3448335, Израиль, г. Хайфа, Сдерот ха-Брошим 15-15.
Эл. адрес: ymaria@technion.ac.il

Для цитирования: *Протасова Е., Еленевская М.Н.* Плюрицентрические языки [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 236–239. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-236-239

For citation: *Protasova, E, Elenevskaya, M. N.* Pluricentric languages [Electronic resource] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 236–239. (in Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-236-239

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ
CRITICS AND REVIEWS

УДК 81’272 DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-240-245

Рецензия

Надеина Т.М. Социолингвистика : Хрестоматия : Уч. пособие / Мос. гос. юридический ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М.: Норма, 2023. – 30,5 л. – 100 экз.

Актуальность рецензируемого издания обусловлена тем, что оно относится к востребованному жанру как научной, так и научно-педагогической литературы, поскольку хрестоматии используются не только учащимися как учебное пособие, но и специалистами в качестве справочного материала. В предисловии к Хрестоматии заявлено, что данное учебное пособие «предназначено для студентов, обучающихся по направлению 40.05.03 «Судебная экспертиза» (уровень специалитета) со специализацией «Речеведческие экспертизы», в основную образовательную программу которого входит дисциплина «социолингвистика» (С. 8).

Отметим, что общей причиной обращения к данной тематике является та роль, которую социолингвистика играет в современном обществе как в сфере науки, так и в сфере обучения. Социолингвистические знания имеют не только теоретическое, но и прикладное значение и могут использоваться в различных областях практической деятельности, в частности в юридической сфере («юридическая лингвистика», языковая экспертиза), в сфере правоприменения.

Цель данного издания – ознакомить читателя с основными работами социолингвистического характера, с социолингвистическими подходами к изучению языка как средства коммуникации. В практическом отношении полученные знания должны помочь при интерпретации речевого поведения говорящих: в разных коммуникативных сферах и ситуациях общения (как бытового, неофициального, нерегулируемого, так и общения профессионального, официального, регулируемого), с различными психологическими установками, при которых и речевое поведение говорящих будет отличаться. Эти различия соотносятся с важными маркерами, коррелирующими с социальным, культурным, этническим статусом говорящего, что может быть использовано во многих сферах практической деятельности, в том числе юридической.

Выбор работ, представленных в книге, соответствует целям, обозначенным составителем. Хрестоматия знакомит читателей со значимыми исследованиями в отечественной и отчасти зарубежной социолингвистике, с предметом, методами исследования, основными темами и разделами данной науки.

Структура книги является продуманной и последовательно вводит читателей в круг общей социолингвистической тематики и тех вопросов, знакомство с которыми необходимо для освоения специальности (речеведение, речеведческие экспертизы), что и определяется в Предисловии как цель издания.

Хрестоматия состоит из следующих частей-разделов: Предмет социолингвистики (Часть 1), Язык и общество (Часть 2), Социально-коммуникативная система (Часть 3), Социальная дифференциация языка (Часть 4), Методы социолингвистических исследований (Часть 5), Языковая политика (Часть 6), Краткий обзор российских и зарубежных исследований в области социолингвистики 2000–2021 гг. (Часть 7). Включенные в Хрестоматию тексты сопровождаются контрольными вопросами и заданиями, с тем чтобы учащиеся могли продемонстрировать уровень усвоенных ими знаний.

Завершает книгу достаточно обширный список социолингвистической литературы.

В качестве обучающего материала в частях 1–6 Хрестоматии использованы работы следующих авторов:

Алпатов В.М. Социолингвистика и другие лингвистические дисциплины // Социолингвистика. 2020. № 1.

Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика : Уч. пособие. М., 1987.

Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка : Уч. пособие. СПб., 2004.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002.

Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое : Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.

Крысин Л.П. Язык социального статуса. М., 2002.

Лабов У.. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Вып.VII. Социолингвистика. М, 1975.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию : Избр. работы. М., 1968.

Селищев А.М. Язык революционной эпохи : Из наблюдений над русским языком прошедших лет (1917–1926). М., 1928.

Швейцер А.Д., Никольский Л.Б.. Введение в социолингвистику : Для институтов и факультетов иностранных языков. М., 1978.

Труды этих авторов входят в число наиболее авторитетных, значимых в социальной лингвистике, знакомство с которыми дает представление о проблематике социальной лингвистики, о ее методах.

В Части 1 Хрестоматии (Предмет социолингвистики) составителем представлены избранные места из трудов А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского, У. Лабова, В.Д. Бондалетова, В.М. Алпатова. Материал в разделе подобран таким образом, чтобы ознакомить читателя с различными точками зрения на предмет социальной лингвистики, отразить изменения в представлениях о предмете, целях исследований в данной науке, получить знания о соотношении социальной лингвистики с другими научными дисциплинами.

В Части 2 (Язык и общество) использованы труды Е.Д. Поливанова, А.М. Селищева. Основное внимание в данном разделе уделяется таким проблемам, как фонетические признаки социально-групповых диалектов, возникающие в результате воздействия различных социальных условий общения, дается описание общих особенностей языка революционного времени, в частности, появление социально обусловленных языковых инноваций в рабочей среде. Таким образом, материал раздела преследует двойную цель: с одной стороны, обращаясь к трудам Е.Д. Поливанова и А.М. Селищева, читатель приобретает знания о социально обусловленных языковых процессах революционной и постреволюционной эпохи, с другой – знакомится с методами социолингвистических исследований, которые разрабатывались и применялись в работах классиков отечественной социолингвистики на данном этапе становления науки и при этом не потеряли своего значения и в настоящее время.

В Части 3 (Социально-коммуникативная система) на примере труда А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского, в котором описываются разные типы языковых коллективов, типы языковых общностей, дается представление о социально-коммуникативной системе, сферах использования языка, описывается стратификационная и ситуативная вариативность языка; рассматриваются понятия социолингвистических переменных и переключения кодов, ролевые отношения, наблюдаемые у говорящих в процессе общения. Особое внимание уделяется функционированию социально-коммуникативных систем в различных языковых ситуациях и образованию функциональных типов языка в процессе общения. Как и в других разделах Хрестоматии, составителем подобран дидактический материал, который не только знакомит с важными понятиями социолингвистики, но и учит анализировать «особенности речевого поведения в зависимости от коммуникативной ситуации… выявлять в речи социальные индикаторы и маркеры» (С. 8).

В Части 4 (Социальная дифференциация языка) использованы работы Л.П. Крысина (2002, 2004), В.Д. Бондалетова, В.И. Карасика. Основной целью данного раздела является

ознакомление читателя с различными видами территориальной и социальной дифференциации языка: территориальные диалекты, социальные диалекты, просторечие, виды жаргонов, разновидности смешанных языков (пиджины и креольские языки). В этом же разделе с точки зрения социолингвистики рассматриваются различные аспекты социального статуса говорящих и связанных с этими аспектами приемов социальной идентификации речи. Очевидно, что последнее имеет также практическое значение, поскольку показывает возможности использования социолингвистики при интерпретации речевого материала.

Часть 6 (Языковая политика) основана на работах А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского, а также Н.Б. Вахтина и Е.В. Головко. Языковая политика является тем экстралингвистическим фактором, который во многом определяет особенности функционирования языков в стране, фактором, формирующим тот или иной тип языковой ситуации в регионе, тип социально-коммуникативной системы, функциональное распределение языков, языковых подсистем. Трудно переоценить роль языковой политики, которую она может играть в нейтрализации противоречий в языковой сфере и в предотвращении языковых конфликтов. Умение «ориентироваться в политических и социальных вопросах, в языковой ситуации» (С. 8), понимание основ, целей, возможностей языковой политики и способов ее реализации, по справедливому мнению составителя, входит в профессиональную компетенцию представителей всех юридических специальностей, и, таким образом, включение данного раздела в Хрестоматию относится к числу достоинств книги.

Заключительный раздел (Часть 7) Хрестоматии представляет собой Краткий обзор социолингвистических исследований, в котором даются сведения об основных этапах развития социальной лингвистики, о наиболее известных социолингвистических школах (петербургской, московской, пермской, уфимской), что, безусловно, помогает формированию представлений о развитии данной науки в стране. Кроме того, в этом разделе дается обоснование включения в книгу в качестве основных таких тем, как язык и общество, языковая ситуация, языковая (коммуникативная) ситуация, социальная стратификация языка, формы существования языка (территориальные диалекты, просторечие, разговорно-обиходная речь, жаргоны), социальная маркированность языковых единиц, речевой портрет; в этот раздел включен также краткий обзор социолингвистических работ зарубежных авторов. В целом материал данного раздела поможет обучающимся структурировать знания, полученные в результате изучения предыдущих разделов книги.

Заключает Хрестоматию достаточно обширный список социолингвистической литературы.

Выскажем пожелание, чтобы при последующем издании в Обзор и в список литературы были включены такие важнейшие для социолингвистики издания, как фундаментальный труд «Язык и общество. Энциклопедия» (Отв.ред. В.Ю. Михальченко. М., 2016. 1058 с.); «Словарь социолингвистических терминов» (М., 2006. 315 с.); М.И. Исаев «Словарь этнолингвистических понятий и терминов» (М., 2001). Трудно переоценить значение энциклопедий и специальных научных словарей как в сфере науки, так и в образовательном процессе. В последнем случае они могут значительно облегчить освоение учащимися научной информации, основных понятий и важных тем социолингвистики в их взаимосвязи.

Отмеченные недочеты не отменяют в целом положительной оценки Хрестоматии как добросовестно выполненного и полезного труда. В данном издании представлен достаточно широкий круг работ, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Можно констатировать, что выбор отобранных для Хрестоматии социолингвистических работ соответствует задачам, поставленным составителем. Отбор и расположение материала в Хрестоматии продуманы и имеют своей целью дать студентам-юристам общее представление о социальной лингвистике, ее предмете, позволяют ознакомиться с понятийным аппаратом науки и методами исследования и интерпретации многих языковых явлений. Таким образом, заявленную составителем задачу – «сформировать у обучающихся общее представление о тематике социолингвистических исследований… и обозначить их основные результаты, которые могут быть использованы в практических целях, стоящих… перед юридической лингвистикой» (С. 414) – можно считать выполненной.

Отметим также, что данное издание могут использовать не только студенты юридических или иных вузов, но и специалисты, относящиеся к различным научным направлениям: социологи, психологи, юристы, специалисты в области речевой коммуникации – для которых Хрестоматия может оказаться удобным «подручным» справочным материалом. Хрестоматия является нужным, полезным изданием и, несомненно, может быть востребована широкой читательской аудиторией.

Н.Г. Колесник

Институт языкознания РАН

Колесник Наталия Григорьевна – научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/1.
Эл. адрес: nkol373@yandex.ru

Для цитирования: *Колесник Н.Г.* [Рецензия] Надеина Т.М. Социолингвистика : Хрестоматия : Уч.пособие М.: Норма, 2023 [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 240–245. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-240-245

For citation: *Kolesnik, N.G.* [Review] Nadeina T.M. Sociolinguistics : Textbook : Study guide. M.: Norma, 2023 [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 1 (13). Pp. 240–245. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-240-245

ТРЕБОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «СОЦИОЛИНГВИСТИКА»

Основные требования

1. Материалы представляются в электронном формате статьи.

2. Обязательно наличие сопроводительных документов:

2.1. Сведения об авторе статьи в отдельном файле (на отдельной странице), включающих фамилию, имя, отчество полностью, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес организации, контактный телефон, e-mail). Сведения представляются на русском и английском языках.

2.2. Аспирантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Требования к оформлению статей

1. Минимальный объем статьи – 0,8 п.л. (32 000 знаков с пробелами), максимальный объем статьи – 1 п.л. (40 000 с пробелами).

2. В статье должны содержаться следующие элементы издательского оформления:

✓ Индексы УДК и ББК.

✓ Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках).

✓ Фамилия, имя, отчество автора; ученое звание, ученая степень; должность и место работы (на русском и английском языках); адрес электронной почты.

✓ Аннотация на русском и английском языках.

✓ 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой) (на русском и английском языках).

✓ Текст статьи.

✓ Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с действующим ГОСТом, и на английском языке, оформленный в соответствии с правилами, принятыми в журнале (References).

✓ При необходимости – примечания, приложения, иллюстрации.

Требования к заглавиям статей

– Заглавия научных статей должны быть информативными.

– В заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения.

– В переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитерации с русского языка (кроме непереводимых названий собственных имен, приборов и др. объектов, имеющих собственные названия). Это требование распространяется на авторские аннотации и список ключевых слов.

Требования к оформлению сведений об авторе

– Указание фамилии, имени, отчества автора (авторов) кириллическим и латинским шрифтами. На латиницу фамилия, имя и отчество автора переводятся через систему транслитерации. Рекомендуем использовать систему на сайте http://www.translit.ru.

– Указание ученого звания и ученой степени на русском и английском языках.

– Предоставление данных о должности и месте работы с указанием адреса организации и электронной почты автора. Все адресные сведения, кроме наименования улицы, должны быть представлены на английском языке. Наименование улицы транслитерируется.

Образец

Иванов Иван Иванович − доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН

socioling@mail.ru

Большой Кисловский пер., 1/1, 125009, г. Москва, Российская Федерация

Ivanov Ivan Ivanovich − Doctor of Philology, Professor, Senior researcher of the Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences

socioling@mail.ru

Bolshoy Kislovsky per. 1/1, 125009 Moscow, Russian Federation

Требования к аннотации

В аннотации не должно быть общих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Она должна отражать существенное содержание и результаты работы, быть лаконичной (150–160 слов), свободной от второстепенной информации, структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

Требования к оформлению списка ключевых слов

Список ключевых слов на русском и английском языках состоит из 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой).

Требования к тексту статьи

Текст статьи представляется в электронном формате на русском или на английском языке в соответствии с требованиями к авторским оригиналам.

Текст статьи необходимо структурировать. Структурирование подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: ***Введение***, ***Методика***, ***Результаты и обсуждение***, ***Выводы***.

Требования к авторским оригиналам в электронном формате

– Материал должен быть представлен в формате Microsoft Word (2000–2007) с расширением *.rtf.

– Шрифт Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал – 1,5.

– Поля страницы – по 2 см с каждой стороны.

– Имя файла должно быть набрано латиницей и содержать фамилию автора (например: Ivanova.rtf).

Требования к оформлению текста

– Шрифт гарнитуры Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе древнерусских, церковнославянских, греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно прислать в электронном письме вместе с файлом статьи.

– Строки внутри одного абзаца не должны переводиться вручную («мягкий» ввод, пробелы, табуляции и пр.).

– Использование разрядки как способа выделения не допускается.

– Переносы не допускаются.

Требования к оформлению библиографических ссылок

Внутритекстовые ссылки на ***пристатейный список литературы*** приводятся ***в квадратных скобках***, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Виноградов, 2017: 47] или [Виноградов, 2017: 47–48].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Иванов, 1987: 83; Петров, 1995: 213–218]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Виноградов, 1984; Виноградов, 1997].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Звягинцев, 2010а; Звягинцев, 2010б].

Если авторов два или три, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае использования русскоязычного источника, «et al.» – в случае использования источника на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Национальные языки..., 1994].

Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке ***в круглых скобках*** приводится сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: (РПНГ, т. 8, с. 75) или (ОГРГС, с. 7) (***при этом сокращения должны быть указаны в списке источников***).

Оформление списка литературы

Пристатейный список литературы, озаглавленный как **ЛИТЕРАТУРА**, не нумеруется и составляется ***в алфавитном порядке***. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.1-2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. ***Если описываемая публикация имеет DOI, его указание обязательно.***

В списке сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке, затем – работ на иностранных языках. Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с отечественной и зарубежной научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 10 позиций. Не допускаются ссылки на анонимные источники (например, Wikipedia). Источники и словари

оформляются отдельным списком по алфавиту (с указанием принятых сокращений) в соответствии с требованиями, которые предъявляются к оформлению списка литературы.

Источник в списке литературы должен быть оформлен в следующем порядке:

– ФИО автора;

– год издания работы в скобках (только цифры);

– заглавие работы;

– название журнала или сборника курсивом (если это статья из журнала или сборника материалов), без кавычек;

– выходные данные, исключая год: для журнала – номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции – город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются данные ответственного редактора, название издательства, общее количество страниц.

Если даются ссылки на работы одного автора, которые изданы в один год, то используются буквенные индексы (a, b, c и т. д.). Например: 2014a, 2014b.

При оформлении интернет-источника (научного, индексируемого) в списке литературы указываются: автор (если есть), год публикации (если указано), название статьи, указание на электронную форму публикации – [Электронный ресурс], полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (Режим доступа:), дата обращения.

Примеры описания

Статья из журнала

Биткеева А.Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы // Вопросы филологии. № 1 (61). С. 31–37.

Материалы конференции

Михальченко В.Ю. (2018) Национально-языковая политика и языковые конфликты. Лингвостра-новедение: методы анализа, технология обучения // Сборник материалов научного семинара. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения. М.: МГИМО. С. 12–13.

Книга (монография, сборник)

Михальченко В.Ю. (1984) Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс: Мокслас. 224 с.

Языковая политика в контексте современных языковых процессов (2015) / Отв. ред. А.Н. Биткеева. М.: Азбуковник. 471 с.

Интернет-ресурс

Жукоцкая А.В. (2009) Феномен идеологии. Режим доступа: http://service.ebooksearch.webfactional.com/en. Дата обращения: 12.11.2019.

Образец оформления в REFERENCES

Пристатейный список литературы в латинском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES,** составляется ***в порядке полностью идентичном Списку литературы.*** References помещается после списка литературы.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

– Авторы (имена не транслитерируются), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация)/название источника на другом языке (в оригинале) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

Для журналов, издающихся на русском и английском языках, ссылка дается на английскую версию журнала.

Образец

Author, A.A., Author, B.B., Author, C.C. Транслитерированное название публикации [Перевод названия на английский язык] // Транслитерированное название журнала, 2019. Vol. 7. No. 2. Pp. 34–40.

Для транслитерации рекомендуем использовать систему на сайте http://www.translit.ru

Примеры описания

Статья из журнала

Bitkeeva, Aysa. N., Wingender, Monika, Mikhalchenko, VidaYu. (2009) Prognozirovanie i iazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskii aspect [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 2. Iazykoznanie. Pp. 6–23. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1.

Статья из электронного журнала

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Tuvans beyond the Sayan Mountains: way of living, values and ideals] // The New Research of Tuva. No. 3 [online]. Available at: https://nit. tuva.asia/nit/article/view/138. Access date: 01.11.2019. (In Russ.)

Материалы конференции

Golovko, E.V. (2016) Sovremennaia iazykovaia politika i problema sokhraneniia iazykovogo i kul'turnogo raznoobraziia v Rossiiskoi Federatsii [Present-day language policy and problem of preservation of language and cultural diversity in the Russian Federation] // Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Sohranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennyh narodov Sibiri". Abakan. Pp. 9–12. (In Russ.)

Здесь приведено полное описание конференции вместе с транслитерированным и переведенным на английский язык названием статьи. Основная часть (кроме авторов) включает: название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет ее английского названия). Выходные данные (место проведения конференции, место издания, обозначение страниц) должны быть представлены на английском языке.

Книга (монография, сборник)

Borgoyakova, T.G. (2002) Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri [Sociolinguistic processes in the republics of the South Siberia]. Abakan: Khakass State University Press. 166 p. (In Russ.)

Yazykovaya politika v kontekste sovremennyh yazykovyh processov [Language policy in the context of present-day language processes] / Ed. by A.N. Bitkeeva. Moscow, 2015. 471 p. (In Russ.)

Интернет-ресурс

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov [Rules for the Citing of Sources]. Available at: http://www.scribd. com/ doc/1034528/. Access date: 07.02.2011. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | SCIENTIFIC JOURNAL

СОЦИОЛИНГВИСТИКА | SOCIOLINGVISTIKA

№ 1 (13)

2023

Главные редакторы | Editors-in-chief

В.М. Алпатов* | *Vladimir M. Alpatov
(академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

А.Н. Биткеева* | *Aysa N. Bitkeeva
(д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (DSc in Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Редактор | Editor
В.И. Меркулова | *V.I. Merculova*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Редактор английских текстов *С.В. Кириленко* | Translation into English *S.V.Kirilenko*

Компьютерная верстка | Desktop publishing
О.С. Корявкина | *O.S. Koryavkina*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Дата выхода: 07.07.2023 | Published 07.07.2023
Формат 60x84/8. Усл. Печ. л. 31.37 | Format 60x84/8. Printed sheets 31.37

Учредители, редакция, издатели:
Институт языкознания Российской академии наук, 2020
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2020
Founders, editors, publishers:
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020
Oryol State University named after I.S. Turgenev, 2020

Адрес редакции: 125009 Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. 1/1

Editorial address: 125009 Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1